

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**
**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ.
ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Гончаров Николай Сергеевич

**ПРАКТИКИ И СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА И РЕСУРСОВ
ПОЛИЭТНИЧНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ СЕВЕРНОЙ ЯКУТИИ (XVII–XXI ВВ.)**

Специальность 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат социологических
наук, PhD
Давыдов Владимир
Николаевич

Санкт-Петербург

2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Освоение пространства северной Якутии и взаимодействие локальных сообществ в XVII–XX вв.	34
1.1 Географическая характеристика региона.....	34
1.2 Хозяйственные стратегии освоения локальных ресурсов коренными жителями Якутии ..	36
1.3.1 Вхождение Якутии в состав Российского государства и материальная культура русского старожильского населения.....	46
1.3.2 Динамика межэтнических отношений и трансформация материальной культуры населения региона	53
1.4 Эпоха советской модернизации	61
1.5 Актуализация ресурсов этничности в постсоветский период.....	75
Глава 2. Подвижная материальная среда северной Якутии	83
2.1 Общая характеристика пространства жизнедеятельности населения изучаемых районов в начале XXI в.	83
2.2 Дефицит ресурсов и пространство риска	91
2.3 Экологические аспекты нестабильности окружающей среды.....	96
2.3.1 Вода.....	96
2.3.2 Земля	103
2.3.3 Воздух	109
2.4 Мобильность и ресурсы в контексте меняющегося пространства	118
Глава 3. Практики использования ресурсов	125
3.1 Инфраструктура в локальном масштабе	125
3.1.1 Повседневные практики использования и отладки инфраструктурных объектов	133
3.1.2 Действия в условиях региональных инфраструктур.....	137
3.2 Полифункциональные вещи и ресурсы	140
3.4 Практики концентрации и распределения ресурсов в ландшафте	154
Глава 4. Масштабы и структура комплексов практической деятельности.....	165
4.1 Многоуровневая адаптация к динамичной окружающей среде	165

4.2 Способы формирования связей в практиках	172
4.3 Контексты взаимодействия людей и материальных объектов.....	177
4.4 Отношения людей и животных в процессе освоения пространства	184
4.5 Нематериальные факторы связи компонентов жизнеобеспечения	190
Заключение.....	206
Список источников и литературы.....	210
Список сокращений.....	250
Приложение.....	252

Введение

Фокус и актуальность исследования

Диссертационное исследование посвящено анализу освоения пространства северной Якутии локальными группами эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей, якутов и русских. В центре проблемного поля находится материальная среда перечисленных сообществ, под которой понимается совокупность материальных объектов как антропогенного, так и природного происхождения, участвующих в жизнеобеспечении людей. Для раскрытия изучаемой темы были выбраны три арктических района Якутии: Жиганский, Аллаиховский и Нижнеколымский. Помимо ресурсов промышленных предприятий, значительную роль в повседневности местных жителей играют ресурсы локальной хозяйственной деятельности: оленеводства, рыболовства, охоты, поиска мамонтовой кости и собирательства. Эти занятия связаны с соответствующими навыками, способами использования материальных объектов и пространства; в них сохраняются и изменяются традиционные знания и мировоззрение, которые часто вызывают интерес исследователей и становятся причиной рефлексии местных жителей (Филиппова и др. 2020). Хозяйственные занятия жителей Арктики не закрыты в себе: они динамичны, претерпевают изменения, корректируются в соответствии с трансформациями окружающих условий (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018; Nastrup 2009). Система жизнеобеспечения населения заполярной Якутии в XXI в. выходит далеко за пределы «традиционного» списка практик и предполагает насыщенные связи людей с внешними регионами, современными технологиями и экономическими стратегиями (Баишева и др. 2012).

Существенным фактором, оказывающим все большее воздействие на повседневность жителей региона в последние десятилетия, является потепление климата (Григорьев 2022; Takakura et al. 2021). Его влияние особенно заметно в арктических труднодоступных районах республики и требует анализа. Помимо этого, разрушение инфраструктурных и жилых объектов, трансформации паттернов мобильности людей и ресурсов в постсоветский период, обусловленные упадком прежних социально-экономических условий, а также процессы глобализации привели к необходимости поиска новых стратегий адаптации местных жителей к изменившимся реалиям, которые до сих пор не были концептуализированы. В рассматриваемых районах на момент проведения полевых исследований не осуществлялись крупные проекты промышленного освоения; следовательно, собранный материал позволяет отразить структуру практик жизнеобеспечения, не затронутую столь сильно современными промышленными проектами, как в других регионах Арктики. Многоплановость изучаемых аспектов делает актуальным развитие комплексного этнографического подхода к анализу организации в пространстве системы жизнеобеспечения населения региона, сочетающей «локальные» и «глобальные», «традиционные» и «инновационные», «этнические» и

«универсальные» компоненты. Это важно для того, чтобы системно проанализировать проблемы использования материальных объектов, которые стоят перед местными жителями, и понять, как они решаются на локальном уровне в современных социально-экономических и экологических условиях. В то же время диссертация нацелена на то, чтобы определить значение усилий, навыков и энергии отдельных людей, продемонстрировать роль спонтанности и неопределенности в процессе освоения пространства. В настоящее время отсутствуют этнографические исследования, обобщающие указанную совокупность проблем в контексте северной Якутии, поэтому данная работа направлена на заполнение имеющейся лакуны.

Объект, предмет, цель и задачи исследования

Объектом исследования являются полиэтничные сообщества северной Якутии, проживающие в населенных пунктах Жиганского, Аллаиховского и Нижнеколымского районов. **Предметом** диссертации выступают практики использования материальных объектов местными жителями в процессе освоения пространства и ресурсов северной Якутии. **Цель** исследования заключается в выявлении локальных стратегий формирования комплексов материальных объектов, направленных на освоение пространства и ресурсов, в условиях социальных, экономических и экологических трансформаций.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

а) Исследовать основные исторические способы хозяйственно-культурного освоения пространства северной Якутии коренными и некоренными группами в XVII–XX вв., а также изучить особенности их взаимодействия;

б) Проанализировать нестабильность природной среды и инфраструктурных объектов в контексте хозяйственной деятельности местных жителей;

в) Изучить локальные практики использования материальных объектов в условиях социально-экономической и экологической нестабильности;

г) Проанализировать актуальные стратегии получения ресурсов местными жителями в конце XX–XXI в.;

д) Исследовать региональные формы взаимосвязей между акторами практической деятельности и выявить их роль в процессе освоения пространства.

Хронологические рамки

Нижняя хронологическая граница – XVII в. – время, когда территория северной Якутии вошла в сферу влияния России и, соответственно, когда появились документальные источники, позволяющие говорить об этнической и социально-культурной специфике региона. В этот же период интенсифицировались процессы межэтнического взаимодействия, обусловленные

присоединением¹ рассматриваемых территорий к России. Однако основное внимание сосредоточено на позднем хронологическом периоде – конце XX–XXI в., информация о котором получена преимущественно в ходе полевой этнографической работы.

Географические (территориальные) рамки

В диссертационном исследовании рассматриваются три района Якутии: Жиганский, Аллаиховский и Нижнеколымский (Рисунок 1, 16). Они находятся в Арктической зоне Российской Федерации и характеризуются общими условиями жизнедеятельности населения: удаленностью от крупных экономических и промышленных центров, труднодоступностью, дефицитом привозных ресурсов, малочисленностью и тесными социальными контактами внутри населенных пунктов, нестабильностью природной среды, оказывающей большое влияние на стратегии адаптации местных жителей².

Эмпирическая база и методы исследования

В первую очередь диссертация базируется на полевых исследованиях в Арктике и Субарктике. Были исследованы три района (улуса) Якутии: Жиганский, Аллаиховский и Нижнеколымский, а также их связь с Якутском как важнейшим центром аккумуляции и распределения ресурсов. Экспедиционные работы проводились в период с 2018 по 2023 гг. и длились суммарно пять месяцев (Рисунок 2). Полученные данные представлены дневниками, записями интервью с местными жителями, фото и видео источниками, картами и графическими материалами. В качестве основных методов полевого исследования применялись наблюдение, интервьюирование (глубинное и полуструктурированное), анкетирование, фиксация материала посредством полевого дневника, фото, видео и аудио устройств, также проводился анализ документальных источников.

В 2018 г. полевые исследования осуществлялись в Жиганске в течение июля. Это время интенсивного рыболовецкого промысла, собирательства дикоросов, массового отъезда населения в отпуска. В данный период происходит подготовка местных жителей к зимнему сезону, что позволяет исследователю фиксировать хозяйственные практики, направленные как на решение множества текущих, так и будущих задач, связанных с наступлением зимнего сезона. В 2019 г. в течение августа и сентября местом полевой работы являлся Аллаиховский район (пгт. Чокурдах и с. Русское Устье). В это время в регионе осуществляется починка и отладка инфраструктуры, техники и построек для осенне-зимнего хозяйственного интервала.

¹ Анализ точек зрения на проблему номинации присоединения Сибири к России см.: Сибирь в контексте русской модели колонизации... 2014. В диссертации рассматриваются изменения локальных практик освоения пространства, которые последовали в результате присоединения/вхождения/колонизации региона, а не поиск наиболее «правильного» термина для обозначения данного процесса.

² Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3204989?ysclid=li7xt7zx2f998436003> (дата обращения 29.05.2023).

Ближе к сентябрю начинается процесс возвращения людей в район из отпусков; соответственно, у исследователя появляется возможность наблюдать стремительные изменения социального ландшафта. Кроме того, в сентябре–октябре завершается летний этап рыболовства, в Чокурдах из Якутска приходят рефрижераторные суда, на которые сгружают выловленную за сезон рыбу; в структуру хозяйственной деятельности входит охота на оленя. Конец августа и сентябрь являются периодом навигации, благодаря которой в район доставляются пищевые продукты, одежда, строительные материалы и прочие ресурсы. Таким образом, полевая работа в этот временной интервал была сопряжена с наблюдением и фиксацией перестройки социальных ритмов, динамики хозяйственных практик и снабжения. В марте–апреле 2021 г. совершена экспедиция в Нижнеколымский район (с. Андрюшкино, с. Колымское, пгт. Черский). В это время территория района еще находится под снегом, водоемы скованы льдом, деятельность людей подчинена «холодным» природным ритмам, основным видом транспорта выступает снегоход. Некоторые села (например, Андрюшкино) именно в данный период «оживают», поскольку с февраля по апрель функционирует автозимник, связывающий изолированные населенные пункты между собой, что значительно усиливает потенциал мобильности людей и ресурсов. Все это позволило дополнить летне-осенние полевые материалы, собранные ранее, зимне-весенними сюжетами.

Кроме того, в процессе каждой экспедиции я посещал Якутск, где имел возможность собирать материал, отражающий особенности снабжения арктических районов необходимыми ресурсами. В апреле–мае 2023 г. была совершена поездка в Якутск, в ходе которой проводилось интервьюирование сотрудников городской оптовой продуктовой базы, аккумулировались данные, связанные с различными способами доставки ресурсов на север: автозимником, речным/морским и авиатранспортом.

Полевые исследования позволили собрать материалы по основным хозяйственным практикам местных жителей: рыболовству, охоте, оленеводству, поиску мамонтовой кости, собирательству. Наиболее полно комплекс рыболовства был зафиксирован в Русском Устье, где удалось в деталях изучить структуру работы промысловой бригады; в Нижнеколымском районе происходил сбор материала, касающегося подледного лова рыбы. Основные данные по оленеводству были получены в сс. Андрюшкино и Колымское в ходе интервьюирования оленеводов, выездов в оленеводческие бригады, общения с руководством производственных кооперативов, работы в муниципальных архивах. В каждом населенном пункте происходил сбор материалов, отражающих локальные аспекты практик землепользования, питания, эксплуатации стационарных и временных построек, хозяйственных инструментов; изучались особенности косторезного промысла, кузнечества, изготовления этнической сувенирной продукции. Полевая работа проходила не только в поселках, но и за их пределами: на

промысловых участках, в тундре и лесной местности. Целенаправленно проводилось изучение особенностей функционирования в регионе инфраструктурных объектов – котельных и дизельных электростанций – через наблюдение за работой сотрудников ЖКХ и ДЭС, интервьюирование, а также общение с потребителями инфраструктурных ресурсов. Важные детали процесса освоения пространства отражены в интервью с представителями администрации. Значение символических ресурсов этничности в процессе освоения пространства было исследовано, в частности, на примере этнических праздников и III съезда чукчей Республики Саха (Якутия) в апреле 2021 г.

Изучение практик освоения пространства трудно представить без анализа мобильности (Урри 2012а; Головнёв 2018; Васильева 2021), поэтому исследование стратегий перемещения людей в регионе на различных транспортных средствах стало важным компонентом полевой работы. Для достижения районов и внутреннего перемещения по ним использовались основные транспортные средства: самолеты, легковые, грузопассажирские и грузовые (фуры) автомобили, лодки и снегоходы. Проводилось интервьюирование в движении, играющее важную роль в получении информации о практиках мобильности (Васильева 2021). Не менее информативными оказались трудности, вызванные поломками транспортных средств, неподходящими погодными условиями, отменами авиарейсов. Как писал П. Бурдые, нарушения нормального течения практической деятельности актуализируют логическую составляющую практики, способствуют рационализации происходящего с целью поиска решения возникшей проблемы; поломки обнаруживают конституирующие элементы повседневности, пребывающие обычно в скрытом виде (Бурдые 2017).

Настоящее исследование опирается на архивные материалы. В Якутске проводился сбор данных в рукописном фонде (архиве) ИГиИПМНС СО РАН. Выявленные сведения представлены «Краткой программой для изучения этнического состава, быта и культуры населения Абыйского и Аллаиховского районов ЯАССР», «Предварительным отчетом об экспедиции в бассейн р. Индигирки» И. С. Гурвича от 1952 г., а также материалами о деятельности других экспедиций в Якутии в середине XX в. Помимо этого, осуществлялся сбор данных в районных архивах Жиганского, Аллаиховского и Нижнеколымского улусов (районов), отражающих локальные хозяйственные практики, особенности социальных отношений в совхозной системе, проблемы строительства и снабжения населенных пунктов. В частности, в архиве Жиганского района проводилась работа с похозяйственными книгами, отчетами по строительству, отчетом о численности и составе специалистов. В Аллаиховском районном архиве анализировались сведения из похозяйственных книг, бухгалтерских отчетов производственного кооператива «Русское Устье», «Земельных дел» о закреплении охотничьих угодий за общинами, проектов межхозяйственного землеустройства, приказов по личному

составу Русско-Устьинского отделения совхоза «Аллаиховский». В Нижнеколымском районном архиве был получен материал по «Социалистическим обязательствам» местных сельсоветов, исследованы протоколы сессий исполкомов и отчеты депутатов сельсоветов. В архиве администрации Олёринского наслега³ производилась работа с документами, отражающими деятельность производственного кооператива «Олёринский», а также особенности снабжения села по линии организации «Якутоптторг».

Важным источником материалов стал научный архив МАЭ РАН, где были проанализированы материалы якутского краеведа конца XIX в. – Н. Н. Березкина, описавшего особенности расселения и быта лесных и тундренных групп юкагиров. Помимо этого, в архиве МАЭ были изучены: дневники Д. Д. Травина из Комплексной Якутской экспедиции; данные о собаководстве на Индигирке в конце 1920-х гг., собранные Н. М. Михелем; материалы Р. В. Каменецкой, отразившие хозяйственные практики и трансформации материальной культуры русских старожилов. Важный пласт этнографической информации о межэтнических контактах, языковой ситуации, хозяйственных занятиях и символических аспектах культуры коренных народов региона содержат полевые дневники и отчеты участников Колымской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (Кунсткамеры), проводившейся совместно с Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР в 1987 г. Участники экспедиции, среди которых были Г. Н. Грачева, Б. М. Фирсов, Г. С. Авакьянц, Н. Б. Вахтин и Е. С. Маслова, посетили г. Якутск, пос. Зырянка, с. Нелемное Верхнеколымского района, а также сс. Андрюшкино и Колымское. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН осуществлялась работа с наследием Д. Д. Травина (в «Отчете Верхоянского этнографического отряда 1927–1929 гг.» систематизирован и обобщен комплекс данных, освещающих систему жизнеобеспечения русскоустыинцев, начиная с мировоззренческих аспектов, заканчивая материальной культурой) и Д. К. Зеленина, в которых автор исследовал актуальные для диссертации вопросы алиментарной культуры жителей Крайнего Севера. В архиве Института восточных рукописей велась работа с дневником В. И. Иохельсона «Путевые заметки 1895–1897 гг.», который был написан исследователем в ходе полевой работы в Якутии в составе Сибиряковской (Якутской) экспедиции и отражает хозяйственные практики юкагиров.

Немаловажный вклад в расширение источниковой базы внесли сведения из республиканских и районных СМИ. Кроме того, большую помощь в получении исторических сведений о жизни населения региона оказали сотрудники районных музеев, местные краеведы и старейшины – Е. И. Константинова, М. И. Шадрина (Жиганск), В. И. Шахова (Русское Устье), Е. С. Кривошеина (Андрюшкино), В. Н. Тырылгина (Колымское), за что я им очень благодарен.

³ Наслег – низшая административная единица Якутии, соответствующая сельскому совету или сельскому поселению.

Следует также сказать о том, что мое общение с некоторыми информантами не прекратилось по завершении полевых исследований. Оно продолжается в форме переписки, телефонных разговоров, а также очно – во время визитов якутских гостей в Санкт-Петербург.

Степень научной разработанности проблемы

Пространство является одной из базовых категорий в жизни человека. Оно определяет способы осмысления и восприятия окружающего мира, выступая одновременно в роли исследуемого объекта, инструмента анализа, феномена повседневности. Изучением проблематики пространства занимаются отечественные и зарубежные представители различных дисциплин и интеллектуальных направлений.

Изучение процесса освоения пространства в отечественной этнографии

Отечественная этнография на протяжении всего времени своего существования занималась вопросами пространства, времени и распределения в них этнокультурных явлений, однако часто делала это имплицитно – через повествования о жителях разных территорий, пытаясь осмыслить феномены других культур и понять незнакомых людей. В результате возникали научные тексты, в которых пространство отражалось в опыте, материальной культуре, мировоззрении и практиках изучаемых групп (Головнёв 2018).

В рамках диссертации в первую очередь актуальны те исследования, в которых реализован комплексный подход к анализу процесса освоения пространства. Он позволяет интегрировать разрозненные явления повседневности изучаемых групп и рассматривать природную и культурную среду, а также традиционные и инновационные компоненты жизнедеятельности как взаимосвязанную систему.

Идею этнографического комплекса, тесно сопряженную с пространственной проблематикой, разрабатывал С. М. Широкогоров. Он определял комплекс следующим образом: «Термин “социальная организация” будет означать комплекс этнографических элементов, регулирующих функцию общества как постоянную совокупность индивидов и образующих из них комплекс с определенным внутренним равновесием, который позволяет этнической единице воспроизводить себя, поддерживать экономическую систему, материальную культуру, умственную и психическую деятельность, т. е. то, что обеспечивает существование и преемственность этнических единиц» (Широкогоров 2017: 30–31). Для С. М. Широкогорова большое значение имеют понятия «равновесия», «адаптации» и «системной связи» элементов в этнографических комплексах, которые возникают как результат адаптации людей к окружающим условиям (Там же).

В советской этнографии важным шагом теоретического осмысления связи людей и окружающего пространства в русле комплексного подхода стало создание теории хозяйственно-культурных типов. Одним из первых исследователей, который

концептуализировал это понятие, был С. П. Толстов (1932). Наиболее полно теорию сформулировали М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров (Левин, Чебоксаров 1955), однако со временем происходила огранка введенного понятия. Классическое определение ХКТ выглядит следующим образом: «Под хозяйственно-культурными типами понимают определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях» (Савинов, Длужневская 2008: 36). Важным аспектом в рассматриваемой теории является историческая обусловленность хозяйственно-культурного типа, его зависимость от «производительных сил» общества, что находит выражение как в материальной, так и в духовной культуре. Советские исследователи утверждали, что в этом и заключается принципиальное отличие их концепции от «детерминистских» подходов, основанных на представлении о прямом влиянии природной среды на деятельность человека (Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 178).

В рамках диссертации актуально замечание Я. В. Чеснова о том, что единство хозяйственно-культурного типа определяется основной отраслью хозяйства; кроме того, ХКТ может быть представлен элементами, имеющими распространение и в других типах, но в каждом данном хозяйственно-культурном типе составляющие его части образуют особое сочетание (Чеснов 1970: 23). Эти положения соотносятся с высказыванием В. А. Козьмина о возможности выявления в этнической культуре ряда элементов, относящихся к различным сферам, которые через функциональные связи образуют субкомпоненты культуры. В качестве основного аспекта, обеспечивающего связь между компонентами и поддерживающего целостность культуры, выступает функциональность (Козьмин 2003: 6).

Выход носителей различных ХКТ за пределы изначальных географических границ их типов приводил к формированию историко-этнографических областей, которые также были концептуализированы М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым. Историко-этнографическая область – это «территория, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность» (Левин, Чебоксаров 1955). Если представители одного хозяйственно-культурного типа (например, охотники и собиратели) могут проживать в совершенно разных точках земного шара, поскольку их формирование происходит дивергентно, то историко-этнографические области возникают в уникальных пространственных границах в ходе взаимодействия представителей разных ХКТ. В соответствии с этим подходом дальнейшее развитие сообществ происходит уже в рамках историко-этнографических областей, внутри которых сохраняются и функционируют хозяйственно-культурные типы. Большинство ХКТ, возникших в разное время, продолжают существовать, делиться и преобразовываться до

развития стадии капиталистических отношений (Савинов, Длужневская 2008: 37). При капиталистическом устройстве происходит постепенное разрушение хозяйственно-культурных типов предыдущих эпох, которые входят в состав новых зональных и культурно-бытовых комплексов (Козлов 1971: 97; Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 178).

Вклад в разработку комплексного подхода к процессу освоения пространства внесли Л. В. Хомич (1966), Г. М. Василевич (1969), М. Г. Туров (1997; 2008), В. А. Тураев (2009), З. П. Соколова (1998), В. А. Козьмин (2003), Е. Г. Федорова (1994); в русле данной методологической установки была написана монография «Культура жизнеобеспечения и этнос» (Маркарян и др. 1983); схожая теоретическая установка была применена к изучению хозяйства в книге А. В. Головнёва «Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири» (1993). Однако, если в приведенных публикациях основные результаты были достигнуты благодаря классификации и типологизации этнографического материала, то в настоящей диссертации будет предпринята попытка отразить потенциал спонтанности и изменчивости; исследовательский интерес представляет процессуальность формируемых комплексов, их динамика в пространстве и времени.

В настоящее время проблемы освоения пространства широко освещаются в работах А. В. Головнёва через аспекты мобильности арктических номадов. Для этнографа характерна установка на изучение динамики, а не статики (Головнёв 2009: 6). Основываясь на обширном эмпирическом и теоретическом материале, А. В. Головнёв приходит к следующим концептам антропологии движения арктических кочевников: а) «слитное пространство-время»; б) «кочевой трансформер»; в) «техноанимация»; г) «эффект движения»; д) «вещный минимализм»; е) «мобильный модуль»; ж) «северная эстетика» (Головнёв 2017; Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 344–345).

А. А. Сирина уделяет внимание практикам освоения пространства локальных групп эвенков и эвенов. Ею были выделены и проанализированы стратегии динамического (линейного) и статического способов организации среды жизнедеятельности коренным населением Сибири (Сирина 2002). Исследовательница показала, что для традиционного мировоззрения указанных народов характерно восприятие природы в качестве живой сущности, населенной духами и божествами, и поэтому в их модели освоения пространства «рациональность как единственный инструмент недостаточна для понимания и управления экологическими цепями и их связями» (Сирина 2012: 556-557). Кроме того, А. А. Сирина проанализировала постсоветский этап складывания новых институциональных форм жизнедеятельности коренных народов на примере образования родовых общин (Сирина 2010).

Опираясь на феноменологический подход, В. Н. Давыдов изучил изменения мобильности и использование пространства и ресурсов эвенками Северного Байкала и другими

сообществами в контексте государственных проектов развития. Исследователь показывает, что новые элементы быта встраиваются в многоакторную локальную систему мобильности, которая оказывается важным адаптивным ресурсом местных жителей. В. Н. Давыдовым были проанализированы отношения коренных народов, проживающих в поселках, с окружающим пространством (Davudov 2011; 2022). Для подхода исследователя характерна проработка отдельных тематических блоков и концептов в рамках изучения локальных энергетических режимов и стратегий ресурсной автономизации населения Сибири и Севера (Давыдов 2020; Davudov 2022; Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022).

Вопросы взаимодействия людей и различных природных стихий также нашли отражение в публикациях ученых. Еще в XIX в. Л. И. Мечников разработал концепцию культурогенеза, в основе которой находилось тесное взаимодействие социальных коллективов и водоемов (Мечников 1995). Исследователь высказал идею о вплетенности объектов природы в социальную ткань и о ритмизации культуры посредством таких связей (Мечников 1995: 358–359). Значение ритмических колебаний рек в хозяйственно-культурных процессах коренного населения Сибири проанализировано в работах М. Ф. Косарева и Л. Р. Павлинской (Косарев 1991; Павлинская 2007). Климатические колебания влияли на границы распространения хозяйственных практик, в каждом из климатических поясов уровень воды в реках оказывал специфическое воздействие на интенсификацию того или иного направления деятельности (Косарев 1991: 36). Особенности взаимодействия людей со стихией огня, воды и ветра на примере этнографии эвенков посвящена монография В. Н. Давыдова и соавторов (Давыдов и др. 2016). Роль огня в культуре и хозяйстве эвенков и влияние лесных пожаров на жизнедеятельность данного народа проанализировала А. А. Сирина (2020); огонь в системе жизнеобеспечения селькупов изучала О. Б. Степанова (2022); В. Н. Адаевым была исследована адаптация системы мобильности коренного населения Западной Сибири к условиям болот и тайги (2012).

Изучаемой проблематике уделяют внимание многие этнографы и антропологи, исследующие важнейшие аспекты освоения пространства сообществами коренных и некоренных локальных групп. Так, К. Б. Клоков на циркумполярном материале детально рассматривает адаптивные модели кочевников-оленеводов, восприятие ландшафта, взаимоотношения людей и животных, формирование паттернов жизнеобеспечения в исторической перспективе (1997; 2020); аспекты связей этнических групп и ландшафта, использование животных в процессе освоения пространства подробно проанализированы В. И. Дьяченко (2005; 2014; 2017); В. В. Карлов прослеживает трансформации нomaдизма в условиях стремительно меняющихся социально-экономических реалий (2016); К. В. Истомин занимается антропологией пасторализма, изучением хозяйственных и инфраструктурных

трансформаций на Севере (Истомин 2015; 2018; Istomin, Nabeck 2016); концепт транспортной мультимодальности на примере этнографии жителей Ямала разрабатывает М. Г. Агапов (2021); А. Н. Терёхина и А. И. Волковицкий, основываясь на глубинном вовлечении в процессы ненецких практик жизнеобеспечения, исследуют нюансы оленеводства, влияние промышленной инфраструктуры на коренное население, описывают актуальные вызовы, стоящие перед индигенными сообществами (Терёхина, Волковицкий 2018; Волковицкий, Терёхина 2020). В. В. Васильевой изучены способы перемещения, ориентации в пространстве, задействования локальной и глобальной инфраструктуры коренными жителями таймыр-якутского приграничья и предложен подход к мобильности не только как к физическому перемещению, но и как к констелляции ощущений, нарративов, имплицитных практик, социальных связей (Васильева 2021).

Изучение системы жизнеобеспечения населения Арктики в XXI в. трудно представить без анализа взаимодействия людей и инфраструктурных объектов. Значение последних в повседневных практиках населения Сибири отражено в работах ряда отечественных исследователей (Замятина 2016; Васильева 2019; 2020; Агапов 2021; Давыдов, Давыдова 2021; Vakhtin 2017). А. И. Карасева в рамках антропологии чувств анализирует восприятие и переживание инфраструктурных поломок в северных населенных пунктах, исследуя семиотическое и прагматическое влияние на людей внезапных перестроек «сенсорного ландшафта» (Карасева 2018).

Многие аспекты современных процессов освоения пространства коренным населением Сибири и Севера отражены в публикациях по этнологической экспертизе, в которых фундаментальная наука призвана давать ответы на конкретные практические вопросы (Головнёв и др. 2021). В данных работах территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов выступают объектом интереса различных заинтересованных лиц, взаимодействие которых трансформирует социальные отношения и стратегии освоения окружающей среды. Более того, сама этнологическая экспертиза также является важным символическим и практическим актором, влияющим на жизнедеятельность коренного населения (Новикова 2014; Слепцов 2015; Головнёв и др. 2021; Данилова 2022).

Следует также отметить проекты, направленные на исследование современных процессов освоения Арктики и разрабатывающие новый концептуальный и методологический инструментарий. Среди них проект РНФ «“Ресурсное проклятие” на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп» (Руководитель – Д. А. Функ). Итогом плодотворной работы ученых стала коллективная монография, в которой на основе богатого полевого опыта авторов проанализирован феномен

экстрактивизма в России («Ресурсное проклятие»... 2019). Коллективом авторов проекта РФФИ «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез» (Руководитель – А. Н. Пилясов), помимо многочисленных статей, опубликована итоговая монография «Освоение Арктики 2.0: продолжение советских исследований», в которой были осмыслены современные тенденции промышленного освоения арктических территорий (Освоение Арктики... 2022). В настоящее время в Центре социальных исследований Севера (Европейский университет в Санкт-Петербурге) реализуется проект РНФ «“Земля храбрых”: Преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике» (Руководитель – Н. Б. Вахтин), целью которого является исследование роли фактора неопределенности в повседневности постоянного населения Арктики (Истомин, Вахтин 2022). Кроме того, важные методологические положения диссертации были выработаны в рамках проекта РНФ «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (Руководитель – В. Н. Давыдов). Коллективом авторов был собран и обобщен внушительный полевой материал, отражающий особенности адаптации к окружающей среде разных этнических групп Сибири и Севера на современном этапе (Энергия Арктики и Сибири... 2020; Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022).

Помимо подходов, сфокусированных на осмыслении материальных процессов, для изучения практик освоения пространства северной Якутии актуален анализ культурных особенностей символического взаимодействия рассматриваемых народов с окружающей средой. Среди работ, в которых исследуется символическое и когнитивное освоение пространства северными народами, следует отметить публикацию В. Г. Богораза (1923), проанализировавшего шаманские и мифологические пространства, используя научный аппарат теории относительности А. Эйнштейна. Классик сибиреведения утверждал, что теория относительности позволяет внести в изучение религиозной жизни и шаманизма «начало измерения», говорить о «внутреннем времени экстаза», исследовать особенности вневременных совпадений, которые связаны с эйнштейновским отрицанием мировой одновременности и одинакового времени для всего мироздания (Там же). В диссертационном исследовании актуальны некоторые положения, рассматриваемые В. Г. Богоразом, в частности о том, что каждая система и область явлений имеют собственное пространство и время (Там же). Формирование особых пространственно-временных свойств в процессе различных практик освоения пространства является одним из важнейших принципов поддержания энергетической автономности жителями северной Якутии, что делает применимыми в диссертации аргументы, развиваемые В. Г. Богоразом.

Символические аспекты освоения пространства были подвергнуты анализу в рамках Тартуско-московской семиотической школы. В. Н. Топоров писал о том, что пространство и

текст в некотором смысле эквивалентны, потому что текст может быть понят как пространство, а пространство может быть интерпретировано в качестве текста (Топоров 1983: 227). В. Н. Топоров констатирует, что, возможно, данный «изоморфизм проблематики пространства и текста отражает какие-то глубинные переключки между этими областями, отсылающие к исходной одноприродности или общности иного рода» (Топоров 1983: 228–229).

А. К. Байбурин, работая на стыке этнографии и семиотики, изучал специфику включения пространства и материальных объектов в символическое поле народной культуры. В частности, он писал о том, что жилище и обряд являются конкретными реализациями картины мира (Байбурин 1983: 14). В контексте диссертации важно то, что А. К. Байбурин рассматривает материальный объект в качестве явления, которое характеризуется широким набором функций и значений (Там же: 8). Вариативность свойств объектов зависит от подвижных контекстов, в которые они входят, образуя калейдоскоп социальных, символических и материальных проявлений.

Значительный вклад в этнографическое изучение символических аспектов освоения пространства и материальности внесли Н. Л. Жуковская (1986), Я. В. Чеснов (1998; 2014), Е. Г. Федорова (2010), Л. Р. Павлинская (2020), В. А. Дмитриев (2010), С. В. Березницкий (2021a; 2021b; 2022), О. Б. Степанова (2008), Т. Ю. Сем (2013; 2015; 2017), Т. Б. Щепанская (2003), Д. А. Баранов (2005; 2018). В 2017 г. Лабораторией комплексных геокультурных исследований Арктики была издана коллективная монография «Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования» под редакцией Д. Н. Замятина и Е. Н. Романовой. В данной публикации подведены итоги междисциплинарного проекта, направленного на синтез физико-географических и духовно-символических феноменов арктического пространства, включающего Якутию (Геокультуры Арктики... 2017). Работы перечисленных исследователей демонстрируют многоплановость и полисемантическую природу объектов этнической культуры, раскрывают специфику традиционного пространства, а также связанные с ним обряды и ритуалы представителей конкретных народов.

Переосмысление роли этничности в процессе освоения меняющегося пространства позволяет сформировать более объемное видение факторов, из которых выстраиваются социальные отношения и практики коренного населения. Кроме того, новый взгляд на прежнюю проблематику позволяет, как пишет А. В. Головнёв, освежить и саму науку (Головнёв 2021: 22). Проблемы этничности фигурируют в работах многих отечественных исследователей. Ее связь с социальной стратификацией отражена в текстах С. А. Арутюнова (1990), М. В. Саввы (1997), Л. М. Дробижевой (2002) и др. Проблемы политического модуса этничности проанализированы в работах М. Н. Губогло (1998), В. А. Тишкова (2003), В. А. Ачкасовой (2016), А. Г. Здравомыслова и А. А. Цуциева (2003), О. Н. Максимовой (2015), М. А. Игошевой

(2019), К. С. Григорьевой (2017). Особенности юридического статуса коренных народов, а также связанные с ним практические и теоретические проблемы, изучали М. С. Куропятник (2002), С. Н. Харючи (2004), А. В. Головнёв и Т. С. Киссер (2022). Проблематику ресурсов этничности в процессе освоения пространства через призму консюмеризма и «сувениризации» культуры рассматривали Е. В. Перевалова, Т. С. Киссер и Ю. С. Конькова (2021). В поле зрения исследователей этнических процессов находятся различные социальные явления, которые влияют на практики освоения пространства: от феномена власти (Перевалова 2019; Перевалова, Киссер 2021) до этноблогинга (Головнев 2021) и киберэтнографии (Головнёв, Белоруссова, Киссер 2021).

Зарубежные подходы к изучению пространства

В зарубежной антропологии и этнографии неоднократно предпринимались попытки описания системных свойств культуры, возникающих в процессе адаптации людей к окружающей среде. К ним следует отнести труды представителей школы диффузионизма (Ратцель 1900) и культурных кругов (Graebner 1911); проблему культурных ареалов разрабатывал К. Уисслер (Wissler 1917). Для исследователей приведенных направлений ключевой задачей было связать набор выявленных атрибутов материальной или духовной культуры с определенной археологической, хозяйственной или этнической группой, выстроить теоретическую модель, объясняющую существование социальных коллективов в определенной окружающей среде. Несмотря на очевидные положительные стороны такого подхода (систематизация материала, выявление взаимосвязей и пр.), он имел существенный недостаток, а именно – эпистемологическую и предметную статичность. Из аналитического взора исследователей выпадала потенциальная неограниченность и незавершенность социальных и физических процессов. Одним из первых ученых, который концептуализировал социальную динамику этнических сообществ в качестве важнейшего адаптивного механизма, был М. Мосс (Mauss 1979).

Нужно отметить, что существует несколько базовых подходов, описывающих процесс взаимодействия людей и окружающей среды. Первый представлен в форме односторонней «адаптивной модели», предполагающей, что имеются ключевые природные объекты и условия, к изменениям которых приспособляются социальные группы (Chambers 1982; Malmberg 1984; Palang et al. 2007). В рамках иного подхода, развиваемого в трудах М. Мосса (Mauss 1979), Т. Ингольда (Ingold 2002) и Ф. Краузе (Krause 2013), утверждается, что с течением времени происходит не подстройка одного элемента к другому, а имеет место сонастройка ритмов людей и окружающей среды (Ibid.: 3–4). Вторая методологическая установка более актуальна в рамках диссертации, поскольку позволяет рассматривать взаимодействие локальных сообществ

и пространства в качестве комплексного феномена, не производя искусственных разделений и категорий.

М. Стратерн выделяет два основных типа анализа антропологических явлений. Первый предполагает описание комплексов этнографических реалий в качестве фиксируемой данности. Исследователь в таком случае выявляет, протоколирует и объединяет в цельную картину отдельные факты, объективно существующие в изучаемом поле. М. Стратерн дополняет этот подход идеей о том, что единство этнографического комплекса, описываемое ученым, представляет собой лишь один из множества способов описания связи между объектами. Подобную потенциально незавершенную композицию отношений исследовательница объясняет «мерографическими связями» (*μερο* – греч. часть, *γραφο* – греч. пишу) (Strathern 1992). Второй тип связей, по М. Стратерн, проанализирован М. Салинзом, который опирался на идеи Л. Леви-Брюля (2015). М. Салинз утверждал, что объекты не предзаданы. Они возникают в ходе постоянно протекающего процесса взаимодействия различных компонентов окружающего мира в пространстве (Sahlins 2013: 33-34; Strathern 2018: 3–4). Проработка указанных теоретических проблем наблюдается в современных антропологических исследованиях. Так, Ф. Дескола развивает комбинаторный анализ отношений между явлениями, уделяя внимание внешним согласованностям между объектами, в то время как В. де Кастру под влиянием Ж. Делеза сосредоточен на развитии способов мыслить объекты и отношения через понятия «различия», «множественности» и пр. (Дескола 2012; Кастру 2017). Появляются и такие антропологические работы, в которых рассматриваются не связи, а, напротив, различные варианты изолирования и дистанцирования (Candea et al. 2015). Некоторые авторы задаются вопросом: «Что будет после отношений?» и моделируют «нереляционный» (non-relational) и «постреляционный» (postrelational) мир (Holbraad and Pedersen 2017: 242–281).

Одной из ключевых фигур, оказавших значительное влияние на современное состояние антропологической мысли и, в частности, на осмысление пространства и мобильности, является философ Ж. Делез. Он и его соавтор Ф. Гваттари отказались от атрибутов устойчивости, предзаданности и стабильности пространства, от привычных причинно-следственных нарративов и восприятия пространства как вместилища объектов (Делез, Гваттари 2010; Key Thinkers on Space and Place 2010: 145). Распространенным образом, к которому обращаются философы, является ризома – переплетение предметов, вещей, людей, животных и прочих существ, образующих не древовидную структуру, а ветвящуюся во все стороны грибницу (Делез, Гваттари 2010). Постулирование такой формы описания окружающего пространства стало протестом против иерархичной структуры общества и диктата силы. В концептуальном проекте «Номадология» авторы противопоставляют статичному и структурированному

устройству современного им мира фигуру номада, в бесконечном движении которого и заключен смысл его существования. Номад не имеет конечной цели, он не привязан к конкретному месту и государству, олицетворяя «абсолютную мобильность» (Deleuze, Guattari 1986). Хотя концепты философов местами гиперболизированы, иногда абсолютизированы и не нацелены на соблюдение этнографической точности, все же такой взгляд на пространство и мобильность актуален и в контексте изучения процессов освоения территории северной Якутии, поскольку позволяет увидеть локальное пространство не как упорядоченную структуру, а в качестве подвижной, нестабильной среды.

Понятие пространства является важным предметом исследований П. Бурдьё. Он писал о том, что единое социальное пространство («тотализирующее» (Бурдьё 2017)) отсутствует как независимая субстанция. Оно конструируется исследователем каждый раз заново, исходя из целей научной работы, количества исследуемых показателей, способов и характера их обобщения (Бурдьё 2005). Элементами социального пространства являются «позиции», которые выстраиваются в конфигурацию, задаваемую распределением разных уровней социального капитала, влияющего на степень агентности элемента. Распределенные силы формируют конкретное социальное пространство, которое зависит от точки зрения наблюдателя и находится в перманентном напряжении, возникающем из соотношения между разными полями сил (Шматко 2005). Обобщением распределения сил в социальном пространстве является капитал. Чем больше у агента капитал, тем больший вес в общей социальной структуре он имеет. Агенты схожих капиталов находятся в этом пространстве рядом, образуя подобие «класса», указывающего на то, что входящие в него акторы обладают общими паттернами восприятия и действия (Бурдьё 2005).

Значительный вклад в развитие представлений о пространстве и действующих в нем объектах внес Б. Латур – один из главных представителей акторно-сетевого подхода в социальных исследованиях. Согласно теоретическим воззрениям данного течения, весь мир, как и отдельные его сферы, можно представить в виде наборов акторов, по-разному взаимодействующих между собой. Важной задачей Б. Латура было пересмотреть и разложить «социальную реальность» на составляющие единицы, чтобы вновь ее «собрать», но на принципиально иных основаниях (Латур 2020: 16). Исследователь утверждал, что общество не является особой субстанцией с присущими только ей чертами. Он рассматривал «социальное» как сборку элементов разной природы, а основной задачей исследователя называл «прослеживание связей» между различными элементами (Там же: 11). Главным инструментом, способным прояснить реальные отношения, оказывается актор-сеть (Там же: 68). Актором может быть любой объект, находящийся в отношениях с другими участниками сети. Трансформации социального пространства происходят не в результате независимых вспышек,

но при комплексном изменении участков сети в ситуативно формируемой среде. В рамках диссертации актуально рассмотрение пространства с точки зрения совокупности взаимовлияющих акторов, поскольку это позволяет увидеть более объемную картину регионального процесса освоения пространства.

Теоретическим инструментом, который позволяет осуществить комплексный подход к изучаемой проблематике, является концепт ассамбляжа. Наиболее разработанный вид теории ассамбляжей обретает в работах М. ДеЛанда. Данный концепт представляет собой целостность, образованную отношениями внешних свойств объектов, единство которых является в определенной степени случайным (DeLanda 2006). Изучением взаимосвязей объектов и людей с привлечением теории ассамбляжей занимаются А. Л. Цзин и К. Лайонс (Цзин 2017; Lyons 2016). А. Л. Цзин на примере экономических и культурных практик вокруг гриба мацутаке исследует современные формы хозяйственных практик, возникающих «на руинах капитализма» (2017: 35). Она интерпретирует концепт ассамбляжа крайне широко: «Ассамбляжи, в моем представлении, – то, что собирается вместе где бы то ни было, в каком угодно масштабе» (Там же: 41). Их эвристический потенциал, по мнению исследовательницы, состоит в способности описывать то, что не обладает устоявшейся структурой и объединяется спонтанно.

Т. Ингольд выступает с критикой концепции ассамбляжа из-за его излишней механистичности (Ingold 2015). Кроме того, представляется, что ассамбляж-ориентированное мышление концентрирует внимание на дискретных сборках, тем самым ограничивая способность видеть трансграничную сложность описываемых феноменов, и скрывает то, что находится между ассамбляжами. Т. Ингольд рассматривает объекты в окружающей среде, используя метафоры линий и узлов в противовес точкам–акторам. Под линиями он понимает форму существования феноменов в окружающем мире; они представлены не индивидуальными замкнутыми объектами, но движущимися и переплетающимися феноменами. Т. Ингольд развивает идею об отсутствии окончательно сформированных и независимых от своего окружения объектов, из чего проистекает концепт «мир без объектов» (world without objects); фокус исследователя смещается на процесс их постоянного со-формирования (Ibid.). Кроме того, критике подвергается и само понятие «пространства», по крайней мере, в его английском звучании (space). Исследователь акцентирует то, что деятельность людей протекает не в абстрактном пространстве, а в определенных местах, имеющих названия, уникальные морфологические, символические и аффективные особенности (Ingold 1993; 2011).

К. Линч, занимаясь изучением воображения городской среды горожанами, продемонстрировал эвристическую продуктивность анализа ментальных репрезентаций пространства (Линч 1982). Критерии соотношения пространства и места разрабатывал И-Фу Туан. Для характеристики мест, связанных с личными переживаниями человека, он ввел

понятие «топофилия» (Tuan 1990). Социолог и философ А. Лефевр утверждал, что социальное пространство реализуется посредством трех ключевых «модусов»: репрезентаций пространства (выражаемых преимущественно через деятельность узких групп людей – архитекторов, планировщиков, представителей власти), пространства репрезентаций (в этом модусе проявляются символические и аффективные аспекты пространства) и пространственных практик (в которых пересекаются предыдущие модусы). Люди связаны с этими модусами, соответственно, через осмысление, переживание и восприятие. Важной задачей исследователя было преодолеть замкнутость абстрактного пространства, воспроизводимого в обществе капиталистических отношений. Для этого он уделял большое внимание изучению практической деятельности, повседневности, аспектам телесности и иным категориям, которые нарушают единообразие насаждаемых абстракций (Лефевр 2015; Lefebvre 1991). Концепция «производства пространства», развиваемая А. Лефевром, является актуальной в рамках диссертации, поскольку отражает нестатичность социальной среды и демонстрирует комплексный подход к проблематике освоения пространства. В этой же связи является актуальным исследование А. Лефевра, в котором он предлагает инструментарий исследования ритмической организации социальных феноменов (Lefebvre 2004).

Развитием идей ритмоанализа А. Лефевра занимаются А. Бригенти и М. Кёрхольм. Они работают в русле особого направления – територологии (Territorology), которое предполагает изучение территориальных действий и отношений, а его целью является анализ выразительных и функциональных компонентов территорий, закрепленных их организационной и технологической спецификой (Brighenti 2010). Исследователи совмещают концепции окружающей среды (environment), окружения (milieus) и атмосферы (Brighenti, Kärholm 2020: 37-53). Идеи А. Лефевра также получили развитие в творчестве С. М. Лоу, которая изучает проблему трансляции гражданских интенций и социального сопротивления в структуре организации социального пространства на примере общественных локальностей Коста-Рики (Лоу 2016).

В середине и второй половине XX в. осмысление подвижности пространства привело к формированию в социальных науках «мобильного поворота». Одним из наиболее ярких представителей данного направления является Дж. Урри, который приходит к выводу о том, что не общество формирует мобильность, но, напротив, группы людей конституируются различными паттернами и средствами мобильности, анализу которых и посвящено творчество исследователя (Урри 2012а). Большое внимание мобильности также уделяли З. Бауман (2008), Э. Лид (Leed 1991), Т. Ингольд (Ingold 2011), И. О. Хабек (Habeck 2006). Следует отметить, что романтизация мобильности, которую можно усмотреть в трудах теоретиков движения, находит

критику в работах других ученых, обращающих внимание на неравенство доступа к мобильности отдельных социальных групп и стран (Cresswell 2010; Salazar, Smart 2011).

В последние несколько десятилетий среди исследователей возрос интерес к изучению разных аспектов материальной среды и вещей, что привело к так называемому «материальному повороту» в социальных науках. Одним из первых его представителей, обратившим внимание на субъектность вещей и показавшим, что вещи тоже обладают «культурной биографией», был И. Копытофф (Kopytoff 1986). Т. Ингольд пересматривает понятие «материальности», которое он, как и «пространство», относит к разряду слишком абстрактных категорий, и выдвигает на передний план «материалы» (materials) (Ingold 2007). По мнению Дж. Беннет, взаимодействия материальных объектов следует рассматривать как ассамбляж без деления на «живое» и «неживое», поскольку одно является неотъемлемым условием существования другого (Беннет 2018). Б. Латур называет материальность «недостающей массой», которой исследователи долгое время пренебрегали, предпочитая анализировать явления духовной культуры, общественные процессы и институты. Ученые не рассматривали материальные объекты как агентные и не видели в них той субъектности, которой они обладают, что приводило к эпистемологическим проблемам в социальных науках. По мнению Б. Латура, социальное во многом конструируется и существует посредством материальности, а вещи также являются социальными агентами (Латур 2004). К. Барад утверждает, что продуктивным подходом выступает перформативное рассмотрение материальности, в соответствии с которым вещи не существуют как предзаданные изолированные объекты, выражаемые с помощью языка, но перманентно формируются в процессе функционирования, встраиваясь в практические и дискурсивные поля (Barad 2003).

Интересу ученых к материальности и материалам созвучны подходы энвайронментальной антропологии, направленные на анализ существования людей в контексте различных природных сред: воздушной, земной, водной (Ingold 2011). Некоторые исследователи, изучающие повседневное взаимодействие людей и водоемов, предлагают использовать специальный термин для описания социальных процессов – «гидроперспективизм» (Krause 2017; 2019). Авторы считают, что ранее антропологические исследования были слишком «заземленными» а, следовательно, стабильными и неповоротливыми, поэтому анализ подвижных и текучих объектов способствует построению дополненных антропологических эпистемологий (Krause 2019: 94). Вода производит «гетеротопичность» пространства, позволяет разбавить жесткую доминирующую структуру твердых поверхностей (Foucault 1986: 24). Для анализа адаптивных стратегий к усиливающимся рискам, связанным с климатическими и гидрологическими изменениями, исследователи сосредотачивают внимание на «амфибийных» практиках выстраивания симбиотических форм

людей и водоемов (Jensen 2017). К схожей аналитической переориентации на водные объекты приходят С. Хельмрайх и К. Хаструп, называющие воду «машиной по производству теории» (theory machine), имея в виду потенциал выработки антропологических концепций, к которому может привести переосмысление роли воды в жизни людей (Helmreich 2011; Hastrup 2013). Антропологические работы, анализирующие значение материальности в жизни человека, расширяют способы концептуализации социальных практик и позволяют обновить подход к изучению процессов адаптации людей к окружающему пространству (Krause 2013).

Этнографическое изучение региона северной Якутии

Ранние сведения по этнографии рассматриваемого региона представлены отписками служилых людей о состоянии военно-административных дел и экономических событий на присоединенных территориях, а также ясачными, окладными, явчими книгами и иными материалами, в которых фиксировалась информация о численности, экономике, структуре коренного и пришлого населения (Боякова 2001). Первые научные исследования региона официально проводились Академией наук в ходе комплексных экспедиций (например, Великой северной экспедицией 1733–1744 гг. (Чикачев 2007: 11)). Важную роль в накоплении этнографической информации сыграли миссионеры и путешественники. Следует упомянуть о Ф. Врангеле, побывавшем на Колыме в 1820–24 гг., написавшем о сельскохозяйственных занятиях русских старожилов. Благодаря ему впервые на карте появилось село Русское Устье (Биркенгоф 1972: 92). Кроме того, нужно отметить исследовательскую деятельность А. И. Аргентова (1857), Г. Дьячкова (1893), Н. Н. Березкина (1893), Г. Л. Майделя (1894), Д. Кеннана (1896), отразивших хозяйственные практики, стратегии мобильности и содержание материальной культуры жителей северной Якутии XIX в.

Особенностью развития сибиреведения второй половины XIX в. стала активизация в нем политических ссыльных. Большой вклад в этнографическое изучение северо-востока Сибири внесли такие ученые, как В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, В. М. Зензинов. В. Г. Богораз, сосланный в 1889 г. на 10 лет в Среднеколымск, оставил публикации, посвященные особенностям быта и языка русского населения бассейна Колымы. В «Областном словаре колымского русского наречия» (1901) он сравнивает диалектные особенности русскоустыинцев, колымчан и походчан; им написана статья «Русские на Колыме», опубликованная в журнале «Жизнь» (Богораз 1899), в которой проанализированы хозяйственные занятия, материальная культура и межэтнические контакты русских старожилов. Кроме того, В. Г. Богораз изучал колымских чукчей и собирал материал по хозяйству, культуре и экономическим связям других народов Колымского округа.

В. И. Иохельсон, находясь в ссылке и, будучи прикрепленным к Среднеколымску, мог посещать окрестные места от Верхнеколымска до Нижнеколымска, присутствовать на ярмарках

и в деталях изучать быт коренного населения; кроме того, будучи участником многих научных экспедиций, он посещал и другие места северо-востока Сибири. В результате появились следующие публикации: «Олекминские скопцы: историко-бытовой очерк» (1894) и «Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении» (1895), в которых основной темой становятся вопросы развития сельского хозяйства региона. В 1894–1896 гг. В. И. Иохельсон принимает участие в Сибиряковской экспедиции. За время полевых изысканий исследователь посетил множество стойбищ юкагиров, чукчей, якутов, проживавших на реках Индигирка и Колыма. Особое внимание этнограф уделял юкагирскому населению, его культуре, хозяйству и языку. Научным итогом стали публикации «По рекам Ясачной и Коркодону» (1898), «Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе» (1898), «Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой» (1900) и пр. Следующим этапом исследований В. И. Иохельсона была Джезуповская экспедиция (1897–1902), в рамках которой исследователь был членом Охотско-Колымского отряда и принимал участие в изучении культуры коряков и юкагиров (Слободин 2005). В 2005 г. на русский язык была переведена фундаментальная монография исследователя «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы». В 2022 г. вышел в свет сборник, посвященный полевым исследованиям В. И. Иохельсона (Полевые исследования... 2022), в котором отражены различные аспекты культуры и хозяйства коренных жителей северной Якутии, в том числе основанные на ранее неопубликованных архивных материалах.

В 1910 г. на пять лет в Якутию был сослан В. М. Зензинов. В 1912 г. он попал в Русское Устье, где в течение года занимался сбором и обработкой этнографического материала. Результатом его труда стали следующие издания: «Старинные люди у холодного океана» (1914с), где описываются основные занятия, материальная и духовная культура русскоустыинцев; работа «Марковцы и русскоустыинцы: этнографические параллели и сравнения» (1914b), посвященная сравнительному анализу двух старожильческих групп; «В гостях у юкагиров» (1914a) и др. Важные сведения о социально-экономическом положении коренного населения региона в начале XX в. оставил мировой судья и орнитолог С. А. Бутурлин, командированный в регион для инспектирования ситуации, связанной с обеспечением местного населения жизненно важными ресурсами (Бутурлин 1907); кроме того, большой интерес представляет программа развития региона, предложенная С. А. Бутурлиным. С конца XIX – начала XX в. проводилась работа по публикации и анализу материалов ревизского учета населения Якутии, были сделаны первые выводы о динамике демографических процессов и их связи с хозяйством и внутренней политикой государства (Строгова 2004: 7), однако Всеобщая перепись 1897 г. так и осталась для Якутской области

единственной попыткой в дореволюционный период наиболее полно отразить численность и состав населения всей области (Курчатова 2002: 5).

В СССР исследования низовьев Индигирки, Колымы и Лены активизировались во второй половине 1920-х годов. Большой вклад в изучение всей Якутии внесла Комплексная якутская экспедиция (1925–1930 гг.), задачей которой было всесторонне исследовать территорию Якутии, принимая во внимание ее колоссальное пространство, малонаселенность, удаленность и труднодоступность многих районов (Дьяченко 2004). Верхоянский отряд возглавлял ленинградский этнограф Д. Д. Травин. Отряд работал в Жиганске и Верхоянском округе, включая с. Русское Устье, в 1927–1928 гг. Д. Д. Травин исследовал духовную культуру и общественную жизнь местного населения. Помимо этого, в его задачи входило изучение состояния дорог, транспортных средств и особенностей хозяйственной деятельности жителей региона (Пути великих свершений 2016; АМАЭ РАН Ф. К–V. Оп. 1. Д. 554).

В 1930-х годах в Русском Устье работали А. Л. Биркенгоф (1972), М. А. Кротов (1934), которые оставили ценные сведения по культуре жизнеобеспечения русских старожилов переходного периода. Они отразили процессы, связанные с установлением колхозной системы, и показали реакцию населения на происходящие изменения. Одним из крупнейших сибиреведов советского времени Б. О. Долгих была реконструирована динамика этнодемографических показателей на территории исследуемого региона (Долгих 1960). В арктических районах Якутии осуществляли экспедиционную деятельность такие исследователи, как И. С. Гурвич (который в течение длительного времени жил на Крайнем Севере, в 1950-х гг. он совершил несколько экспедиций на Индигирку, Колыму и Лену) (1966; 1977), Е. А. Крейнович (1972), В. А. Туголуков (1969), Р. В. Каменецкая, (1970-е гг.), Г. Н. Грачева (1980-е гг.), Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин, П. Швайтцер (1990-е гг.), А. Вентсель (Ventsel 2006). В их трудах были затронуты разные аспекты жизнедеятельности юкагиров, эвенов, эвенков, якутов, чукчей и русских старожилов.

В середине XX в. проводилась комплексная юкагирская экспедиция (Сулейманов 2013), а в 1975 г. вышла в свет монография «Юкагиры (историко-этнографический очерк)» (Гоголев и др. 1975), в которой были комплексно отражены как «традиционные», так и «советизированные» черты юкагирской культуры. Верхнеколымской группе юкагиров посвящены этнографические работы Н. И. Спиридонова (1996), Л. Н. Жуковой (2013), Р. Виллерслева (Willerslev 2007), В. И. Шадрина и Л. И. Винокуровой (2006). Для И. С. Гурвича, Р. В. Каменецкой, Г. Н. Грачевой характерен комплексный охват материала с акцентом на особенностях хозяйственной жизни, изменениях инфраструктуры региона и этнических процессах в среде коренного и пришлого населения региона. В книге Н. Б. Вахтина, Е. В. Головкин и П. Швайтцера «Русские старожилы Сибири...» (2004) проблематизируется

идентичность старожильческих групп. Объемный эмпирический материал по разным сферам жизни населения низовьев рр. Индигирки и Колымы содержат работы А. Г. Чикачева (1990; 2007). В трудах А. Н. Алексева органично сплетены археологические и этнографические материалы, отражающие процессы аккультурации жителей северной Якутии до и после присоединения региона к Российскому государству (Алексеев 1992; 1996). В монографии С. М. Баишевой и соавторов проанализированы этносоциальные аспекты адаптации коренных малочисленных народов севера Якутии в постсоветский период к окружающей среде (Баишева и др. 2012)

Следует отметить статьи Т. И. Аргуновой-Лоу (Argunova-Low 2016; 2021), З. Тарасовой и Е. Хлыновской-Рокхилл (Tarasova, Khlinovskaya-Rockhill 2017), в которых исследуются проблемы мобильности и пасторализма на примере неарктических районов Якутии. В некоторых работах отражены аспекты символического освоения пространства (через представления о переселении душ), среди них можно выделить статьи следующих авторов: Н. Б. Вахтин (2001), Л. Н. Жукова, М. А. Педерсен и Р. Виллерслев (Pedersen, Willerslev 2012), Л. Валликиви и Л. Сидорова (Vallikivi, Sidorova 2017). Значительный вклад в изучение того, какое влияние оказывает изменение климата на культуру и хозяйственные практики коренного населения, сделали Х. Такакура (Takakura 2016; Takakura et al. 2021) и С. Крэйт (Crate 2011; 2012; 2021). Многосторонним и плодотворным анализом проблем освоения пространства северной Якутии отличаются работы якутских историков и этнографов: Ф. Г. Сафронова (1978; 1980), П. В. Сосина (2001; 2005), В. А. Роббека (2011), Е. Н. Романовой (2014), В. В. Филипповой (2007), С. И. Бояковой (2001), А. А. Сулейманова (2018a; 2018b; 2020), С. А. Григорьева (2022) и других ученых. В Якутии издаются сборники, посвященные исследователям региона, в которых, помимо биографических публикаций, зачастую печатаются этнографические исследования текущих процессов (Эхо арктической Одиссеи... 2019; Народы и культуры Северной Азии... 2020); кроме того, выходят в свет работы, посвященные отдельным этнографическим темам (Русские арктические старожилы Якутии 2019).

Экономический, административный, а затем этнографический интерес к северной Якутии возник давно. Начавшись с эпизодических отписок служивых людей, со временем исследование этнических и социальных процессов в регионе переросло в полноценное этнографическое изучение академическими институциями. Полученные материалы имели как теоретическое, так и прикладное значение: на основе отчетов проводившихся экспедиций принимались меры по корректировке снабжения региона, разрабатывались проекты модернизации хозяйственной деятельности, перевода арктических жителей на оседлость; в то же время эти сведения позволяли отвечать на теоретические вопросы о процессах межкультурного взаимодействия, становились базой для создания сводных этнографических

трудов (Историко-этнографический атлас Сибири 1961) и разработки новых теорий (Левин, Чебоксаров 1955).

Теоретико-методологическая база

Исследование основано на качественной методологии сбора и анализа эмпирических данных. Для исследования фактографического материала применялись историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, и структурно-типологический методы. Первый дал возможность установить взаимные связи на нескольких уровнях отношений, определяющих функционирование ключевых действующих лиц в регионе: человек/окружающая среда, группа/окружающая среда, человек/группа, специфика контактов групп между собой. Историко-генетический метод позволил раскрыть факты, отражающие процесс освоения пространства северной Якутии, с учетом их изменения в ходе исторического развития. Благодаря историко-сравнительному методу было проведено сопоставление разных социальных коллективов в исторической динамике и определены изменения, касающиеся хозяйственных практик, которые исследовались посредством структурно-типологического метода. Последний открыл возможность выделить сложную структуру комплекса освоения пространства северной Якутии и применить этнографо-антропологический инструментарий, рассмотренный ниже.

Отправной точкой диссертации выступает деятельность местных жителей – локальные практики взаимодействия с ландшафтом, внешними локациями и людьми для получения необходимых ресурсов жизнеобеспечения. Важным теоретическим инструментом изучения данных процессов является понятие комплекса материальных объектов, который рассматривается в качестве практической единицы освоения пространства. Комплекс предполагает ситуативную настройку местными жителями различных компонентов деятельности в меняющихся условиях окружающей среды для достижения практического результата. Концептуальные основы комплексного подхода к изучению этнических сообществ были заложены С. М. Широкогоровым (2017), развиты в трудах М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова (1955), Л. В. Хомич (1966), Г. М. Василевич (1969), З. П. Соколовой (1998), В. А. Козьмина (2003), А. В. Головнёва (2009; 2018; 2021).

Согласно теоретическим положениям А. В. Головнёва, ключевым способом адаптации относительно немногочисленных групп кочевников к арктическим условиям стала мобильность, обеспечиваемая, во-первых, активным взаимодействием людей и животных (оленеводов и оленей) а во-вторых, оптимальным соотношением разных компонентов материальной и духовной культуры с окружающей средой (Головнёв 2018; Головнёв, Куканов, Перевалова 2018). Подход А. В. Головнёва демонстрирует важную методологическую установку, заключающуюся в анализе этнического сообщества как саморегулирующейся (но не

закрытой) системы, где компоненты со-настроены и создают синергетический эффект в результате действия всей системы (Головнёв 1993; 2018). В. Н. Давыдов дополняет данную исследовательскую рамку концептами «рефлексивной мобильности», «точек постоянных возвращений» и «интенсивно используемых мест», которые отражают стратегии перемещения и использования ресурсов коренными жителями Сибири (Davydov 2017; 2022). В диссертации предпринят методологический синтез, включающий принципы исследования классической и «новой» (А. В. Головнёв) этнографии, а также задействованы методологические наработки проекта Российского научного фонда «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений».

Помимо этого, концептуальными маяками диссертации являются теоретические выводы А. Лефевра и П. Бурдьё о том, что пространство не является однородным и неподвижным. Отклик в работе находит критика А. Лефевром «абстрактного» логико-математического пространства, которое игнорирует аспекты повседневной деятельности и телесности (Лефевр 2015). По мнению П. Бурдьё, практика функционирует по своим законам и принципам, отличным от сугубо интеллектуальных схем. Проблема интерпретации практической деятельности обуславливается нахождением в ней «дологических форм мышления», на основе которых строится практика и ее субъект, не укладывающиеся в рамки строгих логических постулатов. Безусловно, в практике присутствует логика, но практика не подразумевает (или исключает) овладения выраженной в ней логикой, поскольку если бы она была произведена согласно полностью сознательным правилам порождения, то оказалась бы лишённой всего, что ее определяет: неуверенности, колебаний, вытекающих из того, что практика основана не на сознательных и постоянно действующих правилах, а на практических схемах, непрозрачных для самих себя, склонных к изменениям в зависимости от логики ситуации. Соответственно, логика, формализация и математическая строгость – это понятия, которые присутствуют в практической деятельности, но далеко не исчерпывают ее содержание (Бурдьё 2017). Общим в подходах А. Лефевра и П. Бурдьё оказывается то, что «повседневность» у первого исследователя и «практическая деятельность» у второго выступают в качестве ключевых источников преобразований, творческих прорывов, связующего звена многих пространственных компонентов. Кроме того, в рамках диссертации также актуальны концепты Т. Ингольда: «мышление через делание» (*thinking through making*) и «перспектива обитателя» (*dwelling perspective*), раскрывающие локальные особенности освоения окружающей среды (Ingold 1993; 2013).

Важным концептуальным инструментом в диссертации является понятие аффорданса (возможности), предложенное когнитивным психологом Дж. Гибсоном. Экологический подход, развиваемый указанным автором, предполагает рассмотрение актуальных аспектов

пространства в процессе визуального восприятия окружающего мира. Аффорданс представляет собой возможность (полезную или вредную), которую открывают человеку (или животному) визуально обнаруживаемые компоненты пространства. Аффорданс это то, что одновременно относится и к окружающему миру, и к человеку таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов и предполагает взаимодополнительность окружающего мира и человека (Гибсон 1988: 188).

В диссертации большое внимание уделяется материальным объектам, благодаря которым жители северной Якутии имеют возможность осуществлять необходимый для них набор повседневных действий в определенных территориальных границах. В связи с этим методологически продуктивным представляется обращение к антропологическому направлению «Новой материальности», представленному в работах Т. Ингольда (Ingold 2007; 2011), Б. Латура (2020), К. Барад (Barad 2003), Дж. Беннет (2018), в соответствии с которым вещи обладают агентностью и выступают важными субъектами социальных отношений.

Совокупность представленных методологических направлений лежит в основе диссертации. Она позволяет комплексно проанализировать особенности освоения пространства северной Якутии местными жителями и определить ключевые стратегии использования ресурсов в арктических условиях в контексте этнической, социально-экономической и экологической динамики.

Научная новизна

Научная новизна диссертации заключается в применении комплексного сочетания исследовательских подходов к проблематике освоения пространства северной Якутии коренными и некоренными группами народов. В исследовании сильная взаимосвязь многочисленных акторов локальной среды рассмотрена в качестве важной стратегии стабилизации процессов жизнеобеспечения полиэтничных групп региона. Работа вносит вклад в этнографическое и антропологическое изучение пространства и анализ использования материальных объектов населением труднодоступных территорий, характеризующихся дефицитом ресурсов, экологической и экономической нестабильностью. Исследование основано на широкой источниковой базе, содержащей новые, впервые вводимые в научный оборот материалы, собранные автором в архивах и экспедициях.

Положения, выносимые на защиту

1) Окружающая природная среда является неотъемлемой частью локальных комплексов материальных объектов, используемых полиэтничным населением северной Якутии для поддержания жизнедеятельности. В таких комплексах происходит освоение природы через включение ее нестабильных компонентов в хозяйственно-бытовые практики.

2) Локальная материальная среда представляет собой регионально-специфический феномен и базируется на принципах минимализма, полифункциональности вещей и поликомпетентности местных жителей.

3) По причине дефицита ресурсов и сильной изменчивости пространства устойчивость системы жизнеобеспечения местных жителей достигается благодаря временной концентрации людей и материальных объектов в разных локусах, причем одни и те же люди и вещи могут участвовать в формировании разных комплексов, а само пространство деятельности производится и корректируется в процессе взаимодействия материальных и нематериальных акторов.

4) Реализация повседневных задач осуществляется жителями северной Якутии путем совмещения связей разных масштабов, в которых находятся используемые объекты деятельности и реализуемые практики.

5) С целью более эффективной адаптации к экономическим и экологическим условиям местные жители интенсифицируют связи между материальными и нематериальными объектами и практиками, которые являются не изолированными компонентами структуры жизнедеятельности, а выступают взаимодополнительными частями комплексов освоения пространства.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы заключается в обобщении взаимосвязей между полиэтничным населением северной Якутии и окружающим природным пространством в контексте экологических изменений; диссертация вносит вклад в развитие антропологии инфраструктуры и материальности. В исследовании выявлено и проанализировано многогранное значение материальных объектов в повседневности населения региона. В работе концептуализирован основной способ освоения пространства локальными сообществами в XXI в., который заключается в производстве ритмически организованных комплексов взаимосвязанных материальных и нематериальных объектов, соотнесенных с условиями окружающей среды. Важнейшей задачей местных жителей является создание и поддержание контекста реализуемой деятельности. Полученные выводы могут быть использованы при изучении стратегий освоения пространства других сообществ, проживающих в иных регионах России и мира.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее выводы могут быть использованы для подготовки семинарских и лекционных занятий по антропологии/этнографии пространства. Помимо этого, приведенные данные актуальны для представителей районных администраций, поскольку дополняют и концептуализируют имеющиеся сведения о практиках жизнеобеспечения коренных и старожильческих народов северной Якутии. Учет структуры

связей материальных и духовных аспектов локального пространства, выявленных в диссертации, представляется необходимым условием при осуществлении промышленных проектов в регионе. Игнорирование локальных отношений людей и пространства, с одной стороны, может нанести непоправимый урон качеству жизни местных сообществ, а, с другой стороны, способно привести к деструктивным последствиям в реализации индустриальных проектов. Проанализированные связи между материальными объектами, социальной и природной средами могут быть учтены при создании инфраструктурных, хозяйственных и жилых построек в северной Якутии для проработки потенциальных рисков и принятия мер по их минимизации. В 2018 г. мною был подготовлен доклад, посвященный обобщению механизмов освоения пространства населения Жиганского района, который был изложен в администрации с. Жиганск; кроме того, я принял участие в качестве эксперта на I Съезде арктических русских старожилов Республики Саха (Якутия) «Полярное вече» в 2021 г. Материалы диссертации использовались при подготовке лекции «Люди и животные в Арктике: пространства взаимодействия» (Санкт-Петербургский государственный университет, октябрь 2021 г.). В 2022-2023 гг., используя сделанные в экспедициях фотографии, принимал участие в организации серии из пяти фотовыставок, которые проходили в Санкт-Петербурге, г. Анадырь, пгт. Эгвекинот (Чукотка). Представленные фотографии отражают особенности освоения пространства и ресурсов коренным населением северной Якутии. В мае 2022 г. я выступал на телеканале «Санкт-Петербург» в репортаже, посвященном фотовыставке «66°33' Вкус Заполярья».

Апробация и степень достоверности

Степень достоверности полученных результатов подтверждается вводом в научный оборот этнографических и исторических материалов, собранных мною в рамках полевых экспедиций и работы в архивах. Основные положения диссертационного исследования отражены в докладах, представленных на международной конференции «Полярные чтения-2019. Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее», Ледокол «Красин» (Санкт-Петербург, апрель 2019 г.); научной конференции Радловские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург 2019, 2021–2023 гг.); международном семинаре «Animals of the Arctic: from symbiosis to symbols». The 9th Arctic Workshop of the University of Tartu, Estonia (Тарту, Эстония, май 2019 г.); Международной междисциплинарной Тунгусской конференции (Амурский государственный университет, июнь 2019 г.); XIII Конгрессе антропологов и этнологов России (Казань, июль 2019 г.); Международной конференции «XI Сибирские чтения “Энергия Арктики и Сибири: ресурсы, технологии, инфраструктура”» (Санкт-Петербург, октябрь 2019 г.); V Северном археологическом конгрессе (Ханты-Мансийск, декабрь 2019 г.); Международной конференции

«History of Arctic Anthropology» (Royal Anthropological Institute, Лондон, Великобритания, февраль 2020 г.); Шестом международном симпозиуме по арктическим исследованиям (ISAR-6) (Токио, Япония, март-апрель 2020); Всероссийской научно-практической конференции «Народы и культуры северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич» (Якутск, сентябрь 2020); международном конгрессе International Union of Anthropological and Ethnological Sciences «Coming from Age on Earth: Legacies and Next Generation Anthropology» (Шибеник, Хорватия, март 2021); Международном конгрессе арктических социальных наук (International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS X) (Архангельск, июнь 2021); XIV Конгрессе антропологов и этнологов России (Томск, июль 2021); Научно-практической конференции «Кытмановские чтения – 2022» (Енисейск, апрель 2022); Международной научной конференции «XII Сибирские чтения. “Ресурсы Арктики и Сибири: техники, технологии, жизнеобеспечение”» (Санкт-Петербург, октябрь 2022). Фрагменты диссертации обсуждались на ряде заседаний Северного антропологического семинара МАЭ РАН (2018-2023 гг.).

По теме диссертации опубликовано 8 статей на русском и английском языках, в том числе 8 – в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ, из них 7 – Scopus и 6 – Web of Science (две статьи в журнале с первым квартилем (Q 1)), а также авторская монография (в соавторстве), глава коллективной монографии и глава в каталоге этнографических коллекций.

Структура диссертации

Диссертационная работа содержит четыре главы, оглавление, введение, заключение, список источников и литературы, список сокращений и приложение.

Введение включает в себя обоснование актуальности рассматриваемой проблематики, формулировку объекта, предмета, цели и задач исследования, анализ степени изученности темы, характеристику методологической базы, используемых архивных материалов, новизны, теоретической и практической значимости работы. В первой главе описаны географические условия проживания изучаемых сообществ северной Якутии, проанализированы исторические аспекты их взаимодействия в XVII–XX вв., отражены основные этапы трансформации хозяйственных практик и материальной культуры. Вторая глава посвящена анализу рисков, влияющих на социально-экономические процессы в регионе. В качестве важнейшего фактора, структурирующего систему жизнеобеспечения исследуемых сообществ, выделена и изучена динамика природной среды. В третьей главе проанализированы практики использования материальных объектов местными жителями в условиях многочисленных рисков и дефицитов; выявлены базовые принципы этого процесса. В четвертой главе рассмотрены основные стратегии получения жизненно важных ресурсов населением северной Якутии, проанализированы различные масштабы практик жизнеобеспечения, а также уделено внимание

такой стратегии адаптации к условиям многочисленных рисков и дефицитов, как связность компонентов окружающего пространства. В заключении представлены выводы диссертации.

Глава 1. Освоение пространства северной Якутии и взаимодействие локальных сообществ в XVII–XX вв.

Природные условия являются ключевым фактором подавляющего количества процессов, исследуемых в диссертации, поэтому глава начинается с характеристики экологической среды северной Якутии (Параграф 1.1). Для более глубокого понимания практик освоения пространства в XXI в. следует, во-первых, обратиться к анализу хозяйственно-культурного разнообразия региона (Параграф 1.2), а во-вторых, изучить процессы формирования адаптивных стратегий и материальных комплексов, которыми характеризуется местное население (Параграфы 1.3.1, 1.3.2). Радикальные перемены, произошедшие в системе жизнеобеспечения всей страны в период СССР, оказали сильное влияние и на жителей арктических районов Якутии (Параграф 1.4). После 1991 г. была разрушена социально-экономическая система, выстраиваемая десятилетиями. В это время наблюдается значительный отток населения из северных районов, однако те, кто остался, должны были вырабатывать новые стратегии адаптации к изменившимся условиям (Параграф 1.5).

1.1 Географическая характеристика региона

Территории северной Якутии находятся в арктическом, субарктическом и умеренном климатических поясах, в зонах тундры, лесотундры и северной части таежной зоны (Национальный атлас России 2004: 356–359). Регион изобилует реками, озерами, сочетаниями горных хребтов и низменностей. Долины рек имеют поймы и террасы высотой 6–10 м (Телятников и др. 2015: 129). Лето характеризуется множеством солнечных дней, засушливостью, однако присутствуют и периоды проливных дождей. Частые вторжения холодных масс воздуха понижают температуру поверхности почвы, подвергая ее заморозкам. В сентябре формируется Сибирский антициклон, который способствует резкому падению температуры воздуха. В конце августа снег ложится на островах, в начале сентября – в тундровой зоне, в первой декаде октября – в центральной Якутии. Средняя температура в январе составляет -30 °С, минимальная достигает -58 °С. В первой половине зимы циклоны приносят массы теплого морского воздуха, часто сопровождающиеся сильными ветрами и продолжительными метелями. За Северным полярным кругом в холодное время года на 2–4 месяца устанавливаются полярные ночи, а в летний период наступает полярный день (Сосин 2005) (Рисунок 3).

Жиганский район расположен в северо-западной части Якутии, через район проходит граница Северного полярного круга. Местный климат резко континентальный, пик отрицательных средних температур приходится на январь и составляет $-35,2$ °С (Стратегия социально-экономического развития... 2018: 7). Летние показатели средней температуры невысокие и в самый теплый период колеблются в интервале между 14 и 19,1 °С. Рельеф представлен слегка всхолмленной, заболоченной, низменной равниной. На востоке находятся

отроги Верхоянского хребта высотой от 400 до 2000 м над уровнем моря. Главной водной артерией района является судоходная река Лена (Рисунок 4). Район обладает обширной гидрологической сетью, представленной озерами и реками средней и малой величины: рр. Моторчуна, Мэнкэрэ, Муна, Линдэ, Сюнгюдэ. Период ледостава приходится на середину октября, а вскрытие рек от льда происходит во второй половине мая. Территория изобилует сотнями богатых рыбой озер, которые используются местными жителями в хозяйственной деятельности. Почвы мерзлотные, флора представлена лиственничными лесами с вкраплениями сибирской ели; ландшафт формируют низкорослые и стелющиеся кустарники, болота и заболоченные луга (Стратегия социально-экономического развития... 2018: 8) (Рисунок 7). На территории Жиганского района произрастают: дикая и красная смородина, голубика, брусника, морошка. Следует отметить, что токсичные свойства растений уменьшаются с приближением к Северу, а содержание витаминов, напротив, увеличивается (Тихомиров 1962; Казначеев 1980: 90). В районе обитают олени, лоси, зайцы, медведи, волки, белки, соболи, горностаи, глухари, куропатки, утки, гуси, промысловые виды рыб: ряпушка, омуль, нельма, чир, сиг, хариус, щука, налим, осетр и др., которые добываются местными жителями.

Аллаиховский район находится на северо-востоке Якутии, с севера омывается водами Восточно-Сибирского моря. Район целиком расположен за полярным кругом на Яно-Индибирской и Колымской низменностях, на юге и востоке рельеф становится более высотным, что обусловлено наличием Полоусного кряжа, хребта Улахан-Сис и Кондаковской возвышенности. Это территория тундры и лесотундры. Почвы мерзлотные, климат относится к арктическому и субарктическому, характеризуется холодной затяжной зимой и коротким, относительно холодным летом. Зима начинается в октябре и заканчивается во второй половине апреля-мая. Средняя температура января -38°C , часты метели. Средняя температура самого теплого месяца – июля $8-12^{\circ}\text{C}$ (Телятников и др. 2015: 130). Основной водной артерией является река Индигирка (Рисунок 5). В нижнем течении она разделяется на три протоки: Русскоустыинскую, Среднюю и Колымскую. Водные артерии Аллаиховского района сильно меандрируют, формируя намывные острова, протоки, а в устьях – дельты (Там же: 129–120). В районе большое количество озер (Майдель 1894: 325). Растительность района представлена кустарниковой ольхой, даурской лиственницей, карликовой березой, ивой, мхами, лишайниками, брусникой, голубикой, морошкой, багульником; в тундре растут грибы. Разнообразие животных в основном схоже с Жиганским районом. Отличительной особенностью является то, что Аллаиховский район выступает местом гнездования белого журавля (стерха), внесенного в Красную книгу; кроме того, на данной территории восстанавливается популяция овцебыков.

За восточной границей Аллаиховского района находится Нижнеколымский район (Рисунок 6). Он также полностью расположен за полярным кругом. Основная площадь рельефа формируется Колымской низменностью, стелющейся вдоль бассейнов рек Алазея, Большая Чукочьа – до левого берега Колымы. Подавляющую площадь района занимают тундры, но встречаются зоны лесотундры, а вдоль южной границы проходит зона лесов. Центральную часть района формируют Олёринская и Халарчинская низменности, имеющие всхолмленную поверхность, испещренную долинами рек Алазеи, Большой Чукочьей, Колымы. Территория относится к зоне резко континентального климата (Постановление об утверждении... 2017). Переход к отрицательным температурам происходит в конце сентября, а к положительным в последних числах мая, однако иногда наблюдается наступление заморозков уже в июле. Для Нижнеколымского района характерны мерзлотные почвы, создающие в совокупности с иными природными компонентами схожий с Аллаиховским районом состав флоры. Главной рекой является Колыма, к бассейну которой относятся реки Пантелеиха, Большой и Малый Анюй, Омолон, Филипповка, Сухарная и др. Важной водной артерией в жизни населения западной части района выступает река Алазея; кроме того, большим значением в хозяйственной деятельности обладают многочисленные озера. Животный мир включает в себя 121 вид гнездящихся птиц (среди которых куропатки, утки, гуси, совы, вороны), 33 вида млекопитающих (олени, лоси, зайцы, лисицы, соболи, бурый и белый медведи, песцы, ондатры, волки и др.); основные виды рыб: чир, сиг, омуль, муксун, нельма, ряпушка (Нижнеколымский улус... 2003).

Большая площадь перечисленных районов отличается богатством речных и горных систем, флоры и фауны, которые в прошлом являлись основой всех практик жизнеобеспечения коренных народов, а также продолжают оказывать значительное влияние на повседневность местных жителей. Наряду с локальным ресурсным многообразием и потенциалом, природные условия региона создают многочисленные преграды его освоения, обусловленные экстремальными климатическими показателями, труднодоступностью, нестабильностью многолетней мерзлоты, изменчивостью количества животных и путей их миграции. Следовательно, проживая на севере Якутии, люди одновременно пребывают в условиях многообразия и недостатка, граница между которыми весьма тонкая.

1.2 Хозяйственные стратегии освоения локальных ресурсов коренными жителями Якутии

Исследователи традиционной культуры и коренных народов часто отмечают фундаментальное значение окружающей природы для формирования системы жизнеобеспечения этнических сообществ (Мартынова, Пивнева 2001; Головнёв, Куканов, Перевалова 2018; Волковицкий, Терёхина 2020; Nastrup 1998; Klokov, Davydov 2019; Oehler 2020; Crate 2021; Takakura et al. 2021). С. И. Боякова подчеркивает, что вариабельность

сочетаний различных культурных и природных компонентов, разнородной хозяйственной, лексической и мировоззренческой картин приводила к формированию на территории Якутии уникальных хозяйственно-культурных комплексов (Боякова 2012: 79). Е. Н. Романова отмечает, что диалог человека с природной средой создавал своеобразный кодекс взаимоотношений; человек включался в природу, соотнося с ней хозяйственную, социальную, ритуальную и биологическую жизнь (Романова 2003: 79).

Север Якутии был и остается местом активного взаимодействия разных этнических групп (Рисунок 8). В настоящее время здесь проживают представители эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей, долган, якутов, русских, украинцев и некоторых других сообществ. Этническая мозаика региона на протяжении веков меняла конфигурацию: происходило смешение, переселение, дробление, вытеснение различных групп, что делает проблематичным вычленение обособленных этнических единиц, которые бы не имели связей с другими этническими сообществами (Гурвич 1966; Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004). Однако в диссертации важны не этногенетические построения, а анализ способов взаимодействия людей и окружающей среды, посредством которого население адаптируется к проживанию в суровых условиях.

Юкагиры. К началу продвижения представителей Российского государства на северо-восток Азии территория проживания юкагиров была обширной и простиралась от р. Лены до р. Анадыря (Рисунок 11). Следует отметить, что юкагиры не представляли монолитной этнической общности. Так, в XVII в. они делились на родоплеменные группы: когимэ, олюбенцы, анаулы, ходынцы, хоромбои, омолонцы, омоки и др. (Шадрин 2022: 186). И. С. Гурвич, основываясь на анализе литературы и источников, писал о том, что к моменту прихода русских на север Якутии юкагиров насчитывалось около 4500 человек (Гурвич 1966: 12). Экологическая нестабильность, голод, эпидемии оспы, стычки с представителями Российского государства и соседними народами, а также процессы ассимиляции приводили к сокращению количества юкагиров. К 1830 году основными местами проживания юкагирских родов были районы рек Яны, Омолойя, Ясачной, Коркодона, Алазеи, Большого и Малого Анюя, Омолоня, Россошьей, Пенжины, а их численность составляла 800 человек (Гурвич 1966: 140). В 1897 г. общее количество юкагиров вместе с анадырской группой составило 544 человека (Там же: 145). Они проживали на территории Верхоянского, Колымского и Анадырского округов (Там же: 140, 144, 146) (Рисунок 13).

На рубеже XIX–XX вв. основными сферами хозяйственной деятельности юкагиров были охота на диких оленей и лосей, рыболовство и оленеводство (Туголуков 1969; Крейнович 1972; Спиридонов 1996; Иохельсон 2005). К подсобным хозяйственным занятиям относились сбор дикоросов: кедровых орехов, ягод, дикого лука, сараны, листьев, грибов, лиственничной

заболони (Шадрин 2022: 193). Количество оленей в хозяйстве одной семьи было минимальным: от 2–3 до 10–20, но встречались и крупные хозяйства, насчитывавшие 100–150, а в редких случаях 1000 голов (Гоголев и др. 1975: 57–58). Летом на оленях передвигались верхом, используя животных под вьюк. Когда устанавливался снежный покров, юкагиры применяли ездовые и грузовые нарты, в которые запрягали по одному оленю. Кроме того, для передвижения задействовали ездовых собак (Шадрин 2022: 193); зимой в ходу были лыжи, летом по воде передвигались на лодках-берестянках, лодках-долбленках и плотках (Гоголев и др. 1975: 63; Народы... 2010: 646).

Годовой цикл выпаса оленей тундренными юкагирами делился на летнюю и зимнюю части. Первую проводили в тундре, в конце июля подходили к морскому побережью, а к зиме возвращались в лесные и скальные районы (Гоголев и др. 1975: 58). Перекочевка в лесотундру начиналась в марте; на апрель выпадал период отела. В это же время интенсифицировалась охота на диких оленей. В мае, следуя путями их миграции, юкагиры попадали в тундру в районе озер Большая и Малая Олёра, а также в низовьях реки Алазеи. В тундровой зоне происходила трансформация хозяйственной структуры: крупные группы делились на малые, кочевавшие по индивидуальным маршрутам. На середину июля приходился период охоты на линного гуся, в котором принимали участие все половозрастные группы. Основное время промысла дикого оленя выпадало на осень, когда небольшие стада животных объединялись в более крупные и следовали на юг. Юкагиры отправлялись за мигрирующими животными, параллельно занимаясь рыболовством. Промысел дикого оленя и лося продолжался и зимой (Шадрин 2022: 189). С приходом русского населения активизировалась добыча пушного зверя, шкуры которого использовались для уплаты ясака, а также играли роль денежного эквивалента в местных экономических операциях. Основными объектами промысла тундренной группы были соболь, песец и лиса (Иохельсон 2005: 551–553; Шадрин, Винокурова 2006).

Базовым компонентом рациона юкагиров являлось мясо, дополняемое рыбными блюдами (Гоголев и др. 1975: 64; Шадрин 2022: 192). К традиционным жилищам относились ураса, холомо (голомо) и чандалы (Гоголев и др. 1975). Переносные жилые постройки тундренных юкагиров напоминали цилиндрическо-конические яранги чукчей и оленных коряков. Основными материалами их производства служили шкуры оленя и деревянные шесты (Народы... 2010: 651–655). Тунгусско-юкагирский комплекс одежды (основным материалом для его изготовления служили олений мех и ровдуга) состоял из кафтана без воротника на завязках с расходящимися полами, к которому прилагался нагрудник. Кроме того, в комплекс одежды входила капорообразная шапка, штаны с меховыми чулками и обувью типа унтов (Иохельсон 1900; Иохельсон 2005: 563; Народы... 2010: 662). Как сообщают исследователи, в XX в. лучше сохранилась промысловая юкагирская одежда (Жукова 1996: 9–10).

Чукчи. Первое упоминание о чукчах в российских источниках относится к 1641/42 году, когда на реке Алазее они оказали сопротивление сборщикам ясака (Орлова 1951: 134–135). Как и другие народы региона, чукчи не составляли единую общность, а существовали в виде отдельных групп. На территории Якутии районом их проживания была область Халарчинской тундры между рр. Алазеей и Колымой, где они занимались оленеводством, сочетая его с охотой на морского зверя (Гурвич 1966: 47) (Рисунок 11). В период этнографических наблюдений В. Г. Богораза чукчи практиковали охоту на моржей, переезжая весной к морю (Богораз 1934: 33). По расчетам Б. О. Долгих в середине XVII в. чукчей-олeneводоов на северо-востоке Сибири было около 2 тысяч (Долгих 1960: 554). К концу XVIII столетия они осваивали значительную площадь северо-восточной Сибири: от притоков р. Колымы – рр. Омолон, Большой и Малый Анной на западе до северной Камчатки на востоке, а их численность составляла примерно 10 тысяч человек (Гурвич 1966: 116–117) (Рисунок 12). В XIX в. оленные чукчи достигали восточной части нынешнего Аллаиховского района. В Якутии в 1897 г. проживало всего 1556 чукчей (Там же: 191) (Рисунок 13).

Чукчи делятся на две основные группы: приморских – оседлых охотников на морского зверя и тундровых – кочевых оленеводов (История Чукотки 1989; Народы... 2010: 507). Главным компонентом системы жизнеобеспечения чукчей Якутии было оленеводство, частично дополняемое рыболовством, охотой и собирательством. С развитием оленеводства уменьшалось значение других видов хозяйственной деятельности (Богораз 1934; 1939; 1991; История и культура чукчей 1987; Народы... 2010: 517). Исследователи пишут, что в XVII–XVIII вв. чукотское оленеводство развивалось во многом благодаря захвату оленей у коряков и юкагиров (Народы... 2010), а также в связи с увеличением спроса на продукты оленеводства со стороны соседних групп и в результате интеграции в российские и американские торговые сети (Ярзуткина 2011). Оленеводство играло важную роль в жизни чукотских сообществ, поскольку оно давало все необходимое для жизни – пищу, одежду и обувь, ресурсы для строительства жилища и средств передвижения (Народы... 2010: 518–520). Неуклонный рост поголовья в XIX в. привел к появлению у чукчей крупностадного оленеводства. Средний размер стада составлял около пятисот голов, более крупные достигали пяти тысяч (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 28–29). По данным А. И. Аргентова, максимальное число животных доходило до 10–12 тысяч голов (Аргентов 1857: 93). Оленеводство неотделимо от ландшафта, поэтому увеличение стад требовало расширения пастбищ, в связи с чем в XIX в. группы чукчей продвинулись на запад и кочевали уже в междуречье Алазеи и Индигирки (Богораз 1991). До XX в. у чукчей-олeneводоов отсутствовала пастушеская собака (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 33), поэтому все функции по выпасу стада выполнял человек. Дополнительным источником ресурсов служила охота на мясного и пушного зверя: диких оленей, лосей, росомх, волков,

лисиц, песцов, горных баранов, бурых и белых медведей, водоплавающую дичь. Со временем доминирующее положение по отношению к другим видам «сухопутного» охотничьего промысла заняла охота на пушного зверя (Народы...2010: 525). Однако, в целом, доля сухопутной охоты в системе хозяйства чукчей была относительно невелика (Вдовин 1965: 187). Рыболовство также носило вспомогательный характер, о чем свидетельствовала неразвитость промыслового инвентаря (Олсуфьев 1896; Калинин 1912).

Разнообразие средств перемещения кочевых чукчей было представлено, во-первых, оленьими упряжками двух видов: грузовыми и легковыми; во-вторых, было распространено ездовое собаководство; в-третьих, для индивидуального перемещения по снегу использовали ступательные лыжи-ракетки *вэлвыегыт*; для перемещения по льду их переоборудовали в «кошки», прикрепляя к лыжам шипы из моржового клыка, бивня мамонта или рога оленя. Водные транспортные средства были представлены одноместными байдарками и многоместными байдарками; при необходимости строили плоты (Народы... 2010: 530). Оленные группы в случае необходимости прибегали к использованию байдар морских зверобоев (Вдовин 1965: 41).

Основу питания кочевых чукчей составляло мясо оленя. В. Г. Богораз писал, что оленеводческие группы высоко ценили продукты морского промысла, и, наоборот, прибрежные оседлые группы с удовольствием дополняли рацион олениной, поэтому между разными чукотскими сообществами действовали устойчивые практики обмена, позволявшие получать желаемые продукты (Богораз 1991: 126). Отличительной чертой алиментарной культуры чукчей, как и их соседей, было стремление к максимальному использованию энергетического потенциала ресурсов (Там же: 129).

Жилищем оленеводов была яранга, которая представляла собой переносную каркасную цилиндрическо-коническую постройку, сделанную из деревянных жердей, покрытых сверху в зимнее время оленьими (или моржовыми) шкурами, а летом – брезентом (Соколова 1998: 75–77). Ресурсы окружающей среды давали возможность изготавливать все необходимые детали одежды. Основным материалом служили шкуры и кожа оленей и морских млекопитающих. Для пошива также использовали шкуры нерп, морских птиц, куниц, евражек, морских котиков и иных животных; кроме того, задействовали старые продымленные покрышки яранг, из которых изготавливали ровдугу. Устойчивый комплект чукотской мужской национальной одежды состоял из подпоясанной ремнем кухлянки из оленьих шкур, ситцевой камлейки, которую надевали поверх кухлянки, штанов, дождевика из моржовых кишок, головных уборов, рукавиц, изготавливаемых из оленьих лап мехом наружу, а также нагрудника из сшитых оленьих лап. Характерной обувью были короткие сапоги из оленьей кожи и тюленьих шкур; помимо этого, бытовали высокие торбазы из тюленьей кожи. Важным предметом обмена между двумя

группами чукчей были шкуры животных. Береговые чукчи обменивали шкуры лахтака на теплую одежду у тундровиков, а оленеводы взамен получали крепкие ремни для арканов и шкуры из лахтака. Из последних шили обувь, главным образом подошвы, так как оленеводы окарауливали оленей без собак, много передвигаясь, что быстро изнашивало подошвы, которые нужно было часто менять. Основой женского костюма являлся меховой комбинезон до колен с длинными рукавами (*керкер*) и короткие штаны; обувь имела покрой схожий с мужским. В качестве праздничной одежды и во время поездок на дальние расстояния поверх кухлянки носили рубашку с капюшоном мехом внутрь (Народы... 2010: 534–537).

Эвены. Ко времени появления на северо-востоке Сибири представителей Российского государства район проживания групп эвенов включал значительную площадь: от р. Лены, вдоль рр. Индигирки, Колымы, Юдомы, Урак, Охоты и их притоков – до побережья Охотского моря (Рисунок 11). И. С. Гурвич оценивал их численность в середине XVII в. в 6000–6200 человек (Гурвич 1966: 27). Во второй половине XVIII в. крупные группы эвенов прочно заняли горные районы Якутии: их административные роды находились в подчинении Усть-Янского, Верхоянского, Верхне-Колымского зимовий, а также Зашиверского острога; численность проживавших на территории Якутии эвенов в 1766 г. равнялась 1000–1200 человек (Рисунок 12). Всего на Северо-Востоке их проживало около 4000–4300 человек (Там же: 81). Общая численность эвенов по переписи 1897 г. составляла 9880 человек, в том числе в Якутской области числилось около 3700 человек (Там же: 162, 164) (Рисунок 13).

В хозяйственном отношении эвены в конце XIX – нач. XX в. делились на оленных и пеших, занимавшихся охотой и рыболовством (Окладников, Гурвич 1957; Попова 1981). Безоленные береговые эвены жили в поселках, состоявших из небольшого числа жилых построек, передвигались на собачьих упряжках, вели обмен с эвенами-оленеводами, поскольку последние нуждались в нерпичьих шкурах и рыбе, а первые в оленьих шкурах и мясе. Оленеводство второй группы выступало системообразующей хозяйственной отраслью, с которой были связаны бытовые традиции, обычаи, а также семейные, ритуальные, погребальные и иные обряды (История и культура эвенов... 1997: 63). Эвенам удалось вывести особую породу домашнего оленя, отличающуюся высоким ростом и выносливостью. Ее ценили соседние коряки и чукчи и давали 2–4 своих оленей за одного эвенского⁴. Изменение маршрутов миграций дикого оленя стало стимулом развития домашнего оленеводства. В результате увеличения поголовья произошел переход от многоукладной экономики,

⁴ В настоящее время чукчи, проживающие в с. Колымское, а также юагиры и эвены из с. Андрюшкино говорят, что чукотская порода (харгин) позволяет добиваться лучших хозяйственных показателей по сравнению с эвенской.

включавшей оленеводство наравне с охотой и рыболовством, к специализированному крупностадному оленеводству (Там же: 64–65).

Кроме оленей, промысловое значение для эвенов имели лось, заяц, белка, соболь, горноста́й, чернобурая лисица, росомаха, гусь, утка, глухарь, куропатка и ряд других животных; у прибрежных групп практиковалась охота на морского зверя. Особое место среди остальных животных занимал медведь, охота на которого была связана с обрядовым комплексом и завершалась медвежьим праздником. Важную роль играло речное, озерное и прибрежное рыболовство. Объектами промысла являлись кета, кижуч, чавыча, горбуша, хариус, голец и др. Вспомогательным занятием было собирательство, обогащавшее рацион морошкой, брусникой, голубикой, орехами (История и культура эвенов... 1997).

Традиционный рацион эвенов целиком базировался на ресурсах окружающей среды: мясе, рыбе, растениях и их плодах (Там же: 84–86). Для эвенов были характерны два основных вида традиционного жилища. Первый типичен для доолeneводческого периода, когда основу системы жизнеобеспечения составляла охота. Это *илум* – конический чум общетунгусского типа. В большинстве районов расселения эвенов он просуществовал до конца XVIII в. Его конструкция представляла собой основу из трех жердей, скрепленных сверху ремнем; на них опирались 20–30 вспомогательных шестов, установленных по кругу; над очагом крепилась специальная поперечная жердь для подвешивания котла. Возведенная конструкция покрывалась в зимний период оленьими шкурами, а летом – берестой или ровдугой. На смену *илуму* пришли *чорама дю*, конструктивно напоминающие чукотскую ярангу (Кривошапкин 1997). Одежда также отражала ресурсную специфику региона. Ключевым материалом выступали олений мех и ровдуга. Универсальным вариантом верхней одежды являлись распашные кафтаны. Помимо кафтана, эвенский костюм составляли нагрудник, натазники, ноговицы, наколенники, унты, шапка и рукавицы (История и культура эвенов... 1997: 92–98).

Эвенки. По материалам И. С. Гурвича, группы эвенков («тунгусов») северо-западной Якутии, проживавшие в бассейнах рек Оленека, Анабара и Лены, были родственны эвенкам, переселившимся с востока. Всего, по его подсчетам, в середине XVII в. на территории северной Якутии проживало около 1500 эвенков (Гурвич 1966: 40). Устья рр. Анабара, Лены и Оленека являлись территорией проживания якутского, эвенкийского и русского населения, где часто происходили столкновения, вызванные борьбой за ресурсы (Рисунок 11). Впоследствии там возник синтез разных культурных традиций (Там же: 171). И. С. Гурвич считал, что во второй половине XVIII в. численность эвенков северо-западной Якутии составляла 450 человек (Там же: 89) (Рисунок 12). Им тоже не удалось миновать военных столкновений, массовых вспышек болезней и голода, которые оказали негативное влияние на численность эвенков. Для решения проблем, связанных с пищевыми ресурсами, в начале XIX в. государство

разрабатывало меры поддержки голодающих. Так, в Жиганском округе населению выдавались хлебные ссуды из казенного магазина; в 1812 г. для преодоления голода в низовьях Лены, а в 1818 г. в Сиктяхе, Жиганске, Усть-Оленеке и Булуне были учреждены рыбные запасные магазины, содержавшиеся на деньги местных жителей (Гурвич 1966: 164). Однако принятые меры лишь частично помогали справиться с тяжелыми условиями жизни. К концу XIX в. северо-запад Якутии (Жиганский улус и часть Вилюйского округа) в этническом отношении представлял собой «якутский район, лишь по традиции считавшийся тунгусским»; в конце XIX в. количество тунгусоязычного населения составляло примерно 35 человек (Там же: 172, 175) (Рисунок 13).

Г. М. Василевич выделяла охоту как основное занятие эвенков (Василевич 1969: 42), однако охотничий промысел был не единственным их занятием (Мордвинов 1851; Туголуков 1985). Освоить значительные территории от побережья Тихого океана на востоке до левобережья Енисея на западе им позволил домашний олень (Василевич 1969). В XVIII–XIX вв. выделяются три группы эвенков, в соответствии с укладом их хозяйственной деятельности: «бродячие», «кочевые» и «сидячие». Для первых была характерна охота на мигрирующих животных, промысел которых являлся основным источником жизненно важных ресурсов. Вторая группа представлена «скотными и конными» эвенками Забайкалья, вынужденными кочевать с летников на зимники и обратно, расширяя кормовую базу домашних животных. Третью группу составляли эвенки, занимавшиеся рыболовством по берегам рек. В зимний период они отправлялись на охоту пешком, а также брали с собой оленей под вьюк (Там же: 45; Карлов 1982; Мазин 1984; Сирина 2021).

У эвенков северной лесотундры доминировала охота на песца. Основным транспортным средством эвенков на севере Якутии были олени, на которых передвигались как верхом, так и запрягая их в нарту (Василевич 1969: 101). Олени использовались на промысле, их отсутствие приводило к упадку других отраслей многоукладного хозяйства (Гурвич 1966: 164). Г. М. Василевич высказала тезис о том, что хозяйства с малым количеством оленей имели комплексный охотничье-рыболовецкий характер. Сообщества, в которых количество оленей было достаточным для перекочевок, относились к «охотничье-оленоводческому» типу; а те, в которых поголовья были большими, исследовательница относила к «оленоводческо-охотничьему» типу (Василевич 1969: 53).

Рацион эвенков состоял преимущественно из мясных блюд и дополнялся рыбными и растительными компонентами (Старцев 2010). Тунгусский костюм включал несходящийся на груди кафтан, нагрудник, натазники, ноговицы, унты. Для изготовления летней одежды использовали ровдугу или ткань, а для утепления на период зимних холодов одежду шили из шкур оленя (Василевич 1969: 131). Главным эвенкийским жилищем являлся чум (Туголуков

1969). Конструктивно он представлял собой коническое сооружение из жердей, накрытых сверху оленьими шкурами или иным подходящим материалом. В теплое время года в качестве покрышек выступали береста, ровдуга, ткань (Василевич 1969: 110; Дьяконова 1995). В зимний период использовались покрышки из оленьих шкур, которые позволяли переживать суровые холода высоких широт.

Якуты. По подсчетам Б. О. Долгих, к 1640-м гг. количество *якутов* на Нижнем Вилюе насчитывало 380 человек (Долгих 1960: 434-455). Во второй половине XVII в. якуты закрепились на территории Среднего Вилюя, где проживало уже 1320 человек, что подтверждается данными С. И. Николаева (1957: 90–98) (Рисунок 11). Заселение северных рек: Оленека, Анабара, низовий Лены представителями якутского народа постепенно усиливалось (Гурвич 1966: 43–46). Численность якутского населения северо-запада Якутии в первой четверти XVIII в. составляла около 1600 человек (Гурвич 1977: 16) (Рисунок 12). К концу XIX – нач. XX в. северные якуты подразделялись на три группы: северо-западные якуты-оленеводы численностью около 2500 человек, якуты-рыболовы с собачьим транспортом в устьях Лены, Оленека, Яны и Индигирки – порядка 1700 человек и якуты-скотоводы в бассейнах среднего и верхнего течения Индигирки и Колымы – около 5500 человек (Гурвич 1966: 179) (Рисунок 13).

Судьбы якутов, переселявшихся в XVII-XVIII вв. в бассейны Лены, Оленека, Анабара, Вилюя, Индигирки, Колымы, оказались различны. На северо-востоке региона, несмотря на сильное влияние иноэтничных сообществ, якутам удалось сохранить скотоводческое хозяйство, приспособив его к новым климатическим условиям; ими были выведены морозоустойчивые породы домашних животных. На территории Эльгетского улуса (долина р. Индигирки) в первой половине XIX в. воспроизводилась якутская скотоводческая и коневодческая модель хозяйствования, однако прокормиться только за счет скота население не могло, поэтому в качестве важных подсобных отраслей выступали охота и рыболовство, делая стратегию освоения пространства многоукладной. На протяжении XIX в. роль скотоводства росла, о чем свидетельствует увеличение поголовья крупного рогатого скота. У колымских якутов тоже развивалось скотоводство и коневодство при сохранении важной роли охоты и рыболовства. В низовьях Яны преобладало рыболовецко-охотничье хозяйство (История Якутской АССР 1957; Гурвич 1966; Аргунов 1988; Серошевский 1993; Алексеев 1996).

Иная хозяйственная ситуация сложилась на северо-западе Якутии, поскольку отсутствие пригодных для скотоводства и коневодства условий привело к необходимости переходить к промысловому типу деятельности. Там возникла специфическая группа якутов-оленеводов, состав материальной и духовной культуры которых представлял симбиоз местных и привнесенных элементов при доминировании якутского самосознания (Гурвич 1977: 5). Промысловое хозяйство северных якутов базировалось на оленеводстве (Там же: 48).

Домашний олень определял форму организации других компонентов жизнеобеспечения. От оленеводства зависели результаты охотничьего промысла, требовавшего большой мобильности, достигаемой путем использования оленьего транспорта; мясо домашнего оленя позволяло иметь резерв пищевых ресурсов в случае неудачной охоты и рыболовства; шкуры шли на изготовление одежды, сум, покрышек для жилищ (Охотники-олeneводы Хатанги и Анабара... 2020). В Жиганском, Усть-Янском и Нижнеколымском округах группы якутов не занимались скотоводством и жили за счет промыслового хозяйства (Иванов 1992: 36).

Базовые компоненты рациона северных якутов состояли из мяса и рыбы. Мясные блюда изготавливались преимущественно из оленины. Эффективность использования имеющихся ресурсов проявлялось в разнообразии употребляемых частей оленя: в рацион входили глаза, окологлазной жир, головной мозг, сердце, печень, подколенный жир, хрящи, сердце, костный мозг; трубчатые кости оленя собирали, дробили, вываривали, в результате чего появлялся жир, считавшийся деликатесом. Среди классических способов обработки пищевых ресурсов применялась консервация посредством вяления, копчения и заморозки. Мясо и рыбу ели в виде строганины, делали юколу. Скотоводы и коневоды употребляли конину и молочные продукты, среди которых преобладали кумыс из кобыльего молока, взбитые сливки, простокваша, масло, молочная пенка. Кроме того, употреблялось мясо и яйца птиц, продукты собирательства: голубика, морошка, брусника, красная смородина (Гурвич 1977: 74–79).

Наиболее распространенным видом жилища североякутской группы являлся конусообразный чум; кроме того, использовались *холомо* – стационарные конические и пирамидальные чумы из шестов, обложенных дерном; юрты-балаганы, к которым пристраивался амбар для хранения продуктов и вещей. Бытовали срубные жилища – поварни, представлявшие собой прямоугольные в плане избушки с плоской крышей. Якутская одежда дохристианского периода изготавливалась преимущественно из натуральных материалов: шкуры, кожи, меха (Якуты... 2012: 212), у северных групп шитье производилось нитками из оленьих сухожилий, которые заготавливали при разделке туш животных (Гурвич 1977: 81). Основой для производства одежды оленеводов почти целиком являлись олени шкуры. В усредненном варианте костюм якутов выглядел следующим образом. Зимняя одежда шилась из меха и шкур, крытых сукном, а для производства летних изделий использовали ровдугу (Якуты... 2012: 212). Базовым элементом зимнего мужского костюма являлась меховая шуба *сангыях*, которую надевали поверх другой шубы *сон*. Летняя одежда состояла из короткого кафтана до колен, сшитого из кожи жеребенка или молодой лошади, сапог из ровдуги или стриженного меха, рукавиц (Якуты... 2012: 219). Женский якутский костюм отличался большей выразительностью и был представлен верхней одеждой свободного покроя из ровдуги или меха, островерхим головным убором и мягкой кожаной обувью с острым носком. Большое

значение в одежде женщин имел декор, создаваемый из шелка и парчи, металлических бляшек, золотых и серебряных элементов (Саввинов 2001: 27; Якуты... 2012: 222). Зимой якуты утеплялись, надевая поверх кафтанов длинные меховые шубы – дохи, сшитые из шкур медведя, россомахи, волка, лисы, оленя (Гурвич 1977: 82; Якуты... 2012: 222).

Проанализированный материал позволяет отметить, что система жизнеобеспечения локальных групп юкагиров, чукчей, эвенов, эвенков и якутов характеризовалась большим количеством связей между людьми и природной средой. Последняя являлась важнейшим источником практически всех ресурсов жизнеобеспечения, из которых местные жители готовили пищу, шили одежду, создавали инструменты деятельности и пр. (Гурвич 1966; 1977; Василевич 1969; Богораз 1991; Иохельсон 2005). Многомерность связей людей и природного мира соотносится с высказанным тезисом Е. Н. Романовой и О. Э. Добжанской о «жизненности» северного пространства, разрушающего стереотип о пустоте и безмолвии холодного мира (Романова, Добжанская 2019: 264). Большая зависимость социальных процессов от ограниченного набора ресурсов приводила к появлению системных свойств в способах адаптации к окружающей среде, которые являлись следствием оптимизации энергетических режимов местных сообществ (в советской литературе эта системность была концептуализирована в теории ХКТ (Левин, Чебоксаров 1955)). Однако система жизнеобеспечения локальных сообществ не ограничивалась связями с природным пространством. Одним из ключевых факторов, интенсифицировавших социальные и экономические трансформации в регионе, было присоединение рассматриваемой территории к Российскому государству. Несмотря на то, что межэтническое взаимодействие происходило и ранее, после вхождения Якутии в состав России процессы социально-культурного взаимодействия усилились, что нашло отражение и в изменениях материальной культуры (Алексеев 1996; Карих 2008; 2010) (Рисунок 9, 11–14).

1.3.1 Вхождение Якутии в состав Российского государства и материальная культура русского старожильческого населения

Представители Российского государства появились на реке Лене в 20–30-е гг. XVII в. Продвижение в Восточную Сибирь осуществлялось двумя путями: северным мангазейским по рр. Нижней Тунгуске, Чоне, Вилюю; и южным енисейским: по рр. Ангара, Илим, Ленскому волоку и далее (Бахрушин, Токарев, Сафронов 1953: 16; Ионова 1945: 22). В этот период на сибирском побережье Ледовитого океана происходило создание цепочек русских арктических поселений, которые располагались в устьях крупных рек – от Оби до Колымы (Дьяченко 2014: 68) и были представлены обскими старожилками, усть-енисейскими, усть-оленинскими, усть-ленскими, усть-янскими крестьянами и другими группами. Некоторые из них быстро исчезли, ассимилировавшись местным населением, другие сохраняли свою идентичность более

длительное время (Рисунок 10). Первопроходцы являлись преимущественно выходцами с территории Европейского Севера России (новгородцы, кайгородцы, чердынцы, устюжане, вятичи, усольцы, мезенцы, колмогорцы, пинежане и др.) (Гурвич 1963: 75).

Первыми в 30-х годах XVII в. на р. Лене оказались малочисленные отряды служилых людей, следом шли промышленные и торговые люди. Отправными точками этих групп в Сибири были города: Мангазея, Енисейск, Туруханск и другие (Белов 1955; Гурвич 1963: 73). В 20–30-х гг. XVII в. число служилых людей уступало количеству промышленников, которые в начале 1640-х годов осуществляли промысел пушного зверя на северных реках: Амге, Витиме, Алдане, Вилюе, Лене, Оленьке, Яне, Индигирке (Бахрушин 1954). Основным источником интереса землепроходцев являлась пушнина. Политика государства требовала интенсивного пополнения казны. Важным способом достижения данной цели стала торговля дорогими мехами, поэтому присоединение Сибири кардинально увеличило ресурсный потенциал России конца XVI–XVII в. (Алексеев 1996: 10).

В качестве узлового пункта, из которого происходил дальнейший ход на Север по «соболиным» рекам – Яне, Индигирке, Алазее и Колыме – выступал Якутск. Искавшие заработка люди, несмотря на трудности (иногда до желаемого места от Якутска добирались до полугода), стремились попасть ближе к «Студеному морю», в богатые пушными ресурсами края. Дополнительным стимулом служило стремление избежать конфликтов на почве промысловой деятельности с местным населением, проживавшим в районе Якутска. Проблема для русских промысловиков заключалась в том, что споры, как правило, решались администрацией в пользу ясачного (то есть коренного) населения (Гурвич 1963: 78). В то же время в Арктику шли служилые люди, выполнявшие государственные предписания. Процесс продвижения в регион представителей Российского государства сопровождался созданием небольших укрепленных поселений – зимовий с оборонительной стеной. Некоторые из них эволюционировали в «остроги» и «города», другие со временем приходили в запустение (Крадин 1988: 74; Алексеев 1996: 12).

Первоначально путь пролегал по Лене, на которой в один год с Ленским острогом (впоследствии ставшим Якутском) на 770 км ниже по течению казаки основали Жиганское ясачное зимовье (1632 г.). Далее начался этап морских походов от устья Лены в Ледовитый океан: на рр. Оленек, Яну, Индигирку, в которые служилые люди заходили с севера через устья рек, ставили зимовья и – зачастую после вооруженного противостояния – облагали ясаком коренное население (Алексеев 1996: 11). В то же время происходило открытие сухопутных маршрутов из Якутска на северные реки (Бахрушин 1927; Окладников, Гоголев, Ащепков 1977; Алексеев 1996: 12). Кроме пушнины, русских землепроходцев интересовали земли, богатые серебром, поэтому в начале 1640-х гг. активизировалось продвижение с Индигирки на восток –

на Алазею и Колыму, где по той же стратегии возводились зимовья и остроги и выстраивались контакты с местными жителями (Бахрушин 1954; Алексеев 1996: 14). Для того чтобы оправдать расходы и получить желаемый заработок, требовалось пробыть в Ленском воеводстве не менее трех лет. Гарнизоны острогов и зимовий служилых людей в 30-40-е гг. XVII в. менялись ежегодно, а в 1650-е гг. служилые люди находились там уже минимум три-пять лет (Гурвич 1963: 76). По другим источникам, в 1670-е гг. на Алазее срок службы приказного человека составлял, как правило, два года (Савинов 2020: 42). В период наибольшего расцвета промысловой деятельности в середине XVII в. на северных реках проживало не менее 1200 представителей Российского государства (Гурвич 1963: 76).

Весьма успешное с экономической точки зрения освоение высоких широт сократило темпы роста во второй половине XVII в. Причиной оказался перепромысел соболя (Алексеев 1996: 65). Купцам стало невыгодно снаряжать дорогостоящие экспедиции в Восточную Сибирь. В результате они уменьшили объем своей деятельности в регионе, промышленники тоже покидали арктические реки. К концу XVII в. русское население на севере Якутии значительно сократилось по сравнению с серединой того же столетия и составило приблизительно 700 человек, однако им на смену приходили посадские люди из Якутска (Гурвич 1963: 87–91). Попадавшие на север группы претерпевали трансформацию занятий, характерных для определенных сословий. Например, в конце XVII в. служилые люди выполняли не только военно-административные функции, но также выступали в качестве промысловиков и торговцев (Алексеев 1996: 56). Как писал А. Г. Чикачев, дефицит ресурсов вынуждал казаков браться за пушной и рыболовецкий промыслы, что нередко приводило к недопониманию и конфликтам между казаками, с одной стороны, крестьянами и мещанами, с другой (Чикачев 2007: 22).

Культурно-географическая характеристика региона была схожа с Европейским Севером, выходцами откуда являлись первые русские поселенцы в Якутии. Общие черты регионов проявлялись в следующих аспектах: окраинное положение, территориальная изолированность, отсутствие помещичьего землевладения и крепостного права, тесная связь хозяйственного цикла с природой (Калуцков 2008: 169–172). Севернорусское население было хорошо знакомо с массовой добычей морской и речной рыбы, охотой на пушного зверя; также в лице соседей ненцев и коми-зырян они имели связь с оленеводами. Однако хозяйственные занятия русских в европейской части России были представлены намного шире, чем в Якутии (Русский Север: этническая история и народная культура 2001: 143; Дьяченко 2014: 71–72).

На Индигирке и Колыме, где сформировались две основные старожильческие группы русских (*русскоустыинцы* и *походчане*), землепроходцы столкнулись с необходимостью перестраивать систему хозяйства в соответствии с новыми природными и социальными

условиями. Многие из того, чем они занимались на родине, не находило воплощения в Сибири в силу экологических и экономических обстоятельств (Русский Север... 2001: 143). Основными занятиями русских стали охота и рыболовство, тесно переплетенные между собой (Дьяченко 2014: 69). Одна отрасль определяла другую: добыча рыбы была необходимым источником питания для людей и собак; последние служили незаменимыми помощниками охотников в пушном промысле, так как на собачьих упряжках ездили осматривать ловушки. Прибыль от продажи пушнины позволяла покупать невода, карбаса и прочий хозяйственный инвентарь, без которого не удавалось добыть необходимого количества рыбы. На ранних этапах землепроходцы привозили в Сибирь севернорусский промысловый инвентарь: обметы на соболя, плашки, лыжи, кулемы, а также собак; помимо этого, везли сукно, лыжную кожаную обувь, бараньи шубы и одеяла, лосиные и кобыльи камусы, пищали, топоры, медь, посуду, безмены, железные прутья, восковые свечи и многие другие предметы, которые частично входили в быт коренного населения (Гурвич 1963: 81).

Русскоустыинцы/индигирцики. Структура расселения русских старожилов низовьев р. Индигирки была обусловлена направлением хозяйства и представляла собой россыпь небольших заимок, состоящих из 1–4 хозяйств, в дельте Индигирки. По сообщению Верхоянского окружного управления в 1856 г., русскоустыинцы вели схожий с «кочевыми инородцами» образ жизни (Сафронов 1961: 368). По подсчетам А. Г. Чикачева в 1897 г. в общей сложности на Индигирке проживало 336 русских (Чикачев 1990: 25). В начале XX в. они жили на 29 заимках, среди которых были следующие названия: Ожогоино, Яр, Косухино, Станчик, Лобазное, Стариково, Русское Устье и др. (Зензинов 1914с: 129–133). Хозяйственные занятия делились на три основных направления, составлявших основу жизнеобеспечения – рыболовство, собаководство и пушной промысел. В качестве дополнительных отраслей выступали добыча линного гуся, забой оленей на речных переправах, промысел нерпы, поиск мамонтовой кости, охота на водоплавающую дичь, сбор яиц и дикоросов (Фольклор Русского Устья 1986: 340; Чикачев 2007). Если промысел рыбы летом не приносил желаемых результатов, местные жители отправлялись к морю добывать гусей или мамонтовую кость (Зензинов 1914с: 31).

В Сибири выходцы из архангельских и новгородских земель переняли у коренного населения (в частности, у юкагигов) охоту на диких оленей при переправе через водоемы (Народы... 2010). Помимо поколок оленей, русские заимствовали (предположительно, у юкагигов) охоту на гусей. Как писал Д. Д. Травин о русских жителях низовьев Индигирки: «... то, что из принесенного вовсе неприменимо, – отмирает, остающееся срастается со средой и ассимилирует ее с помощью принесенной и туземной техники» (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 1).

Перечисленные виды хозяйственной деятельности совмещались с другими занятиями. Так, добыча линной птицы осуществлялась одновременно со сбором мамонтовых бивней, которые являлись объектом торговли на Анюйской ярмарке и вывозились купцами в Якутск. Добываемая в вечной мерзлоте мамонтовая кость использовалась и в локальных ремеслах для изготовления бытовых предметов, таких как грузила к сетям, трубки, рукоятки ножей, наконечники стрел, шахматные фигуры (Фольклор русского Устья 1986: 344). Основным средством передвижения летом выступали лодки, однако состоятельные люди могли позволить себе содержание лошадей. Зимой пользовались собачьими упряжками, запряженными в нарты (Народы Сибири 1956: 163). Важнейшим компонентом в рационе русскоустыинцев была рыба, многочисленные блюда из которой дополнялись олениной, мясом гуся и других птиц. Богатство рыбных ресурсов позволило В. М. Зензинову в начале XX в. сделать заключение о том, что местные жители обладают необходимыми для жизнедеятельности пищевыми ресурсами и, в целом, питаются хорошо (Зензинов 1914с: 60–70).

Д. Д. Травин отмечал, что человек в локальных условиях тесно связан с природной средой, «каждое явление которой так или иначе отражается на той или иной стороне его жизни» (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–2). Поселения русских старожилов всегда располагались по берегам рек, чаще при впадении небольших водоемов в более крупные. Бытовали жилища нескольких типов. Наиболее распространенный вариант представляла срубная избушка-рубленка из плавникового леса с плоской крышей из бревенчатого наката (Фольклор Русского Устья 1986: 346). Жилые строения русскоустыинцев имели пространственную ориентацию восток–запад, соединялись с постройками бытового назначения, где хранили запасы продовольствия, промысловый инвентарь, одежду; там же находились специальные помещения для оцененных собак. Связка построек, состоявшая из дома, амбара, клетки, сеней, позволяла одновременно сосредотачивать и распределять необходимые ресурсы под одной крышей, а в период непогоды осуществлять хозяйственную деятельность, не выходя из дома. Жилые постройки обносились земляными завалинками, снаружи стены обмазывали глиной, смешанной с конской или оленьей шерстью, а зимой их покрывали снегом (Там же).

Кроме срубной избушки, среди поселковых жилищ встречались «юртушки» – квадратные в плане постройки из вертикально поставленных бревен с небольшим наклоном внутрь, напоминающие якутские балаганы. Они тоже имели завалинку, плоскую крышу и обмазывались глиной. На промысловых участках сооружали небольшие рубленые дома: избушки и поварни; кроме того, устанавливали урасу – каркасную четырехугольную в плане постройку с соединявшимися в верхней части бревнами, стены которой обкладывали дерновыми кирпичами. Дополнительно сооружали амбары и погреба. Первые представляли

собой небольшие срубные постройки, они покрывались навесом и были приподняты над землей на четырех столбах для защиты от разграбления животными; погреба в вечной мерзлоте (или, как их сейчас называют, «лёдники»), наоборот, сооружались под землей, для чего в многолетней мерзлоте выбивали яму, которую оборудовали под хранение пищевых ресурсов (Фольклор Русского Устья 1986: 348; АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1528. Л. 37).

Одежда русскоустыинцев делилась на повседневную и промысловую. Оснащение промысловика походило на традиционную одежду коренного населения и было представлено кухлянкой, дундуком из оленьих шкур, шароварами из оленьего камуса или шкуры нерпы; на ноги надевали меховые чулки – тяжи (чижи), а поверх них – щетки (торбаса) из оленьего камуса с подошвой из «щеток» (шкура с жесткой шерстью из-под копыт оленя). В качестве головного убора выступал меховой малахай, руки утепляли камусными рукавицами. В период сильных морозов надевали парку – двойную одежду мехом внутрь и наружу. Описанные предметы костюма обеспечивали не только возможность ведения хозяйства во время сильных морозов, но также были приспособлены к динамичному поведению каюра, управлявшего собачьей упряжкой (Фольклор Русского Устья 1986: 349–350; Чикачев 1990). Летний комплект домашней мужской одежды составляли рубаха и штаны; зимой ходили в кафтанах, подбитых песцовым мехом, и пальто с воротником из песца или бобра. Женский костюм включал в себя рубахи с рукавами, сарафан, платье, фартук и головной убор – ермолку. Зимой носили короткие кофты на меху, шубы из песца, евражки или зайца (Фольклор Русского Устья 1986: 349–350; Чикачев 2010). Одежду, сшитую не из меха, в начале XX в. называли «лопатиной» или «лопатыю» (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 172. Л. 229).

Походчане/колымчане. С. Е. Никитина пишет о том, что деятельность русского населения в устьях арктических рек была различной. Так, если на Индигирке промышленные люди занимались сбором пушнины у коренного населения, охотничьим промыслом и поиском мамонтовой кости, то на Колыме казаки несли службу по сбору и сопровождению ясака по северо-восточным окраинам Российской империи и проведению Анюйской ярмарки (Никитина 2019: 19). Однако к началу XX в. русские старожилы Колымы обладали схожим с русскоустыинским комплексом материальной культуры и хозяйства (Чикачев 2007). Местами их проживания были с. Нижнеколымск и с. Походск (отсюда и название группы – походчане), большую часть времени местные жители проводили на заимках вдоль водоемов, что было обусловлено характером промысловой деятельности. Численность нижнеколымской группы в течение XIX в. не превышала 650–700 человек (Там же: 15). В 1884 г. корреспондент «Сибирской газеты» писал о русских жителях Нижней Колымы, что «рыболовство сделало из

колымчанина кочевника»⁵. Высокая степень мобильности определялась необходимостью перекочевывать с одного места на другое в зависимости от наличия рыбных ресурсов в водоемах (стоит отметить, что информантка из Русского Устья, когда рассказывала о перенесении села на новое место, сказала «мы перекочевали», используя «номадический» глагол), поэтому каждый житель имел в разных местах несколько домов, образующих целые деревни, заселяемые с сезонной периодичностью одними и теми же людьми. В начале XX в. в дельте Колымы находилось 27 рыболовецких заимок (Чикачев 2007: 45). Помимо подобного типа поселений, существовали заимки охотников⁶. Характерной чертой мест проживания колымчан была их пространственная нестабильность: поскольку заимки располагались на берегу, из-за частой смены русла рек и размывания прибрежной полосы, приходилось переносить поселения на новые места. Как писал А. Г. Чикачев, «северянин, не связанный с земледелием, довольно легко менял место жительства, стараясь построить жилище ближе к территориям, богатым рыбой или зверем» (Чикачев 1990: 45).

Подобно соседям на Индигирке, колымчане занимались комплексным промысловым хозяйством; подсобными практиками выступали сбор дикоросов и поиск мамонтовой кости (Чикачев 2007: 28). О большой связи разных элементов системы жизнеобеспечения между собой говорит то, что как бы ни была велика добыча рыбы, она никогда не являлась достаточной, потому что рост объемов улова позволял увеличивать количество собак, что, в свою очередь, повышало мобильность местных сообществ и позволяло с большей эффективностью заниматься рыболовством и пушным промыслом (Там же: 43). Основу питания составляли рыба, мясо оленей и птиц. Однако, если на Индигирке отмечалось обилие пищевых ресурсов, то находившийся у колымчан в конце XIX в. В. Г. Богораз подчеркивал бедственное положение русских старожилов Нижней Колымы по сравнению с жителями р. Индигирки (Богораз 1899). Основную причину проблем походчан с пищевыми ресурсами путешественники и исследователи XIX в. видели в необходимости содержать большое количество собак, требующих внушительных запасов рыбы, а также в отсутствии соли и качественных погребов для хранения ресурсов (Чикачев 2007: 25).

Материалы, отражающие специфику системы жизнеобеспечения русских старожилов и коренных сообществ, говорят о том, что важным адаптивным механизмом данных сообществ была непрерывность хозяйственно-бытовых практик, которая проявлялась в двух режимах: во-первых, как непрерывность трансформаций используемых ресурсов, что демонстрировали традиционные модели ведения хозяйства народов Севера, проанализированные в предыдущем

⁵ Уголок далекого севера (Очерк). «Сибирская Газета», № 7, 12 февраля, 1884 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yakutskhistory.net/якуты/русские-на-индигирке-и-колыме/уголок-далекого-севера/?ysclid=lia5kz2xpf168557359> (дата обращения: 26.04.2021).

⁶ Там же.

параграфе; во-вторых, как тесная связь различных хозяйственных практик (Зензинов 1914с: 29–30; Фольклор Русского Устья 1986: 352). Необходимость силами небольших сообществ (семьей или группой семей) воспроизводить и поддерживать связи между множеством сфер деятельности и объектов материальной культуры приводила к интенсивной вовлеченности людей в различные практики, объединявшиеся в единую адаптивную систему. Комплексная специфика деятельности местных жителей не могла не оказывать влияния на социально-экономическую структуру. Так, по мнению А. Г. Чикачева, уровень экономического развития и тяжелые экологические условия сдерживали процессы имущественного расслоения, в связи с чем колымо-индигирские мещанские общества по своему составу были довольно однородными (Чикачев 2007: 30). То же отмечал И. С. Гурвич, утверждая, что, несмотря на многообразие исторических судеб разных групп русского населения Якутии, их отличало «удивительное единообразие» хозяйства, образа жизни и материальной культуры (Гурвич 1966: 199).

1.3.2 Динамика межэтнических отношений и трансформация материальной культуры населения региона

Взаимоотношения пришлых и местных сообществ претерпели несколько этапов изменений. Промышленные и служилые люди на севере Якутии во второй и третьей четвертях XVII в. существовали компактно и не имели особенно интенсивных контактов с коренным населением. Такое состояние исследователи объясняют частой ротацией обитателей острогов, не успевающих выстроить прочные социальные отношения с коренными жителями (Гурвич 1963: 81). Тем не менее, часть русских поселенцев задерживалась на территории острогов и промыслов, вступая в родственные и экономические связи с индигенными группами. Взаимоотношения выстраивались через ясачную систему: взамен приносимым шкурам соболей коренное население получало металлические изделия, бисер и прочие предметы в качестве подарков (Савинов 2020: 52–53). Другим механизмом воздействия на коренное население выступало аманатство, предполагавшее пленение отдельных представителей коренных народов с целью давления на их родственников для получения пушнины (Там же: 52).

На ранних этапах расширения сферы влияния Российского государства на восток женитьба на представительницах «иностранцев» не находила одобрения у власти, что было связано с рассмотрением местных женщин в качестве источника ясака. Брак разрешался при условии принятия невестой православия, однако креститься могла лишь ясырка – женщина, попавшая в плен в ходе военных столкновений (Гурвич 1963: 79). Взаимодействие происходило и в других сферах: якуты и юкагиры оказались хорошими проводниками для служилых людей, в то время как последние брали на себя роль защитников представителей данных народов от конкурентов в борьбе за локальные ресурсы (например, от групп чукотского населения), что приводило к выстраиванию неравномерных отношений с коренными жителями.

В нижнем течении Индигирки и Колымы русские встретились с юкагирами, эвенками, эвенами, якутами, чукчами; наиболее непримиримыми оказались последние (Зуев 2009). Активная фаза конфликтов продолжалась до 70-х годов XVIII в. Противостояние пошло на спад после заключения в 1778 г. Гижигинского договора о принятии чукчами русского подданства (Карих 2008: 101). По этому договору чукчи получали значительные привилегии в сравнении с соседними эвенками и юкагирами (им предоставлялось право иметь собственный суд, жить по своим законам и платить ясак по желанию). Нужно отметить, что не только чукчи оказывали военное сопротивление проникновению Российского государства на север современной территории Якутии; юкагиры и эвены также защищали территорию своего проживания (Зуев 2002). В Андриюшкино среди местных юкагиров в ходе экспедиции 2021 года были зафиксированы смутные предания о том, что их предки воевали против русских первопроходцев.

Закрепление на новых землях требовало выстраивания особых отношений с местными сообществами, а также между разными социальными и территориальными группами, представлявшими Российское государство. Большую роль в этом процессе сыграли практики обмена (Ярзуткина 2013: 61). Первоначально экономические отношения между пришлыми и местными группами были слабоорганизованными и происходили на невыгодных для коренных жителей условиях. Произвол торговцев привел к административному запрету на свободную торговлю с «кочевыми и бродячими инородцами», который, однако, часто игнорировался (Боякова 2001: 51). Постепенно появлялись зоны регламентированного обмена, в качестве которых выступали ярмарки (История открытия... 1956: 75). Государственная и частная торговля на уровне острогов и зимовий способствовала складыванию товарно-денежных отношений, в результате чего менялись потоки распределения благ в среде коренного населения (Алексеев 1996: 61). С одной стороны, предметами обмена выступали песцовые, соболиные, олени шкуры, моржовый клык, нарты (Гурвич 1963: 81), а с другой – медь, олово, бисер, сукно, полотно, шелк, огнестрельное оружие и др. (Алексеев 1996: 61–62).

Со временем статус и значение ярмарок возросли, а наиболее активно торговые контакты развивались на Колыме. Экономическая деятельность оказалась одним из основных методов интеграции пестрой социальной картины региона. В значительной степени через нее были стабилизированы отношения с чукчами и произошло включение Чукотки в состав Российского государства. Важным социально-экономическим явлением стала Анюйская ярмарка, располагавшаяся примерно в 200 верстах от Нижнеколымска и возникшая в 1760-х гг. (Нейман 1872). Ежегодно на нее съезжались представители коренного населения, среди которых наибольшей предприимчивостью отличались чукчи, привозившие для обмена шкуры выдр, бобров, оленей, куниц, чернобурых лисиц, моржовые клыки, нарты, полозья из китовых

ребер, мешки из тюленьей кожи (Карих 2008). Кроме жителей Колымы, Индигирки и Анадыря, на ярмарку приезжали купцы из Якутска с «русскими» товарами; наибольшим спросом со стороны чукчей пользовались металлические изделия (ножи, топоры, пальмы, котлы) и черкасский табак (Там же: 101). Приобретенными предметами они снабжали весь крайний северо-восток Сибири, Алеутские острова и Аляску; также на острова они везли пушнину, и обменивали ее у эскимосов на американские товары. Важный статус локального экономического центра Анюйская ярмарка сохраняла вплоть до продажи Аляски США (Там же: 101–102).

Влияние со стороны коренных народов отразилось в распространении среди русского населения местных промыслов и локальных типов жилищ. Пища русского населения со временем стала во многом совпадать с рационом коренных жителей (Богораз 1901; Зензинов 1914с; Народы Сибири 1956; Фольклор Русского Устья 1986; Чикачев 1990; Алексеев 1996). Универсальными предметами «русской культуры», заимствованными практически всеми группами коренных жителей, оказались орудия охоты: в XIX в. у большинства населения региона луки и гарпуны были вытеснены ружьями (охотники на морского зверя испытывали в том числе влияние американских торговцев); заимствовались сети-пущальни, ловушки на пушного зверя – «пасти», типы лодок – карбасы и разновидности лодок-веток, массово приобретались металлические изделия (топоры, котлы); в локальную среду проникали элементы питания русских, такие как хлеб, мука, сахар, чай; большой популярностью пользовался табак. Трансформировался и костюм коренных жителей, его атрибутами стали пиджаки, жилеты, брюки, у женщин вошли в обиход юбки и кофты (Народы Сибири 1956; Боякова 2001: 45, 48). Кроме того, русское влияние наблюдалось в сфере строительства домов. Как сообщал в 1895 г. колымскому краеведу Н. Н. Березкину местный информант, ранее коренное население проживало в чумах и землянках и только после прихода русских торговых людей и завоза железных топоров стало строить жилища из дерева (АМАЭ РАН Ф. К–V. Оп. 1. Д. 6. Л. 21). Следует отметить, что не только русские были проводниками новых элементов в быт сообществ коренных народов. Якуты, обладавшие разветвленным комплексом ремесел, принесли на север нехарактерный ранее для высоких широт тип жилища (балаган), железные орудия труда, кожаные изделия и т. д., а якутский язык в XIX в. стал в рассматриваемом регионе «лингва франка» (Боякова 2001: 53).

Под влиянием новых социально-экономических реалий местное население интенсифицировало добычу пушнины для уплаты ясака (Алексеев 1996: 56). Усиление торговой деятельности, избирательный подход в реализуемой политике к разным группам населения приводили к тому, что некоторые сообщества оказывались в критическом экономическом состоянии. Например, прекращение военных действий России против чукчей и

дарование им многочисленных привилегий стимулировало формирование в их хозяйственной структуре крупнотапного оленеводства и дальнейшего продвижения оленных групп на запад в поисках пастбищ (Майдель 1925: 26). В районе Халарчинской тундры хозяйство чукчей претерпело некоторые изменения, в частности, они «укрепили» стада «ламутскими» оленями, приобрели навыки езды на оленях верхом; в хозяйственной деятельности увеличилось значение рыболовства (сети и конский волос для их изготовления чаще всего приобретали в Нижнеколымске). Постепенно происходило обособление западной группы чукчей от их восточных соседей. Перечисленные факты повлияли на маршруты миграций дикого оленя и привели к учащению голодовок среди юкагиров, специализировавшихся на промысле оленя, поскольку животные исчезли из района проживания тундрных юкагиров. В то же время чукчи-олeneводы, обладавшие в новых условиях крупными стадами и не испытывавшие голодовок, снабжали олениной голодающих жителей Колымы. Кроме того, на фоне успешной чукотской экономики интенсифицировались браки чукчей с девушками юкагирских и тунгусских групп (Гурвич 1966: 191; Боякова 2001: 32, 43, 46–47). Однако сильным ударом для окрепшего хозяйства стала вспышка оспы 1884 года. Западные чукчи до этого рубежа насчитывали 400 человек, которые проживали в 35 стойбищах; болезнь сократила количество стойбищ более, чем в два раза, – их осталось всего 13 (Богораз 1934: 12).

Связи между береговыми и оленными чукчами на рубеже XIX–XX вв. ослабли, поскольку первые все больше вовлекались в торговлю с американцами, в то время как у оленных сообществ, проживавших западнее, усиливались обменные отношения с русскими колымчанами. Важным маркером угасания прежних экономических связей было сокращение участников Анюйской ярмарки, которая в 1904/05 гг. была перенесена в русский поселок Пантелеиха, расположенный в низовьях Колымы (Гурвич 1966: 191). Е. В. Карих пишет, что земский заседатель Попов, объясняя якутскому губернатору причины переноса ярмарки, утверждал, что «раньше торговлю с чукчами необходимо было отнести подальше из-за опасений перед их дикостью, а сейчас это не имеет никакого значения и сильно удорожает дорогу» (Отчет земского заседателя Колымского округа Попова об Анюйской ярмарке за 1902: 2–8, цит. по. Карих 2010: 128). В целом, в конце XIX в. торговля чукотского и русского населения перестала ограничиваться ярмарками и продолжалась в течение всей зимы (Карих 2010: 128). Таким образом, торговые отношения, проделав путь от спонтанной и нерегламентированной формы к структурированному ярмарочному обмену, снова оказались в состоянии свободных и произвольных экономических операций, только без угрозы военных столкновений.

Сильному влиянию со стороны внешних факторов подверглись юкагиры. Хозяйственная структура верхнеколымской группы в XIX в. уже не могла существовать только благодаря

промысловой деятельности, поскольку происходило стремительное сокращение количества рыбы и лосей, выступавших важными объектами их промысла; к тому же усиливалась зависимость от привозных товаров, которая заставляла население заниматься ремеслами с целью заработка для приобретения вещей у купцов. Изготавливаемые юкагирами карбасы и челноки, построенные по заимствованной от русского населения технике, продавались в Среднеколымске и Верхнеколымске, а на вырученные деньги юкагиры приобретали необходимые предметы быта; кроме того, источником дохода выступал сбыт купцам меховой одежды, сшитой юкагирскими мастерицами. Материальная культура групп этого народа в XIX в. в значительной степени была наполнена элементами культуры соседних сообществ: например, зимним жилищем выступали русские рубленые избушки и якутские балаганы, а в период зимних перекочевков использовали чумы эвенского типа (Гурвич 1966: 149).

В материальной культуре тундренной группы юкагиров также наблюдались многочисленные трансформации, преимущественно связанные с эвенским и чукотским влиянием: зимой юкагирские мужчины носили чукотскую глухую одежду, ездили на нартах чукотского типа; летом носили эвенский костюм, практиковали выючно-верховой способ передвижения, характерный для эвенов, использовали эвенские седла и покрышки для выюков; в рыболовстве бытовали якутские волосяные сети. Выходцы из экономически слабых хозяйств в поисках источников существования иногда нанимались пастухами к состоятельным чукчам. Анюйская группа юкагиров, проживавшая рядом с русскими, в первой половине XIX в. переняла многие черты их быта (тип жилища, одежда) и частично ассимилировалась (русский язык вытеснил юкагирский) (Врангель 1841: 218–219). Однако полностью ассимилироваться русскими группами им не давали административные границы, поскольку юкагиры, переходившие в русские поселки, продолжали юридически числиться в своих родах, были обязаны платить ясак и исполнять повинности. Лишь женщины, становившиеся женами русских старожилов, юридически переходили в ведомства мужей (Гурвич 1966: 138–139). Тяжелые хозяйственные и экологические условия в конце XIX в. усугубились эпидемией оспы 1899 г. (Там же: 149).

Н. Н. Березкин приводит рассказ пожилого юкагира – жителя Анюйской крепости, записанный в 1893 году. В этом нарративе отражаются свойства инокультурного стационарного объекта, использование которого существенно меняло характер жизнедеятельности коренного населения: «Я здесь живу 15-й год, в качестве караульного крепости. Я окарауливаю, чтобы чукчи и ламуты не растащили инвентарь домов в торговых, а также я ремонтирую и самую крепость. Которая с каждым годом все больше приходит в ветхость. И если бы ее не поддерживать – не ремонтировать, то она местами давно бы свалилась. За окарауливание я получаю от каждого купца 2-й гильдии по 10 рублей и купца 3-й гильдии по 5 рублей за год. За

ремонт крепости я освобожден своим Нижне-Колымским юкагирским обществом от несения всех натуральных повинностей. Таким образом я и моя семья живем лучше своих сородцев, проживающих вблизи Нижне-колымска» (АМАЭ РАН Ф. К–5. Оп. 1. Д. 6. Л. 25).

Эвенам, по сравнению с юкагирами, во второй половине XIX в. удалось увеличить регион проживания и более плотно заселить нижнее течение Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы (Гурвич 1966: 159, 271). И. С. Гурвич объяснял расширение территорий и возросшую эффективность эвенского хозяйства распространением огнестрельного оружия. Качественно новое средство охоты позволило им адаптироваться даже к тем районам, которые были относительно бедными пушным зверем. Увеличение оборота пушнины давало возможность приобретать в больших объемах привозные товары, среди которых были сети из конского волоса и конопли, домашняя утварь, одежда из тканей. Расширение площади проживания активизировало социальную динамику. Так, в низовьях Яны и Индигирки происходило интенсивное взаимодействие юкагиров с эвенками; в Верхоянском и Колымском округах культура эвенов, занимавшихся перевозкой грузов между Якутском и Охотском, сильно подверглась якутскому влиянию (Там же: 159, 164).

Локальные стратегии мобильности жителей северной Якутии

Процесс вхождения рассматриваемого региона в состав России сопровождался сочетанием разных конфигураций отношений, проявленных в административно-территориальной системе, выстраивании контактов между социальными группами, распределении материальных благ и пр. (Иохельсон 1900; Алексеев 1996; Зувев 2009; Ярзуткина 2017; Савинов 2020). На ранних этапах служилые и промышленные отряды создавали форпосты в виде зимовий и острогов, которые «привязывали» их к точкам в пространстве. На территории зимовья находились жилые и складские постройки, обнесенные частоколом, строились церкви и часовни, аккумулировались ресурсы (Алексеев 1996; Савинов 2020: 45). Проживавшие на территории Алазейского зимовья приказные лица, выполнявшие обязанности главы поселения, в XVII в. менялись в среднем каждые 2 года; казаки, обеспечивавшие безопасность казны, оставались на более длительный период (около 10 лет). Через определенный промежуток времени (2 года или более) отряд служилых людей с собранным ясаком направлялся в Якутск, где происходила смена состава, а на север следовала другая группа казаков. Некоторые промысловики проживали на территории административного зимовья, другие организовывали автономные заимки, практикуя охоту на пушного зверя. Следовательно, характер их деятельности предполагал постоянные перемещения по тундре и лесотундре для установки ловушек, капканов и сбора добычи.

Администрация зимовья и казаки со временем тоже вовлекались в занятия охотой и рыболовством; чем дальше они находились на севере, тем больше была роль этих промыслов в

их повседневности. Из Якутска северные реки регулярно посещали торговцы для проведения сделок с промышленными, служилыми людьми и коренным населением (Савинов 2020). Таким образом, жителей острогов и зимовий нельзя в полной мере назвать оседлыми. Организация форпостов в период продвижения на северо-восток Сибири сама по себе являлась следствием и условием мобильности представителей Российского государства; функционирование стационарных точек–поселений было возможно лишь в контексте постоянной циркуляции людей и ресурсов. В. В. Васильева, основываясь на материалах таймыро-якутского приграничья, утверждает, что для «русской» модели мобильности была характерна «канализованность» перемещений, выражавшаяся в следовании прочерченными путями. Жители тундры, напротив, отличались восприятием и использованием пространства «в целом», а не отдельных путей (Васильева 2021: 178).

Эвены, эвенки, чукчи, юкагиры и якуты-оленеводы, как правило, рассредоточивались по местности, а их практики не были столь сильно связаны со статичными способами освоения пространства (Гурвич 1977; Богораз 1991; Иохельсон 2005). Другой формат отношений демонстрируют оседлые якуты-скотоводы. А. Н. Алексеев предполагает, что прекращение мореплавания из Якутска на Колыму в 1680-х гг. объясняется созданием более привлекательных условий для наземного перемещения. Во второй половине XVII в. в районах Индигирки, Алазеи и Колымы увеличивалось количество якутов-скотоводов, создававших цепи оседлых хуторов (аласов), жители которых часто общались между собой. Между ближайшими аласами возникали отрезки дорог, которые, постепенно соединяясь друг с другом, обусловили появление дороги, связавшей по сухопутью Колыму с Центральной Якутией (Алексеев 1996: 65–66). В свою очередь, важные транспортные магистрали выступали не только условием мобильности, но также они актуализировали этнокультурные взаимодействия между разными группами (Дьяченко 2017: 133).

Со временем менялся способ привязки социальных групп к определенным видам ресурсов. Посредством развивающейся торговли в регион попадали китайские, американские товары, не говоря о нетипичных ранее для локальной среды «русских» и «якутских» предметах, а территория северной Якутии давала доступ к пушным богатствам, вывозившимся в западном направлении. Подключение локальных хозяйственных практик к государственной системе распределения ресурсов повлияло на местную социальную среду, перераспределив и интенсифицировав протекающие в ней процессы⁷.

Одним из новых факторов влияния на практики освоения пространства коренных жителей стало административное регулирование, ярким примером которого является принятие

⁷ Как пишет В. Н. Давыдов, интенсификация отношений и мобильности происходит в результате столкновения локальных практик с внешними акторами (Davydov 2011: 66–69).

в 1822 г. «Устава об управлении инородцев». В соответствии с документом, все коренные жители были поделены на три категории: оседлых, кочевых и бродячих (Полное собрание законов Российской Империи 1830; Коч 1990). К первой когорте причислялись люди, живущие в городах и селениях, ко второй – кочующие земледельцы и южные скотоводы, к третьей относились охотники и оленеводы. Большинство жителей северной Якутии оказалась в категории «бродячих инородцев», что, в отличие от кочевых, освобождало их от всех сборов и повинностей, кроме необходимости уплаты ясака (Гурвич 1966).

Оседлость и мобильность существовали не как имманентные атрибуты взаимодействующих групп, но становились отражением социальных, материальных и символических связей. Паттерны мобильности представляли собой конфигурацию отношений, необходимых для реализации практических целей, которые при другом режиме мобильности/использования пространства не могли быть достигнуты. Движение социальных групп и отдельных людей в регионе представляло собой изменения структуры взаимодействующих акторов, что согласуется с подходом к мобильности Дж. Гибсона (1988: 42).

Таким образом, за период с XVII по конец XIX в. хозяйственно-культурные аспекты жителей северной Якутии претерпели значительные изменения. Для разных хронологических этапов были актуальны определенные виды ресурсов: «пушная лихорадка» XVII в. (Алексеев 1996: 56) привела к массовому истреблению соболя. В свою очередь, это вынудило промышленников осваивать новые территории и объекты добычи. Например, в конце XVIII в. объектом торговых отношений стала мамонтовая кость (Боякова 2001: 45). Увеличение численности населения в регионе привело к резкому сокращению популяций дикого оленя, мясо которого являлось основным источником питания юкагиров, эвенов, эвенков, якутов, чукчей и русских старожилов. Вследствие этого прекратился массовый забой животных на переправах; сокращение численности диких оленей сопровождалось увеличением поголовий домашних стад у некоторых групп. Под влиянием русского населения среди местных жителей, преимущественно эвенов и якутов, распространились отхожие промыслы, такие как извоз и почтовая гоньба (Алексеев 1996: 45, 51).

Одни этнические сообщества (юкагиры, эвенки–тунгусы) дробились и уменьшались, что сопровождалось сокращением территории их проживания, в то время как численность и территория других (например, чукчей) росли. Происходившие трансформации заставляли местных жителей реагировать на возникающие вызовы, развивая хозяйство в направлении многоукладности, что было характерно для малооленных групп эвенов, эвенков, юкагиров и др., или углубляя специализацию, как произошло в случае с чукотским оленеводством (Гурвич 1966; Богораз 1991; Алексеев 1996: 57). Кроме того, в процессе взаимодействия и культурного

обмена происходило складывание новых групп, таких как северные якуты и русские старожилы (Гурвич 1966: 262). Вовлечение северной Якутии в более широкий контекст экономических связей, с одной стороны, открывало коренному населению новые способы получения ресурсов, но, с другой, делало людей более зависимыми от внешних социально-экономических факторов. Так, в 1905 г. над всем Колымским краем нависла угроза голода в связи с тем, что Русско-японская война затруднила доставку казенных товаров на севере Якутии. Отправленный в регион для прояснения сложившейся ситуации специальный уполномоченный С. А. Бутурлин в своем отчете эмоционально сообщал, что население Колымы жестоко страдает от столкновения с цивилизацией, «но цивилизацией исключительно в форме спирта, сифилиса и торгового обмана и с государственной организацией, но исключительно в форме требования ясака» (Бутурлин 1907: 143).

1.4 Эпоха советской модернизации

Становление советской власти происходило в тяжелый экономический период, обусловленный Первой мировой, а затем Гражданской войнами, которые привели к прекращению поставок на Север многих ресурсов. В русских старожильческих группах в 1919, 1921 и 1925 гг. фиксировались вспышки голода; колымские эвены ввиду недостатка ружей и патронов возвращались к охоте самоловами и прочими традиционными средствами; поголовье домашних оленей на севере Якутии в период Гражданской войны уменьшилось на 40 тысяч особей (Агафонов и др. 1933: 213–214; Очерки по истории Якутии советского периода 1957: 140).

Во второй половине 1920-х гг. ситуация частично стабилизировалась, окрепли и усилились торговые связи, что позволило наладить поставки необходимых товаров на Север. В 1924 г. был создан Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, основной задачей которого являлось «содействие развитию малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении»⁸. Под контролем данной институции создавались культбазы, школы-интернаты, кочевые школы, передвижные клубы, библиотеки, медицинские и ветеринарные пункты (Гурвич 1966: 215)⁹. В 1935 г. Комитет был ликвидирован, а его функции распределили между Главным управлением Северного морского пути при СНК СССР (вопросы хозяйственно-культурного обслуживания), отделом национальностей при Президиуме ВЦИК, а функции

⁸ Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1924–1925 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://guides.rusarchives.ru/node/1215> (дата обращения: 19.01.2023).

⁹ Там же.

местных органов власти перешли специальным отделам национальных меньшинств краевых и областных исполкомов¹⁰.

Развитие социалистического хозяйства предполагало управляемую извне экономику регионов, функционирующую в соответствии с общесоюзными планами. Для этого требовалось включить все население страны в общую информационную и регуляторную сеть. В 1939 г. ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР было принято решение, согласно которому Якутской АССР предоставлялись ссуды для создания сети поселков. Однако строительство затягивалось, сказывался дефицит строительных материалов и специалистов, невыполнение обязательств поставщиками ресурсов и ряд других негативных факторов (Гурвич 1966: 252; Филиппова 2007: 29–31).

Советизация северной Якутии была временем социально-экономических экспериментов, поиска эффективных, с точки зрения административных лиц, стратегий развития. К обеспечению местных жителей продовольствием в 1920-е гг. привлекались американские предприниматели. Так, Д. Д. Травин описывает приезд в Русское Устье в 1928 г. шхуны Дальгосторга «Note» («Красный пионер»), наполненной американскими товарами. Исследователь отмечал, что из привезенных товаров, продававшихся на Колыме, в Русском Устье и в с. Аллаиха, широкое распространение получили американские винчестеры, ручные фонари, топоры с длинными дубовыми топорищами, листовой табак, металлическая посуда, цинковые банки, пилы. Большим спросом также пользовались американские и японские спички: в 1928 г. они были в дефиците, в связи с чем местные жители для добывания огня использовали кремень и огниво (СПбФ АРАН Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 196).

Несмотря на возникающие трудности, процесс реализации новых проектов, в частности поселкования, не останавливался. В 1936 г. был основан современный центр Аллаиховского района – поселок Чокурдах, в Нижнеколымском районе в 1931 г. за участком на правом берегу Колымы было официально закреплено название Нижние Кресты. В 1963 г. это поселение стало поселком городского типа Черский. В 1940 г. на р. Алазее, близ Олёринской тундры, возникло село Андрюшкино, ставшее местом проживания эвенков, юкагиров и якутов; в 1941 г. напротив впадения р. Омолон в р. Колыму в районе Халарчиснской тундры основано село Колымское, являющееся местом концентрации чукчей Якутии. Общая численность населения региона росла в связи с промышленным развитием и увеличением приезжих людей, преимущественно русских. По данным переписи 1959 г., в бассейне Колымы и Индигирки проживало 26218 человек (Гурвич 1966: 241).

¹⁰ Там же.

Во второй половине XX в. темпы перевода населения на оседлость постепенно замедлились, что было обусловлено дефицитом ресурсов и недостатком жилых помещений. В отчете Олёринского сельского совета народных депутатов от 1972 г. указывались такие проблемы: «Бытовая жизнь оленеводов, охотников остается в прежних условиях, а оседлый образ жизни очень медленно, с большими задержками вытворяется в жизнь. Строительные работы социально-экономического плана совхоза внедряются медленно, строительство 12-ти квартирного жилого дома прекращено из-за отсутствия денег в совхозе» (Нижнеколымский районный архив. Ф. 7. Оп. I. Д. № 47. Л. 65). В 1971 г. в Аллаиховском районе было переведено на оседлость 35 хозяйств (125 человек), в Нижнеколымском районе – 25 хозяйств (189 человек), в Жиганском – 12 хозяйств (27 человек); спустя восемь лет, в 1979 г., в Аллаиховском районе на оседлость не была переведена ни одна семья, в Нижнеколымском районе перешло на оседлость 4 хозяйства (21 человек), в Жиганском – 3 хозяйства (4 человека) (Филиппова 2007: 30–31). Кочевой и полукочевой образ жизни сохранялся до конца советского периода: в 1980 г. кочевали 302 семьи, относящиеся к народам севера и проживавшие в северных районах Якутии (Там же: 32).

Населенные пункты связывались между собой, с Якутском и другими регионами сетью автозимников. Рядом с Черским в 1962 г. был открыт Морской порт Зеленый мыс, ставший частью инфраструктуры Северного морского пути, который выполнял важную роль в снабжении ресурсами арктических районов (Боякова 1995). Большое значение в становлении транспортной сети северной Якутии имела малая авиация. Происходило строительство сельских аэродромов. По воспоминаниям информантов, в 1970–80-х гг. у них была возможность за относительно небольшую плату улететь в районный центр, чтобы приобрести необходимые товары, получить медицинское обслуживание и в тот же день вернуться обратно.

Постепенно в поселках создавалась материальная среда, приближенная к городским стандартам: возводились стационарные дома с электрификацией и радиофикацией, «европеизировалось» внутреннее убранство жилых помещений, строились магазины, со временем возникали дизельные электростанции и котельные. Впрочем, не всегда используемые для строительства материалы отличались высоким качеством. Так, информанты в Жиганске и Русском Устье сообщали, что в последней четверти XX в. на территории их населенных пунктов возводились постройки экспериментального типа, т. н. «фенольные» дома. Предполагалось, что через 10–15 лет они будут заменены другими строениями из проверенного материала, однако развал СССР нарушил планы, и часть людей проживает в подобных экспериментальных домах до сих пор (ПИМА 2018; 2021). В состав строительного материала, из которого они были сделаны, входило органическое соединение фенол. Последний, по мнению информантов, негативно влияет на здоровье человека. Как сообщал один из местных жителей,

по статистике, у людей, проживающих в Жиганске в таких домах чаще диагностируются онкологические заболевания. Другой информант из Русского Устья не видит в данных постройках большой угрозы.

Несмотря на формирование поселковой и урбанизированной среды, местные жители занимались промыслом, имели временные жилища на заимках, где использовалась промысловая одежда и, в целом, бытовал иной тип материальности, характерный для предшествующей эпохи. Например, юкагиры на лето откочевывали из поселков на рыболовецкие участки, где проживали в конических чумах, крытых лиственничной корой. Традиционное жилище позволяло охотникам и рыбакам своими силами создавать и поддерживать необходимые для промысла строения; они были удобны для вяления юколы, дымления шкур и прочих хозяйственных действий, что приводило к строительству чумов даже в поселках в качестве подсобного летнего помещения, а зимой они использовались как амбары (Гурвич 1966: 230). Воспоминания о строительстве яранг в селе сохранились и у чукчей старшего поколения из с. Колымское¹¹ (ПМА 2021). Чукотская одежда к середине XX в. сохранялась преимущественно в качестве промысловой (Гурвич 1966: 249). Якуты, занимавшиеся охотой и оленеводством, в качестве жилищ использовали тордохи и палатки, предпочитали меховую одежду и обувь. У некоторых якутских групп в середине XX в. летнюю одежду проникал модернизированный покрой, в то время как зимний костюм сохранял традиционный вид (Гурвич 1966).

Тенденция на комбинирование новых и традиционных элементов материальной культуры была характерна и для русского населения. В поселковый быт к середине XX в. уже вошли покупная посуда, часы, швейные машины, патефоны, привозная одежда; исчезали деревянные тарелки, резные блюда, ложки, черпаки, светильники-лейки, окна из налимьей кожи, вместо нар-лежанок появились кровати, камельки-чувалы вышли из бытования под влиянием голландских печей и плит, лодки-карбасы заменялись плоскодонными неводными лодками, непромокаемая обувь – бродни вытеснялись резиновыми сапогами. В 1931 г. в Русском Устье появилась школа, в с. Аллаиха открылся фельдшерский стационар, во всех старожильческих поселках создавались пункты ликвидации неграмотности (Кротов 1934: 52). Подобно быту коренных народов региона, быт старожилов сохранил преемственность с более ранним материальным комплексом на промысловых участках. В середине XX в. на заимках люди еще проживали в юртах-урасах, спали на нарах-лежанках, использовали чувалы и железные печи; местные жители продолжали пользоваться старинными амбарами, ямами-погребями и приспособлениями для вяления рыбы – юкольниками (Гурвич 1952). В

¹¹ О схожих стратегиях использования традиционных жилищ коренного населения Чукотки см.: Давыдов, Давыдова 2021.

экспедиционном отчете Д. Д. Травин писал о том, что у русских в Русском Устье в конце 1920-х гг. сохранялся тип старинного оружия: копье, лук, стрелы, нарукавник, тул (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 199–200).

С одной стороны, в поселках усиливалось проникновение советской материальной культуры; с другой стороны, интенсифицировалась циркуляция межэтнических компонентов и заимствований. Как сообщал И. С. Гурвич, в середине XX в. материальная культура юкагиров представляла собой «конгломерат» чукотских, якутских, эвенских и русских элементов. Та же тенденция была характерна и для других народов, которые в результате поселкования и централизации оказывались в тесном контакте с пестрыми в этнокультурном отношении сообществами региона (Гурвич 1966: 223).

Пространственная динамика населения и материальной культуры

Характерной чертой произошедших в советский период изменений стало стягивание населения в стационарные поселки, концентрация в них хозяйственной, культурной и общественной жизни. Разобщенность и дисперсность расселения коренных жителей Якутского Севера не способствовала быстрой реализации планов советского руководства. Прежняя конфигурация проживания являлась, скорее, результатом автономной адаптации различных этнических групп к условиям окружающей природной и социальной среды. В навязываемые советским правительством рамки не вписывались россыпи небольших хозяйственных коллективов, слабо подконтрольных административным ведомствам, поэтому после 1917 г. начался процесс интенсивного регулирования социально-экономических процессов извне (Гурвич 1966: 252).

В ранний советский период к переселению целых групп приводили экологические изменения, связанные, в частности, с динамикой охотничьей фауны. В 1920-х годах к эвенам низовьев Индигирки (Аллаиховский район) присоединилась группа эвенов, проживавшая ранее в верховьях реки. Причиной миграции послужило исчезновение диких оленей в районе южной части Индигирки и периодические голодовки местного населения. Таким образом, нижеиндигирская группа эвенов увеличилась и составила около 280 человек (Там же: 230). Однако в 1929–1930-х гг. животные пропали и на территории Аллаиховского района, что привело к голоду. Для решения проблемы ЦИК Якутской АССР командировал в регион своего представителя и профинансировал реорганизацию локальной системы жизнеобеспечения. Разработанный проект предполагал переориентацию эвенов на рыболовство, в связи с чем для них был приобретен промысловый инвентарь; кроме того, было начато обучение эвенского населения речному рыболовству, причем инструкторами выступали представители русскоустыинцев. Тогда же началось строительство поселка для эвенов, получившего название Ойотунг. Помимо эвенов, вокруг созданного поселения сосредоточились местные группы

юкагиров. Там же было организовано эвенское товарищество, позже переведенное в статус колхоза (Гурвич 1966: 230). В 1972 г. жителей с. Ойотунг, попавшего под волну ликвидации «неперспективных поселений», перевели в с. Оленегорск, образованное на юге Аллаиховского района. Основной отраслью жителей села являлось оленеводство. Ойотунг, покинутый населением, перешел в статус промыслового участка; в настоящее время он используется жителями Чокурдаха в качестве дачи. Примеры с образованием новых населенных пунктов и перемещением местных жителей путем административных указов из одной локации в другую свидетельствуют об уменьшении самостоятельности социальных групп в выборе стратегий мобильности и расселения.

К концентрации населения приводило и снятие административных ограничений. В первые десятилетия советской власти отмечаются тенденции оседания кочевников около сел с доминирующим русским населением. Одной из причин усиления данного процесса послужила отмена повинности, существовавшей до революции. Согласно ей, лица, переселявшиеся на новую территорию, обязаны были платить налоги в покинутой административной единице и нести натуральную повинность как на территории прежнего места проживания, так и на новом месте (Гурвич 1966: 250). Перестройка старых административных границ, служивших препятствием объединению этнических групп, лишь формально отличавшихся друг от друга, привела к слиянию отдельных сообществ; таким образом, объединились колымские юкагиры с русскими старожилами, а потомки эвенов слились с юкагирами Верхней Колымы.

В создаваемые поселки «переезжали» не только люди, но и материальные объекты. И. С. Гурвич писал, что русские старожилы в низовьях Индигирки и Колымы сплавляли свои избы с заимок на территорию центральных поселков. Так, при обследовании села Походск в 1959 г. он отметил, что из 27 жилых и общественных строений возведено непосредственно в селе лишь два жилых дома, почта, магазин, клуб, два амбара и четыре склада; остальные строения были перенесены с заимок. Ранее на заимках жили и занимались промыслом круглогодично, однако с изменением политики в области расселения многие хозяйственные участки оказывались в запустении или же переходили в разряд исключительно промысловых (Гурвич 1953: 28–42; Гурвич 1966: 252).

Точками интенсификации общественно-культурных взаимодействий становились сельские дома культуры (клубы) (Аргунов 1985: 184). Вокруг поселков как фиксированных пунктов складывались новые стратегии освоения пространства с привязкой к «точкам постоянного возвращения». Схожие процессы были характерны и для территорий проживания русских старожилов, которые занимались рыболовством (Русские арктические старожилы Якутии 2019). Подобная форма мобильности стала распространенной и среди иных сообществ в СССР, переводимых на оседлость (Давыдов 2018b).

Интенсификация межэтнических взаимодействий способствовала распространению многоязычия. По сообщению исследователей, атмосфера полиэтничности и многоязычия в Нижнеколымском районе приводила к размытости этнического самосознания юкагиров, неспособности на бытовом уровне провести определенную границу между юкагирами, эвенами, чукчами (Гурвич 1952: 203). В Аллаиховском районе в начале 1950-х гг. И. С. Гурвич фиксирует ту же ситуацию и пишет, что большинство населения не различает эвенов и юкагиров, поскольку «нет критериев... для отнесения тех или иных семей к юкагирам или эвенам» (РО ИГИиПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 236. Л. 27).

Г. Н. Грачева сообщала о том, что в 1987 г. в Олёринском сельсовете юкагиры, эвены и некоторые «коренные якуты» в большинстве в той или иной степени владели пятью языками: эвенским, юкагирским, якутским, русским и чукотским, однако среди населения старше 60 лет русский знали далеко не все (АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1528. Л. 43). Исследовательница заметила, что многоязычие негативно сказывалось на детях в ясли-садах, в результате чего русский и якутский языки, используемые одновременно, приводили к задержке формирования речевых навыков детей, которые начинали говорить лишь к трем годам (Там же). Стоит отметить, что если для поселковой среды было характерно многоязычие, то в оленеводческих бригадах отмечалась иная ситуация. Например, в связи с тем, что в Колымском бригады были сформированы в основном по семейному признаку, в зависимости от преобладания в них определенной этнической группы употреблялись и соответствующие языки (Там же: 67). В Нижнеколымском районе представители старшего поколения (1940-х гг. рождения) в разной степени до сих пор владеют пятью языками: юкагирским, эвенским, чукотским, якутским и русским.

После второго витка поселкования в конце 1950–1960-х гг. сотни населенных пунктов Якутии были признаны «бесперспективными» и подлежали ликвидации. В итоге, оказались заброшены в первую очередь наиболее удаленные участки землепользования (охотничьи, рыболовные угодья и пр.) и малые населенные пункты (производственные фермы, сезонные и постоянные небольшие заимки). Этот процесс приводил к увеличению плотности населения и стягиванию поселений к административным центрам. Несмотря на это, во второй половине XX в. наиболее распространенными на севере Якутии являлись мелкие и средние поселения (Филиппова 2007: 139). Для общей статистики отмечу, что в 1950 г. в республике было всего 4385 поселений, а в 1989 г. их количество существенно сократилось – до 716 (Филиппова 2007: 36). В областях проживания коренных народов наиболее распространенными стали населенные пункты, в которых проживало от 100 до 500 человек (48,4 %) (Там же: 37). К концу советского периода в 1989 г. на территории Жиганского района проживало 5678 человек, в Аллаиховском

районе – 5218 человек, в Нижнеколымском – 13692 человека¹². Таким образом, в XX в. была сформирована структура расселения, которая представляла собой систему точек–поселений, мест постоянных возвращений (Давыдов 2018b) жителей региона, с сократившимися промысловыми территориями вокруг. Уменьшение актуальных в хозяйстве территорий выражалось не столько в урезании осваиваемой площади, сколько в трансформации значения, которое это пространство имело в системе жизнеобеспечения.

Как утверждал И. С. Гурвич, в это же время под влиянием советской культуры протекал процесс нивелировки этнических особенностей (Гурвич 1966: 261). Создание сети интернатов для детей оленеводов приводило к отрыву подрастающего поколения от традиционного хозяйства, а также увеличению роли русского языка и советской/европеизированной культуры в сообществах коренного населения (Семейные основы оленеводческо-промыслового хозяйства... 2004). Однако постсоветский опыт не только Якутии, но и других субъектов России показал, что, несмотря на исчезновение «традиционных» этнических маркеров, процессы, связанные с этничностью, сохраняют актуальность, проявляясь в новых формах и оказывая влияние на социально-экономические реалии регионов (Филиппова и др. 2020: 302; Головнёв 2021; Киссер 2021; Березницкий 2021b).

Трансформации хозяйственных практик

Советский период привел к значительным переменам в организации хозяйственной деятельности местных жителей (Санникова 1999; Бурнашева 2011; История Якутии... 2021). После 1917 г. происходили масштабные преобразования, связанные с переделами земельных участков, раскулачиванием, коллективизацией (Биркенгоф 1972: 29–30; Крестьянство Сибири в период строительства социализма... 1983: 3, 192; Атласов 1992: 9). Создание колхозов в северных районах ЯАССР началось в 1929–1930 гг. На переустройство хозяйства и культурное строительство выделялись большие средства, например, в 1930 г. – 1 млн. 192 тыс. руб., в 1931 г. – 1 млн. 660 тыс. руб., в 1932 г. – 3 млн. 5699 тыс. руб. (10 лет Якутской АССР 1932: 85). После коллективизации, в 1950-х гг. наступил период трансформации колхозов в совхозы, а затем – укрупнение последних.

Нередкими были случаи, когда коренному населению навязывались организационные формы хозяйственной деятельности, которым оно, в силу социальных и экономических факторов, не могло соответствовать. М. А. Кротов, побывавший в начале 1930-х гг. в низовьях Индигирки, писал о том, что создание слишком большого числа артелей вместо простейших производственных объединений было ошибкой¹³ (Кротов 1934: 38). В результате «в 1933 г.

¹² Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 4.04.2023).

¹³ Также см.: Кантор 1934: 133.

большинство созданных объединений было преобразовано в товарищества по совместному выпасу оленей [то есть произошел шаг к более привычным для местного населения формам хозяйства – Н. Г.]. К 1934–1939 гг. товарищества окрепли, накопили опыт работы и перешли к этапу объединения. В 1940–1941 гг. товарищества перешли на устав сельскохозяйственных артелей (Гурвич 1966: 231). В Халарчинской и Олёринской тундрах коллективизация на первых этапах тоже происходила формально. Фактически сохранялись прежние хозяйственные отношения, и колхозники жили за счет индивидуального хозяйства. Как и в Аллаиховском районе, из-за неготовности населения в 1930-е гг. артели были преобразованы в товарищества по совместному выпасу оленей. В 1920–1930-х гг. на территории промысловой и оленеводческой деятельности появлялись фактории, где местные жители сбывали добытую пушнину и взамен получали актуальные товары: от утвари и одежды до боеприпасов и иных промысловых атрибутов (Сосин, Тобуков 2009: 124).

Влияние государства на практики освоения пространства местными жителями увеличивалось. Иногда это проявлялось в крупномасштабных проектах (коллективизация, поселкование и т. д.), но порой имело локальный и мягкий характер, например, в начале 1930-х гг. эвены и юкагиры, охотившиеся на диких оленей между Индигиркой и Колымой, столкнулись с серьезными проблемами, поскольку на севере резко уменьшилась популяция животных, выступавших главным объектом промысла. В таких обстоятельствах товарищества эвенов и юкагиров воспользовались ссудами от государства на приобретение оленей и постепенно перешли от охоты на диких животных к мясо-шкурному оленеводству, рыболовству и добыче пушного зверя, а внедренный бригадный метод выпаса оленей способствовал укрупнению домашнего поголовья. С 1935 по 1939 гг. на ферме Н. К. Курилова – бригадира товарищества «Чукочий бадул» – количество оленей увеличилось с 994 до 2520 голов (Гурвич 1966: 221). Стабилизировав экономическое положение, тундровые товарищества перешли на «Устав сельскохозяйственной артели»; товарищество «Сутаня омчук» было преобразовано в артель «Сутаня удиран» с центром на р. Алазее, товарищество «Чукочий бадул» стало артелью «Оленевод» с центром на р. Тустах-сен, на основе чукотского товарищества Халарчинской тундры был образован многонациональный колхоз «Турваургин» (Там же: 221–222).

Аналогичные трансформации происходили в жизни северных якутов-оленеводов и эвенков в Жиганском районе. В 1931–1932 гг. сформировались товарищества в Боторчуне, Джиржане, Жиганске и Коноре. Пройдя путь консолидации и укрепления, в 1936 г. они перешли на устав сельскохозяйственных артелей. Более южное положение по сравнению с предыдущими районами позволяло местным жителям осваивать новые хозяйственные практики. Так, колхоз «Путь Коммуны» (Малая Конора) некоторое время занимался

огородничеством, однако прекратил данную деятельность по причине отсутствия ресурсов и кадров. Основными занятиями населения Жиганского района были оленеводство, охота и рыболовство. После укрупнения артелей в 1950 г. в районе сформировались сравнительно мощные хозяйственные коллективы. При консолидации колхозов им. Чкалова, «Рассвет» и «Путь победы» в 1954 г. возникло хозяйство, которое вобрало в себя практически половину коренного населения района в количестве 612 человек. Центром данного колхоза стал поселок Баханай, где были выстроены срубные дома, открыты школа, интернат, клуб, больница и проживало 200 человек (Гурвич 1966: 237). В хозяйственной структуре якутов-скотоводов за период коллективизации возросла роль пушной охоты, но основное значение сохранялось за животноводством. Привлечение дополнительных ресурсов извне позволяло не только адаптироваться к окружающим условиям, но и весьма существенно на них влиять (Там же: 239).

Повседневность русских старожилов Индигирки и Колымы под влиянием коллективизации не осталась неизменной. Изначально на Индигирке было создано 20 артелей, которые в 1931 г. объединились в русскоустыинский и ожогинский колхозы; кроме того, был сформирован якуто-эвенско-русский Бурулгинский колхоз. Данные процессы сопровождались обобществлением частной собственности: сетей, капканов, пастей и т. д. У русских старожилов возникали проблемы, с которыми столкнулось коренное малочисленное население: на первых этапах колхозы представляли собой нестабильные образования, в которых каждое домохозяйство существовало индивидуально, в связи с чем в 1932 г. они были переведены на устав простейших производственных объединений. Похожим образом коллективизация протекала и на Колыме. Рыболовецкие и охотничьи бригады получали от товарищества или заготовительных организаций неводы, сети, приобретали снасти через производственные объединения. Со временем концентрация населения привела к сближению разных старожильческих семей, которые в прошлом практически не выезжали за пределы своих заимок. В 1939–1940 гг. произошел переход на устав сельскохозяйственной артели, что ускорило строительство колхозных центров. Появлялись новые населенные пункты. Так, во время Великой Отечественной войны в низовьях Колымы возникли поселки Амбарчик, Медведка, Петушки, Зеленый мыс, в строительстве которых принимали участие заключенные. В этот же период соотношение местного и пришлого населения резко увеличилось в пользу последнего. Возрастало количество браков с приезжими русскими, что приводило к нивелировке локальных особенностей языка и культуры старожилов (Гурвич 1966: 253).

Основу хозяйственной деятельности в дельтах Индигирки и Колымы составляли песцовый промысел и рыболовство; практиковались и вспомогательные хозяйственные занятия: охота на дикого оленя, перелетную птицу, собирательство. Кроме того, осуществлялась добыча

нерпы (АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1090. Л. 6)¹⁴. Информанты из Аллаиховского района рассказывали, что мясо нерпы использовалось в том числе в качестве собачьего корма; оно позволяло достигнуть быстрого насыщения и поддерживало тепло организма, но в то же время нужно было следить за его дозировкой, поскольку слишком большая порция из-за высокой жирности могла привести к гибели собаки. В середине 1950-х гг. собачьи упряжки сохраняли позицию основного транспортного средства русских старожилов (Там же: 7 об. – 8). Из материалов Н. М. Михеля 1920–30-х гг. следует, что на Индигирке содержание собак ощутимо сказывалось на экономическом положении русского населения, поскольку животным скармливалось 40–60 % от общего улова рыбы. По мнению исследователя, это становилось причиной периодических голодовок местного населения (АМАЭ РАН Ф. К–V. Оп. 1 Д. 60. Л. 9–10). Р. В. Каменецкая в 1972 г. писала, что в низовьях Индигирки, в отличие от Нижней Колымы, русское население для хозяйственных нужд (в частности, для подготовки пастей на пушного зверя) из-за более подходящего рельефа чаще прибегало к использованию лошадей (АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1020. Л. 7 об. – 8).

По сравнению с досоветским периодом традиционные занятия испытали ряд трансформаций. Например, обновилась материальная база промысла: в обиход вошли неводы от 150 до 250 м длиной, капроновые сети, баржи, вельботы, катера, моторки. Появился центр планирования и распределения обязанностей между промысловиками, которые образовывали единую производственную систему с плановым распределением рыболовецких участков и подсчетом улова. Использование ледников усовершенствованного типа позволило населению осуществлять заготовку рыбы в большем объеме и лучшего качества. Со временем рыболовецкие совхозы на нижней Индигирке и Колыме заняли позицию крупнейших поставщиков рыбы в Якутии (Гурвич 1953: 29).

Внутри совхозов проводились соревнования по производительности труда, цель которых состояла в повышении экономических показателей посредством организации борьбы между работниками за достижение лучших результатов трудовой деятельности (Курбанов, Курбанов, Плотников 2018: 80). Например, в 1989 г. среди рыболовецких бригад неводников и рыбаков совхоза «Аллаиховский» в летней путине первое место заняло звено рыболовецкого участка Омуллах Русскоустынского отделения, сдавшее 13200 кг рыбы. В звене работало 3 человека; соответственно, «производительность труда» одного члена звена составила 4400 кг рыбы.

¹⁴ Р. В. Каменецкая писала о промысле нерпы в низовьях р. Яны: «Выезжали на море и искали лунки. В том месте, где они были, делали засаду и били нерпу из ружья. Нужно было попасть в голову, т.к. только так ее убивали. Если же пуля попадала в тело, то она оставалась в слое жира, а нерпа спокойно уходила в лунку. В пищу шел жир, который перетапливался, а мясо скармливали собакам. Шкуру брали, но ее добыча не играла такой роли, как на Индигирке и Колыме. Здесь были коровьи шкуры и олень в избытке» (АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1025. Л. 23–24).

Победители награждались денежной премией по 30 рублей на каждого человека. Среди рыбаков-сетников победителем стал рыбак с участка Малый Камень (центральная усадьба, приписанная к Чокурдаху) – Баловнев В. И., сдавший 3319 кг рыбы. Его денежная награда составила 20 рублей (Муниципальный архив муниципального района «Аллаиховский улус (район)». Приказы по Русско-Устьинскому отделению совхоза «Аллаиховский» 1988–89 гг. Л. 38).

Рост уровня образования приводил к тому, что местные жители получали новые специальности: фельдшера, учителя, зоотехника; часто, освоив профессию в городе, они возвращались на малую родину (Гурвич 1966). Большое значение имели приезжие специалисты. Информанты из Нижнеколымского района делились воспоминаниями о том, как в их поселках работали учителя из европейской части России, в связи с чем качество школьного образования в арктических районах, по их словам, было лучше, чем в центральной Якутии. В Черском действовали авто- и строительное предприятия, морской порт и аэропорт, отделение Колымторга, котельные, электростанции и т. д., что требовало квалифицированных кадров. В Жиганске с 1965 г. функционировал лесопункт, в 1970 г. там был основан комбинат бытового обслуживания, предоставлявший услуги парикмахеров, фотографов, химчистки, ремонта, пошива одежды и ряд иных функций (Жиганск сквозь столетия 2012: 213–217).

В 1960-х гг. на основе действующих колхозов и совхозов в рамках очередного витка «укрупнения» возникли объединенные совхозы. Их головные усадьбы располагались в районных центрах, в то время как в наслегах размещались структурные отделения. Названия преобразованных хозяйственных единиц совпадали с наименованиями районов. Так, в 1960 г. был основан совхоз «Аллаиховский», в 1961 г. появились совхозы «Нижнеколымский» и «Жиганский»¹⁵ (Там же: 223).

В рамках северных колхозов и совхозов развивались новые отрасли: клеточное звероводство, растениеводство в закрытом грунте, укреплялось земледелие (Жирков 1987: 16; Филиппова 2007: 78). Кроме того, проводилась работа по модернизации привычных для населения отраслей. В контексте охотничьего промысла большое внимание уделялось охране и восстановлению охотничьей фауны, внедрению новых способов организации труда в виде бригадной системы; создавались промыслово-охотничьи базы, состоящие из жилых домов, бань, складских помещений, мест для проведения культурных мероприятий и т. д. (Филиппова 2007: 97–98). Важным условием развития новых отраслей становилось наличие уже сложившихся практик в регионе. Это характерно для клеточного звероводства, внедрение

¹⁵ Географическая и историческая справка о наслеге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://halarcha.sakha.gov.ru/geograficheskaja-i-istoricheskaja-spravka-o-naslege> (дата обращения: 26.09.2022).

которого в рыболовных совхозах определялось кормовой базой для животных в виде рыбы (Иванов 1974: 24). Укрупнение также меняло стратегии хозяйствования: появлялись рыбзаводы, концентрирующие процессы, связанные с рыболовством и определяющие структуру отрасли. Если до периода модернизации хозяйства основной промысел рыбы в Нижнеколымском районе велся на озерах, по берегам которых располагались многочисленные населенные пункты, то стягивание людей в приречные поселки и снабжение их моторными лодками способствовало актуализации речного рыболовства (Филиппова 2007: 98).

Г. Н. Грачева на примере с. Андрюшкино в 1987 г. писала о том, что в регионе существует распределение «национальностей по основным, традиционным для каждой, отраслям хозяйства. Эвены, юкагиры и чукчи преимущественно заняты в оленеводстве, якуты – в скотоводстве и коневодстве, на рыбопромысле, в административных службах совхоза» (АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1528. Л. 37). Как отмечал И. С. Гурвич, несмотря на то, что быт русских старожилов и приезжих русских становился все более схожим, структура повседневности первых имела ряд отличий. Например, они много времени тратили на уход за собаками, добычу топлива в виде плавника и заготовку льда для получения питьевой воды (Гурвич 1966: 255).

Форсированное развитие хозяйства под контролем государства, являясь качественно новым социально-экономическим феноменом на севере Якутии, приводило к росту отдельных отраслей. Для нового режима освоения пространства был характерен принцип многосторонней специализации и точечной проработки отдельных сфер жизнеобеспечения. Ярким примером выступает оленеводство. Так, со временем сложились благоприятные условия для роста домашних поголовий: в регионе была организована современная государственная ветеринарная служба, проводилась работа землеустроительной экспедиции, результатом которой явились проекты развития оленеводческих колхозов. Помимо этого, с 1957 г. бригадам разрешалось забивать оленей в течение круглого года для питания, что расширило ресурсный потенциал поголовий. Развитие оленеводства происходило в тесном переплетении с пушным промыслом, поскольку олени использовались для объезда ловушек и пастей. В начале 1960-х гг. оно приносило северным колхозам от 28 до 36 % общих доходов, причем если в начале доминировала транспортная специализация, то со временем стало преобладать мясное направление (Филиппова 2007: 76). В 1971 г. для интенсификации отрасли Якутский обком и Совет министров ЯАССР приняли постановление «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию оленеводства в республике» (Винокурова 2021: 105).

Позиции оленеводства усиливались в том числе благодаря «кампании по ликвидации бытового кочевания оленеводов», которая позиционировалась как борьба за улучшение быта представителей этой хозяйственной сферы. Было организовано обслуживание отрасли

авиацией, происходило укомплектование оленеводческих бригад снегоходами, вездеходами, радиостанциями, огнестрельным оружием. Специально для оленеводов возводили образцовые поселки, на маршрутах кочевий появлялись промежуточные базы; тракторами в тундру доставляли дрова, зарплату привозили на вертолетах. В некоторых совхозах для увеличения экономических показателей в практику был введен предубойный откорм оленей с использованием комбикорма, карбамида и поваренной соли (Филиппова 2007: 79). Жители Нижнеколымского района в интервью сообщают о том, что для оленеводов в тундре были оборудованы торговые точки с сравнительно богатым ассортиментом товаров, более разнообразным, чем в поселках. По словам информантов, когда в тундре заканчивались спички, оленеводы связывались по рации с селом, и в течение короткого времени в стойбище отправлялся вертолет лишь для того, чтобы доставить оленеводам горючий материал (ПМА 2021).

Перечисленные примеры развития оленеводства могут рассматриваться как форма высвобождения системообразующего вида хозяйства (Козьмин 2003) из комплекса отношений, о котором шла речь в предыдущих параграфах. Для этого во всей структуре жизнеобеспечения выделяется отдельный компонент (в данном случае оленеводство). Далее посредством создания поддерживающих инфраструктур он получает стимулы к развитию, что напоминает «лабораторный» принцип действия, основанный на изоляции элементов и их точечной модификации, о котором писал Б. Латур (2002). Однако, следует учитывать, что отлаженное функционирование системы при такой стратегии возможно до тех пор, пока воспроизводится созданная вокруг оленеводства инфраструктура, поскольку связи выделенного компонента с другими сферами жизни человека в локальном масштабе уменьшаются, и отрасль оказывается все более зависимой от факторов, которые контролируются внешними действующими лицами (Филиппова 2007: 78).

Д. А. Сергеев и С. А. Арутюнов утверждали, что «...высокая степень специализации влечет за собой потерю полиморфизма, высокую степень однородности. С одной стороны, такое развитие обеспечивает наивысшую продуктивность, но с другой, – опасно для выживания культуры, если среда резко изменится» (Сергеев, Арутюнов 1973: 18). Полная утрата стад произошла после распада Советского Союза в Аллаиховском районе, а в Олёринском наслеге Нижнеколымского района, славившемся хозяйственными показателями, оленеводство уже давно находится в упадке. Это связано с потерей внутренних механизмов самоорганизации оленеводства на уровне местного сообщества во второй половине XX в. в результате возросшей зависимости от действий внешних инфраструктурных условий, рухнувших после 1991 г. Кроме того, сильно сказалось нарушение традиционной системы передачи детям практических навыков оленеводства вследствие введения системы школ-интернатов, а также резкое падение

престижности профессии оленевода в постсоветское время (Семейные основы оленеводческо-промыслового хозяйства... 2004: 59, 61, 71).

В период СССР возникли качественно иные условия жизнедеятельности населения северной Якутии: создавалась стационарная поселковая инфраструктура, возникла отлаженная транспортная система, соединяющая удаленные населенные пункты с «большой землей», регулярно осуществлялся северный завоз, обеспечивавший разнообразие пищевых ресурсов; кроме того, на Север проникали новые элементы одежды и быта, транспортные средства и хозяйственные инструменты. Существенные изменения произошли и в области духовной жизни. Большую роль в этом процессе сыграли школы, интернаты, дома культуры, появление кино, телевидения, радио и распространение печатной продукции. Рост уровня образования приводил к освоению новых профессий и источников информации (Филиппова 2007), но вместе с тем происходил отрыв молодых поколений от традиционных хозяйственных отраслей. Переселение представителей различных этнических групп в поселки приводило к созданию полиэтничной сельской среды, увеличению количества полиглотов, размытию этнической идентичности; кроме того, в административной и бытовой коммуникации возросло значение русского языка. Усиление административного регулирования социально-экономических процессов сопровождалось поэтапным перекраиванием сложившихся механизмов адаптации к окружающему пространству и меняло специфику субъекта практической деятельности в регионе. Часто внедрявшиеся формы деятельности шли вразрез с устоявшимися хозяйственными практиками и, несмотря на декларируемую «рационализацию», оказывались контрпродуктивными, не учитывающими локальный экологический, социальный и хозяйственный контекст, что приводило к ресурсному дефициту, возникновению социальных болезней (например, туберкулеза), нарушению экологии и пр. (Там же: 116–117; Винокурова 2016). Однако, как утверждает подавляющее большинство информантов старшего возраста, при Советском Союзе (в 1960–1980-е гг.) качество жизни населения было гораздо выше, чем в постсоветскую эпоху.

1.5 Актуализация ресурсов этничности в постсоветский период

После развала Советского Союза с его социально-экономической системой местные жители оказались перед лицом серьезных проблем. Инфраструктура, поддерживавшая многие процессы жизнеобеспечения, пришла в упадок (Сосин 2005). В сложном положении находилось оленеводство, произошло угасание пушного промысла, усилилось браконьерство; на всем арктическом побережье не осталось ни одного кадрового охотника. Система ловушек–пастей, ледников, охотизбушек, создаваемая в течение длительного периода, распалась (Чикачев 2007: 165). Похожие события происходили и в рыболовстве: в связи с закрытием совхозов и рыбзаводов, ликвидацией системы государственной приемки рыбы и с удорожанием

транспортных расходов эта отрасль оказалась на грани полного развала. Происходило разрушение поселковой инфраструктуры, ухудшение материального состояния жилых и хозяйственных построек. На месте прежней хозяйственной системы, формируемой с 1920-х годов XX в., не было создано новой эффективной и рабочей экономической структуры. Все это актуализировало самостоятельные поиски населением способов адаптации к изменившемуся контексту.

Как пишут В. В. Филиппова и соавторы, «начавшаяся перестройка, гласность и демократизация общества оказали огромное влияние на национальное самосознание народов Севера <...>. Ассоциация народностей Севера Якутии (позже переименованная в Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера) стала инициатором многих нововведений и воссоздания уже начинавших было забываться старых форм традиционного хозяйствования и уклада жизни» (Филиппова и др. 2020: 194). Полевые материалы показывают, что для представителей сообществ коренных народов 1990-е гг. стали периодом выработки новых стратегий этнической саморепрезентации. Это нашло отражение в ряде локальных инициатив по созданию родовых общин, приданию улусам (районам) национального статуса, проведению съездов коренных народов, этнически-окрашенных праздников и иных «этнопроектах» (Головнёв и др. 2016).

Важным этапом социальной жизни народов Якутии в конце XX в. стал новый виток развития инициатив этнического самоуправления. Так, в 1998 г. был принят Закон Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского народа». Суктул представляет собой «муниципальное образование в форме сельского поселения, в пределах которого осуществляется местное самоуправление, в местах компактного проживания юкагиrow» (Филиппова и др. 2020: 269-270). Данный закон определяет экономические, правовые, финансовые аспекты местного самоуправления юкагирского народа в Олёринском и Нелемнском наслегах. Однако первый вариант закона не принес значительных результатов. Он неоднократно редактировался, и, хотя до сих пор не привел к масштабным преобразованиям (согласно исследованию 2013 г., около 75 % респондентов, опрошенных в Андрюшкино и Нелемном, считают, что с получением национального статуса в жизни села ничего не изменилось), все же стал знаковой вехой в социально-политической жизни юкагиrow (Филиппова и др. 2020: 271–272).

Юридически закрепленный статус коренного малочисленного народа в некоторых случаях позволяет отстаивать интересы этнической группы и поселковых сообществ, включающих в себя представителей иных этнических сообществ, в том числе не малочисленных. Для северных населенных пунктов Якутии характерна проблема ежегодных паводков, оказывающих разрушительное воздействие на социальную инфраструктуру, жилые постройки и хозяйственные практики населения (Ананичева, Ливтиненко, Филиппова 2021: 15–

16). После очередного наводнения в 2017 г. встал вопрос о переселении жителей Андриюшкино на территорию, расположенную неподалеку от пгт. Черский, то есть на расстояние более 400 км от текущего места. Проблема обсуждалась на высоком административном уровне. Жители села были преимущественно против, поскольку вынужденный переезд разрушил бы их тесные связи с малой родиной и землей предков, дестабилизировал и без того хрупкую экономическую систему. В итоге, апелляция к селу как месту компактного проживания юкагиров позволила отстоять текущее расположение Андриюшкино, и более столь решительно вопрос о переселении не поднимался.

В конце 1980-х гг. началось движение по созданию родовых общин, которые пришли на смену совхозным отделениям и в рамках которых декларировалось создание новых форм развития и сохранения традиционной культуры местного населения (Неустроева и др. 2020: 221)¹⁶. В современной Якутии родовые общины остаются актуальной формой организации хозяйственной деятельности, в рамках которой реализуются традиционные отрасли: оленеводство, рыболовство, охота. Фактически многие общины являются производственными кооперативами и занимаются коммерческой деятельностью. В интервью глава производственного кооператива кочевой родовой общины коренных малочисленных народов Севера «Олёринский» сообщил следующее: «У нашей общины деятельность оленеводческая и рыболовецкая. Это не община в прямом смысле слова, а производственный кооператив, потому что община – это структура, которая занимается некоммерческой деятельностью, а у нас коммерческая. “Община” – это для галочки. Она обеспечивает наших оленеводов продуктами, топливом, платит зарплату, дает спецодежду – бесплатно. Республиканское финансирование позволяет покрывать эти затраты, но есть свои обязательства, которые не всегда удается исполнить. Появляются долги...» (ПМА 2021).

Производственные кооперативы (общины) обладают важным экономическим и социальным потенциалом для населения рассматриваемых территорий, вне зависимости от их этнической принадлежности. Жители села Колымское в интервью неоднократно сообщали, что

¹⁶ В законе Республики Саха (Якутия) «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» сообщается, что «настоящий закон определяет правовое положение родовой, родоплеменной кочевой общины коренных малочисленных народов Севера; устанавливает и обеспечивает государственную защиту самобытного передвижного, кочевого природопользования и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных и других коренных народов Севера, развитие традиционного уклада жизни, сохранение их исконных территорий расселения и природных ресурсов, соблюдение гражданских, экономических, политических, социально-культурных прав и свобод ее членов» (Закон Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2003 года 82-3 № 175-III О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера (новая редакция) [электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://docs.cntd.ru/document/802023381?ysclid=leyg6o27h772220148> (дата посещения: 30.01.2023).

местная община «Турваургин» является «градообразующей», поскольку формирует основные рабочие места для трудоспособного мужского населения, позволяет поддерживать социальную солидарность внутри села, мотивирует людей оставаться в Колымском, занимаясь традиционным видом хозяйства. Кроме того, «Турваургин» создает необходимый социальный капитал для привлечения дополнительного внимания и ресурсов из Якутска. Создание родовых общин происходило и в группах русских старожилов (Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004). Использование ресурсов этничности (или локальной идентичности в случае с группами русских старожилов) позволяет создавать институциональные формы экономической деятельности. Увеличение связей кооператива с сельской повседневностью дает возможность жителям рассматриваемых сел получать дополнительные пищевые, технические, промысловые и иные виды ресурсов. В данном случае для населения важным оказывается не академическое соответствие названия институционализированной формы деятельности ее содержанию (Сирин 1999: 9; Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004: 277), а увеличение потенциала действия в локальных условиях.

В 1990-е гг., используя ресурсы этничности, инициативные жители региона предпринимали различные попытки развития региональных территорий. В этой связи показателен случай поселка Новый Ойотунг, который находится в Аллаиховском районе на 40 км ниже Чокурдаха по течению Индигирки. Идея его создания принадлежит эвенскому лидеру из Чокурдаха В. Н. Слепцову (1945 г. р.), который начал строительство поселка для оленеводов с целью показать последним, что выпастить оленей и жить с комфортом в современных условиях – вполне достижимая цель (ПМА 2019). В 1990-е гг. В. Н. Слепцову удалось найти финансирование на строительство. Полученные средства были направлены на поиск пригодного подходящего места, возведение комфортабельного жилья и коммуникаций. В Новом Ойотунге было возведено 10 двухэтажных домов «канадского типа» (Рисунок 15). Несмотря на успешное начало, строительство так и не было завершено, поскольку в силу ряда обстоятельств финансирование проекта прекратилось. В настоящий момент все дома, за исключением дома Владимира Николаевича, несмотря на их новизну и потенциальную комфортабельность, находятся в заброшенном состоянии. Из многих похищены окна, элементы санузлов, двери и пр. Родственник информанта разобрал свой дом и перевез его в Чокурдах. Супруга Владимира Николаевича неоднократно предлагала мужу поступить так же, но он неизменно отклонял ее предложения.

Новый Ойотунг является «недопроизведенным» поселком (De Boeck, Plissart 2004; Ssorin-Chaikov 2016): в нем не живут оленеводы, там нет света, отсутствует подача воды и отопление. Такое промежуточное состояние способствует спорадическому освоению данного пространства: его части разбираются и перевозятся на новое место, разграбляются или же, как в

семье В. Н. Слепцова, функционируют в качестве заимки. Рядом с Новым Ойотунгом растет большое количество голубики, собирать которую приезжают жители Чокурдаха. Кроме того, Новый Ойотунг используется В. Н. Слепцовым как перевалочный пункт на пути к рыболовецкому участку, расположенному ниже по течению. Вместе с людьми кочует их инвентарь, чайники для кипячения воды, одежда, емкости для воды и т. д. Внутри дома в Новом Ойотунге действуют те же нормы, что и в рыболовецкой избе, несмотря на то, что предполагалось создание пространства иного качества – постоянного жилого дома с урбанизированной инфраструктурой. В данном примере переплелись идеи экономической автономности (Maclean 1994), повышения качества жизни, возрождения родовых территорий и развития традиционного хозяйства. Случай Нового Ойотунга можно назвать показательным для региона, поскольку подобная незавершенность характерна для многих индигенных проектов развития территорий постсоветского периода (ПМА 2019; 2021).

Этнически обусловленные встречи людей в локальном масштабе благодаря ресурсу индигенности способны приобретать республиканский масштаб. Съезды чукчей Республики Саха (Якутия), проходящие в с. Колымское, посредством апелляции к этническому позволяют привлечь к небольшому арктическому населенному пункту внимание высокопоставленных чиновников и дают возможность поднять актуальные вопросы, связанные с ограничениями в сфере рыболовства, проблемами инфраструктуры, оленеводства, преподавания национальных языков в школах и т. д. Стоит отметить, что, кроме чукотских съездов, с 1992 г. раз в три года в Якутии проходят съезды юкагирского народа, на которых обсуждаются вопросы, касающиеся культуры, языка, экономических условий проживания юкагиров и иные аспекты¹⁷.

Выстраивание сети коммуникаций между локальным этническим сообществом и внешним миром во многом происходит благодаря индивидуальным усилиям энергичных личностей (Головнёв и др. 2016). Диалог со стороны локального сообщества чаще всего осуществляется местными лидерами, а также выходцами из районов, работающими в Якутске и не теряющими связи с малой родиной. Показательным примером деятельности местных этнолидеров (Головнёв 2016) является случай информантки из Жиганска. Во многом благодаря ее инициативе район получил статус «национального эвенкийского» района. Информантка считает, что эта мера приободрила население Жиганска и дала возможность привлечения в село новых ресурсов, которые актуальны для всех, вне зависимости от этнической принадлежности. Именно осознание инициативной женщиной собственной эвенкийской идентичности,

¹⁷ В Нижнеколымском улусе прошел съезд юкагирского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3011009?ysclid=li4vh5fcpz488310592> (дата обращения: 26.09.2022)

повлекшей рефлексию на предмет своего места в сообществе и ответственности перед окружающими людьми, стало стимулом реализованных инициатив (ПИМА 2019).

К. С. Григорьева, основываясь на материалах по этническим общинам Краснодарского края, констатирует, что «превращение этничности в социальный ресурс зачастую является обратной стороной преград, воздвигаемых перед той или иной этнической общиной, и служит способом их преодоления» (Григорьева 2017: 99). Эмпирические данные из труднодоступных населенных пунктов северной Якутии демонстрируют несколько иную ситуацию. Здесь также имеются «преграды», но они воздвигаются не столько перед определенным этническим сообществом, сколько перед жителями этих территориально изолированных поселков с дефицитом ресурсов, угасающей инфраструктурой и нестабильной экономической ситуацией, вне зависимости от этнической принадлежности (хотя последняя тоже имеет значение). В связи с этим и ресурсы этничности играют специфическую роль, направленную на преодоление «преград» именно такого характера.

Осмысляя концепции капитала П. Бурдьё и К. Маркса, М. В. Демидова пишет о том, что символический капитал не может существовать отдельно от материального, поскольку символический капитал без его носителей был бы равносителен существованию знака без референта, то есть симулякру (Демидова 2014: 31). Высказанная идея актуальна и для этнического социального капитала в Якутии, который не замыкается в себе, но находит материальное, социальное, символическое выражение. П. Бурдьё утверждал, что для социального капитала существование сети связей не является априорным состоянием, возникшим «раз и навсегда в результате первоначального акта институционализации». Напротив, связи выступают результатом перманентных практик по «институциональному оформлению, ключевые моменты которого обозначаются соответствующими обрядами институционализации (часто неверно описываемыми как обряды, связанные с изменением социального статуса)» (Бурдьё 2004: 530). Локальные проекты развития, основанные на использовании этничности, могут рассматриваться как стратегии по увеличению социального капитала и в качестве механизма его конвертации в материальные и символические блага. Важно подчеркнуть, что в рассмотренных примерах этничность выступает не столько в качестве эксклюзивного фактора, работающего по принципу «свой-чужие» и, соответственно, исключаящего «чужаков»; напротив, в северной Якутии фактор этничности нередко обладает инклюзивными свойствами, что проявляется в участии в «этнопроектах» представителей совершенно разных этнических групп, а материальные блага, полученные таким образом, становятся достоянием в том числе тех, кто не относится к списку коренных малочисленных народов.

Подытоживая главу, стоит отметить, что расширение Российского государства на северо-восток Сибири обусловило многочисленные изменения в жизни местного населения. Вхождение в быт новых хозяйственных практик и объектов материальной культуры не привело к исчезновению интенсивных взаимодействий населения с окружающей средой в досоветский период. Новые реалии укладывались в уже выработанную стратегию упорядочивания ресурсов, которая представляла собой принцип комплексного освоения окружающей среды и заключалась в том, что местные жители концентрировали в своих руках все ключевые аспекты формирования системы жизнеобеспечения, контролировали основные этапы «перетекания энергии» (Бодрийяр 2022: 77) при обработке и использовании ресурсов, а также создавали непрерывное поле действий, формирующих адаптивную стратегию практического существования в локальной среде. Принцип комплексного освоения пространства становился актуальным и для представителей других сообществ, попадавших в регион, что видно на примере служилых людей, русских старожильческих сообществ, якутов-оленоводов.

В советский период многие аспекты освоения пространства стали прерогативой государственных органов власти, по инициативе которых на Севере строились поселки, больницы, открывались школы, торговые точки, налаживались поставки пищевых и иных ресурсов, создавались аэродромы. В процессе поселкования, перевода на оседлость, укрупнения хозяйственных организаций и населенных пунктов происходило смешение этнических групп, практик, ресурсов, мировоззрений, что привело к формированию сообществ, в которых были плотно сконцентрированы явления духовной и материальной культуры, разделенные ранее. Традиционные хозяйственные направления сохранились и даже были интенсифицированы в экономическом отношении, однако изменился способ их организации, основанный отныне не на сочетаемости и непрерывности элементов разных сфер жизнеобеспечения, воспроизводимых на индивидуальном или семейном уровнях, а базировавшийся на деятельности государственных институтов. Комплексные и интенсивные взаимодействия людей и окружающей среды во второй половине XX в. частично сменились специализированной деятельностью, что привело к усилению зависимости от привозных ресурсов. Менялся субъект освоения пространства, которым становились не просто местные жители, но местные жители, вовлеченные в государственный проект, что было ярко ощутимо на контрасте, когда Советский Союз, а вместе с ним и выстроенная система жизнеобеспечения, оказались разрушенными.

Советский период стал этапом кардинальных преобразований в жизни населения северной Якутии. Нередко реализуемые государством проекты шли вразрез с локальными практиками, противоречили мировоззрению коренных сообществ, разрушали тонкие хозяйственно-культурные связи людей и окружающего пространства. В оценках информантов

время существования СССР предстает неоднозначным. Одни действия советской власти (коллективизация, перевод на оседлость, ликвидация «неперспективных» населенных пунктов, «укрупнение», размывание традиционной культуры и отрыв от нее новых поколений) получили преимущественно негативную оценку, в то время как другие (организация снабжения ресурсами, развитие инфраструктуры, повышение уровня образования, медицинское обслуживание, открывшиеся возможности географической и социальной мобильности) воспринимаются позитивно (ПМА 2018; 2019; 2021).

Постсоветский этап оказался сложным периодом для населения северной Якутии. Упадок большинства хозяйственных отраслей, разрушение социальной инфраструктуры и сворачивание мер государственной поддержки вызвали массовый отток людей в более южные районы. Вместе с тем в 1990-е гг. были актуализированы новые способы адаптации к социально-экономическим условиям. В этом процессе важнейшую роль сыграли локальные физические и символические ресурсы, рассмотренные в главе на примере ресурсов этничности. Постепенно местные жители адаптировались к изменившимся экономическим обстоятельствам, чему способствовали как локальные инициативы, энергичность и предприимчивость населения, так и государственная поддержка.

Глава 2. Подвижная материальная среда северной Якутии

В главе дана характеристика сообществ и населенных пунктов северной Якутии на современном этапе (Параграф 2.1). Показано, что жизнь в условиях дефицита ресурсов и множественных рисков, обусловленных нестабильностью экономической и экологической среды, требует от людей одновременно гибкости и стойкости, которые выражаются в сочетании разных стратегий мобильности, традиционных форм деятельности и современных технологий (Параграфы 2.2, 2.3). Подвижность окружающего пространства приводит к отсутствию стабильной структуры жизнедеятельности, что проявляется в сезонной изменчивости транспортной доступности, уровня снабжения и способов мобильности местных жителей (Параграф 2.4). Динамизм окружающей среды формирует различные стратегии адаптации людей, которые не противопоставляются меняющемуся пространству, но позволяют инкорпорировать его нестабильность в структуру системы жизнеобеспечения. В связи с этим глава посвящена анализу влияния трансформаций окружающей среды на практики локальных сообществ по ее освоению.

2.1 Общая характеристика пространства жизнедеятельности населения изучаемых районов в начале XXI в.

Жиганский район. Жиганск расположен на левом берегу реки Лена, на 608 км к северу от Якутска (Рисунок 16). Он является административным центром Жиганского национального эвенкийского района. Село отличается сравнительно высокой транспортной доступностью, поскольку в летнее время в нем имеется прямая связь с Якутском как посредством речного транспорта по Лене, так и благодаря авиарейсам, а в зимний период функционирует автозимник, позволяющий добраться из села в Якутск на автомобиле (ПИМА 2018). Численность населения Жиганска в 2021 г. достигала 3382 человек¹⁸; всего в районе проживает 4177 человек¹⁹. В этническом отношении население представлено преимущественно эвенками и якутами; кроме того, в селе живут русские, украинцы и представители иных народов, численно уступающих приведенным выше.

К ключевым объектам инфраструктуры относятся котельные, электростанция, нефтебаза. В Жиганске действуют детские сады, интернат, районная больница, дом культуры, библиотека, исторический музей, отделение полиции, суд, банк, почта, частные магазины, районная и сельская администрация, многопрофильный лицей (где можно освоить профессии портного, социального работника, оленевода), аэропорт. Население в основном проживает в

¹⁸ Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FMZmdFJyI%2Fchisl_%25D0%259C%25D0%259E_Site_01-01-2021.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (Дата обращения 30.04.2023).

¹⁹ Там же.

многоквартирных благоустроенных домах. В Жиганске имеются грунтовые дороги, пригодные для перемещения на автомобилях. Личные автомобили позволяют местным жителям самостоятельно добираться по автозимнику в Якутск. В летнее время года ареал эксплуатации автомобилей ограничен Жиганском и околоселковыми территориями. Река Стрекаловка делит село на две части: основную и портовскую, где расположен аэропорт. В локальных документах советского периода в графе «адрес» встречается слово «аэропорт» (Архивный отдел администрации МР «Жиганский НЭР». Сводка по учету численности детей 6-7 лет на 1.IX.1961 года... Л. 3). Это свидетельствует о противопоставлении двух территориальных частей Жиганска на административном уровне. В портовой половине проживали приезжие специалисты «с материка», которые обслуживали авиационную отрасль. В настоящее время между двумя частями ходит паром, который перевозит людей и автомобили. Кроме того, пассажиры перемещаются с одного берега на другой на небольших лодках.

Стержневыми сферами занятости населения выступают бюджетный сектор и частная торговля. Жиганский район в результате трансформаций 1990-х гг. не потерял домашних оленей; он входит во вторую из трех групп по уровню развития оленеводства в Якутии (Методика составления технологической карты... 2017: 6). Люди, занимающиеся выпасом, имеют регистрацию в поселках, но большую часть года проводят с животными в природной среде. Изредка приезжая в поселки, оленеводы приобретают пищевые продукты, получают медицинское обслуживание, занимаются семейными и бытовыми вопросами. Как отмечали информанты из Жиганска, профессия оленевода в настоящее время сопряжена со многими лишениями, поэтому, имея выбор, молодые люди все реже отдают предпочтение данной отрасли (ПМА 2018).

Кроме того, широко распространено рыболовство, которое имеет большое значение в качестве источника пищевых ресурсов. Существуют разные стратегии использования промысловой добычи: некоторые делятся ею с родственниками и знакомыми, оставляют для личного потребления, продают по налаженным каналам сбыта (гостям села, людям с проходящих мимо кораблей, в Якутск) или сдают в государственные пункты приема. Важным видом хозяйственной деятельности является охота. Основными объектами промысла выступают олень, лось, куропатка, гуси, утки, песец. Практически все мужское население Жиганска занимается охотой и рыбной ловлей. На территории Жиганского района в 2019 г. действовало 11 родовых общин²⁰. Спектр их деятельности довольно представлен охотой,

²⁰ Количество действующих родовых общин на территории Республики Саха (Якутия) по состоянию на 2019 год по данным информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arktika.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2246375?ysclid=lg2nsrlodp346412859> (дата обращения 2.01.2023).

животноводством, рыболовством, переработкой и консервированием мяса, производством меховых изделий и пр.²¹. Для женщин села характерен сбор дикоросов; специфическим женским занятием является шитье традиционной одежды и производство предметов декоративно-прикладного искусства, которые используются местными фольклорными коллективами, продаются туристам или остаются в семье мастериц.

Многие жители села обладают приусадебными участками, на которых выращивают картофель, помидоры, огурцы и другие сельскохозяйственные культуры (Рисунок 17). Для увеличения урожайности рядом с домом нередко устанавливают теплицы, позволяющие частично компенсировать риски, связанные с особенностями местного климата. Близ домов находятся гаражи, в которых население ставит машины, снегоходы, проводит технические работы и пр. В современных условиях большое значение имеет интернет, используемый в том числе для удовлетворения хозяйственно-бытовых потребностей: действуют интернет-сообщества, посредством которых жители села заказывают пищевые продукты и предметы быта из Якутска и других городов; пользуются популярностью тематические рубрики и каналы для охотников и рыболовов, где заинтересованные люди делятся советами, самостоятельно изобретают новые элементы промысловой одежды и пр.

У некоторых жителей северных районов – и Жиганск в этом ряду не является исключением – имеются квартиры в Якутске. Их используют для проживания во время отпуска, в период приезда в город для получения медицинских услуг и т. д.; некоторые информанты приобретают квартиры на будущее – для детей, которые планируют учиться в Якутске, а также для себя, поскольку часть информантов, выходя на пенсию, переезжает в более южные территории, а заблаговременная покупка квартиры облегчает адаптацию к новым условиям. В Якутии распространена и обратная практика: для снижения личных денежных трат северяне, переехавшие в Якутск, сохраняют арктическую прописку, а также регистрируют транспортные средства (автомобили, лодки) в районах Заполярья (ПИМА 2023).

Аллаиховский район. Административным центром Аллаиховского района является пгт. Чокурдах – относительно молодой поселок, возникший в 1936 г., в нем проживает 1869 человек (2021 г.)²². В советское время в него были переселены местные оленеводы, рыбаки, охотники; кроме того, он активно заселялся приезжими людьми из европейской части России и других

²¹ ПК РРКО «ДЬУЛУУР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://checko.ru/company/pk-rrko-duluur-1021401776736> (дата обращения 4.04.2023).

²² Таблица 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftab-5_VPN-2020.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (Дата обращения 30.04.2023).

населенных пунктов Сибири. Наиболее крупные этнические группы района представлены якутским, русским и эвенским населением, но, кроме них, в районе проживают юкагиры, эвенки, украинцы, буряты, чукчи и др. (ПМА 2019); общая численность населения района – 2379 человек (2021 г.)²³. В настоящее время жители Чокурдаха заняты преимущественно в сфере ЖКХ, частной торговли, административной и социальной деятельности. На территории поселка находится порядка 15 магазинов, функционируют средняя общеобразовательная школа, интернат, детские сады, аэропорт, дом культуры, библиотека, музей, дизельная электростанция, котельные, районная больница и иные объекты инфраструктуры (Рисунок 18). Наряду с этим, практически все мужское население (и часть женского) занимается рыболовством и охотой, хотя часто эти практики не выступают в качестве профессии. Основной транспортной и хозяйственной артерией района является река Индигирка. Оленеводство в настоящее время развито слабо (ПМА 2019). В 2019 г. на территории Аллаиховского района действовало пять родовых общин²⁴.

В отличие от Жиганска, в Аллаиховском районе, начиная с 1990-х гг., интенсифицировались добыча и сбыт мамонтового бивня. В большей степени эта деятельность характерна для жителей Чокурдаха, где существуют отлаженные механизмы поиска и реализации данного ресурса; в Русском Устье добыча мамонтовой кости тоже ведется, но в меньшем масштабе и не играет важной роли в общей структуре экономической деятельности. В Чокурдахе проживают люди, которые имеют лицензии на поиск бивней. Они формируют поисковые бригады, принимают и реализуют находки. Поиски ведутся неподалеку от населенных пунктов и в более удаленных местах. Важным направлением выступает морское побережье и острова. Некоторые информанты сообщают, что для жителей Русского Устья не свойственна целенаправленная добыча бивня с помпами, генераторами и прочим инвентарем; скорее, они находят бивни «по счастливой случайности». На севере Якутии существует несколько стратегий сбыта находок. Экономически наименее выгодная предполагает сдачу или продажу бивней человеку с лицензией, проживающему в Чокурдахе. Более выгодным вариантом является самостоятельный сбыт бивней в Якутск (местным перекупщикам или представителям КНР), однако он сопряжен с определенными экономическими, социальными и юридическими рисками.

Село Русское Устье (Рисунок 19) является местом проживания преимущественно русского населения. В Русском Устье в 2018 г. числилось 128 человек²⁵. Оно возникло в XVII в. в период продвижения Российского государства на северо-восток Сибири (Фольклор Русского

²³ Там же.

²⁴ Количество действующих родовых общин...

²⁵ Численность населения... 2021.

Устья 1986). Существуют и более яркие версии о его происхождении, согласно которым Русское Устье основано в XVI в., когда группа людей бежала из новгородских земель, спасаясь от гнева Ивана Грозного, и обосновалась в устье р. Индигирки (Чикачев 1990). Однако исторических фактов, доказывающих пребывание носителей русской культуры на севере Якутии до 30-х гг. XVII века (Алексеев 1996). С. И. Боякова пишет, что еще в середине XX в. жители Русского Устья и Походска продолжали сознавать свою самобытность по отношению и к коренным народам региона, и к новым группам русского населения, в результате чего некоторые их представители имели в паспорте в графе «национальность» отметку «местнорусский» или «местнорусская» (Боякова 2016а: 150). Однако Н. Б. Вахтин, Е. В. Головки и П. Швайтцер это отрицают, подтверждая наличие данной записи в трудовой книжке колхозника и других важных документах (Вахтин, Головки, Швайтцер 2004: 56). Ощущение собственной культурной особенности сохраняется у русскоустыинцев до сих пор и отмечается представителями других народов Якутии.

Характерна большая роль рыболовства в структуре хозяйственной деятельности населения Русского Устья (Никитина 2019). В настоящее время практически все трудоспособные мужчины, не занятые в сферах ЖКХ и на дизельной электростанции, вовлечены в рыболовецкий промысел летом и зимой. Производственный кооператив «Русское-Устье» позволил местным жителям адаптироваться к социально-экономическим условиям в нелегкие 90-е годы прошлого века после распада совхоза «Аллаиховский». Руководству кооператива удалось наладить каналы поставок ценных сортов рыбы в Якутск. Необходимые снасти предоставляются рыбакам бесплатно главой общины; через него – за деньги или по бартеру – рыбаки могут заказать лодку, мотор, снегоход, оставить заявку на пищевые продукты. Выловленная рыба хранится в естественных морозильных камерах – ледниках, сделанных в вечной мерзлоте, откуда к концу летнего сезона улов вывозят в главное рыбохранилище, расположенное в Чокурдахе. В последних числах августа-сентябре в район для погрузки рыбы приходят рефрижераторные суда, попутно доставляющие продукты и ресурсы. Зимний улов вывозится автозимником. Сфера влияния общины простирается и за пределы трудоустроенных в ней промысловиков на всех жителей села. Так, кооператив содержит сельский магазин («общинский»), в котором любой желающий может приобрести социально значимые товары (крупы, соль, сахар и пр.) по сниженным ценам.

До конца XX в. в Русском Устье особенно популярным был промысел песка. Для охоты на зверя вокруг села сооружали системы из давящих ловушек – *настей*, которые обслуживали (настораживали) в основном на собачьих упряжках, а с появлением снегоходов стали использовать данный вид транспорта. После распада СССР спрос на пушнину упал, а хозяйственная инфраструктура оказалась разрушенной.

Транспортная доступность Аллаиховского района уступает показателям Жиганского района. Расстояние до Якутска по прямой 1243 км, в летнее время его можно преодолеть лишь на самолете. Чаще всего рейс выполняют самолеты АН-24 два раза в неделю. Наряду с физической удаленностью и отсутствием постоянных дорог, параметр изолированности усугубляется дороговизной билетов (рейс в одну сторону в 2019 году стоил порядка 25 тысяч рублей) и до 2021 года усиливался пограничным режимом, который был отменен в 2021 году²⁶. С февраля в районе функционирует автозимник, который используется для завоза товаров и вывоза выловленной рыбы с целью ее сбыта. Навигация осуществляется в конце августа – сентябре. В это время из Якутска в Чокурдах приходят крупные рефрижераторные суда. Сначала их путь лежит вниз по Лене, далее по морю Лаптевых, затем по Восточно-Сибирскому морю на восток – в устье р. Индигирки. Из-за обмеления Индигирки суда не всегда могут достигнуть финальной точки маршрута. Информанты рассказывали, как однажды пришлось вызывать вертолет МЧС, чтобы разгрузить застрявшее в устье судно. Таким образом, поездка в Якутск или за его пределы сопряжена с трудностями, ограничивающими мобильность населения и трансформирующими локальные хозяйственные практики. В Чокурдах имеются автомобильные дороги и активно используемый автотранспорт, которого нет (за исключением вездеходов) в Русском Устье из-за отсутствия дорог. Летом основным средством передвижения для русскоустыинцев и многих жителей Чокурдах выступают лодки (семейства «Крым», «Казанка» или «Прогресс»): они связывают районный центр с другими населенными пунктами улуса. Из Русского Устья в Чокурдах и обратно раз в неделю ходит рейсовая лодка, стоимость проезда в одну сторону – 1300 рублей (в 2019 г.). В октябре, когда устанавливается стабильный снежный покров и замерзает земля, преобладающим видом транспорта во всем районе становятся снегоходы (ПМА 2019).

Нижнеколымский район. Численность населения района в 2021 г. составила 4214 человек (ПМА 2021). Расстояние от районного центра – пгт. Черского до Якутска 1618 км. Административный центр Нижнеколымского района был основан в 1931 г. в нижнем течении р. Колымы в 100 километрах от Восточно-Сибирского моря. Первоначально это место носило название Нижние Кресты, с 1963 г. поселок переименовали в честь знаменитого польско-русского геолога и географа И. Д. Черского (Рисунок 20). В советские годы, особенно в 1970-80-е гг., районный центр нижней Колымы отличался хозяйственной развитостью и многонаселенностью. В 1989 г. в нем проживало 11176 человек, занятых в строительстве, авиаперевозках, снабжении, энергетике, ЖКХ, морских и речных перевозках, сельском

²⁶ О пределах пограничной зоны на территории Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/727946606?ysclid=li4w2759e6561549275> (дата обращения: 26.09.2022).

хозяйстве и др. По воспоминаниям местных жителей, Черский 1980-х годов был полноценным городом по уровню снабжения ресурсами, строительству многоэтажных домов, развитию инфраструктуры. Нижнеколымское дорожное предприятие обслуживало не только данный район, но и соседнюю Чукотку, а морской порт Зеленый Мыс использовался при строительстве Билибинской атомной электростанции. Люди переезжали в поселок из разных регионов Советского Союза, особенно много приезжих было из Украинской ССР, которые селились преимущественно в портовой зоне.

После 1991 г. ситуация резко изменилась, произошел сильный отток населения. Поселок покидали в основном приезжие. В 2021 г., по официальным данным, в нем проживало 2623 человека разной этнической принадлежности; большую часть составляет русское население²⁷. В настоящий момент большинство предприятий закрыты или находятся в плачевном состоянии, инфраструктура изношена и требует обновления, равно как и многие хозяйственные и жилые строения. Тем не менее, до сих пор районный центр выделяется разнообразием построек, множеством направлений работающих организаций, более урбанизированной материальной средой. Богатый ассортимент пищевых продуктов на прилавках Черского в период навигации обеспечивается благодаря деятельности морского порта, а зимой формируется посредством авиации и автозимников. Помимо характерного поселкового набора занятости, население работает в морском порту Зеленый Мыс, на автопредприятии «КолымТранс», в аэропорту. В Черском расположен известный в районе Арктический колледж народов Севера, где обучают и традиционным специальностям (действует образовательное направление «оленовод»), и профессиям, предполагающим работу с современным оборудованием. В будущем планируется открыть направление подготовки в сфере IT. Возможность получить профессиональное образование делает поселок привлекательным не только для местных выпускников, но вызывает интерес и у молодых людей из других районов республики. Однако, несмотря на модернизацию поселковой среды, местные жители занимаются рыболовством и охотой, собирают дикоросы, содержат промысловые заимки; кроме того, часть населения занята в оленеводстве.

Село Андрюшкино (Рисунок 21) расположено на реке Алазее, на 419 км западнее Черского. В него трудно попасть. Для этого нужно выбрать правильное время, когда функционирует автозимник (февраль – конец апреля). Именно в этот период в Андрюшкино проще всего добраться на автомобиле из Среднеколымска или Черского. В остальное время наземные дороги отсутствуют, не считая поверхности заснеженной земли для снегоходного транспорта; вертолеты, являющиеся основным способом перемещения в период между

²⁷ Таблица 5...

зимниками, летают нестабильно, в связи с чем невозможно уверенно строить планы о перемещении между локациями. Численность населения Андрюшкино составляет 686 человек (ПМА 2021). Этническая структура села выглядит следующим образом: эвены, якуты, юкагиры, чукчи, ненцы, долганы и некоторые другие группы. Село является одним из двух «мест компактного проживания» юкагиров в Якутии, а Олёринский наслег, центром которого выступает Андрюшкино, имеет статус национального юкагирского муниципального образования (Филиппова и др. 2020). Основные ниши занятости местных жителей представлены административными, медицинскими, образовательными учреждениями, сферой культуры, ЖКХ, энергетики и традиционными отраслями в виде оленеводства и добычи мамонтового бивня. Информанты из других населенных пунктов говорили о том, что в структуре деятельности жителей Андрюшкино поиск мамонтовой кости занимает особое место и является ключевым источником дохода. В селе находится 7 магазинов, пекарня, нерегулярно функционирующая точка «Якутоптторга»²⁸, сельскохозяйственный производственный кооператив кочевой родовой общины КМНС «Олёринский». По данным на 2019 г., в районе действовало пять родовых общин (Количество действующих родовых общин на территории Республики Саха (Якутия)... URL: <https://arktika.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2246375?ysclid=li4vysxtxs650110226>).

Как отмечают местные жители, в период отсутствия автозимника с конца апреля по январь село превращается в «остров», отрезанный от ключевых каналов поставок ресурсов. В связи с этим все основные продукты завозятся с конца января-февраля по апрель автозимником; кроме того, некоторые продукты доставляются в село вертолетом посредством «зеленых рейсов»²⁹, а по линии «Якутоптторга» изредка привозят фрукты и овощи. В «Прейскуранте оптовых и розничных цен на социально значимые продовольственные товары, доставляемые автомобильным транспортом» Черского филиала «Якутоптторга» перечислены следующие позиции товаров: масло рафинированное дезодорированное, сахар песок, рис, крупа манная, гречневая, пшено, крупа горох, крупа овсяная, перловая, ячневая, говядина тушеная, молоко цельное сгущенное с сахаром, продукт молочносодержащий сгущенный с сахаром, соль выварочная или каменная поваренная пищевая, макаронные изделия, чай черный цейлонский, байховый, индийский, молоко сухое цельное (Архив Администрации Олёринского наслега.

²⁸ Организация, которая занимается доставкой основных пищевых продуктов в отдаленные населенные пункты Якутии по социальным ценам. В архиве администрации с. Андрюшкино хранится Договор ответственного хранения от 2017 года, заключенный между АО «Якутоптторг» и ООО «Алазея». Последняя именуется в Договоре «Хранителем» и выступает, по словам главы села, «оператором», хранящим и реализующим продукцию «Якутоптторга» (Архив Администрации Олёринского наслега. Договор ответственного хранения № X 72/17. Л.1–2).

²⁹ Авиарейсы, посредством которых Правительство Якутии доставляет пищевые продукты в изолированные населенные пункты республики.

Прейскурант № 50 оптовых и розничных цен на социально значимые продовольственные товары, доставляемые автомобильным транспортом. Черский филиал. Л. 1–2). Подавляющая часть пищевых продуктов оказывается в селе благодаря активности частных предпринимателей, которые либо имеют собственные машины для транспортировки товаров, либо заказывают доставку груза дальнобойщикам.

Село Колымское (Рисунок 22) расположено на левом берегу р. Колымы, соединяющей его с районным центром, расстояние до которого по прямой – 179 км. В Колымском проживает 765 человек (ПМА 2021); в этническом отношении население представлено чукотской, эвенской, якутской, юкагирской, русской группами и некоторыми другими этническими сообществами. Село является административным центром Халарчинского чукотского национального наслега и единственным в республике «местом компактного проживания» чукчей. Основные сферы профессиональной деятельности населения схожи с структурой занятости в Андриюшкино. Нужно отметить, что оленеводство в Колымском находится в лучшем состоянии по сравнению с положением дел в оленеводческой общине Андриюшкино. В местном производственном кооперативе «Турваургин» около 12000 оленей, в то время как в Олёринском всего 2100 голов. Это влияет на степень вовлеченности местного населения в данную отрасль, а также определяет ее связь с другими хозяйственными и культурными сферами жизни населения. Неоднократно приходилось слышать от собеседников, что в настоящее время село существует во многом благодаря оленеводству. Хотя Колымское расположено гораздо ближе к Черскому, в нем находится всего три магазина; цены на пищевые продукты в селе выше, чем в Андриюшкино (например, хлеб в Андриюшкино стоит около 65 рублей, а в Колымском 100 рублей), ассортимент беднее. Жители Колымского объясняют это сильной привязанностью своего села к районному центру, меньшей рыночной гибкостью и инициативностью местных предпринимателей, а также отсутствием тесных связей со Среднеколымском, которые существуют у соседей.

2.2 Дефицит ресурсов и пространство риска

Сообщества Арктической зоны России, с одной стороны, весьма чувствительны к экологическим, экономическим, политическим изменениям в регионе (Волковицкий, Терёхина 2020), но, с другой стороны, в их культуре и практиках некоторые компоненты сохраняются в течение длительного времени, несмотря на социально-экономические флуктуации (Головнёв 2012: 12; Пивнева 2015). Чередование устойчивости и нестабильности является одной из характерных черт арктического пространства и ресурсного разнообразия (Головнёв, Куканов, Первалова 2018). Под устойчивостью понимается процесс, посредством которого энергетическая и пищевая безопасность местных жителей поддерживаются на приемлемом для

населения уровне³⁰. Ресурсная автономность представляет собой результат усилий, во многом определяемый неустойчивым фоном: непостоянным уровнем воды в реке, и, следовательно, колеблющемся количеством промысловой рыбы, меняющимися условиями для прохождения грузовых судов в устья рек, динамикой цен на продукты и транспорт, ограничительными мерами на вылов рыбы и отстрел объектов промысла (Krause 2013) и мн. др.

Как современная ситуация, так и многочисленные исторические примеры демонстрируют отсутствие стабильного и автоматизированного процесса поддержания пищевой безопасности на северо-востоке Сибири. В дореволюционные годы существовали серьезные проблемы, связанные с локальными ресурсными кризисами, которые приводили к критическим последствиям. В частности, В. Г. Богораз писал о зафиксированном случае каннибализма в районе р. Омолон в конце XIX в., вызванного сильным голодом³¹. Современные риски в обеспечении населения пищевыми ресурсами в первую очередь обусловлены транспортной ситуацией: трудностями навигации, отсутствием дорог в бесснежное время года, проблемами авиаперелетов в связи с высокой стоимостью билетов и ограничениями массы перевозимого груза.

Ключевым фактором нестабильности выступает природная сфера (Lavrillier 2013). Исследователи пишут о существенных рисках и последствиях, которые влечет увеличение среднегодовых температур. Это приводит к таянию многолетней мерзлоты, распространенной на большей части Якутии, в результате чего в некоторых районах республики возникают оползни, из-за термокарстовых процессов учащаются затопления, происходит деформация жилых построек, ухудшение условий содержания домашних животных, разрушение традиционных ландшафтов и криоэкосистем (Криоэкосистемы бассейна реки Алазеи 2018; Григорьев 2022: 56; Crate 2021). Жители арктических территорий отмечают увеличение степени непредсказуемости происходящих природных трансформаций (Ksenofontov, Backhaus, Shaerman-Strub 2017: 294).

Экологические изменения проявляются в динамике численности диких животных. Хорошо характеризует это состояние нестабильности высказывание жителя Русского Устья: «Песец и олень, как птица: раз – и ушел». Как сообщали информанты в Аллаиховском районе, ранее (до 2000-х гг.) стада дикого северного оленя мигрировали гораздо ближе к населенным

³⁰ Sustainability – What Is It? Definition, Principles and Examples [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youmatter.world/en/definition/definitions-sustainability-definition-examples-principles> (дата обращения: 26.09.2022).

³¹ Случай людоедства на р. Омолоне. В. Г. Тан (Богораз) «Восточное обозрение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yakutskhistory.net/очерки-и-статьи/случай-людоедства-на-омолоне-тан-богораз/?ysclid=li9bumopr642090767> (дата обращения: 26.04.2023).

пунктам, а в настоящее время для добычи оленины местным жителям приходится отправляться на границу с Нижнеколымским районом, преодолевая расстояние в 120 км. Охотники связывают изменения с природными факторами, поскольку олень меняет маршрут миграции раз в несколько десятилетий. Одной из причин сокращения численности животных в районе считается деятельность человека. В частности, неоднократно высказывалось мнение о том, что к уменьшению популяции привел массовый забой оленей, начатый в 1980-х гг. В пояснительной записке родовой общины «Русское Устье» за 1997 г. сообщается, что основной причиной невыполнения плана по заготовке мяса дикого оленя стала «ускоренная миграция» диких оленей, вызванная «неблагоприятными условиями и теплым летом», в результате чего животные мигрировали с территории Аллаиховского района в соседний Усть-Янский район (Муниципальный архив муниципального района «Аллаиховский улус (район)». Бухгалтерский отчет ПК «РО «Русское Устье» за 1997–1999 гг. Л. 181).

Рыболовецкий промысел подвержен влиянию изменений уровня и температуры воды, естественной нестабильности количества рыбы (Ksenofontov, Backhaus, Shaerman-Strub 2017: 301); кроме того, он испытывает негативное воздействие со стороны некоторых видов ихтиофауны. Как сообщают информанты, в 2000-х гг. по инициативе республиканских властей в Индигирку запустили кету, которая до сих пор обитает в водоемах Аллаиховского района. Выпуск рыбы был осуществлен с целью поддержания биоразнообразия и улучшения экономических показателей рыболовства. Однако по причине того, что не была учтена специфика локальных хозяйственных практик, указанная инициатива негативно сказалась на состоянии промысла. Основная проблема заключается в том, что кета не входит в список принимаемых производственным кооперативом видов рыб. Это сильно снижает интерес к ней промысловиков. Более того, кета рвет и запутывает сети, поставленные на ценные сорта, такие как чир, омуль, нельма, являющиеся основой экономического благополучия работников кооператива. К тому же кета считается местными жителями невкусной и «грязной», поскольку в ней часто встречаются паразиты (ПМА 2019).

Экономическая система, как и экологические условия, тоже представляет собой нестабильное явление (Beck 1992). Создание новых хозяйственных реалий в советский период завершилось распадом структур плановой экономики, на месте которой стали возникать рыночные отношения. В 1990-е гг. начался социально-экономический кризис, приведший в упадок функционировавшую прежде инфраструктуру: постепенно ухудшалось качество жилья, увеличилась его аварийность, все чаще стали выходить из строя системы поселковых коммуникаций, часть населения утратила доверие к привозным товарам, поскольку люди считают, что в современных реалиях не осуществляется должный контроль их качества со стороны государства (Gray 2005). Местные жители высказывают обеспокоенность качеством

воды, отсутствием объективных и доступных данных экспертиз, отражающих состояние водных ресурсов и пригодность их к употреблению (ПМА 2019). Закрытие многих предприятий привело к массовому оттоку населения из арктических районов. В настоящее время актуальными проблемами являются низкая заработная плата, безработица (в том числе скрытая), алкоголизм (Баишева и др. 2012).

Отсутствие на Севере массового разведения домашних животных информанты объясняли негативными экономическими и юридическими факторами, среди которых высокие цены на корм, проблемы транспортировки животных и оформления документации. Юридические аспекты регулирования вылова рыбы тоже сказываются на продовольственной картине некоторых членов местного сообщества. Так, представители эвенского населения сетовали на то, что ежегодное ужесточение правил вылова рыбы приводит к тому, что соблюдение данных предписаний вызывает проблемы населения с обеспечением себя необходимыми пищевыми продуктами. Это является одной из причин развития браконьерства, которое воспринимается местными жителями не в качестве нарушения закона, а как отстаивание и реализация своих прав. Данный тезис может быть проиллюстрирован словами представителя эвенского населения из Чокурдаха – «старейшиной», как называли его некоторые информанты. В ходе частых интервью он подчеркивал тесную связь местного коренного населения с рыбными ресурсами: «Мы же от рыбы зависим: у нас картошки нет... Мы бедные, откуда мы можем покупать. Денег нет, а рыбу ели предки, родители, едят дети и внуки». Сетую на усиливающиеся промысловые ограничения, информант задавался риторическим вопросом: «Вот и все запреты... Куда катимся-то мы? Как мы можем жить, малочисленные народы?.. Зачем нам тогда... эти земли, территория... В своей территории не могу сыто кушать» (ПМА 2019). Несмотря на наличие других ресурсов питания, именно рыба обозначается как «традиционная пища коренных народов Арктики», без которой трудно существовать в суровых природных условиях. Поэтому местные жители воспринимают браконьерство не как нарушение закона, а в качестве защиты и реализации индигенных прав на локальные ресурсы (Davydov 2014; Fondahl et al. 2019).

Фактором нестабильности освоения локального пространства выступают и отклонения местных жителей от дисциплинарных норм, что зафиксировано, в частности, в «Приказах по личному составу Русско-Устьинского отделения совхоза “Аллаиховский”». Из обнаруженных в архиве документов можно привести следующие выдержки «Объявить строгий выговор в административном порядке трактористу <...> за прогул <...> на почве пьянки. Этот человек был ранее предупрежден словесно» (Муниципальный архив муниципального района «Аллаиховский улус (район)»). Приказы по личному составу Русско-Устьинского отделения совхоза «Аллаиховский». 18 марта 1974 – 4 января 1983. Л. 3); «В результате халатного

отношения к своим обязанностям дизелисту Русско-Устьинского отделения <...> приказываю <...> объявить выговор за халатное отношение к своим обязанностям и предупредить, что при повторном случае будут приняты более строгие меры вплоть до увольнения из системы совхоза» (Там же: Приказ № 56).

В отчете Арктического Совета подчеркивается, что определение «устойчивости» имеет множество вариаций (Arctic... 2016: 6). Совет трактует ее как «возможность справляться со стрессом и потрясениями путем реагирования или реорганизации, сохраняя при этом основную идентичность, функцию и структуру, а также способность направлять и формировать изменения, включая те из них, которые трансформируют саму систему», которая испытывает воздействия (Arctic... 2016: xvii)³². Некоторые исследователи понимают под данным термином возможность системы вернуться в исходную точку (Tilman, Downing 1994); другие считают, что это внутренняя способность системы поддерживать состояние динамической стабильности, создающее, в свою очередь, возможность нормального функционирования системы после потрясений и в состоянии перманентного напряжения (Engineering... 2006). Все приведенные позиции объединяются, во-первых, идеей устойчивого состояния, которое сохраняется, несмотря на дестабилизирующие факторы; во-вторых, дихотомией стабильного ядра и нестабильной окружающей среды.

Анализ негативных факторов освоения пространства не как оппозиции арктическим сообществам, а в качестве составляющей части социальной структуры этих групп может открыть новые грани исследуемого процесса. Социальное здесь понимается расширенно, в качестве совокупности взаимодействующих акторов, совместно с которыми протекает жизнь человека (Latour 2005). Идея сосуществования арктических сообществ с рисками в историческом разрезе была развита в работе И. И. Крупника. Исследователь развеял представление об абсолютной экофильности традиционного образа жизни коренных народов. Например, И. И. Крупник утверждает, что для традиционного природопользования азиатских эскимосов уровень промысловой добычи должен был превышать потребности населения. Перепромысел был необходим для создания избыточных резервов на случай неудачи следующего хозяйственного сезона (Крупник 1989: 80). Кроме того, по мнению исследователя, культура, где основой жизнеобеспечения является охота на крупных животных, чаще всего является агрессивной по отношению к окружающей среде (Крупник 1989: 217).

Локальные практики местных жителей в настоящее время направлены не столько на минимизацию нестабильности окружающей среды, сколько на обеспечение возможности

³² В оригинале: «The capacity to cope with stress and shocks by responding or reorganizing in ways that maintain essential identity, function and structures, as well as the capacity to navigate and shape change, including transformational change».

существования людей и нестабильного социально-экологического и экономического пространства. Постоянная жизнь с риском в данном случае порождает дополнительные стратегии, инструменты деятельности и комплексы объектов, которые структурируют социальную и материальную сферу и обнаруживают разнообразие связей как внутри изучаемых районов, так и за их пределами, о чем подробнее я буду говорить в последующих параграфах (Goncharov 2022).

2.3 Экологические аспекты нестабильности окружающей среды

Динамика климатических показателей в контексте социально-культурных изменений населения Якутии привлекает внимание российских и иностранных исследователей, что находит отражение в многочисленных публикациях (Шадрин 2009; Боякова и др. 2010; 2011; Боякова 2016b; Винокурова 2011; Винокурова и др. 2016; Игнатьева, Романова 2012; Игнатьева 2014; Сулейманов 2018a; 2018b; Григорьев 2022; Crate 2011; 2012; 2021; Crate et al. 2017; Takakura 2016; Takakura et al. 2021; Fedorov et al. 2014; Lytkin et al. 2021). Изучение социально-экологического измерения пространства позволяет рассмотреть динамику материальности, которая имеет фундаментальный статус для понимания локальных стратегий жизнеобеспечения и социальных отношений (Humphrey 2005). Далее будут проанализированы изменения таких базовых элементов пространства, как вода, земля, воздух, для того, чтобы продемонстрировать, каким образом их неустойчивость отражается на повседневных практиках населения. Методологической предпосылкой анализа является акцент не на разделении людей и природы, но на их комплексной взаимосвязи (Krause 2013).

2.3.1 Вода

Жизнь людей в Арктике тесно связана с водными ресурсами – многочисленными озерами, реками, протоками, заливами, болотами и морями (Waterworlds... 2016). Изменение материальных параметров воды оказывает значительное воздействие на динамику практических операций (Hastrup, Rubow 2014), выполняемых жителями северной Якутии. Использование гидрологической сети в условиях Арктики происходит в разных масштабах, которые можно разделить на «локальный», то есть формируемый в результате повседневных действий местных жителей, и «транслокальный», связанный с включением водоемов (а через них и местного населения) в межтерриториальные связи³³.

Стратегия расселения людей в регионе предполагает их сезонное рассредоточение на местности; они не концентрируются в единственном поселке, но, в зависимости от сезона, занимают определенное положение в пространстве для реализации соответствующего вида хозяйственной деятельности (ср.: Davydov 2022). В большей степени это характерно для Русского Устья, где практически все работоспособное мужское население в летнее время

³³ О транслокальности см.: Капустина 2020; Greiner 2010; Greiner and Sakdapolrak 2013.

занимается сетным и неводным рыболовством в качестве работников одноименного производственного кооператива. Участки, на которых ведется промысел, расположены по трем протокам р. Индигирки: Русскоустынской, Средней и Колымской. Вдоль проток расположены рыболовецкие дома, в которых базируются рыбаки в период летней путины (Рисунок 23). До второй половины прошлого века пребывание людей на рыболовецких участках было более длительным, чем в селе. Данные участки выступали родовыми территориями с характерными атрибутами (например, могилами предков), где жили, рыбачили, охотились, осуществляли торговую деятельность, изредка приезжая в поселковое Русское Устье. В настоящее время, по официальным данным, полученным в администрации кооператива «Русское-Устье», в 2019 г. община использовала 19 речных участков, в зимний период к ним добавляется еще 7 озер. Зимой на участках практически никто не остается, предпочитая совершать кратковременные выезды из села для проверки сетей; летом длительность пребывания на заимке обусловлена удаленностью от Русского Устья (чем дальше, тем дольше). Некоторые рыбаки проводят на участках практически все лето, другие остаются там лишь переночевать.

Если в Чокурдахе многие информанты называют заимки «дачами», то в Русском Устье такое наименование заимок в настоящее время не используется. Это может быть связано с промысловой направленностью каждого участка русскоустынского наслега и большим социально-экономическим значением, которым обладает рыболовство в селе. В Андрюшкино, Колымском, Жиганске и Черском стратегия использования промысловых участков также не имеет столь сильной связи с коммерческой деятельностью и отличается более разнообразной структурой занятий: охота, поиск мамонтовой кости, собирательство дикоросов.

Реки выступают важнейшими транспортными артериями в регионе. Помимо этого, они приносят на север Якутии плавник³⁴, используемый в качестве топлива и строительного материала; в Андрюшкино, где практикуется добыча мамонтовой кости, распространен подводный поиск останков древних животных. Местные жители покупают водолазные костюмы и погружаются в холодные северные реки, чтобы обследовать берег под водой на предмет наличия выступающих бивней. Реки и озера дают питьевую и техническую воду, обеспечивают функционирование объектов локальной инфраструктуры.

Несмотря на то, что гидрологическая сеть Якутии очень обширна, воды, пригодной для питья, гораздо меньше, чем может показаться при взгляде на географическую карту. Так, по итогам первого полугодия 2021 года доброкачественной питьевой водой в республике были

³⁴ Упавшие в воду деревья, выбрасываемые рекой на берег.

обеспечены лишь 56,3 % населения от общей численности жителей Якутии³⁵. Среди заголовков региональных СМИ встречаются такие: «От просто “грязная” до “очень грязная”»: ни одна река в Якутии не является действительно чистой». В указанном материале сообщается, что в 2019 г. Якутским управлением по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды были взяты пробы из 36 рек, двух озер и одного залива. Результаты показали, что «по-настоящему чистых» рек в Якутии нет – во всех водоемах зафиксировано загрязнение³⁶. В 2020 г. ситуация выглядела следующим образом: р. Лена в районе с. Жиганск была отнесена к категории «загрязненная»; р. Индигирка в черте пгт. Чокурдах – «очень загрязненная»; р. Алазея в черте с. Андрюшкино – «грязная»; р. Колыма в черте с. Колымское – «загрязненная», а в черте пгт. Черский – «очень загрязненная» (Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды... 2021). Общая шкала загрязнения поверхностных вод выглядит следующим образом: 1-й класс – «условно чистая», 2-й класс – «слабо загрязненная», 3-й класс разряд «а» – «очень загрязненная», разряд «б» – «очень загрязненная», 4-й класс – разряд «а», «б» – «грязная», 5-й класс – «экстремально грязная» (Там же: 19). Исходя из приведенной градации, видно, что, в целом, качество поверхностных вод в рассматриваемых районах хуже среднего, а в Андрюшкино оно близко к предельно отрицательному состоянию.

Выделяют два основных блока причин загрязнения: естественные (экстремальные климатические условия; наличие криолитозоны; низкая способность биоты к самовосстановлению и самоочищению после техногенных воздействий; малая мощность и термическая неустойчивость почвенного покрова, наличие устойчивых геохимических аномалий; неравномерность схода снежного покрова и вскрытия рек в горно-долинные участки гидросети по отношению к равнинно-низменным, что создает предпосылки для появления высоких и быстро нарастающих паводков) и техногенные (от механических нарушений почвенно-растительного покрова до радиационного загрязнения и загрязнения вод стоками сельскохозяйственного производства, выпадениями из атмосферы техногенных аэрозольных и пылевых примесей) (Проблемы экологии Якутии 1996: 48; Экологическая безопасность реки Лены... 2001: 54). К перечисленным причинам загрязнения следует добавить обрушения берегов, обмеление рек и вывод канализации в местные водоемы. В. А. Григорьев и Р. Р. Ноговицын отмечают, что низкое качество питьевой воды является фактором многих

³⁵ О качестве питьевой воды в Республике Саха (Якутия) по итогам 1 полугодия 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://14.rospotrebнадзор.ru/content/1237/92392/?ysclid=li4wn7nefc263570311> (дата обращения: 26.09.2022).

³⁶ От «просто грязная» до «очень грязная»: Ни одна река в Якутии не является действительно чистой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yakutia.info/article/196159?ysclid=li4wnwed26708214161> (дата обращения: 26.09.2022).

заболеваний населения Якутии, среди которых особенно выделяются острые кишечные инфекции (Григорьев, Ноговицын 2017: 175).

Интервью с местными жителями подтверждают приведенную информацию, особенно актуальную для Нижнеколымского района. В Андрюшкино вода загрязнена канализационными выбросами, а в Колымском из кранов течет только горячая техническая вода. В указанных селах в функции ЖКХ входит закачка воды и подача ее в квартиры населения. Однако технический уровень инфраструктуры не позволяет улучшать ее качество, которое сильно зависит от динамики окружающей природной среды, что можно проиллюстрировать отрывком из интервью с мастером наследного участка ЖКХ в с. Колымское: «Вот у нас, допустим, у нас считается вода техническая. Мы которую подаем – это техническая вода, мы не отвечаем за ее качество, у нас нету фильтров, у нас нету очистных сооружений каких-то. Мы набираем воду прямо с реки, поэтому особенно щас вода еще... щас вода чистая, потому что река спокойная, подо льдом тихонечко течет, но в период половодья, когда идет ледоход, когда вода прибывает, она мутная, грязная, ну тут уж мы ничего не можем поделывать, единственное мы обеззараживаем... мы кидаем эти обеззараживающие препараты» (ПМА 2021). Следовательно, в зимний период, когда река скована льдом и относительно спокойна, качество воды в водопроводе выше; однако летом и особенно в период паводков ее качество резко ухудшается, причем на это нельзя повлиять. В данном случае приобретение и установка очистных инженерных систем позволили бы увеличить независимость местных жителей от природных флуктуаций.

Мастер участка ЖКХ в Андрюшкино высказывался по этому поводу следующим образом: «Для того чтобы качественная вода была, для этого у нас здесь надо построить очистное сооружение. Очистное сооружение еще в советское время начали строить, когда совхоз у нас был, но страна развалилась, все здесь развалилось, все остановилось, так очистное и не построили. А для того, чтобы щас построить... ну, в 90-е понятно, почему не построили. А щас чтобы построить, это несколько миллионов надо, чтоб строить его. А нам если [дадут деньги, то] только на ремонт». В Андрюшкино ситуация усугубляется обмелением р. Алазеи после сильных паводков. Проблема в том, что между участками забора воды из реки и сбросом в нее канализационных отходов расстояние не больше 300 метров. Как говорили местные жители, когда уровень воды в реке высокий, течение относит грязную воду, и происходит забор относительно чистой воды, пригодной для питья. Однако в периоды сильного обмеления в насос попадают и канализационные стоки (ПМА 2021).

В Чокурдахе тоже имеются трудности с получением качественной питьевой воды, которые усугубляются природными явлениями. Высокая зависимость функционирования систем ЖКХ от стихии иногда приводит к прекращению централизованной подачи воды в

квартиры местных жителей. Такой случай произошел в 2016 году, когда из-за сильной пурги население Чокурдаха осталось без горячей и холодной воды на несколько дней. Для решения проблемы люди стали скупать бутилированную воду, газированные напитки и соки³⁷.

В качестве адаптации к дефициту качественной питьевой воды жители северной Якутии предпринимают ряд мер. Некоторые заготавливают лед. Так, в марте 2021 г. в Андрюшкино на реке использовалось несколько «карьеров» для добычи льда (Рисунок 25). Местные жители добывают лед с помощью пещни, засыпают его в мешки, грузят в сани и отвозят домой. Следует отметить, что заготовка происходит из Алазеи неподалеку от канализационной трубы. Как объясняли информанты, в процессе изменения агрегатного состояния в лед превращается наиболее чистая вода, пригодная для питья, поэтому действия местных жителей по использованию льда в качестве источника питьевой воды вполне оправданы. После паводка 2017 г. качество воды в р. Алазея, по оценкам информантов, стало совсем низким. В связи с этим зимой была организована коллективная добыча льда местными жителями и складирование мешков с ним в селе на открытом воздухе; все нуждающиеся могли взять необходимое количество данного ресурса (параллельно осуществлялся контроль за тем, чтобы те, кто в состоянии добыть лед, не брали его безвозмездно). Кроме того, предприимчивые люди пытались построить на этом спонтанный бизнес, заготавливая и продавая лед на заказ. Следует отметить, что *ледовая вода* у некоторых жителей Якутии имеется в наличии и в летнее время благодаря хранению льда в естественных морозильных камерах.

Для получения воды более высокого качества в с. Колымское местные жители либо остужают и отстаивают горячую воду, либо, что более распространено, набирают ее из Колымы или ее притока – реки Омолона, вода которой считается наиболее чистой. Кроме того, некоторые люди также используют домашние водоочистные фильтры, как покупные, например, «Барьер» и «Аквафор», так и кустарного производства, изготавливаемые из пластиковых бутылок и выступающих в качестве фильтрующего элемента тканевых салфеток (Рисунок 26). В Чокурдахе местный предприниматель приобрел на собственные средства мощный фильтр и продает в поселке очищенную воду (ПМА 2023).

Помимо перечисленных ролей водоемов в жизни северных сообществ, река может выступать разрушительной силой (Рисунок 24). В Русском Устье Индигирка постепенно размывает участки суши, что приводит к обвалу высокого берега, на котором расположено село. Эта проблема актуальна и для других северных районов Якутии (Ананичева, Литвиненко, Филиппова 2021). Рыбаки сообщали, что на заимке «Федоровский холм» был затоплен и разрушен крупнейший в Русском Устье ледник для хранения рыбы. Реки разделяют людей и

³⁷ Пурга лишила жителей Чокурдаха питьевой воды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yakutia.info/article/176630?ysclid=li4ws1156a111031869> (дата обращения: 26.09.2022).

лишают ресурсов, о чем красноречиво сообщают выдержки из местных СМИ: «Груз, доставленный судами ОАО ЛОРП в полном объеме к устью Индигирки, висел “между небом и землей” – на внешнем участке бара», «Грузоотправители, получатели, да и просто жители возмущены: налицо угроза остаться на зиму без топлива, продуктов, материалов! Им дела нет до проблем, которые накопились в транспортном комплексе республики – старый флот, недостаточное финансирование, кадровые трудности»³⁸, «У нас в этом году очень сложная навигация, Индигирка обмелела. На реке на мель села баржа с 1 тыс. тонн нефти, предназначенной для прохождения отопительного сезона 2021 года в Момском районе»³⁹ и др.

Серьезной проблемой являются весенние паводки, приводящие к наводнениям. Л. И. Винокурова и соавторы сообщают о том, что в регионах, расположенных в зоне вечной мерзлоты, изменения климата и участвовавшие стихийные бедствия (наводнения, засухи и лесные пожары) накладываются на специфику расселения и низкого уровня развития коммуникаций. Противостояние данным катаклизмам осложняется типичной для сельской местности финансовой бедностью, безработицей и миграцией (Винокурова и др. 2016: 36). Последнее крупное наводнение в Андриюшкино произошло в 2017 г. В результате, сообщают информанты: «мы тут на острове остаемся. И она [вода] тут года два стояла, последний год в [20]17м году... Она пришла, и потом она долго, почти два года уходила. И такое чувство было, что этот... нам-то тут, мы по твердой земле ходим, нам незаметно, а когда сверху смотришь – вообще страшно так. Фотографии видел, наверное? В интернете. Мы на островке, а кругом вода на сотни километров» (ПМА 2021). Некоторые информанты говорят, что сильные паводки были и раньше, но в последние два-три десятилетия они происходят чаще и оказывают более деструктивное воздействие пространство жизнедеятельности. «В 2007 году было [наводнение], но она [вода] ушла быстро... А то, что последний раз, она почти два года у нас стояла, и теперь только природа в себя приходит. В прошлом году рыбы почти не было, она в прошлом году только стала восстанавливаться с [20]19 года; вот рыбы стало меньше совсем, говорят. Она с водой ушла или что ли. Когда озера и реки все вместе соединились, видимо, часть рыбы ушла, или как. В общем, непонятно. А... в прошлом году вода ушла, и теперь, видите, яма почти у нас, чуть не обмелела река» (ПМА 2021). Такая нестабильность и опасность разрушительных последствий приводят некоторых представителей администрации района и республики к мысли о необходимости переноса населенного пункта в другое, более безопасное место. Однако эта идея не находит поддержки у местных жителей, о чем говорилось в предыдущей главе.

³⁸ Ситуация на Индигирке была беспрецедентной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uhhan.ru/news/2013-11-14-8702?ysclid=li4wtpmgyg147211827> (дата обращения: 26.09.2022).

³⁹ Застрявшие на реке в Якутии суда должны были вызволить баржу с 1 тыс. т нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7038297?ysclid=li4wwertkc660388807> (дата обращения: 26.09.2022).

Изменение времени года меняет агрегатное состояние воды: жидкость постепенно становится льдом, что меняет способы использования рек и озер. Прекращается неводный лов в реках, начинается подледная рыбалка (в основном на озерах); наполнение емкостей водой частично сменяется заготовкой льда, возобновляется передвижение на снегоходах вместо лодок. Из кладовок в августе достают сети для подледного лова и начинают их подготавливать («садить сеть» – как говорят в Русском Устье), чинят нарты и снегоходы в преддверии снежного покрова. Весной, наоборот, происходит подготовка к летнему сезону. Информант из Андрюшкино так описывает переходный период в структуре хозяйственной деятельности: «В такую погоду мы дома не сидим [Было начало апреля, солнечно, лежал снег – Н. Г.]. В это время мы занимаемся обустройством жилья, которое мы оставили осенью. Оставляем второпях. Там быстро надо двигаться, потому что уже темно становится. В девять часов светлеет, а в два часа уже темно. Сети снимаем, туда-сюда. Быстро-быстро. Потом дома немножко убраться надо. И все. Потом ждем. Лежим, пока солнышко не выглянет. В феврале чуть-чуть выглянет, все – поехали. Сейчас весна, снег спадает, все выходит – то, что задуло. То, что отрылось, мы это выносим, вытряхиваем и на солнышке сушим. Пока оттепель не будет. До оттепели все надо просушить. Оттепель будет, оно же промокнет все. Поэтому до оттепели делаем. Оставляют участки в декабре: 10–15. До Нового года все уже здесь [в селе – Н. Г.] обитаем. Потом полтора месяца не двигаемся никуда. Лежим дома, телевизор смотрим. Спячка» (ПМА 2021). Изменения физического состояния водоемов встроено в хозяйственный цикл (Krause 2013), а те периоды, которые выпадают из непосредственной деятельности на реке (ледоход и ледостав), посвящаются подготовке к приближающимся изменениям окружающей среды.

Кроме того, водоемы синхронно обладают разными возможностями включения в практики людей. Визуально более отчетливо эта неоднородность может быть проиллюстрирована зимними сюжетами. Как сообщалось выше, в Андрюшкино зимой служба ЖКХ закачивает воду в квартиры местных жителей насосом из Алазеи, но в связи с низким качеством поступающей из кранов воды население из той же реки заготавливает лед для питья, считая его более чистым. Приведенный пример показывает, что река в один и тот же момент способна производить разные комплексы связей, позволяющие людям взаимодействовать с отличающимися качествами одной и той же материи. Пример с заготовкой льда демонстрирует, что в определенный временной промежуток года материальная неоднородность реки становится визуальной и агрегатно фиксируемой: синхронно сочетаются твердое и жидкое состояния воды. Подобные комбинации неоднородных свойств присутствуют и в летний период, но они не обладают такой степенью визуального выражения, а находятся в невидимой модальности физических характеристик: множественность выражается в плотности, глубине, химических свойствах воды, конфигурации течения и пр.

Одни свойства воды в реке укрепляют ее статус особого компонента окружающей среды (подвижная водная артерия) и требуют соответствующих инструментов взаимодействия (насосов, лодок, неводов и пр.), другие качества, наоборот, «де-объективируют» реку, непрерывно соединяя ее с твердой средой: зимой появляется возможность перемещения на автомобильном транспорте, река становится местом пеших прогулок, детских игр (склоны берегов Алазеи используются в качестве горки для катания). В таком случае покрытый льдом водоем, берег реки или озера, тропы и дороги в населенном пункте могут использоваться местными жителями схожим образом. Безусловно, существует разделение на лексическом уровне (местные жители, например, могут сказать: «Мы пойдем гулять по Колыме»), однако в практическом измерении оно нивелируется (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022; Krause 2013: 12).

В приведенном параграфе были проанализированы особенности влияния водоемов на повседневные практики населения северной Якутии. Выявлено, что реки и озера выступают полифункциональными и полисемантическими компонентами ландшафта: они влияют на структуру расселения местных жителей, участвуют в формировании внутрирайонных и межрайонных транспортных магистралей, являются ключевыми источниками пищевых ресурсов, питьевой и технической воды, создают благоприятные условия для поиска мамонтовой кости. В то же время водоемы оказывают негативное воздействие на процесс освоения пространства, что выражается в эрозии береговой линии, разрушении хозяйственных и жилых сооружений, усиливающих паводках, заболачивании территории; далеко не вся вода пригодна для употребления без предварительной фильтрации. Количество, качество, агрегатное состояние воды, наличие в ней определенных видов рыб подвержено сезонным и линейным изменениям, для адаптации к которым местные жители используют различные виды практик и материальных объектов.

2.3.2 Земля

Помимо непостоянства водной среды, динамизм и неоднородность в арктической Якутии проявляет земная поверхность. По Дж. Гибсону, *земь* (ground) представляет собой основу восприятия и поведения человека (Гибсон 1988: 44). В параграфе речь идет не только и не столько о земле как особом геохимическом явлении, сколько как о твердой поверхности, на которой реализуются основные процессы жизнедеятельности населения, а также рассматривается практический потенциал трансформаций этой поверхности в соответствии с экологическим подходом Дж. Гибсона. Как и в случае с водой, в этом отношении важным оказывается фактор сезонности, перестраивающий ландшафт и локализованные в нем практики (Зензинов 1914с; Гурвич 1966). Зимние заснеженные и замерзшие территории открывают новые по сравнению с летним периодом способы мобильности, прежде всего, связанные с

использованием снегоходов – на местном уровне, а также грузовиков и иных автомобилей в транслокальном масштабе. Д. Д. Травин писал о том, что плотность снегового покрова может быть настолько велика, что снег выдерживает обоз до 200 пудов⁴⁰ груза (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 176).

Со сменой сезонов меняются свойства земной поверхности, которые могут быть использованы людьми. Ледники, выполняющие в теплое время года важную хозяйственную функцию хранения пищевых ресурсов, не используются в холодный период, поскольку температура под снежным покровом в них становится слишком высокой для хранения пищевых продуктов (летом температура в ледниках составляет 13 градусов ниже нуля, зимой она поднимается выше нуля)⁴¹. Как сообщали информанты из Русского Устья, местные жители используют ледники уже давно, однако в прошлом они отличались более компактными размерами, потому что у людей было меньше ресурсов для хранения. В последние десятилетия площадь ледников увеличилась. Ранее хранилища в многолетней мерзлоте назывались «подвалы», до этого их именовали «погребями». Слово «ледник» в Русском Устье вошло в обиход в 1970-х гг. Г. Н. Грачева в 1987 г. для обозначения мест хранения рыбы промысловыми базами Олёринского сельсовета использовала слово «мерзлотник» (АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1528. Л. 37). Жительница Русского Устья сказала, что в настоящее время люди в селе перестали выдалбливать новые ледники, предпочитая углублять имеющиеся, что стало возможным благодаря использованию современных перфораторов. Выдалбливают ледники в основном в конце осени – начале зимы, когда на улице еще не сильно холодно; а также в начале весны, пока держится минусовая температура, близкая к нулю.

Снег производит одновременно практическую и эстетическую дифференциацию ландшафта. Он перестраивает очертания окружающего пространства, обуславливает использование специфической одежды, определяет действия людей по расчистке, поддержанию приемлемых условий хозяйственных практик. Снежный покров открывает дополнительные возможности: по следам, оставленным на снегу, можно определять и отслеживать животных во время охоты; формируемые заструги в тундре позволяют местным жителям ориентироваться в пространстве (Васильева 2018). Зимне-весенний период является временем важнейших трансформаций региональной мобильности, поскольку на этом хронологическом этапе открываются автозимники. С физической точки зрения, они разнородны и состоят из замерзшей

⁴⁰ 3275,9 кг.

⁴¹ Помимо ледников, для хранения ресурсов у местных жителей имеются гаражи и кладовки. Первые используются для хранения техники, вторые служат объектами для складирования рыбы, мяса и прочих ресурсов в зимний период. Кладовки в настоящее время строят из досок, ранее амбары сооружали из бревен. Аналог погреба, характерного для поселений средних широт России, в северных поселках отсутствует.

земли, снега и льда водоемов, однако с точки зрения практического использования зимники складываются в единое пространство твердой поверхности. Функционирование данного типа дорожной инфраструктуры сопряжено с проблемами по его обустройству и использованию, обусловленными большим количеством снега, качеством работы ответственных служб, исправностью техники. Как пишет Т. Аргунова-Лоу, дороги всегда связаны с движением и находятся в процессе становления (Argunova-Low 2012: 85–86). Это особенно актуально для анализа работы автозимников: снег, пурга, неопытность водителей, недостаточное внимание, уделенное состоянию дорог и погоде нередко приводят в арктических условиях к негативным последствиям.

Трансформации земной поверхности имеют циклическое и линейное проявление во времени. Если для взаимодействия с первым типом изменений, связанным со сменой сезонов года, у местных жителей имеются хозяйственно-бытовые стратегии адаптации, выработанные в течение длительного времени: смена транспортных средств (лодки/снегоходы), хозяйственных занятий (неводной/подледный лов) и т. д., то второй тип динамики во многом обусловлен глобальным потеплением и геологическими процессами, следствия которых часто оказываются неожиданными для населения. В качестве адаптивной меры к эрозии почвы и таянию многолетней мерзлоты практикуется перенос строений дальше от берега; в редких случаях прибегают к переносу населенных пунктов. Например, из-за сильного обрушения земли, создававшего серьезную угрозу жилым постройкам, находившимся рядом с водой, в 1942 г. было перенесено село старое Русское Устье на то место, где оно находится сейчас. Однако геологические процессы в селе в настоящее время тоже создают населению большие трудности. Местные жители неоднократно сетовали на разрушительные последствия обвала берега, в связи с которым происходит стремительное сокращение площади села, и высказывали опасения, касающиеся сохранности жилых и инфраструктурных построек.

Синонимичной проблемой является процесс оврагообразования. Среди исследованных поселений особенно ощутимо он проявляется в Русском Устье, где село не только рушится снаружи в ходе обвала береговой линии, но и «съедается» оврагами изнутри, что побуждает местных жителей искать способы решения вопроса своими силами. Расположение стационарных населенных пунктов на многолетней мерзлоте вообще, а в условиях глобального потепления, в частности, является риском и требует от людей и административных акторов постоянной работы, направленной на приспособление к изменяющейся среде (Takakura 2016; Crate et al. 2017). Подобные вызовы зачастую раскрывают ресурсный потенциал материальных объектов, которые ранее считались бесполезными, о чем подробнее будет сказано в следующей главе.

Локальный ландшафт характеризуется наличием специфических геологических образований, обладающих различными трактовками и воздействием на повседневность местных жителей; среди них *булгунняхы*, *едомы* и пр. Булгуннях (якут.) – это геологический объект, представляющий собой вспученную поверхность земли – «бугор пучения». Образуются в местах замерзания подземных вод, в высоту могут достигать нескольких десятков метров. «Едомой» в геологии называются «сильнольдистые (содержащее более 50–90 % льда), как правило, богатые органическим материалом, иловатые и пылеватые супесчаные и мелкопесчаные позднеплейстоценовые отложения...» (Vasil'chuk, Vasil'chuk 2020: 22-33). Сообщается также, что едомой является плосковершинная останцовая возвышенность, сложенная горными породами едомного комплекса, сохранившаяся среди аласов; кроме того, едомы обычно включают болотные и озерные образования⁴². В зарубежной литературе существует несколько иная трактовка. Там под термином «*yedomas*» понимается не геоморфологический или стратиграфический элемент, а особый тип сильнольдистых отложений с сингенетическими повторно-жильными льдами, распространенный на севере Сибири (Васильчук 2022: 55). Авторы учебного пособия «Вечная мерзлота и культура...» в качестве синонима «едомы» приводят термин «ледовый комплекс» (Вечная мерзлота и культура... 2019: 22). По мнению исследователей, едома уязвима к изменению и колебаниям климата из-за высокого содержания льда и илистого состава, что создает серьезную опасность для окружающей среды и социально-экономических систем и может потребовать дорогостоящего перемещения различных объектов инфраструктуры (Васильчук 2022: 56). В русскоустыинском диалекте до сих пор присутствует слово «едома», которое означает небольшую гору, возвышенность (Чикачев 2007: 236). На одной из них находится и село Русское Устье, что создает дополнительные риски для всего комплекса хозяйственных практик и построек местных жителей, поскольку в условиях потепления климата ускорятся таяние льдов, и земля буквально «уходит из-под ног» (и из-под построек), что приводит не только к материальным разрушениям, но и к загрязнению водных источников, которые используются для питья и готовки (Рисунок 27).

В связи с оттайкой многолетней мерзлоты происходит заболачивание и проседание земной поверхности, ускоряющее износ строений и коммуникаций. Эта проблема актуальна не только для арктической Якутии. С. А. Григорьев пишет о том, что в последние десятилетия общий тренд на повышение средней температуры в Амгинском улусе на юго-востоке

⁴² Геологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsegei.ru/ru/public/sprav/geodictionary/geosearch.php?q=едома&s=Поиск> (дата обращения: 26.09.2022).

республики интенсифицировал термокарстовые процессы⁴³. Негативные последствия деградации многолетней мерзлоты в с. Амга проявляются в сокращении территории, пригодной для проживания и застройки (из-за проседания грунта и заболоченности); помимо этого, зимнее потепление создает угрозу транспортному сообщению. В качестве адаптации местные жители индивидуально и при поддержке администрации занимаются выравниванием поверхности земли и сооружают насыпи под жилыми домами (Григорьев 2022: 56–57).

Кроме того, проблема трансформации почв имеет и символические последствия. В центральной Якутии происходит разрушение аласов – ландшафтов и экосистем термокарстового происхождения, представляющих собой пологосклонную и плоскодонную ложбину овальной формы, в центре которой расположено круглое озеро, окруженное сенокосами, переходящими в бореальные леса. Аласы являются традиционными ареалами проживания якутов-скотоводов и обладают большим значением для якутской культуры и идентичности. Как пишет С. Крейт, с деградацией аласов нарушаются долговременные связи якутского народа с одним из важнейших компонентов их хозяйства и мировосприятия (Crate 2021).

Кроме того, динамика земной поверхности открывает новые возможности адаптации к экономическим реалиям. В Аллаиховском и Нижнеколымском районах зачастую обрушенные участки суши обнаруживают останки мамонтовой фауны, собираемые местными жителями для реализации и повышения собственного экономического благосостояния (ср.: Васильева, Федорова, Слепцова 2022). Иногда людям удается найти особо крупные экземпляры (информант из Русского Устья рассказывал о том, что его знакомый обнаружил в Абыйском районе сразу два бивня по 96 и 94 кг, которые ему удалось продать на сумму 5 млн. рублей). Для поиска мамонтовых бивней местные жители часто используют помпы, с помощью которых они растапливают многолетнюю мерзлоту горячей водой, чем сильно трансформируют земную поверхность: «Стоит холм, и там вот, например, сопка. И они ее полностью смывают. 33 бригады эту сопку со всех сторон, кто как может, все вымывают. Это примерно мы тогда мыли, три тонны бензина ушло на помпу» (ПМА 2019). Некоторые информанты сообщают, что подобные практики меняют контуры водоемов и приводят к их загрязнению.

Материальная подвижность земной поверхности актуализирует множественные стратегии мобильности, строительства, ведения хозяйственных занятий. В период обильных осадков передвижение по сельским дорогам становится весьма затруднительным, поэтому в

⁴³ Термокарст это «неравномерное проседание почв и подстилающих их горных пород вследствие вытаивания подземного льда или оттаивания мерзлого грунта при повышении среднегодовой температуры воздуха» (ТЕРМОКАРСТ // Большая российская энциклопедия. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/geography/text/4189172> (дата обращения: 22.04.2021); Григорьев 2022: 56).

населенных пунктах для более комфортного перемещения устанавливают мостки, адаптируют под передвижение элементы теплотрассы, увеличивают устойчивость размытой земли, прокладывая по ней дорожки из старых радиаторных батарей. Особенности рельефа отмечаются в регионально-специфических дорожных знаках. Так, вдоль автозимника из Среднеколымска в Андриюшкино расположен дорожный знак с надписью «Пустоты», который, по словам информанта, сообщает о том, что на дороге имеются промоины и выбоины, создающие риск для водителей и пассажиров.

Почва является основой земледелия и животноводства. Важным свойством земли является возможность ее перемещения (в теплицы и квартиры), изменения химических свойств путем использования удобрений, корректировка характера рельефа на локальном уровне. Например, якутские колхозы Среднеколымского района в середине прошлого века для концентрации стад, «распыленных» по небольшим участкам, производили работу по расчистке кустарников, спуску озер и созданию необходимых сенокосных угодий вблизи от хозяйственных центров, что впоследствии позволило механизировать хозяйственный процесс (Гурвич 1966: 239).

В 2000-е гг. в Аллаиховском районе успешно функционировали частные и поселковые теплицы. К последнему типу относилась теплица при дизельной электростанции в Чокурдахе, где выращивались помидоры и огурцы в объеме, позволявшем распределять урожаи по району. Информант из Жиганска рассказывал, что во второй половине 1980-х гг. в селе стали массово появляться теплицы, был построен свинарник, птичник. В настоящее время многие местные жители используют теплицы, для выращивания помидоров, огурцов, клубники, перцев, кабачков, баклажанов; некоторым удается собирать урожаи арбузов и дынь⁴⁴. Местные жители выращивают картофель, приподнимая слой плодородного грунта над поверхностью холодной земли. Информанты сообщают, что для повышения плодородности почв ранее использовался навоз, получаемый от совхоза; кроме того, в Жиганск его специально привозили из Вилюйского района (ПМА 2018).

Земная среда северной Якутии неоднородна и состоит не только из грунта, но и из заболоченных участков, выступающих булгунняхов, едом, холмов, сопок, гор, снежного покрова и пр. Она осваивается не только как «поверхность» (Гибсон 1988: 188): актуальным является то, что находится под ней – лед (Сулейманов 2018а: 269), мамонтовые бивни; а также то, что ее покрывает – растительность, снег, который позволяет отслеживать животных во время охоты, перемещаться по автозимнику и пр. Проживание на многолетней мерзлоте в

⁴⁴ В арктическом Аллаиховском улусе выращивают арбузы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.v14.ru/2020/07/09/v-arkticheskom-allaihovskom-uluse-vyrashhivayut-arbuzy/?ysclid=li4xdpp4el331001394> (дата обращения: 26.09.2022).

условиях потепления климата делает очень неустойчивыми материальные основания жизнедеятельности населения северной Якутии и показывает, что недостаток внимания к подвижности окружающей среды приводит к неудачам в строительстве жилых и инфраструктурных объектов, реализации хозяйственных и транспортных практик, а также иных форм освоения пространства.

2.3.3 Воздух

Исследования воздуха в гуманитарной литературе развивается в русле концепции «атмосферы» и «ауры», которая связывает и феноменологические размышления философов (Мерло-Понти 1999), и социально-культурологическую рефлексию (Беньямин 2012), а также эстетическую (Böhme 1993) и антропологическую (Ingold 2012) перспективы. Рассмотрение аспектов воздушной среды актуально в контексте изучения локальных стратегий освоения пространства в силу того, что процессы, происходящие в воздухе, объемизируют уплощенное пространство земли и водных поверхностей, увеличивают количество измерений, в которых локализованы практики и объекты; раскрывают многовекторное влияние окружающей среды. Т. Ингольд пишет о том, что очерчивание границ материальности исключительно вокруг поверхности ландшафта и артефактов равносильно тому, чтобы рассматривать обитателей ландшафта и пользователей этих артефактов в вакууме (Ingold 2010: 131–132).

Воздух воздействует на объекты, находящиеся на земной поверхности по-разному. Морозы влияют воздействуют на многие постройки в селах арктической Якутии. Например, в Андрюшкино система центрального отопления не справляется с низкими температурами, в связи с чем местные жители, даже находясь в помещении, иногда вынуждены надевать верхнюю одежду. Данная проблема актуальна в том числе для местной школы. В библиотеке с. Андрюшкино сотрудница продемонстрировала, каким образом низкие температуры деформируют помещение. Это проявляется в разрушении целостного покрытия линолеума на полу, образующихся щелях и трещинах в напольных и настенных покрытиях. Для сохранения энергии выстужаемой теплосети создаются теплоизоляционные короба, применяются специальные материалы, однако это не гарантирует стопроцентной эффективности и отсутствия неполадок.

Температурный режим определяет и пространственное нахождение людей. Так, в Русском Устье социальная жизнь аккумулируется сельской баней, которая имеет большое значение для охотников и рыболовов, отправляющихся на промысел в холодное время года. Дату возвращения они стараются выбрать таким образом, чтобы приехать к банному дню, потому что поход в баню, как говорили местные жители, дает возможность отдохнуть и согреться после холодных промысловых дней, а также встретиться с товарищами, обсудить результаты охоты и поделиться планами на будущее.

В Русском Устье многие семьи в теплый сезон предпочитают жить в летних домах, расположенных в том же селе, но ближе к берегу. В качестве объяснения своего выбора информанты называли возможность самостоятельно регулировать температуру в летнем жилище. На сельских собраниях и в личных беседах жители села часто заявляли о необходимости поддерживать отопление в детском саду в течение всего года. Подобная проблема имеется и в Андриюшкино, где мне было сказано, что в текущих условиях невозможно осуществлять круглогодичное отопление из-за дефицита ресурсов: «Это много нефти надо привозить. Если только, может, угольную сделают [котельную, работающую на угле – Н. Г.]... Мы слишком далеко живем. Если у нас зимой закончится топливо, то все замерзнут. У нас нету возможности нам привезти че-нибудь здесь, топливо привезти не смогут они» (ПМА 2021). В отличие от многоквартирных домов Русского Устья, где с 21 июня по 8 августа отключается отопление, в летних домах (а также на промысловых участках) можно использовать печки-буржуйки и обеспечивать необходимый температурный режим до наступления холодов.

Колебания температуры включают или, наоборот, выводят из использования комплексы объектов, меняют связи между их компонентами. Некоторые свойства воздуха актуализируются при определенном с ними взаимодействии. Например, во время езды на снегоходе важной частью одежды становится маска, защищающая лицо от сильного ветра. Исторические сюжеты тоже показывают, что воздух позволяет использовать такие свойства вещей, которые без его воздействия остались бы нереализованными. Например, Д. Д. Травин, опираясь на материалы спутника Врангеля – штурмана Козмина, описывал случай, когда группа путешественников, передвигаясь по Индигирке, периодически устанавливала парус, сшитый из оленьей ровдуги, который делал их более мобильными (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Л. 177).

Направление ветра принимается во внимание в период охоты, рыбной ловли, передвижения на лодке. Местные жители воспринимают потенциал окружающей среды, отталкиваясь от используемых ресурсов. В. Н. Давыдов пишет о том, что эксплуатация транспортных средств меняет восприятие людьми погодных явлений и сам процесс движения (Давыдов и др. 2016: 155, 157). По причине того, что в северные поселки Якутии летают лишь вертолеты и самолеты малой авиации, ветер часто приводит к задержкам рейсов, потому что некрупные воздушные суда сильно подвержены влиянию атмосферных явлений. Использование лодки предполагает внимательное восприятие изменений в движении воздушных масс. В случае плохой погоды и неподходящего ветра лучше отложить поездку, чтобы минимизировать риск несчастного случая.

О практической актуальности стихии ветра свидетельствуют его локальные названия. А. В. Киселев из Русского Устья привел следующие номинации: *шелонник* – юго-западный ветер,

самый теплый в летний период и наиболее холодный зимой; *обенник* – юго-восточный; *студеный сток* (также встречается название – *холодный сток*) – северо-восточный, наиболее холодный ветер в летнее время; *низовый* – северный ветер; *верховский* – южный; *ниже запада* – так называют ветер северо-западного направления. Как сообщал в интервью рыбак из Русского Устья, влияние ветра сказывается на динамике воды в реке и количестве рыбы. Так, северо-западный ветер нагоняет воду с низовьев, вместе с которой идет рыба, что потенциально увеличивает улов местных жителей. Приход «верховой» воды обусловлен сильными дождями, а также, особенно в прошлом, происходил вследствие таяния ледников в горных грядках южных районов. Впрочем, информант уточнил, что такие корреляции срабатывали в прошлом; в настоящее время изменения климата нарушили взаимосвязи между различными природными явлениями. Уровень воды в Индигирке в последние годы сильно упал, что вызывает эмоциональную реакцию местных жителей, от которых приходилось слышать, в частности, такие слова: «Нам жалко нашу реку...».

О глубокой интеграции природных явлений в быт местных жителей и, наоборот, о тесных связях культурных феноменов с окружающей средой говорит еще одно название шелонника (юго-западного ветра) – *пахоед*. Такое наименование обусловлено следующим фактором. До 1970-х гг. основным видом транспорта в Русском Устье были многочисленные собачьи упряжки. В зимний период юго-западный ветер обмораживал часть нижнего края брюшной полости собак (пах), что приводило к нарушению работоспособности животных. Для того чтобы уберечь собак от переохлаждения, русскоустыинцы использовали специальный «ошейник», который был сделан из шкуры оленя и одевался на животное сзади. Помимо этого, после рождения щенят у собаки выпадала шерсть в области груди, что делало ее уязвимой для холодного ветра. Для согревания оценившихся сук шили тканевый нагрудник, который надевали на работавшую в упряжке собаку⁴⁵.

Ветер является актуальной, но невидимой средой, поэтому для извлечения информации местные жители «визуализировали» его при помощи особых инструментов, в качестве которых выступали флюгера. Как писала Р. В. Каменецкая, среди предметов традиционного быта русских жителей низовьев Индигирки, особого внимания заслуживают флюгера-«сорочки» из Русского Устья (Каменецкая 1982: 99). Д. Д. Травин отмечал, что резные «сорочки» есть и в Нижнеколымске (АМАЭ РАН. Ф. К–V. Оп. 1. Д. 554. Л. 1), которые укрепляют на «кóрбасах» (жердях) над домом (Каменецкая 1982). Р. В. Каменецкая считала, что «сорочки» русскоустыинцев были не только флюгерами-ветриницами, но и маркером быта, отличавшим их поселки от пространства коренных сообществ (Каменецкая 1982: 101), что соответствует

⁴⁵ О подобных практиках защиты от холода крупного рогатого скота у якутов сообщали информанты из Хангаласского улуса (ПМА 2023).

интерпретации «сорочек» у русских из Усть-Цильмы, предложенной Н. И. Гаген-Торн (1961: 77). Пример использования сорочек свидетельствует о том, что способ определения и использования физических свойств окружающей среды посредством материальных объектов имеет не сугубо утилитарный характер, связанный с однолинейным взаимодействием инструмента и окружающей среды, но обрастает многочисленными социально-культурными напластованиями, отражающими влияние контекста на способы восприятия окружающего мира (Нефт 2003).

Р. В. Каменецкая отмечала, что во время ее экспедиционных поездок в 1971 и 1972 гг. на Колыму и Индигирку «сорочки» там уже не бытовали, однако традиция устанавливать кóрбасы с «сорочками» еще в начале 1950-х годов была зафиксирована на Индигирке И. С. Гурвичем (Каменецкая 1982: 99). В период экспедиционных работ в Аллаиховском районе в 2019 г. я встречал использование флюгеров жителями Русского Устья. Два флюгера были сделаны в нетрадиционной форме и представляли собой стилизованные деревянные модели самолетов, расположенные на шестах разной длины. Они находятся в самом Русском Устье, причем оба установлены над двумя углами бревенчатой постройки частной бани. Флюгер с навершием в виде петуха, под которым расположены буквы, обозначающие стороны света, находится на рыболовецком участке Островок; он закреплен на «корбасе», установленном на углу рыболовецкого дома (Рисунок 28). «Каноничная» «сорочка», в большей степени совпадающая с описаниями Д. Д. Травина и Н. И. Гаген-Торн, находится на участке Гулянка, где, по словам информантов, предположительно остановились первые русские землепроходцы. На Гулянке, в отличие от Русского Устья и Островка, никто не живет и не занимается промысловой деятельностью.

Для анализа взаимодополнительности людей, материальной культуры и окружающего природного пространства, в частности воздушных масс, актуальным является экологический подход Дж. Гибсона, а именно введенное исследователем понятие «аффорданса» (см. определение во Введении). В соответствии с его концепцией, воспринимая предмет, человек видит не совокупность отдельных свойств, а возможности, которые этот предмет предоставляет. Исследователь делал акцент на непосредственной, дорефлексивной природе возможностей (Петряшин 2019: 145; Sanders 1993: 287–302; Нефт 2003: 151). Исходя из этого, определение направления ветра при помощи флюгера имеет два следствия, на которых хотелось бы остановиться подробнее. Во-первых, следует отметить, что восприятие возможностей окружающей среды не всегда происходит напрямую. В некоторых случаях оно делегировано, например, вещам. О феномене делегации функций человека материальным объектам подробно писал Б. Латур (Latour 1992). Однако, если он исследовал функциональные аспекты вещей и прочих акторов, участвующих в практиках человека, то здесь следует обратить

внимание на восприятие людьми возможностей окружающего пространства и «механику» выделения в нем актуальных свойств и объектов. Дж. Гибсон рассуждал преимущественно о специфике восприятия индивидов, однако в повседневной практической деятельности зачастую людьми используются социально организованные стратегии. Следовательно, человек обнаруживает возможности/аффордансы окружающего мира не только относительно своей собственной телесности, но и в контексте коллективных форм деятельности. Кроме того, эффективность действия усиливается в связи с использованием различных материальных объектов. С. С. Петряшин пишет о том, что данное концептуальное упущение Дж. Гибсона вызвало среди исследователей призывы «социализировать» аффордансы путем раскрытия специфики их зависимости от социальных феноменов (Петряшин 2019: 145; Costall: 2012). Так, в теоретических работах А. Костелла, Э. Шемеро, Д. Нормана и других исследователей детализируются свойства аффордансов⁴⁶. В частности, Г. Хефт предложил концепцию динамического контекста, в соответствии с которой аффордансы претерпевают изменения, обусловленные социокультурными условиями (Heft 2003). Эти замечания актуальны для анализа взаимодействий людей и окружающего пространства в рассматриваемом регионе.

В примере с флюгером возможности, открываемые воздухом, воспринимаются не напрямую, а через посредника, который своими действиями указывает на состояние воздушных масс. Следовательно, возможности, которые открывает/закрывает ветер, считываются не через направление и силу самого природного явления, а через движения флюгера, которые «сообщают» о состоянии ветра. Способность флюгера вращаться и менять направление увязывается с аффордансом ветра, обуславливающим практические действия людей. Положение флюгера не интересует русскоустыинцев само по себе; оно становится актуальным, потому что говорит о состоянии ветра.

Субъектность воздушных масс отпечатывается в механических движениях флюгера, который представляет собой «индексальный аффорданс». Исходя из типологии знаков Ч. Пирса, индексом являются знаки, которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними (Пирс 2009: 89). Аффорданс не является знаком, однако, как следует из примеров с флюгером, он может «говорить» о возможностях других «объектов». Такой подход отличается как от теории знака Ч. Пирса, так и от трактовки индексальных знаков А. Гелла. Последний на примере произведений искусства расширил содержание индексального знака, который, в соответствии с его концепцией, к тому же указывает на акторов, которыми произведение было создано, заказано, а также на произведения, послужившие прототипом для создания данного предмета (Gell 1998: 148–152).

⁴⁶ Chemero 2001; Chemero A., Klein C., Cordeiro 2003; Costal 2012. Подробно развитие концепции аффорданса изложено в диссертации С. С. Петряшина (2019: 144–148).

Ч. Пирс и А. Гелл рассматривали знаки в статике, однако в случае с флюгером его информативность создается именно движением вещи, которое осуществляет не только указание на другой «объект», но также выступает и проявлением этого «объекта», поскольку ветер нельзя увидеть «непосредственно», он фиксируется людьми лишь через воздействие на визуализированную материю. В данном случае возникает «зазор» восприятия между человеком и аффордансом. Несмотря на то, что Дж. Гибсон пишет о взаимодополнительности окружающего мира и животного (или человека) (Гибсон 1988: 188), пример с индексальным аффордансом показывает, что человек может соотноситься с предоставляемыми возможностями пространства не напрямую, а через иной объект. Возможность «считывается» через посредника (или даже «в» посреднике): движение ветра воспринимается через движение материального объекта. По А. Геллу, способность «прочитать» индексальный знак в произведении искусства появляется в результате обладания зрителем необходимым культурным багажом и происходит абдуктивно⁴⁷ (Ibid; Петряшин 2016; Стукалин 2022: 90). В случае с флюгером это становится возможным благодаря тому, что человек интегрирован в окружающее пространство и, следовательно, обладает пониманием того, как природные феномены отражаются в материальных объектах и к каким практическим следствиям могут привести определенные проявления таких отражений.

Второе следствие относится к анализу множественности свойств окружающей среды, которые актуальны для жителей северной Якутии. В повседневных практиках важны не только визуально выделяемые в пространстве объекты: дома, животные, лодки и т. д., но и невизуальные свойства окружающей среды, которые оказывают влияние на людей непосредственно и опосредованно. Дж. Гибсон разделял земное окружение человека на три части: среда, вещества и поверхности, которые их разделяют (Гибсон 1988: 43). Атмосферные явления в этой классификации соотносятся со «средой». Дж. Гибсон высказал тезис о том, что атмосфера «однородна», и что в ней лишь иногда «происходят определенные изменения» (Гибсон 1988: 47). Однако в контексте «экологического» подхода к восприятию, развиваемого исследователем, представляется более предпочтительным говорить о неоднородности атмосферы, но неоднородности особого свойства, которая, в отличие от «веществ» и «поверхности», позволяет дышать, может быть заполнена светом, дает возможность обнаруживать колебания объектов и пр. (Там же). Именно эта неоднородность в виде дождя, метелей, ветра, снега и других явлений необычайно важна для того, чтобы полнее понять жизнь на севере Якутии. Ветер в восприятии местных жителей выступает не пассивной метеорологической характеристикой, а агентным феноменом окружающего мира, что часто

⁴⁷ Абдукция – познавательная процедура принятия гипотез, впервые выделена Ч. Пирсом. В общем виде представляет собой выбор среди необозримого множества гипотез наиболее существенных (Абдукция).

находит выражение в нарративах. Например, Р. П. Чикачев, рассказывая о перемещениях по тундре, использовал выражение «поймала пурга», которое означает внезапное появление сильной метели, настигающей путника в тундре. «Меня тоже ловила пурга», – сообщает информант, и в этом высказывании природное явление выступает в качестве актора, который обладает определенными способностями, влияющими на положение людей в пространстве. Если человек во время передвижения был вынужден развернуться, чтобы идти не против ветра, а по нему, говорят: «Тебя ветер развернул», что подчеркивает власть природной стихии над человеком. Разные ветры имеют собственную темпоральность и характер движения; так, про «холодный сток» говорят, что он «весной заматывает и месяцами дует». Эвен В. Н. Слепцов, рассказывая о ветрах, наделял их эпитетом «страшный». Так, южный (идуший с гор) ветер *уракган хунна* – «очень страшный», а западный ветер *нам хуннам* – «самый страшный ветер» (ПМА 2019).

Агентность ветра проявляется в различных сферах деятельности, например, в оленеводстве. Как выразился оленевод из с. Колымское П. А. Дьячков: оленей пасут не столько люди, сколько оводы, доставляющие животным большие мучения. Стараясь спастись от надоедливых насекомых, стадо всегда корректирует направление своего движения таким образом, чтобы идти против ветра (животные, как писал Дж. Гибсон, тоже учитывают возможности окружающей среды (Гибсон 1988: 188)), который помогает оленям в борьбе с насекомыми, отгоняя последних. В таких условиях важной задачей оленевода является расчет оптимального маршрута кочевья с учетом розы ветров в контексте взаимоотношений оленей и оводов⁴⁸.

Для успешной ориентации в пространстве иногда требуется обращать внимание не только на актуальное состояние погоды, но и принимать во внимание то, откуда дул ветер ранее – перед замерзанием снежного покрова, поскольку это позволяет ориентироваться по застругам⁴⁹. Как пишет В. В. Васильева на примере материалов таймыро-якутского приграничья, «наблюдение за направлением ветра осуществляется не только в момент выезда из поселка, но также и в предыдущие дни. Однако не во все сезоны доминирующий ветер стабилен. Водителями внимательно отслеживается смена направления ветра, и благодаря этому по давности образования заструги возможно определить направление, в котором она указывает» (Васильева 2021: 157).

⁴⁸ Ср. с высказыванием о том, что не человек пасет оленя, а олень человека (Про акторов и оленей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goarctic.ru/nauka-i-kultura/pro-aktorov-i-olenev/?ysclid=li4xgmap6s406358090> (дата обращения: 26.04.2023).

⁴⁹ Заструги – «снежные гребни, образуемые на льду или снегу под действием ветра» (Васильева 2021: 106).

С целью анализа практик, в которых актуальным компонентом выступает воздух и связанные с ним явления, представляется важным отойти (но не отказаться) от анализа статичных и визуально выделяемых объектов. В данном направлении могут быть актуальны концепции «ауры» и «атмосферы», развиваемые В. Беньямином (2022) и Г. Бёме соответственно. Последний, работая в русле эстетических исследований, пишет о том, что концепция атмосферы связана с освобождением от субъектно-объектной дихотомии. В его теории, как и в работах Дж. Гибсона, важнейшим предметом исследования выступает восприятие. Г. Бёме говорит о том, что «Первичным “объектом” восприятия является атмосфера. То, что воспринимается сразу и в первую очередь – это ни чувства, ни формы, ни объекты, ни их совокупности... а атмосферы, на фоне которых аналитический взгляд уже и распознает такие вещи, как формы, цвета и тому подобное»⁵⁰.

Признавая неоспоримое достоинство концепций В. Беньямина и Г. Бёме, которые в первую очередь связаны с осмыслением неосязаемых, подвижных явлений, стоит отметить, что их подходы проистекают из эстетической теории, которая далеко не в полной мере способна отразить практические аспекты восприятия и действия. Более релевантным является подход Т. Ингольда, который, дополняет концепцию Дж. Гибсона, следующими суждениями: обитаемый мир не подготовлен для его жителей заранее, он постоянно возникает вокруг них. Это мир формообразующих процессов; понять, как различные существа могут обитать в этом мире, значит обратить внимание на динамические процессы, в которые погружены как воспринимающие, так и воспринимаемые ими явления (Ingold 2011: 117–118). Высказанные идеи созвучны и наблюдаемым феноменам на севере Якутии.

Динамика воздушных масс свидетельствует о пространстве в движении, где происходит взаимодействие человека не с отдельными предметами, а со средой. Становясь условием практической деятельности, воздух наделяет динамизмом и спонтанностью сами практики, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Так, после сбора голубики информантка выбрала наиболее открытую поляну с низкой растительностью. Для того чтобы очистить голубику от мусора (неизбежно попадающего в ведро при сборе ягоды), она расстелила на земле платок и, выждав усиления ветра, начала понемногу ссыпать голубику из ведра на ткань, таким образом провеивая ягоду. Далее информантка передала ведро мне, чтобы я продолжил это действие, но ветер был очень слабым, а через мгновение и вовсе стих. Информантка отметила, что нужно подождать, однако потоки воздуха по-прежнему оставались в покое, тогда она принялась негромко свистеть, тем самым «призывая» ветер. К сожалению, результата не последовало, и после нескольких безуспешных попыток она полусерьезно

⁵⁰ «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики. Гернот Бёме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/> (дата обращения: 26.04.2023).

критически произнесла: «У-у, русский!..», – имея в виду, что я, будучи чужим в данном пространственном контексте, нарушаю нормальное течение привычного процесса. Впрочем, через некоторое время проветять оставшуюся ягоду все же удалось.

Значение объектов не столько самих по себе, сколько в становлении некоторых их качеств, наблюдается в практиках рыболовства. Например, в зимний период русскоустыинцы ждут новолуния, поскольку за два дня до него и два дня спустя «рыба начинает ходить», а в остальное время она пребывает в неподвижном состоянии из-за дефицита кислорода. Помимо этого, рыбаки ждут 22 января, который называется «солнцевыход», так как впервые за время полярной ночи на небе появляется солнце. С этого числа в течение двух-трех дней рыба проявляет активность, что увеличивает шансы рыбаков на промысловый успех. По словам информантов, к большей концентрации ихтиофауны в реке в зимний период приводит северный, северо-западный сильный ветер и пурга. В этих примерах снова проявляется «индексальный аффорданс», поскольку астрономические и атмосферные явления указывают на возможность успешного совершения определенного действия. В то же время следует отметить, что аффордансом выступают не объекты сами по себе (луна, солнце или ветер), но их особое проявление – новолуние, первый день появления солнца на небе или определенное направление и сила ветра. Связи, которые устанавливаются между феноменами локальной среды благодаря «индексальным аффордансам», показывают, что возможности окружающего пространства воспринимаются не только через динамический контекст (Heft 2003), который представляет собой взаимосвязь двух сторон (воспринимающего и воспринимаемого), но и через связи более сложного порядка – между различными контекстами, что увеличивает потенциал освоения пространства.

В ходе исследования было выявлено, что воздушная среда и атмосферные явления оказываются не менее значимыми компонентами жизнеобеспечения локальных сообществ, чем твердые поверхности земли или водные артерии. Выделяются две принципиальные особенности этой среды – невидимость, а также крайне высокая степень подвижности и трансформируемости. Анализ восприятия местными жителями различных атмосферных явлений позволил определить особую стратегию освоения пространства, которая была названа «индексальным аффордансом». Его специфика заключается в том, что для успешного взаимодействия с невидимой средой местные жители используют посредников (флюгер, астрономические объекты и пр.), которые своими временно существующими свойствами указывают на состояние окружающего пространства и, следовательно, на практики, которые в данный момент могут быть реализованы.

Непостоянство земной поверхности, водной и воздушной среды играет большую роль в системе адаптации локальных сообществ, которая направлена на использование кратко- и

долговременных возможностей окружающего пространства, меняющихся циклически и линейно. Функционирование традиционных и новых объектов материальной культуры подвержено сильному влиянию нестабильных экологических процессов, под влиянием которых возникают локальные формы практической деятельности. Ключевой чертой описанных практик является их соразмерность динамике окружающего пространства, что достигается благодаря высокому потенциалу изменчивости материальных комплексов.

2.4 Мобильность и ресурсы в контексте меняющегося пространства

Мобильность и оседлость являются полюсами, структурирующими повседневность местных жителей. Вывод А. А. Сириной о том, что жизнь эвенкийских оленеводов и охотников базируется на сочетании динамического и статического способов организации среды (Сирина 2002), может быть экстраполирован и на сообщества северной Якутии. Перемещения осуществляются в районный центр, где сосредоточены привозные продукты, хозяйственные магазины, основные инфраструктурные объекты, аэропорт; мобильность проявляется в структуре хозяйственной деятельности – перманентных поездках на охоту, рыбную ловлю, собирательство ягод и грибов, поиск мамонтовых бивней и т. д. Следовательно, «оседлый» образ жизни предполагает активные перемещения. Без этих стратегий мобильности трудно представить современное арктическое село. Кроме того, местные рыба, оленина, пушнина становятся объектами регионального экспорта (ПМА 2019; 2021). Несмотря на советскую политику перевода кочевых народов на оседлость, мобильность людей, объектов, навыков, знаний не уходит, она оказывается составляющей частью современного образа жизни людей крайнего Севера (Konstantinov, Vladimirova 2006). Кроме того, вдали от крупных промышленных центров, многие элементы материальной культуры не вырабатываются на местах и доставляются извне, что усиливает значение мобильности в процессе освоения данного пространства (Larkin 2013).

Для анализа мобильности жителей северной Якутии был привлечен опыт информантов 1970–80-х гг. Уровень государственной поддержки в эти годы резко отличался от современного. Ностальгия по советскому (особенно брежневскому периоду) – характерный сюжет в нарративах представителей среднего и старшего поколений Жиганска, Аллаиховского района и Нижней Колымы (Гончаров 2020). Чаще всего ностальгия связана с оставшимся в прошлом отлаженным снабжением, высокой степенью мобильности населения, успехами в хозяйственной деятельности и устойчивой связью с «большой землей», откуда в Арктику поставлялись различные ресурсы. Информанты с гордостью и грустью рассказывают о том, как в 70–80-е гг. прошлого века они могли, минуя Якутск, улететь в Москву, откуда напрямую в Аллаиховский район приезжали учителя и другие высококвалифицированные специалисты. Частота и вариабельность авиасообщения привязывали местных жителей к большой стране, что

выражалось даже в таких ярких формах: «Наша нельма на столе у генсека была [у Л. И. Брежнева – Н. Г.]» (ПМА 2019).

В качестве примеров былого благоденствия информанты повествуют о случаях, когда жители южных регионов СССР впервые сталкивались с некоторыми видами тропических продуктов на севере Якутии: «В [19]70-ом году [мама] приехала с Краснодара. Она говорит, что в первый раз тут увидела ананасы... Снабжение вообще было просто... просто... У нас не было карточной системы, когда уже Россия... СССР на карточках сидели, конец 80-х, у нас не было такого... самое лучшее снабжение было», «...обеспечение было круглогодично. В Чокурдахе был магазин “Овощи и фрукты” круглогодичный. Действительно, я на себе помню. К нам арбузы привозили на вертолете... арбузы, виноград» (ПМА 2019). Жители Андрюшкино высказывались еще более ярко: «В то время, в 80–70-е годы, здесь Колыма вообще процветала, здесь был коммунизм. Коммунизм в прямом смысле этого слова. Привозили все. Снабжение было супер... Тут полностью со средней полосы России все ехали на Нижнюю Колыму» (ПМА 2021). Люди, занятые в оленеводстве, также отмечали высокий уровень технического обслуживания хозяйства. Однако документы (например, протоколы сессий сельского совета депутатов трудящихся) все же показывают наличие проблем снабжения в этот период. Так, в протоколе Олёринского сельсовета от 19 декабря 1972 года сообщается, что «охотникам не хватает корма для собак... У нас в отделении не хватает корма (сена) для коров и лошадей... В Колымторге в этом годе не завозятся нужные для населения товары, продукты» (Нижнеколымский районный архив. Ф. 7. Оп. I. Д. 47. Л. 47).

Практически в каждой рассказанной истории о хорошем снабжении и высоком уровне жизни в советский период фигурирует транспорт, который это снабжение обеспечивал. Наиболее распространенным средством мобильности был компактный самолет АН-2. Авиасообщение позволяло миновать труднопроходимый рельеф местности; частые и дешевые авиарейсы компенсировали отсутствие стабильных дорог и делали качество снабжения региона выше, чем на «материке». В настоящее время ситуация выглядит радикально иначе, особенно в Андрюшкино, поскольку авиарейсы стали дорогим и нестабильным средством мобильности. Социально-экономические условия населения Якутии с ее большой территорией во многом определяются состоянием воздушного транспорта. Следовательно, отсутствие действенных мер в этой сфере может привести к негативным социально-экономическим последствиям, как сообщают исследователи (Егорова, Березовская 2010: 91). Однако, основываясь на полевом материале, можно утверждать, что негативные последствия уже наступили, о чем постоянно говорят местные жители. Помимо проблем экономического характера, положение усугубляет износ авиатранспорта, выполняющего рейсы в северные районы Якутии. Многие информанты сообщали, что им страшно летать на самолетах такого качества.

В нарративах о прошлом водный транспорт как средство доставки ресурсов в регион появляется редко. Следует полагать, что это связано с преобладанием воздушного сообщения. Тем не менее, хоть и редко, но он упоминается. Нужно отметить, что, исходя из проведенных интервью, в 70–80-х гг. прошлого для транспортировки в Артику необходимых товаров использовались разные виды транспорта: для тяжелых грузов использовали автомобили и суда, для перевозки людей и грузов полегче – авиасообщение, в хозяйственных нуждах были актуальны трактора. Лодки и «Бураны» выступали основными средствами мобильности местного населения внутри района; кроме того, транспортную функцию выполняли олени, собаки и лошади. Для арктических территорий Якутии характерен феномен многодорожья, который предполагает комплексное использование возможностей мобильности с целью поддержания жизнедеятельности локальных групп, однако он подвержен сильному влиянию извне (Романова, Игнатьева, Алексеева 2021).

Кардинальное изменение потенциала мобильности людей и ресурсов после 1991 г. повлияло на стратегии жизнеобеспечения и восприятие пространства. Авиатранспорт стал крайне дорогим. Прежняя транслокальная инфраструктура оказалась подорвана и, соответственно, изменились социально-экономические реалии населенных пунктов. Преодолевающий географическую разнородность самолет уступил место автозимникам и водному транспорту, справляющимся с перемещениями по северным пространствам не так быстро и эффективно. Как сообщал информант из Андриюшкино: «Если снега много, то зимник открывается поздно. Три года назад в марте только зимник открылся [обычно это происходит в феврале – Н. Г.], потому что не могли пробиться, слишком много снега было... со Среднеколымска они начали где-то в феврале пробиваться и пробились только в марте. Они месяц пробивались. И из-за этого у нас... Они когда первую партию [топлива] привезли, у нас уже топлива оставалось на два-три дня, когда первая машина пришла. Все уже. И то мы температуру только поддерживали, в домах холодно было, везде холодно» (ПМА 2021).

Одной из ключевых проблем стало снабжение пищевыми продуктами, которое периодически находится под угрозой срыва: например, в 2013 г. в Аллаиховском районе из-за обмеления Индигирки был сорван северный завоз (Ситуация на Индигирке была беспрецедентной...). Если в Русском Устье и Колымском имеется постоянная связь с районными центрами по рекам, откуда можно вывозить продукты, доставленные самолетами или судами, то Андриюшкино в бесснежный период превращается, по словам многих информантов, в «остров»⁵¹. «Сами видите, какая у нас транспортная система сложная. Это мы щас только вот, три месяца вот так вот с внешним миром общаемся. Ездим туда-сюда. А так

⁵¹ Упоминание об «островной» идентичности северян см.: Агапов 2021.

все, с середины апреля, с конца апреля уже все, будут прилетать два раза в месяц вертолеты, и будем жить сами тут» (ПМА 2021). Похожая ситуация сложилась и в населенных пунктах Аллаиховского района. Так, для того, чтобы решить проблему снабжения в условиях бездорожья и отсутствия посадочной полосы для самолетов осенью 2021 года в село Чкалов сбросили 900 кг картофеля с самолета АН-2 на парашюте ввиду отсутствия у организации, отвечавшей за доставку продуктов, вертолета. По словам главы Береляхского наслега (центром которого является с. Чкалов), «жители довольны. Ждем второй рейс. Должны привезти фрукты... У нас на территории наслега имеется только вертолетная площадка. А как известно, авиаперевозка на вертолетах очень дорого обходится. Вот такие варианты завоза, тем более после положительного эксперимента, можно практиковать и в других труднодоступных районах». Подобную практику планировалось применить и в других труднодоступных населенных пунктах арктической Якутии⁵².

Открытие зимника многими местными жителями встречается с большой радостью, поскольку это событие означает наступление периода, когда в села привозят топливо для котельных и ДЭС, строительные материалы, пищевые ресурсы и пр.; зимник кардинально увеличивает связь населенных пунктов с множеством объектов пространства и, что особенно актуально, с другими поселениями. Это создает возможность увидеться с родственниками, получить медицинскую помощь в районном центре, отправиться в Якутск. Кроме того, зимником из районов вывозится выловленная рыба, составляющая важный пункт экономической деятельности жителей региона. Население Жиганского района в зимний период получает возможность на личном транспорте отправиться в Якутск, не завися от условий сторонних перевозчиков.

Автозимник интенсифицирует социальную и экономическую активность, требует напряжения сил для того, чтобы успеть завезти и вывезти ресурсы, съездить в отпуск или на лечение, отправиться в гости и пр. Информанты из Андриюшкино сообщают: «Ну, вот индивидуальные предприниматели у нас хорошо работают, но они занимаются в основном торгово-закупочной деятельностью. Магазины у нас, они сами завозят товары почти на год. Вот щас у нас короткий зимник, и в это время почти годовой запас продуктов питания, товары первой необходимости, стройматериалы... в общем, они стараются завезти все на год. Кроме этого, конечно, государство тоже завозит 13 видов продовольствия первой необходимости: мука, сахар, макаронные изделия и т. д. Это все завозится, у нас есть такая компания в Якутии “Якутоптторг”, вот она занимается завозом продовольствия. Там наценки и надбавки

⁵² В якутское село сбросили почти тонну картошки с «кукурузника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211012/kartoshka-1754199110.html?ysclid=li4xk7qimq84088105> (дата обращения: 26.04.2023).

небольшие, ну и вот... на год как бы все это дело завозится. А то, что другое, например, хозяйственные товары, бытовые – это все только предприниматели завозят. Государственного это нет. Только зимником» (ПМА 2021). Зависимость мобильности от агрегатного состояния водоемов и, в целом, от материального состояния природы, определяет разные стороны жизни населения. Например, из-за транспортных проблем многие жители в Андрюшкино не могут вовремя получить медицинскую помощь; глава села сообщала, что большинство детей до окончания школы не имеют опыта выезда за пределы района.

Трансформации в инфраструктуре, связывающей поселки с ресурсными центрами, в постсоветский период привели к изменению восприятия окружающего социального пространства и административных границ. Некоторые информанты считают, что рациональным шагом стало бы отнесение Андрюшкино, находящегося в Нижнеколымском районе, к Среднеколымскому району, поскольку расстояние до Среднеколымска от села 237 км, до Черского 419 км, причем снабжение, медицинское обслуживание, уровень цен и иные социально-экономические показатели в Среднеколымске более привлекательны для андрюшкинцев; к тому же зимник на участке Среднеколымск–Андрюшкино открывается раньше и отличается более высоким качеством дороги.

В конце апреля, с оттаиванием зимника, связь жителей района с внешними локациями затрудняется. В марте и апреле 2021 года в Андрюшкино находились фуры, которые стояли там с прошлой весны. Перевозя из Якутска на Чукотку промышленные материалы, они сломались неподалеку от села, и у них уже не было времени для починки (зимник скоро закрывался), что вынудило водителей оставить машины до следующего зимнего сезона. Когда я находился в Андрюшкино, дальнобойщики, привезя необходимые инструменты, занимались починкой автомобилей, чтобы, наконец, вывезти их из села. Данный пример показывает, как трансформации природной среды открывают или, наоборот, закрывают возможности функционирования различных форм материальных комплексов, связанных с транслокальными отношениями.

Кардинально иное восприятие пространства было зафиксировано в Колымском, где существует прямое сообщение с районным центром по Колыме: летом по воде, а зимой по гладкой поверхности Стадухинской протоки, являющейся частью Колымы, которую некоторые местные жители называют «автобаном»⁵³. В. Н. Тырылгина, возглавляющая местный краеведческий музей, в ходе нашей беседы рассказывала о том, что у них в селе часто останавливаются туристы, путешественники и исследователи не только из России, но и из

⁵³ Дело в том, что участки дороги от Среднеколымска до Андрюшкино и от Андрюшкино до Колымского пролегают по пересеченной местности, что создает определенный дискомфорт в пути, в то время как движение по гладкой поверхности Колымы позволяет пассажиру расслабиться и даже поспать.

других стран. Ее вдохновляет факт того, что Колымское притягивает к себе людей, которые, привнося что-то новое в арктическую повседневность, еще и «увозят какую-то частичку...села». Информантка заключила мысль следующими словами, отражающими ее восприятие места Колымского в мировом масштабе: «Можно в своем маленьком населенном пункте и даже больше, чем какой-то там, кто живет в мегаполисе, вот так вот каждый день ощущать этот пульс планеты... И этим интересна жизнь» (ПМА 2021). Таким образом, река, создавая возможности транслокальных перемещений, влияет и на способ восприятия пространства, на мироощущение людей. Ф. Краузе писал, что разные природные сезоны не просто обуславливают определенные эмоции, но включают их в себя в качестве типичных для конкретного времени года эмоциональных состояний местных жителей (Krause 2013: 19). Как показывают приведенные примеры, характер этой обусловленности зависит от того, в какие контексты деятельности окружающая среда включает местных жителей и как это ими воспринимается.

В Русском Устье река также играет позитивную роль в построении транслокальных связей: по ней люди перемещаются в районный центр, откуда отправляются в Якутск и далее в иные регионы. Летом и в начале осени по Индигирке в район приходят рефрижераторные суда, которые забирают выловленную рыбу и доставляют продукты; зимой река становится важным логистическим компонентом, соединяющим Аллаиховский район с Якутском по земле. Пространство в Русском Устье и Колымском воспринимается местными жителями без таких явных контрастов летнего/зимнего режимов, как в Андрюшкино.

В локальном масштабе сезонностью обладают не только природные условия, определяющие ритмы промысловой деятельности, но и вся система жизнеобеспечения, сильно зависящая от природных ритмов, также имеет циклический характер функционирования. С целью реализации модернистского проекта освоения Севера, частью которого являются арктические населенные пункты, требуется прочное, консистентное и однородное основание (Ingold, Simonetti 2018). Снабжение северных труднодоступных районов Якутии в настоящее время осуществляется в основном посредством нестабильных транспортных магистралей (автомобильных дорог и водных артерий) и затруднено сезонными трансформациями природной среды (Рисунок 29). Поэтому и степень освоения пространства подвержена значительным циклическим колебаниям. Более того, проблема сезонности транспортной доступности и, как следствие, снабжения ресурсами, актуальна не только для труднодоступных арктических районов, но и для самого Якутска (Яковлев 2019).

Итак, в качестве основных факторов нестабильности освоения пространства местными жителями были выделены экологические и экономические условия, характеризующиеся экономико-политическими сдвигами, низкой рентабельностью производственной деятельности

в регионе, относительно низким уровнем зарплат и дотаций, сезонными природными изменениями, потеплением климата и пр. Для анализа адаптации к меняющемуся пространству был предложен взгляд, в соответствии с которым региональные риски и дефициты рассматриваются не как оппозиция устойчивости и развитию, а в качестве параметров, которые структурируют систему жизнеобеспечения локальных сообществ. Исходя из этого аргумента, были проанализированы ключевые аспекты взаимодействия людей с водной, земной и воздушной средами. Стратегия деятельности в условиях неоднородности и подвижности пространства предполагает интенсивную динамику, разветвленность и сезонную темпоральность хозяйственных практик. Пространство, в котором проживают сообщества юкагиров, чукчей, эвенов, эвенков, якутов, русских и других групп, находится в постоянном процессе изменения. Его социально-экономические и экологические метаморфозы неотрывны от локальных и транслокальных комплексов жизнеобеспечения и приводят к тому, что, физически находясь в одних и тех же территориальных границах, местное население в течение года оказывается в среде с очень разными свойствами и возможностями практической деятельности. Аккумуляция разных стратегий деятельности, нестабильность и большая вариабельность актуальных участков пространства и насыщенных активностью отрезков времени – важнейшая черта освоения пространства локальными сообществами.

Глава 3. Практики использования ресурсов

Нестабильность окружающей среды формирует различные стратегии адаптации локальных сообществ. В настоящее время структура практик населения северной Якутии выходит далеко за пределы традиционных видов хозяйственной деятельности. Важнейшей задачей изучаемых социальных групп является поддержание исправного функционирования инфраструктурных объектов (Параграф 3.1); кроме того, ключевыми факторами освоения пространства выступают полифункциональность вещей (Параграф 3.2) и поликомпетентность местных жителей (Параграф 3.3), которые реализуются в виде ритмически организованных концентраций акторов жизнеобеспечения (Параграф 3.4). Глава посвящена анализу перечисленных аспектов освоения пространства.

3.1 Инфраструктура в локальном масштабе

В арктических селах Якутии, испытывающих сложности со снабжением, актуальной является проблема экономии ресурсов, а также стратегии их рационального распределения в рамках локальных сообществ. Исследователи пишут о необходимости повышения автономности жителей северных территорий, для которых зависимость от крупных ресурсных центров выступает сдерживающим фактором социально-экономических позитивных преобразований (Давыдов, Давыдова 2022), отмечают необходимость создания релевантной материальной среды, учитывающей как мобильные, так и стационарные формы освоения пространства (Сосин, Тобуков 2009). Ключевую роль в снабжении и перераспределении ресурсов играет инфраструктура. В рамках своей активности местные жители используют предоставляемые инфраструктурой ниши или аффордансы.– возможности для осуществления практической деятельности. Именно инфраструктура обеспечивает подобный потенциал в арктических регионах, причем она предоставляет местным жителям не только физический доступ к ресурсам. Обеспечивая циркуляцию людей и материальных объектов (Урри 2012а; 2012b), инфраструктура сама является ресурсом в широком смысле. Она позволяет местным сообществам увеличивать скорость перемещения, создает возможности интеграции и развития экономических связей (Harvey, Кнох 2012). Инфраструктура выступает важным политическим ресурсом (Larkin 2013; Harvey, Кнох 2015), формируя коммуникацию с районными и окружными органами власти и создавая таким образом возможность учета местной специфики в рамках подготовки административных решений. Заброшенная инфраструктура служит одним из важнейших источников строительных материалов и топлива в северных регионах с дефицитом снабжения (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022).

Описанные в предыдущей главе природные условия создают дополнительные риски для жилищно-коммунальных служб, электростанций, систем подачи воды, котельных и пр., к которым необходимо постоянно адаптироваться местным жителям, корректируя состояние

инженерных систем. Развитие инфраструктурных объектов в арктической зоне является не просто переносом технических конструкций и систем связей, характерных для города, в сельскую изолированную местность (Mol, Law 1994). Призванные обеспечивать «прогресс», «свободу», «развитие» людей (The Promise of Infrastructure 2018: 3), в Арктике инфраструктурные системы требуют повышенного внимания со стороны местных жителей, в том числе непрофессионалов, которые помогают достраивать ее до необходимых кондиций (Давыдов, Давыдова 2021). И. Копытофф писал о том, что вещи обладают «культурной биографией» (Kopytoff 1986), однако для того, чтобы лучше понять, как жители северной Якутии используют инфраструктурные объекты, не стоит забывать о материальной «жизни» вещей, которая является не самостоятельно существующей абстрактной категорией, а выступает процессом и результатом совокупности отношений в пространстве (Давыдов 2019).

Успешно выполняющие свои функции в городской техногенной среде, инфраструктурные сооружения часто не работают в условиях Арктики или дают сбои, что приводит к положению, при котором выдающиеся технические характеристики оказываются менее значимы, чем степень соотнесенности инженерного сооружения с климатическими условиями, подвижностью почвы, многолетней мерзлотой, возможностью автономного исправления неполадок силами местных жителей. Функционирование объектов инфраструктуры сильно зависит от состояния дорог в регионе. Транспортная доступность влияет на наличие ресурсов и на их состав. Например, в Андриюшкино для котельной из Среднеколымска завозят сырую нефть, в то время как в соседнем селе Колымском котельная работает на угле. Если уголь в Колымское доставляют по реке в начале лета, то транспортировка нефти в Андриюшкино возможна только с появлением автозимника в январе-феврале. Разные ресурсы, в зависимости от степени территориальной доступности, требуют особых стратегий их перемещения.

Кроме того, объекты инфраструктуры вплетены в сезонную изменчивость региона, что предопределяет неравномерность их функционирования во времени. Сотрудники котельных и ДЭС называют наиболее трудным периодом работы зиму. Начальница жилищно-коммунального хозяйства в Русском Устье сказала, что для более полного понимания локальных особенностей работы ЖКХ, нужно приезжать зимой, когда учащаются случаи поломок, а нагрузка на производственные мощности и рабочих возрастает. В самые холодные месяцы сотрудникам приходится использовать все возможности контроля коммуникаций и быть максимально сконцентрированными для того, чтобы обеспечивать штатное функционирование инфраструктурных объектов, а, в случае необходимости, максимально оперативно отреагировать на поломку. Сотрудник ЖКХ в с. Андриюшкино сообщал о зимнем периоде: «Да, мы на максимальной мощности работаем тогда. Да, тогда котлы на полную

работают. Че-то с одним котлом случилось, тогда сразу напряженка у нас, а щас-то [конец марта – Н. Г.], если один котел, че-то случилось, можно его вырубить и спокойно отремонтировать. А зимой это проблема. Три котла. Было бы четыре котла, вот тогда проблем не было бы. Один у нас постоянно в резерве стоял бы. А так на зиму у нас резерва нету по котлам. По насосам – да, у нас, насос резервный... они дублируются: горячая, холодная вода, все они дублируются, стоят по два, готовые... с одним че-то случилось, сразу второй врубается» (ПМА 2021). Впрочем, такая ситуация «работы на пределе» характерна не для всех инфраструктурных служб. Глава ДЭС в Андриюшкино отмечал, что в зимний сезон нагрузка поднимается именно «на дизелях», но топлива, рабочей силы и вырабатываемой энергии вполне хватает. Наименее напряженным периодом, с точки зрения функционирования инфраструктурных комплексов, все сотрудники ЖКХ и ДЭС называют летние месяцы. Впрочем, в это время работа не затихает, поскольку появляются новые задачи, связанные с подготовкой к зимнему сезону.

Производство отдельных частей инфраструктурных конструкций в регионе персонифицировано. Местные жители знают, кому принадлежит определенная постройка и как человек ее использует. Следовательно, процесс диагностики и отладки инфраструктуры инкорпорирует социальные отношения и практики населения. Когда сотрудники ЖКХ в Русском Устье искали пропавшее в общественной бане давление, они проверяли разные участки теплосети, и одно из звеньев было представлено гаражом Климентия Киселева; поэтому работники жилищно-коммунальной службы, обсуждая между собой по телефону этот участок, определяли его через имя конкретного человека: «мы у Климентия», «это Климентий» и пр. Личное знакомство сотрудников жилищно-коммунального хозяйства со всеми жителями села и знание того, как и какие материальные объекты они эксплуатируют, позволяет коммунальщикам рассматривать функционирование инфраструктуры не только в качестве механической цепочки, но и в виде интегрированной в социальные практики конкретных людей материальности, испытывающей влияние с их стороны.

Несоответствие инфраструктурных объектов окружающим условиям ведет к проблемам в их работе. Как отметил в 2015 г. представитель Минсельхоза Якутии, посетивший пошивочный цех в с. Колымское, сотрудникам цеха стоит обращать пристальное внимание на характеристики приобретаемого оборудования, потому что иногда проблема заключается не в отсутствии необходимой техники, а в ее несоответствии локальным условиям и задачам⁵⁴. Пример недостатка внимания, уделенного местным природным особенностям при создании важнейшего стратегического объекта, представляет собой взлетно-посадочная полоса

⁵⁴ Одежда для оленеводов: кухлянку не заменить пуховиком [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1sn.ru/odezda-dlya-olenevodov-kuxlyanku-ne-zamenit-pukhovikom?ysclid=li4xmizfh5158926503> (дата обращения: 26.04.2023).

аэродрома в Черском. Она расположена под холмом, с которого в весенний период стекает талая вода, приводя к размоканию полосы, а, следовательно, к задержкам и отменам рейсов. Кроме того, в связи с тем, что она находится ниже пойменной части реки, происходит ее ежегодное подтопление р. Колымой в период паводков; к тому же парализовать работу аэропорта могут и сильные дожди, которые приводят к образованию луж на ВПП⁵⁵.

Приведенные ситуации могут быть дополнены примером эксплуатации модульной дизельной электростанцией в Русском Устье, возведенной в 2013 г. в качестве подарка на юбилей «старинного села»⁵⁶. Как сообщали местные жители, им позиционировали электростанцию в качестве прорывного технического сооружения, построенного по проекту известного якутского инженера. Предполагалось, что новая ДЭС будет удобнее в управлении, более эффективна и безопасна по сравнению с прежней энергетической установкой, из которой сотрудники съехали после завершения подготовки новой электростанции. Однако инженерный объект оказался несоответствующим местным природно-климатическим условиям, поскольку при его разработке и установке не были приняты во внимание особенности локального рельефа, что привело к образованию огромных дыр под забором, ограждавшим модульную электростанцию (вопросы у местных жителей вызывал и факт установки забора: «Зачем он нужен, ведь здесь все свои, от кого ограждаться?»); ворота буквально висели в воздухе, пройти было проще под ними, чем сквозь них (Рисунок 30). Другая конструктивная особенность нововведения заключалась в том, что блок-модули и операторское отделение находились в разных помещениях. Следовательно, чтобы проверить техническую исправность модулей, сотруднику нужно было выходить на улицу, преодолевать помехи в виде дождя и снега, и только после этого дизелист попадал в помещение с генераторами. Стены и крыша пространства, в котором располагались последние, имели небольшие щели и зазоры, приводившие во время сильных снегопадов к образованию сугробов внутри рабочего отделения. Совокупность негативных факторов мешала нормальной работе инфраструктурного объекта, поэтому было принято решение о переезде обратно в здание старой ДЭС, построенное в советский период, но которое, тем не менее, в большей степени соответствовало местным природно-климатическим условиям (ПИМА 2019).

⁵⁵ В Черском подтопило взлетно-посадочную полосу аэропорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sakhalfelife.ru/v-cherskom-podtopilo-vzletno-posadochnuyu-polosu-aeroporta/?ysclid=li4xndrmlw602773465> (дата обращения: 26.04.2023); Размокание взлетно-посадочной полосы и борьба с лужами в филиале «Аэропорт Черский» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aerosever.com/2020/09/razmokanie-vzletno-posadochnoj-polosy-i-borba-s-luzhami-v-filiale-aeroport-cherskij> (дата обращения: 26.04.2023).

⁵⁶ В старинном селе Русское Устье в Арктике запущена новая дизель-электростанция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lsn.ru/print.php?id=82507> (дата обращения: 26.04.2021; на момент обращения 29.05.2023 страница не найдена).

Похожая история произошла и с новой котельной. Построенная, как утверждали информанты, по современным технологиям, она несколько раз выходила из строя, причем один случай пришелся на новогоднюю ночь, в результате чего глава ЖКХ была вынуждена покинуть родных перед боем курантов и стремительно идти на работу. В итоге прежнюю котельную оставили в резерве для подстраховки, хотя она и находится в зоне риска из-за прогрессирующей эрозии почв. Старое здание в большей степени связано с местными хозяйственными практиками: жители используют его как мастерскую для изготовления актуальных в хозяйстве деталей (поскольку там имеются инструменты и удобное для работы место), в нем находится единственный в Русском Устье душ, о чем с гордостью сообщали сотрудники ЖКХ; иногда его используют как помещение для вяления рыбы. Современный инфраструктурный комплекс, в отличие от старого, используется исключительно по назначению. Директор ЖКХ категорично утверждала, что не допустит в новой котельной иных видов деятельности, не связанных со сферой ЖКХ, и с трудом пропускает на территорию посторонних, безапелляционно аргументируя: «Это стратегический объект» (ПМА 2019). Однако, даже если бы директор позволила использовать котельную под дополнительные нужды местных жителей, вряд ли это имело бы успех, поскольку сама планировка современной постройки сфокусирована на выполнении одной задачи при минимуме функциональных излишеств.

Залогом штатной работы инфраструктуры является ее отлаженная связь с окружающим пространством, что проявляется не только в визуально фиксируемых соотношениях материальных объектов, но и в неуловимых глазом соотношениях, которые угадываются лишь по косвенным признакам. Этот тезис может быть проиллюстрирован на примере функционирования интернета в регионе. Нестабильный интернет приводит к многочисленным проблемам, из-за которых местные жители не могут свободно покупать авиабилеты, приобретать товары, участвовать в школьных онлайн конференциях или полноценно проходить дистанционное обучение, которое стало особенно актуальным в период пандемии COVID-19, и т. д. Глава Якутии А. С. Николаев в 2020 г. подчеркивал в условиях необходимость интернета для арктических районов республики, который актуален в первую очередь для дистанционного обучения, телемедицины, банковских, государственных и муниципальных услуг. Особое значение интернета в Арктике он связывал с отсутствием в регионе круглогодичного транспортного сообщения при огромных расстояниях между населенными пунктами⁵⁷.

Исследователи выделяют ряд причин слабого развития инфотелекоммуникационных технологий в Российской Арктике: а) климатические условия; б) слабо развитая транспортная и энергетическая инфраструктура; в) изменения в условиях распространения радиоволн и помехи

⁵⁷ Второй Севморпуть – оптоволоконный, заинтересует всю Арктику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/article/3168667?ysclid=lic389vmlb391109463> (дата обращения: 25.05.2023).

в системах связи и навигации, создаваемые ионосферой; г) геоиндуцированные токи; д) низкая численность населения и, следовательно, потребителей услуг связи; в результате частные компании не желают подвергать себя излишним рискам и вкладывать в северные регионы большие средства (Шемякин, Датъев 2014: 38–39).

На местах люди решают проблему по-разному. Некоторые оплачивают дорогостоящие тарифы (на что не у каждого жителя региона имеются средства), существуют и сугубо «пространственные» стратегии улучшения качества соединения, одну из которых мне удалось наблюдать в селе Ойотунг на берегу р. Индигирки. Хозяин дачного участка пригласил меня подняться по лестнице, ведущей на крышу его дома. Оказавшись наверху, я увидел небольшую лавочку, на которой лежал электронный планшет. Как объяснил информант, такое необычное расположение скамьи и девайса обусловлено тем, что в Ойотунге с этого места можно установить относительно хорошее интернет-соединение, что становится нерешаемой задачей для человека на земле. Похожие попытки «найти связь», которая бы позволила совершить телефонный звонок, делал С. И. Портнягин, с которым мы возвращались на лодке из Русского Устья в Чокурдах. Во время проблем с лодочным мотором он несколько раз причаливал, поднимался на высокий берег, чтобы найти сигнал сотовой связи и сообщить знакомым о поломке.

В настоящее время многие используют спутниковые тарелки. Их устанавливают не только в населенных пунктах, но и на промысловых участках, поскольку это позволяет смотреть телепередачи вне поселка. Информант, проживающий в летнее время на участке «Кресты» Аллаиховского района, сказал, что специфика распределения радиосигналов в Арктическом регионе предполагает особый угол наклона тарелки, отличающийся от более низких широт: «В городе, вон, например... В центральных городах антенны вот так стоят – в небо смотрят, а у нас посмотрите – они же вот так стоят [направлены в сторону горизонта – Н. Г.] – край земли только ловят. [Чтобы] поймать этот спутник». Некоторые промысловики и оленеводы приобретают спутниковые телефоны и берут их с собой, когда отправляются в тундру или другие труднодоступные и безлюдные места. Спутниковая связь позволяет сделать звонок, не завися от операторов сотовой связи, однако высокая стоимость данного типа связи делает их использование крайне редким. Оленеводческие бригады в качестве средства связи еще с советского времени пользуются рациями. В Русском Устье информанты сообщали о том, что в советский период на рыболовецких участках тоже функционировали рации, однако в настоящее время у рыбаков я их не встречал.

Коммуникативная сеть местных жителей, а также способы их взаимодействия с другими локальностями сильно меняются во времени. Находящийся ныне на пенсии главный связист

Чокурдаха поделился деталями, отражающими процессы развития систем связи в Аллаиховском районе:

Инт. А вы, когда связистом работали, что входило в ваши обязанности?

Инф. Все обеспечение АТС [Автоматическая телефонная станция – Н. Г.]. Связь с наслегами.

Инт. Вы прокладывали туда или связь уже была?

Инф. Нет, конечно, до этого же связь была радиорелейная. Как по тундре проложишь столбы-то? А потом сделали спутниковую связь, и стало нормально. Ну, а раньше всякое было – телеграф, телефонист, много чего делали. Связь тут 500 Ка называлась. Там вояки были, через них наша связь шла. У них тропосферная – туды-сюды. Вообще, в горах отсюда, огромная гора... Ну, там часть стояла воинская, связисты, радиорелейная станция, тропосферная станция, наши там стояли. Чокурдах... Ну, тропосферная – это волны по тропосфере идут, делаешь друг с другом прямую видимость. Поэтому на высоких точках ставят. Там антенны огромные, 60 метров антенна высота, а их четыре штуки на четыре стороны... Мы к ним подключались. До Якутска. А потом уже спутники поставили. Теперь сами через спутники работаем... Спутник решил эти проблемы. А до этого понятие было – «прохождение радиоволн» или нету прохождения. С Береляхом нету связи месяц – ну, что сделаешь – то ли сломались, то ли что, приедешь, помотришь – все работает вроде, [но] связи нет. Потом прорежет – и как с вами разговариваю стою. А то потом «але-але», и пропали.

Инт. А что надо, чтоб интернет был хороший – прокладывать волокно?

Инф. А как в тундре проложишь? Нет, ну, по идее, да, в Якутске волокно, а здесь нет. Только через небо.

«Только через небо» – важная фраза, говорящая о многослойности окружающего пространства, которая не утратила значения со времен «мифологического восприятия мира», но теперь включается в комплексы практического освоения среды. Несмотря на то, что бывший связист из Чокурдаха скептически относится к идее проведения в арктической Якутии оптоволокну, многие информанты, среди которых были и представители районных администраций, говорили, что возлагают большие надежды на данный способ получения качественного интернет соединения и ждут проведения волокна из Якутска. Факт того, что в 2020 году было завершено строительство волоконно-оптической линии связи в арктическом поселке Оленек, а в 2022 году в поселке Саскылах Анабарского района Якутии (крайний

северо-западный арктический район республики), говорит о вероятности появления оптоволоконна и в остальных арктических районах⁵⁸.

Для решения этой проблемы государственные и частные компании предлагают разные стратегии развития. Например, в 2020 году обсуждался международный проект «Arctic Connect» (при участии компании «Мегафон», финского оператора инфраструктурных проектов Cinia Group, японских и скандинавских компаний и иных международных финансовых организаций), в рамках которого планировалось проложить трансарктический оптоволоконный кабель, дублирующий маршрут Северного морского пути, от Финляндии до Японии с 15-ю отводами в арктические районы России⁵⁹. В апреле 2022 г. для преодоления «цифрового неравенства» северной Якутии между правительством Якутии, ФГУП «Морсвязьспутник» и региональным оператором АО «АрктикТелеком» было подписано соглашение о взаимодействии и сотрудничестве для развития телекоммуникационной инфраструктуры в Арктической зоне Якутии. В рамках этого соглашения планируется реализация проекта «Полярный экспресс», который предполагает проведение по дну океана волоконно-оптической линии связи от Мурманска до Владивостока с подключением некоторых населенных пунктов Якутии к этой линии⁶⁰.

Однако, несмотря на декларируемые и реализуемые проекты и возлагаемые надежды исследователей на интернет, который способен стать «единственным пространством “виртуального диалога” и движения северных сообществ, жителей отдаленных сельских местностей» (Романова, Игнатьева, Алексеева 2021: 124), в период полевых исследований подавляющее большинство пользователей интернета в районах высказывало недовольство его качеством. Сотрудник ДЭС из Колымского нашел оригинальный выход из ситуации «цифрового неравенства» и написал письмо в компанию инженера и предпринимателя И. Маска «SpaceX» для того, чтобы подключиться к инициированному бизнесменом проекту «Starlink», целью которого является обеспечение доступом в интернет всех жителей Земли на основе многоспутниковой низкоорбитальной системы связи (Пехтерев, Макаренко, Ковальский 2022). На момент полевой работы весной 2021 года информант ожидал ответа в надежде получить технический комплект абонента для приема качественного сигнала от спутников.

⁵⁸ Высокоскоростной интернет пришел в Анабарский район Якутии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ysia.ru/vysokoskorostnoj-internet-prishel-v-anabarskij-rajon-yakutii/?ysclid=li4xsw5cj1973323951> (дата обращения: 26.04.2023).

⁵⁹ Второй Севморпуть...

⁶⁰ Второй Севморпуть...; В арктических районах Якутии продолжается строительство волоконно-оптических линий связи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3298150?ysclid=li4xtmzy7n915874979> (дата обращения: 26.04.2023).

Приведенные примеры показывают, что эффективность используемых предметов и электронных устройств связана не только с их внутренними свойствами и комбинациями между собой в локальном масштабе. Актуальным оказываются широкие пласты компонентов окружающего пространства, в том числе не фиксируемые визуально и обнаруживаемые лишь по исправной работе. Излучение, пронизывающее воздушные слои, имеет локальные особенности, предполагающие соблюдение нюансов взаимодействия с ними через адаптацию технических средств к физическим свойствам воздушной среды. Инфраструктурный объект, будучи конструктивно самостоятельным комплексом, в процессе эксплуатации всегда входит в разные группы отношений. В условиях дефицита ресурсов и кадров, нормализация работы инфраструктуры достигается во многом благодаря ее вплетенности в окружающий социальный, материальный и экологический контекст, поскольку это позволяет минимизировать энергетические затраты и сонастроить технические объекты и окружающую среду для достижения необходимых свойств объектов сельской инфраструктуры (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022; Humphrey 2005: 39). Следует подчеркнуть, что данное соотношение объектов и среды имеет не статичный, но динамический характер, его требуется постоянно поддерживать.

3.1.1 Повседневные практики использования и отладки инфраструктурных объектов

В селах арктической Якутии удастся без профессиональной подготовки определить критическое состояние некоторых участков теплосети: по возникающим прорывам воды, искривлениям водопроводных конструкций, коррозии и другим характерным маркерам. Типичными для местных реалий являются подобные высказывания: «Эта трасса гнилая, в землю врылась уже, лежит она в земле, гниет... Одна трасса должна 10 лет стоять, это максимум, 5 лет... если в хорошем состоянии, до 10 лет она может стоять. Ну, где-то около 5 лет – нужно менять уже, а вот эта трасса у нас стоит... через 2–3 года начинает прорывать уже, потому что в земле лежит, гниет. Труба-то тоже гниет, если она в сырости все время лежит» (ПМА 2021). Изношенность, аварийность, потенциальная угроза разрушения функционирующей цепи создают повышенное социальное внимание и, соответственно, актуализируют отношения между людьми и материальными объектами, что было подробно исследовано на индийском материале Н. Анандом (Anand 2011).

Кроме обеспечения тепла в жилых помещениях, служба жилищно-коммунального хозяйства в Русском Устье подает холодную воду к домам местных жителей, где последние наполняют специально установленные бочки. Такой способ пополнения запасов воды очень удобен, потому что в селе отсутствует холодное водоснабжение, а в квартирах имеется лишь техническая вода из системы центрального отопления, причем в период отключения отопления она отсутствует. Самостоятельный забор воды из реки осложняется тем, что село расположено на крутом берегу, поэтому подъем грузов требует больших усилий (Рисунок 31).

В связи с гибкой регламентацией профессиональных обязанностей, иногда подача воды не производится в назначенный день. Были случаи, когда сотрудник ЖКХ не смог исполнить возложенную на него обязанность по обеспечению котельной и местных жителей водой, за что подвергался критике со стороны своей сестры. Она корила брата за то, что он, не закачав воду в село, нарушил ожидания и планы местных жителей (ПМА 2019). Этот пример является показательным для рассматриваемых населенных пунктов, поскольку отражает большое значение действий одного человека для всего сообщества и еще раз подчеркивает неотрывность эксплуатации технических объектов от социальных отношений (Humphrey 2005). При отсутствии бесперебойного и автономного механизма, направленного на удовлетворение основных потребностей местных жителей, в процесс производства пространства интенсивно входят индивидуальные особенности человека, черты характера, привычки, которые через деятельность отражаются на жизни других людей; возрастает значение человеческого фактора.

В предотопительный сезон сотрудники ЖКХ в Русском Устье уделяют пристальное внимание состоянию инфраструктуры и перманентно осуществляют технические работы на разных участках сети центрального отопления. Они посещают квартиры местных жителей, чтобы проверить подачу горячей воды и выпустить воздух из батарей для нормализации работы теплосети. Дружеские и родственные отношения большинства жителей села упрощают доступ коммунальщиков в квартиры местных жителей, в которые они могут заходить для проведения сантехнических работ даже в отсутствие хозяев. Переход к зимнему режиму работы инфраструктуры включает в себя целый набор задач. Одна из них заключается в подготовке к использованию общественной бани. На примере подготовки отопительного сезона в Аллаиховском улусе и поиска пропавшего в трубах давления могут быть проанализированы способы «тонкой настройки» (Bereznitsky 2022) инфраструктуры, то есть локальные повседневные практики поддержания ее в исправном состоянии. В сентябре 2019 г. сотрудники русскоустыинского ЖКХ столкнулись с проблемой отсутствия давления в трубах общественной бани. Для его обнаружения коммунальщикам приходилось в течение нескольких дней совершать обход разных участков теплотрассы, определяя наличие/отсутствие необходимого уровня давления в трубах. Каждый из этих участков вносит особый вклад в общее состояние теплотрассы, и, если один из них выходит из строя, это сказывается на остальных звеньях. Диагностика одного участка, предполагающая открытие/закрытие потока воды, требует оперативной перенастройки работы котельной, для чего глава ЖКХ во время проверки очередного звена цепи звонила оператору котельной и требовала скорректировать режим мощности. Следует отметить, что поиск давления представляет собой не рутинное механическое действие, а, скорее, аналитический и творческий процесс, предполагающий построение гипотез о наиболее вероятных проблемных местах и выработку стратегии

устранения поломок. Параллельно возникают дополнительные задачи и выявляются иные неполадки.

Для решения возникающих проблем коммунальщикам необходимо иметь представление не только о конфигурации инфраструктуры и способах ее функционирования, но и о том, как деятельность местных жителей влияет на нормальную работу всей сети. Кроме того, важна способность сотрудников принимать решения здесь и сейчас, в зависимости от быстро меняющихся обстоятельств. Например, после того, как работник ЖКХ открутил вентиль на одном из участков теплотрассы, его коллеги встревожились из-за возможных последствий такого действия. В результате мастер участка, решив перестраховаться, громко сказала: «Закрой! Лучше закрой ее!». После длительных обследований и манипуляций сотрудникам удалось устранить возникшие проблемы.

Давление в трубах конструируется не только посредством налаживания технических систем, но и благодаря социальному «давлению» (Anand 2011). Деятельность ЖКХ связана с текущими и будущими потребностями и действиями жителей населенных пунктов. Она является важнейшим компонентом локальных практик. По причине нехватки специалистов важным оказывается привлечение к работе жилищно-коммунального хозяйства и ДЭС односельчан, официально трудоустроенных в других сферах, но, в силу профессиональной компетентности, способных оказать помощь в случае необходимости (ПИМА 2019).

Еще одним примером, показывающим специфическое региональное проявление материальности инфраструктурных объектов, являются *блуждающие токи*, которые частично дестабилизируют работу котельной и снижают ее эффективность. По словам старшего мастера ЖКХ в с. Колымское, современные производители оборудования для котельных не учитывают климатических особенностей высоких широт. Это, в частности, проявляется в том, что котлы и трубы изготавливают из относительно тонкого слоя металла, который с легкостью подвергается коррозии, в результате чего в нем образуются дыры и трещины. Немалую роль в разрушении конструкций играют блуждающие токи, выступающие следствием нестыковки инфраструктурных объектов и локальных природных условий. Так, для нормального функционирования котельной и теплотрассы требуется обеспечить качественное заземление используемых конструкций, что в условиях северной Якутии затруднено из-за многолетней мерзлоты. Следовательно, когда сотрудники ЖКХ хотят произвести заземление, у них выходит, скорее, «заледенение», поэтому актуальная в более южных широтах стратегия действий на Крайнем Севере дает сбой.

Информанты сообщают: «Если раньше в котлах были толстостенные трубы, щас трубы делают тонкие. Обосновывают они [производители котлов – Н. Г.] это тем, что у тонких труб... теплоотдача лучше, но они не учитывают тех факторов, что у нас на Крайнем Севере

заземление фактически не работает, у нас вечная мерзлота. Если летом заземление какой-то период может работать, то зимой оно не работает...». Следовательно, негативный эффект усиливают изменения в материалах, используемых для производства комплектующих инфраструктурных объектов. В незаземленной системе возникает блуждающий ток, который перемещается по металлическим магистралям, «ищет выход... начинает проедать вот эту всю систему». Мастер участка рассказывал, что по этой причине он «трубы... каждую неделю латал: там пробьет, там... трубы через каждые 15-20 см [имели дыры]». Объясняя механизм действия блуждающих токов, информант сообщал следующее: «Знаешь, что в розетке два провода: ноль и фаза?.. Ноль ты будешь трогать, она тебя не стукнет. Именно бьет фаза. Вот берешь фазу, лампочку и провод второй на батарею ложишь, и лампочка горит. То есть уже в этой системе вот этот есть блуждающий ток нулевой; он не бьет, ничего, но он существует» и стремится найти выход из системы; при работающем заземлении ток по теплотрассе уходит в почву, но на Севере он начинает разъедать трубы, котлы и иные металлические конструкции. Для борьбы с возникающими прорехами местные жители используют хомуты, которые в том числе изготавливают самостоятельно: «...приехал тогда глава района... Зашли они в мастерскую, а у меня ребята [школьники на уроке «труда» – Н. Г.] делают хомуты. Чем, говорит, занимаетесь? А вот, говорю, хомуты делаем, учимся. А в чем дело? Я говорю, ну, смотри, Василий Иванович, видишь, трубы какие? Он посмотрел: елки-палки. Я говорю заведующей РОНО: тут дети, говорю, должны обучаться, а не хомуты делать. Но, в принципе, это тоже обучение сантехническому делу. Но вот, благо то, что он зашел – все, тут же нашли средства, тут же закупили пластиковые трубы, приамбасы... и нашли деньги на оплату специалиста, который поменял... все как бы... проблему решили».

Следует отметить, что выход из сложившейся ситуации был и есть. Так, мастер участка поделился своей идеей и сказал, что планирует сделать заземление в реку. Он отметил, что такой способ существовал и ранее, но установленная конструкция была повреждена проходящим мимо судном и более не восстанавливалась. Таким образом, блуждающие токи представляют собой физический феномен, который возникает в контексте отношений природной среды и привнесенной извне инфраструктуры и является специфической формой существования материальности в условиях северной Якутии.

Обслуживание и поддержание инфраструктуры в арктических условиях выступает не только техническим действием. В северных условиях труднодоступности, ресурсного и кадрового дефицита специалисты, связанные с обслуживанием общественно значимых инженерных объектов, учитывают комплексную организацию технических систем, которые не замыкаются на себя, но плотно связаны с экологическими и социальными условиями. С целью поддержания исправного состояния котельной и ДЭС работники этих сфер деятельности

используют не только специальное знание, которое можно получить в учебных заведениях; они постоянно подключают рефлексию, вбирающую в себя локальные причинно-следственные связи, практики, индивидуальные привычки и занятия населения, актуализируют экологическое измерение технических объектов.

3.1.2 Действия в условиях региональных инфраструктур

Эксплуатация инфраструктуры требует учета динамического контекста возможностей, которые открывает окружающая среда (Нефт 2003: 173–175). Мышление и действия местных жителей, направленные на поддержание стабильного функционирования котельных, ДЭС и иных инженерных сооружений, происходят в определенных социально-экономических и экологических условиях и требуют, с одной стороны, расширенного видения процессов, однако, с другой стороны, предполагают сосредоточенность на конкретном материальном элементе. Следовательно, взаимодействие с инфраструктурой одновременно локально и транслокально. С точки зрения повседневной практики, коммунальщики обслуживают не теплотрассу целиком, но постепенно диагностируют и чинят разные участки; местные жители имеют дело с трубами в своем доме/квартире и не касаются (чаще всего) проблемных зон в других локальностях. Однако параллельно с этим и профессионалам, и рядовым потребителям требуется учитывать те элементы и процессы, которые не находятся здесь и сейчас. Им необходимо понимать, как инфраструктура (и/или отдельные ее части) существует во времени в иных точках пространства. Это позволяет лучше понимать состояние инженерных конструкций и предвосхищать возможное развитие событий, чтобы предпринимать упреждающие, страхующие или компенсирующие действия, направленные на оптимизацию работы инфраструктуры.

Местные жители зачастую отходят от восприятия инфраструктуры как автономного инженерного сооружения и видят в ней тесно связанные с окружающим пространством технические компоненты. То, как выстроены и отлажены (Давыдов, Давыдова 2021) процессы транспортировки, хранения, подачи, использования необходимых материалов, а равно и то, в каком настроении в связи с этим находятся люди, ответственные за обслуживание объектов, определяет эффективность работы инфраструктуры. Например, в с. Колымское котельная работает на угольном топливе, которое доставляется в населенный пункт по воде. В связи с этим местный начальник ЖКХ настойчиво просит районного директора отрасли о том, чтобы он поторопил службу, занимающуюся доставкой угля, – очень важно успеть привезти топливо по большой воде, иначе может повториться случай прошлых лет, когда привезенный в период мелководья уголь, выгруженный на берег, частично был смыт во время поднятия уровня воды в реке. Непостоянство береговой линии делает актуальным осведомленность о природных ритмах и их связях с используемыми ресурсами.

Относительно простое действие по разгрузке угля предполагает знание не только локальных экологических трансформаций, но также включает представления о динамике окружающей среды за пределами района, о чем сообщал в интервью глава Колымского ЖКХ в интервью: «У нас было, при мне, за мою бытность, два раза было случаев, когда привозили уголь, и потом часть угля смывало водой. Привозят по маленькой... То есть вода пришла большая, потом она падает, и начинают привозить уголь. Мы его сразу вывезти не можем, потому что берег вязкий, то есть транспорт не может подойти в течение... полумесяца, а потом, бывает, что где-то там же у нас в верховьях, в Магаданской области... я знаю, что раньше было две... там, ГЭСы эти стоят, у них начинает в начале лета переполняться, и они делают сброс. И когда вода доходит до нас, то уровень воды поднимается... они [ГЭС] стоят в горах Синегорье. В начале лета тоже начинает все таять, с гор начинает стекать, все заполняется, и у них заполняется, они начинают делать эти сбросы воды. Это тоже немаловажный фактор. Вода опять поднимается, приходит, тут шторм, шторма начинаются, и все, часть угля уплывает» (ПМА 2021). Использование возможностей, которые открываются с большой водой, позволяет не только перестраховаться от смыва части топлива, но и осуществить его выгрузку ближе к котельной, стоящей рядом с руслом реки, минуя топкий берег, в котором вязнет техника – сохранив при этом топливо для погрузочного транспорта и время рабочих: «после того, как постоит вода и уходит, там берег становится вязкий, там человек по колено проваливается, не говоря о технике, техника подойдет и вообще уйдет, потом его вытаскивать надо...» (ПМА 2021).

Важным оказывается и вид транспорта, который участвует в перемещении угля, и конфигурация котельной, а также используемый тип котлов. Так, машина-погрузчик более удобна, чем бульдозер, поскольку первая быстрее и маневреннее. Увеличение размеров выпускаемых на заводах котлов при сохранении прежней площади здания котельной привело к тому, что в котельную невозможно поместить уголь на длительный срок, как раньше. В результате, уголь принимается максимум на одни сутки, это приводит к увеличению времени трудовой активности тракториста: «у меня тракторист каждый день выходит: праздник–не праздник, выходной-не выходной, он каждый день выходит – толкает уголь. У него выходного нет» (ПМА 2021).

Несмотря на то, что инфраструктура функционирует как целое, она состоит из отдельных элементов. Разные компоненты общей системы инфраструктуры имеют собственную темпоральность, входят в определенный контекст отношений и образуют дополнительный комплекс связей, который в очередной раз показывает, что достижение необходимых инфраструктурных свойств весьма затруднительно в отрыве от окружающего пространства (Давыдов, Давыдова 2021). Следовательно, инфраструктурный объект

представляет собой совокупность компонентов с разными физическими, темпоральными и иными характеристиками, находящимися в состоянии согласованности, для обеспечения которой важна возможность их отладки в разных «системах отчета». Например, в Андриюшкино местные жители высказывают претензии к работе котельной в связи с низкими температурами в квартирах и других помещениях, в том числе в школе; кроме того, они утверждают, что новые батареи, установленные вместо чугунных советских, совсем не греют. Однако сотрудники ЖКХ отвергают критику, полагая, что проблема заключается не в обновленных отопительных конструкциях, а в отсутствии у местных жителей навыков использования нового типа батарей. По их мнению, люди привыкли пользоваться прежними образцами, которые обладали более широким диаметром труб и не требовали прочистки, однако новые радиаторы отопления нуждаются в частой прочистке. Как сообщал один из сотрудников котельной: «Я их сам промываю. Они легко снимаются, они совсем легкие, я себе в ванную заносу. Два-три раза в год за сезон сам мою, промываю их, они хорошо промываются». В этом контексте актуализируются гендерные особенности и родственные отношения: «Я понимаю, там, женщины одинокие, они не могут. Можно ведь всегда с кем-то договориться, здесь все родня друг другу... я промываю себе и отцу промываю. Отец у меня старей, один живет. Два раза в сезон промывал». Пожилым людям и ветеранам сотрудники ЖКХ также безвозмездно приходят на помощь, чтобы осуществить промывку батарей. Следует указать, что не все люди, даже среди работников жилищно-коммунального хозяйства, доверяют новым технологиям. Глава ЖКХ в Колымском сообщает следующее: «Я лично предпочитаю старые советские чугунки, у них больше теплоотдача... Дело в том, что, видишь, если бы у нас была чистая вода, то те бы батареи пошли. У них трубочки тонкие, они быстро... просто-напросто они забьются быстро. А чугунки, у них хорошая теплоотдача. Вот, допустим, у меня дома стоят чугунные батареи, и пока я их не хочу менять. Может, в дальнейшем, когда построят фильтрационную станцию какую-то очистную, перейду на эти».

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы остановиться на нескольких ключевых положениях. Во-первых, инфраструктурные объекты в северной Якутии не являются независимыми от процессов, происходящих в окружающей среде. Напротив, во многом они и получают возможность функционировать благодаря встроенности в локальное пространство: природное и социальное; и чем сильнее согласованы между собой эти компоненты, тем более эффективной является работа инфраструктуры. Во-вторых, сотрудники инфраструктурных предприятий в таких условиях обладают не только специальными навыками, но и пониманием того, как они переплетаются с местными реалиями функционирования котельных, дизельных электростанций и других подобных сооружений. Понимание и отладка локальных инфраструктурных процессов предполагает проявление мышления через объекты, которые

человек, посредством своей деятельности, объединяет в сложно связанный комплекс. В-третьих, инфраструктурные объекты представляют собой совокупность элементов, обладающих собственными темпоральными, пространственными, физическими и иными характеристиками, которые по-разному актуализируют возможности окружающей природной, социальной и экономической среды. Из последнего пункта вытекает большая актуальность практического мышления⁶¹ – способность и необходимость мыслить одновременно локально и транслокально: «здесь и сейчас», «там и потом», как в рамках своей телесности, так и выходя за ее пределы в область технических объектов, поскольку именно в таком нестатичном и неточечном положении возможно поддержание исправно функционирующих инфраструктур в якутском Заполярье.

3.2 Полифункциональные вещи и ресурсы

Расширение способов практического применения вещей является важной чертой стратегий освоения пространства в условиях ограниченного набора ресурсов и минималистичных технологий. А. В. Головнёв пишет о том, что вещная полифункциональность выступает актуальным адаптивным механизмом коренных жителей Севера и позволяет им минимумом вещей добиваться максимум результата (Головнёв 2017: 13–14). Практики вторичного использования и переопределения функционала вещей не являются лишь арктическим феноменом (Васильева 2021: 127). О схожих процессах у эвенков Северного Байкала сообщает В. Н. Давыдов. Там местные жители используют материалы существующих зданий для конструирования из них снастей и снаряжения, создания транспортных средств и т. д. (Davydov 2011). В. Н. Давыдов для описания креативного процесса вторичного использования материалов использует термин «каннибализация», который реализуется через стратегию «бриколажа» – изготовления новых объектов из подручных средств (Давыдов 2018а: 11). Эта стратегия часто выступает в качестве дополнительной креативной и стабилизирующей практики (Васильева 2021; Davydov 2011). Следует заметить, что вторичное использование материалов и вещей с созданием нового функционала (апсайклинг) является крупным трендом в мировом масштабе, связанным с провозглашением бережного и осознанного подхода к использованию природных ресурсов⁶².

Существенной проблемой Российской Арктики является мусор – как промышленный, накопленный преимущественно в советский период, так и образующийся на современном этапе. Исследователи отмечают необходимость выработки стратегии утилизации отходов во избежание пагубных экологических последствий (Соколов 2013; Мизин 2014). Проблема усугубляется труднодоступностью, удаленностью и экстремальным климатом региона.

⁶¹ Ср. с концептом Т. Ингольда «думание через делание» (thinking through making) (Ingold 2013).

⁶² Чересчур умелые ручки: что такое апсайклинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/green/624a9ce19a7947caed7d6432> (дата обращения: 26.04.2023).

В северных районах Якутии на улицах находится большое количество вышедшей из эксплуатации техники. Старые вездеходы, самолеты, подъемные краны хаотично стоят в разных участках поселений или сконцентрированы на отдельных площадках в виде залежей металлолома. Кроме того, населенные пункты изобилуют ржавыми старыми бочками, арматурой, металлическими деталями, формирующими, с точки зрения стороннего наблюдателя, беспорядочный набор материальных предметов. Разрушение совхозной системы, отлаженных потоков снабжения, недостаток финансирования на поддержание и развитие инфраструктуры предполагали выход из употребления с последующим разрушением вещей, которые функционировали ранее. Жительница Чокурдаха на вопрос о происхождении залежей поржавевших металлических объектов в поселке сказала: «У нас Чокурдах и золотой, и заброшенный». Далее она поделилась историей о том, как в 1990-е годы в район приезжали предприниматели из Японии, которые сделали коммерческое предложение местной администрации по скупке всего ненужного в поселке металла и транспортировке его морем в Японию. При этом они уточнили, что на полученные деньги в Чокурдахе можно будет сделать хорошие новые дороги («предлагали много миллиардов», как сказала местная жительница), но местная администрация от сотрудничества отказалась.

По словам представителя власти из Чокурдаха, уровень финансирования дотационных арктических регионов не позволяет развивать существующую инфраструктуру или кардинально менять материальное оснащение населенных пунктов, поэтому наиболее благоприятным сценарием становится поддержание функционирования того, что уже было произведено (ПМА 2019). В таких условиях подход населения к ресурсам бывлой инфраструктуры можно отнести к ситуации «продуцирования различий», пользуясь терминологией А. Лефевра, которая позволяет обобщить стратегии использования материальных объектов местными жителями. Исследователь выделял два вида различий, возникающих в процессе производства пространства: индуцированные и продуцированные (произведенные). Он писал: «Индуцированное различие принадлежит множеству или системе, возникшей в соответствии с определенным законом. Оно является ее составной частью <...>. Произведенное различие, напротив, предполагает разложение данной системы; оно возникает внутри нее, рождается из зияния, открывшегося с распадом какого-либо заграждения» (Лефевр 2015: 362–363). «Распавшимся заграждением», интенсифицировавшим новые грани освоения пространства на севере Якутии, стало исчезновение СССР. Как пишут исследователи, такой способ увеличения функциональности объектов существовал и до 1991 г. (Васильева 2021: 128; Davydov 2011), но в постсоветский период у местных жителей для его реализации появились новые ресурсы.

Изменения как самих объектов, так и их связей с окружающим пространством, незавершенность формируемых комплексов (Strathern 2004: xiv) предполагают их расширенное использование, выходящее за первоначально обнаруживаемый в объектах функционал. Поржавевшие вертолеты, самолеты, внедорожники, появившиеся в рамках советской модернизации северных территорий, перестали выступать в качестве транспортных средств, но не утратили практического значения. Старые цистерны из-под топлива местные жители переоборудуют в гаражи и кладовки; из гусениц спецтехники создают петли для гаражных дверей; в Колымском под гараж переоборудован фюзеляж самолета (Рисунок 33). Примеры полифункциональности вещей в северной Якутии характерны для объектов инфраструктуры и транспортных средств. Теплоизоляционные короба для теплотрассы в Русском Устье, с одной стороны, выполняют свою прямую функцию, но также они формируют дороги для перемещения людей, особенно актуальные во время непогоды. Нарты используются для перемещения, но иногда они становятся конструктивными элементами кораля. Лодки в Русском Устье используются для передвижения, однако иногда они выступают в качестве места ночевки охотника.

Вышедшая из эксплуатации в населенных пунктах инфраструктура, породившая современный поселковый ландшафт, осваивается заново. Старая неработающая техника, бочки из-под топлива, лопнувшие радиаторные батареи и другие объекты силами местных жителей подвергаются вторичному использованию, встраиваются в новые функциональные ниши: бочки выполняют роль коптильни для рыбы или теплоизолятора для системы отопления; старые батареи формируют дорожки для перемещения, актуальные в распутицу; списанные вертолетные лопасти становятся важным компонентом при изготовлении полозьев нарт. Объекты, утратив бывшее назначение, меняют свою функцию иногда настолько, что становится трудно дать им определение: например, уже упоминалось, что в Русском Устье существует проблема оврагообразования, разрушающего село. Для борьбы с негативным геологическим процессом население использует мусор, засыпая овраги бытовыми отходами. Таким образом, исключенные из поля «полезной» функциональности вещи становятся не мусором, но своеобразным строительным материалом, способом сдерживания нежелательных геологических явлений. Ранее классифицированные как «бытовые отходы» они снова включаются в функциональное поле и дают возможность влиять на естественный процесс изменения материальной среды (Энергия Арктики и Сибири... 2020). Увеличению практического потенциала объектов и построек способствует отсутствие строгой корреляции пространства и функции. Так, в с. Колымском для размещения приезжих гостей иногда используются пустые койки в палате участковой больницы, что говорит о проницаемости функциональных границ, увеличивающей степень полезности пространства.

Большой практический потенциал вещей обусловлен не только тем, что один объект может выполнять разные функции, но и особенностями пространства, в котором эти действия совершаются. Во всех населенных пунктах северной Якутии используется пешня, представляющая собой лом, состоящий из острого металлического наконечника с приваренной металлической ручкой. Инструмент производится, как правило, местными сварщиками и кузнецами. Он используется в зимнее время года для выдалбливания льда. Здесь и обнаруживается его множественное значение. С одной стороны, местные жители прорубают лед во время зимней рыбалки, чтобы поставить сеть или, наоборот, проверить улов, вытащив установленную ранее снасть. С другой стороны, создание или расчистка лунки позволяет набрать воду в емкости для использования ее в качестве напитка или для приготовления еды. Помимо этого, процесс использования пешни не обязательно сопряжен с созданием сквозных отверстий во льду, открывающих доступ к воде. Часто лом используется для того, чтобы отколоть необходимое количество льда, собрать его в мешок и отвезти к месту жительства, чтобы в дальнейшем, после оттайки, использовать появившуюся воду в бытовых целях. Таким образом, технически одинаковое использование инструмента приводит к разными практическим следствиям. Потенциальная многозадачность действия в данном случае обусловлена множественным значением материальной среды, с которой при помощи инструмента взаимодействуют люди.

Наращиванию функциональности способствует гибридизация объектов и инфраструктур (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022; Hybrid Communities... 2019). В Чокурдахе с 1980-х по 2005 гг. существовала теплица, где успешно выращивали помидоры и огурцы. Теплица находилась при дизельной электростанции, энергия которой позволяла обеспечивать необходимый тепловой режим для роста овощей в парнике. К тому же способу использования ресурсов относятся некоторые гибридные формы хозяйственной деятельности, когда следствия одной отрасли используются для реализации другой: так, для более эффективного роста овощей в Чокурдахе местные жители используют навоз с территории существовавшей ранее свинофермы (ПМА 2019). На крышах балков некоторые местные жители закрепляют специальные деревянные ящики с сетчатыми бортами. Они были особенно актуальны в прошлом и служили для вяления юколы. Ящики становились эффективными в контексте уже имеющихся построек, поскольку расположение на крыше, во-первых, позволяло аккумулировать больше солнечных лучей, а во-вторых, оберегало рыбу от животных (для защиты от птиц применялись сети). К той же логике использования объектов относятся полки, устанавливаемые под карнизами окон многоквартирных домов со стороны улицы и используемые для сушки одежды; похожие «заоконные» объекты служат для хранения пищевых продуктов в качестве уличного «холодильника». Промежуточным вариантом «холодильника», который расположен уже не в

жилом помещении, но еще и не на улице, является пространство между одной и второй входной дверью.

Способы эффективного использования ресурсов особенно актуальны в гастрономической сфере. Так, в русскоустыинском блюде *тельно(е)*, которое готовится хозяйками по сей день и представляет собой запеченный рыбный «пирог», даже «тесто» сделано из рыбы (Кокорин 2000: 161). Для его приготовления используют муксуна (реже ряпушку): рыбу пластают, отделяют от кожи, перекручивают на мясорубке, подсаливают и взбивают до однородной массы; затем делят на две части, на одну из них кладут начинку (пережаренная рыба, кожа и внутренности рыбы), прикрывают сверху второй частью, обмазывают края, чтобы получился цельный пирог без отверстий, и обжаривают с обеих сторон на растительном масле (ранее на рыбьем жиру) (ПМА 2019).

Другим видом пищевой адаптации к ресурсным условиям выступают различные способы обработки продуктов. Универсальными способами обработки рыбы в настоящее время остается варка, жарка, копчение и вяление; кроме того, рыба подвергается заморозке для хранения и приготовления строганины; мясо варят, жарят и замораживают. Для хранения пищевых ресурсов используются ледники, холодильники и морозильные камеры (лари). В прошлом практиковалась ферментация (квашение) рыбы. Д. К. Зеленин отмечал, что употребление этого продукта «предупреждало появление цинги и оказывало возбуждающее действие. Ездовые собаки, которых кормили одной только квашеной рыбой, прекрасно выполняли свою тяжелую работу» (СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 1. Д. 841. Л. 29). О пользе квашеной рыбы для здоровья русскоустыинцев писала Р. В. Каменецкая (1986: 341). Как сообщал И. С. Гурвич, в советское время квашение было практически полностью вытеснено солением (Гурвич 1977: 77). Информанты старшего поколения из Аллаиховского района сообщали, что в детстве ели «кислую» рыбу, однако в настоящее время эти воспоминания вызывают у местных жителей скорее ностальгическую улыбку, связанную с пониманием невозможности возврата к употреблению данного продукта (ПМА 2019). Д. Ф. Мищенко пишет о том, что, перемещаясь из сферы индивидуальной памяти в пространство памяти коллективной, воспоминание о пище переходит в статус знания. Разделение последнего с другими членами общества позволяет установить более тесные связи внутри группы (Мищенко 2016: 170).

Некоторые исследователи выдвигали тезис об однообразии рациона жителей Аллаиховского района, в частности, русскоустыинцев (Зензинов 1914с: 60). Следует заметить, что собеседники в ходе интервью редко сетовали на скудость питания. Можно предположить, что в настоящее время это связано с наличием привозных продуктов, однако, исходя из тех же бесед с информантами, в советский период количество и качество привозной продукции было

выше, но, тем не менее, этот контраст с настоящим временем не способствует появлению жалоб на однообразие питания. На мой взгляд, отсутствие претензий, связанных с ограниченным набором пищевых ресурсов, объясняется, во-первых, гастрономической привычкой, а во-вторых, тем, что неширокий спектр пищевых ресурсов предполагает методы их более эффективного использования, что приводит к появлению множества рецептов, привносящих разнообразие в гастрономический ландшафт. Так, И. С. Гурвич писал, что северные якуты при относительной бедности блюд не ощущали однообразия в питании. Чередуя разные блюда из мяса – вареное, холодное, сырое, сдабривая мясо жиром, используя рыбу, дичь, а иногда оленье молоко, мучные лепешки, хозяйки создавали достаточное гастрономическое разнообразие (Гурвич 1977: 79). А. Г. Чикачев утверждал, что русскоустыинцам было известно не менее 30 названий рыбных блюд (Чикачев 1990: 87).

Калибровка энергетического потенциала объектов окружающей среды – важное условие местных жителей, позволяющее им не просто добывать ресурсы к существованию, но осуществлять этот процесс дифференцировано, производя практическое разделение целого на разные части, сохраняя при этом одну часть для дальнейшего существования и утилизируя другую в соответствии с более широким контекстом деятельности и с потребностями своего организма. В 1980-х гг. у оленеводов из с. Андрюшкино был распространен такой способ добычи ресурсов питания с использованием оленя, который не предполагал забоя животного – в пищу шла снятая с мешающего рога шкура (АМАЭ РАН. Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1522. Л. 48 об.).

Потенциал ресурсов не ограничивается сферой обмена или материального потребления, он имеет и символическое измерение. Использование рыбы на севере Якутии происходит в том числе в качестве репрезентации аспектов социальной жизни, провоцирует рефлексию, маркирование этнокультурных общностей. Не раз представители эвенов подчеркивали фундаментальное значение рыбы именно для коренных народов (Гончаров 2020). Кроме того, через данный ресурс осуществляется обоснование прав этнической группы на рыболовецкую деятельность. Обобщенно, опираясь на полевые материалы, это можно выразить следующими словами: «Мы – представители коренного малочисленного народа, эвены, и нам нужно есть рыбу, чтобы быть эвенами, но нам препятствуют юридическими ограничениями на вылов» (ср. с ролью рыболовства у эвенков (Воробьев 2001)). С помощью этого ресурса местное население производит территориальные разграничения: русскоустыинцы сообщают, что именно их рыба самая вкусная во всей Якутии; на Нижней Колыме вкуснейшей рыбой считают озерного чира из Нижнеколымского района. Вкусовые качества чира, омуля, нельмы и муксуна в Чокурдахе, расположенном 120 километрами выше Русского Устья по течению, по мнению русскоустыинцев, значительно уступают русскоустыинской рыбе: «здесь ту рыбу не считают за рыбу», – сказал местный рыбак (ПМА 2019). Об особом статусе рыбы в рационе местных

жителей говорят ее локальные номинации: как писал А. Г. Чикачев, русскоустыинцы для обозначения рыбы использовали слова «еда», «едишка»; кроме того, до сих пор в Русском Устье о процессе приготовления юколы люди говорят «стряпать юколу», что свидетельствует о перенесении терминологии приготовления мучных блюд на рыбные и указывают на ключевую роль рыбы в рационе русского старожильческого населения низовьев Индигирки (Чикачев 1990: 87).

Помимо перечисленных характеристик и контекстов использования, рыба, по мнению местных жителей, проявляет целебные свойства. В Жиганском районе мною были записаны воспоминания о совершенном обряде исцеления женщины, тяжело больной гепатитом (желтухой), при помощи щуки. Этот случай произошел в 60-х годах прошлого века. Мужчина привез жену, от лечения которой уже отказались врачи, на берег озера и стал рыбачить. Женщина лежала неподалеку. После того, как мужчина поймал щуку, он бросил ее на оголенный живот страдающей супруги, в результате чего рыба моментально пожелтела и высохла, а женщина пришла в себя и с того момента стала чувствовать себя прекрасно. Рыбу закопали под деревом. Как сказала мне информантка, после выздоровления эта женщина более никогда не употребляла щуку, поскольку среди местного населения существует представление о том, что недопустимо есть мясо того животного, благодаря которому выздоровел человек (ПМА 2018). Рыба также фигурирует в локальном фольклоре (Фольклор Русского Устья 1986), выступает одним из основных подарков приезжим гостям и проживающим за пределами района родственникам, становится объектом многочисленных историй, локальных исследований, провоцирует размышления о климатических изменениях и пр. (Гончаров 2020).

Использование материальных объектов неотрывно от сферы эмоциональных переживаний, что также отражает многогранность проявления вещей в локальной повседневности. Жители Севера в настоящее время, как и раньше, используют в быту оленьи шкуры. Они служат материалом для изготовления покрышек яранги (Первалова, Куканов 2018), унтов, парок, сувенирной продукции. Один из жителей Черского демонстрировал чехол для термоса из оленьей шкуры, который усиливал теплоизоляционный эффект сосуда. В Русском Устье оленья шкура чаще всего используется в качестве коврика для сидения во время передвижения на лодках, а также как одеяло и матрас в период сна на рыболовецких и охотничьих участках. Р. П. Чикачев рассказал историю о том, как одолжил товарищу оленью шкуру. Через некоторое время он поинтересовался, не мог бы тот вернуть одолженное, на что товарищ ответил, что за время использования вещь настолько промокла и отсырела, что он счел ее более непригодной для использования и выбросил. Он говорил это со спокойствием как нечто само собой разумеющееся, чем вызвал негативные эмоции Р. П. Чикачева. Информант, объясняя возникшую ситуацию, отмечал, что для него оленья шкура представляет собой

гораздо больше, чем просто полезный материальный предмет: «она всегда со мной была, на рыбалке, на охоте; она помогала мне, согревала меня, я благодарил ее»; шкура в определенном смысле оказывается связанной с удачей на промысле, рыбалке, способствует благополучному перемещению по воде и тундре. Р. П. Чикачев самостоятельно обрабатывает олени шкуры, хранит их в специально отведенном месте, бережно использует, а когда приходит пора изъять из употребления отслужившую вещь, информант совершает действия обрядового характера, и только после этого считает себя вправе ее утилизировать.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что объекты, используемые местными жителями в процессе освоения пространства, обладают потенциально неограниченным потенциалом. Они выступают не пассивными элементами структуры, покоящимися в пространстве, а важными инструментами создания в нем интенсивных отношений, посредством которых люди интегрируются в окружающее пространство и получают возможность действовать. Проанализировав полифункциональность материальных объектов и ресурсов как важнейший фактор адаптации населения региона к условиям окружающего пространства, можно сделать вывод о том, что увеличение функциональности достигается следующими стратегиями: (а) практический потенциал вещи возрастает благодаря умению местных жителей интегрировать ее материал и форму в разные контексты окружающего пространства и деятельности; (б) эффективность использования материальных объектов повышается в условиях высокого практического потенциала локальной материальной среды, с которой взаимодействуют люди при помощи этих объектов; (в) увеличению функциональности способствует гибридизация объектов; (г) усиление практического потенциала достигается разложением вещей на составляющие части, которые обнаруживают новые свойства; (д) повышению эффективности способствует и отсутствие строгой корреляции места и функции при использовании материальных объектов; (е) практический потенциал усиливается благодаря разнообразию способов воздействия на один и тот же объект, увеличивающих разнообразие его качеств.

3.3 Разносторонняя компетентность местных жителей

Вынужденная разносторонняя компетентность людей, которая и прежде являлась важным условием адаптации к арктической жизни, актуализировалась после 1991 г. в связи с разрушением выстроенных цепочек снабжения региона необходимыми ресурсами, оттоком специалистов и необходимостью местных жителей приспособливаться к возникшим трудностям. Как показала история, население региона способно адаптировать хозяйственную деятельность к изменениям условий, в которые встроены практики: натуральное хозяйство, региональные обмены, социалистический и капиталистический строй, сменяющие друг друга, которые не смогли разрушить сложившуюся хозяйственную структуру, хотя в значительной

степени оказали на нее влияние. В то же время традиционные занятия могут интегрировать в себя технические инновации, такие как снегоходы (Pelto 1973; Konstantinov 2009), мобильные и спутниковые телефоны (Stammler 2009; 2013), электрогенераторы (Энергия Арктики и Сибири 2020), GPS-навигаторы и устройства воспроизведения видео (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018), солнечные батареи, модернизированные варианты нарт и одежды, современные лодочные моторы и пр. (ПМА 2021). Внутри этих связей человек тоже вынужден постоянно меняться, совершенствовать или приобретать навыки по обращению с непривычными техническими средствами. В то же время изменение социально-экономических обстоятельств иногда приводит к трансформации (возрождению) уже известных занятий, как в случае с добычей мамонтовой кости, которая в 90-е гг. прошлого века форсировано актуализировалась (Васильева, Федорова, Слепцова 2022).

Часто трансформируется не столько хозяйственная деятельность, сколько способы связей между объектами и различными видами практик, что требуется учитывать для создания более полной картины изменений в регионе. Официальные районные отчеты проводят строгое деление сфер занятости, например, в них перечислены частное предпринимательство, сельское хозяйство, бюджетный блок и т. д.⁶³. Тем самым в данных публикациях упускается характеристика отношений между разными формами деятельности, их возможное сосредоточение в повседневных практиках одного человека или семьи, что часто имеет ключевое значение для достижения относительно комфортных условий проживания в Арктике. Нередко один и тот же человек выступает электриком, водителем, охотником, рыбаком, тем самым создавая динамическую связь иного плана между используемыми ресурсами в процессе жизнедеятельности. Он нагружает бóльшим практическим смыслом идентичные объекты по сравнению с человеком, который не обладает таким разнообразием навыков, которые, во-первых, соответствуют принципам минимализма и многозадачности (Давыдов, Давыдова 2021), а во-вторых, они не существуют изолированно, но концентрируются людьми как набор деятельностных шаблонов (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 188) адаптации к совокупности повседневных задач.

Большинство представителей мужского населения в труднодоступных районах арктической Якутии умеет охотиться, рыбачить, заниматься собирательством, вне зависимости от специализации. Для достижения промысловых участков люди также должны уметь управлять снегоходами и лодками. Риск поломки техники во время передвижения по тундре или реке требует от людей способности своими силами провести диагностику транспортного

⁶³ Отчет о результатах деятельности администрации МО «Аллаиховский улус (район)» за 2020 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mr-allaihovskij.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2453416> (дата обращения: 26.04.2023).

средства и предпринять меры для устранения проблемы. В связи с тем, что в регионе отсутствуют (или находятся в дефиците) многие виды товаров и услуг, необходимыми являются навыки, которые позволяют местным жителям самостоятельно решать возникающие задачи: чинить сети, лодки, снегоходы, изготавливать нарты, производить сантехнические, электромонтажные работы и пр. (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022).

Для более детального рассмотрения феномена поликомпетентности я обращаюсь к личности С. И. Портнягина. Он родился и вырос в Русском Устье, получил среднее специальное образование в технической сфере, работал на дизельной электростанции до того, как попал в администрацию. Однако даже будучи в новой должности, он продолжает (в 2019 г.) выполнять функции электрика: к нему обращаются работники электростанции, ЖКХ, также его навыки оказываются полезны на бытовом уровне отдельным жителям, находят спрос у рыбаков, когда им требуется установить или починить мотор, к нему обращаются за диагностикой технического состояния снегоходов. Кроме того, Сергей Иванович выполняет роль водителя маршрутной лодки, следующей по курсу Русское Устье–Чокурдах (в летнее время она – единственный вариант транспорта, связывающий село с административным центром района). В одном из интервью С. И. Портнягин обнаружил «эмпатическое» отношение к технике, сказав, что с машинами и механизмами следует обращаться очень бережно, проявляя заботу; к ним недопустим сугубо потребительский подход. В качестве примера диаметрально противоположного отношения он назвал своего знакомого, который после поездок на снегоходе постоянно оставляет транспорт на улице, не производя технического осмотра и не заботясь о том, чтобы укрыть технику от непогоды. Подобное отношение к вещам неоднократно приводило к тому, что снегоход переставал работать, в связи с чем товарищу С. И. Портнягина «пришлось много по тундре походить». Чуткость и интерес Сергея Ивановича к техническим объектам отмечались как самим информантом, так и его знакомыми. Эмоциональное восприятие техники и этические нюансы взаимоотношений с ней, как правило, сопряжены с серьезным уровнем мастерства и навыков использования механических средств.

В то же время С. И. Портнягин обладает навыками слесаря, охотника, рыбака. Перечисленные варианты практических ролей и связанных с ними навыков не имеют жестких границ и перетекают одна в другую в соответствии с меняющимся контекстом. Во многом такая разноплановая деятельность обусловлена недостатком кадров в районе. Каждая роль предполагает определенные характеристики, которые должна демонстрировать личность, а также в каждом случае предполагается соотношение со специфической средой, представленной набором материальных объектов, людей, поведенческих стереотипов и пр. Один объект может быть соотнесен с разными практическими ролями и навыками человека, в результате чего увеличивается его функциональный потенциал.

В Арктике необычайно востребованы спонтанные навыки по решению проблем, возникающих в процессе эксплуатации техники или выполнения хозяйственных задач (Головнёв 2017: 13, 15). По словам информанта из Черского: «на Севере без смекалки никак». Пример данного высказывания продемонстрировали оленеводы из Колымского, которые для того, чтобы сделать необходимые отверстия в оторвавшейся лыже снегохода, выстрелили в нее из ружья⁶⁴. Образовавшаяся полость дала возможность прикрепить деталь к транспортному средству и продолжить путь. Другой пример также подтверждает способность местных жителей оперативно реагировать на возникающие трудности и дискомфорт. Так, информантка из Чокурдаха для ускорения просушки резиновых сапог, закатала голенище, вставила поперек небольшие палочки и поставила обувь на возвышенность под солнцем. Умение использовать подручные средства и комбинировать компоненты разного масштаба (от разломанных палочек до солнечного света), чтобы добиваться желаемого результата, является очень важным навыком.

Способ эксплуатации технических объектов на местном уровне интегрирован в окружающий ландшафт и структуру мобильности, что подтверждается стратегией использования транспортных средств. Весной 2021 г. у снегохода, на котором из Колымского в Халарчинскую тундру для проведения коральных работ передвигались местные жители, возникли проблемы, вызванные перегревом двигателя. Чтобы исправить ситуацию, водитель отсоединил переднюю часть корпуса транспортного средства, чтобы охладить двигатель. Изъятый элемент был оставлен на дороге при условии, что вечером предстоял обратный маршрут, во время которого водитель смог бы забрать указанную деталь. В данном случае выбранный план действий был обусловлен не только знанием технических характеристик объектов и условий окружающей среды; он также включал в себя темпоральный аспект существования транспортного средства в пространстве.

Отсутствие необходимых навыков приводит к разрыву цепочки практических действий, нарушает планы и снижает эффективность деятельности. Проиллюстрирую это описанием поломки, которая произошла в Андрюшкино весной 2021 г., когда мы с Николаем и Сергеем отправились на снегоходе «Ямаха» в оленьё стадо для участия в коральных работах. Неподалеку от села были замечены признаки неисправности двигателя, а спустя пять минут транспортное средство полностью утратило тягу. Николай пытался починить снегоход. Решив, что проблема в свечах зажигания, он принялся их выкручивать и переставлять, но результата не последовало. Как оказалось, накануне водитель не подготовил технику к поездке. Кроме этого, у него не оказалось с собой ни запасной свечи, ни ножа, ни подходящей отвертки (хорошо, что

⁶⁴ Похожие нарративы были зафиксированы и у жителей Русского Устья.

она была у Сергея в его мультитуле), а на слова приехавшего на помощь Вячеслава: «Я боюсь спрашивать, есть ли у тебя изолента», Николай ответил: «Нет». В итоге, после более чем пятичасовой диагностики и ремонта вернуть технику в исправное состояние так и не удалось. Мы были отбуксированы в село другим снегоходом. Николай, резюмируя произошедшее, заключил: «Надо было на “Буране” ехать, на гвозде бы доехали». Дело в том, что отечественный снегоход «Буран» считается более простым в эксплуатации по сравнению с зарубежными образцами; несмотря на то, что он чаще ломается, его намного проще починить (Васильева 2021: 37). Перед неудавшейся поездкой у нас был еще один – успешный – выезд в другое стадо. Тогда у «Бурана» во время движения отлетела лыжа, которую удалось прикрепить обратно при помощи гвоздя. Этот случай послужил основой для реплики Николая про гвоздь. Хотя неудавшийся выезд на кораль не повлек за собой критических последствий для хозяйства, следует полагать, что корализация могла пройти эффективнее, поскольку мы везли дополнительную веревку для сооружения загонной конструкции и могли бы ускорить выполнение хозяйственной процедуры. Однако недостаточная компетентность не позволила оперативно и на месте решить проблему, в результате чего поездку пришлось отменить (Рисунок 34).

Порой местные жители совмещают навыки из совершенно разных сфер деятельности, но их объединяет направленность на поддержание автономности человека, домохозяйства и населенного пункта. Например, врач из Колымского зимой во время обеденного перерыва берет ружье и отправляется в окрестности села охотиться на куропаток, которые дополняют его набор пищевых ресурсов; в период промысла перелетной птицы он охотится на гусей и уток. Другой пример представлен учительницей из Русского Устья: когда я вошел в класс химии на встречу с В. И. Шаховой, то обнаружил ее чинящей сеть и одновременно читающей одну из тем по химии ученику, который готовился к сдаче ЕГЭ. Кроме того, переехав в Русское Устье из центральной Якутии, Валентина Ивановна настолько заинтересовалась историей села, что стала заниматься краеведческими изысканиями, выпускать книги, статьи и учебные пособия, посвященные русскоустынской истории и культуре. Наряду с этим В. И. Шахова сопровождает своего мужа – местного рыбака-охотника – на промысловый участок, где поддерживает быт, занимается сбором дикоросов, передает теоретические и практические знания внуку.

Один из информантов, в прошлом оленевод, в настоящее время работает в чокурдахском доме культуры, занимается организацией национальных праздников; также на момент экспедиции (2019 г.) он являлся депутатом, активным участником районной Ассоциации КМНС, в свободное от работы время он подрабатывает парикмахером; помимо этого, конечно, как и у большинства местных жителей, у него имеется промысловый участок, куда он уезжает на рыбалку. Владимир из Жиганска – хирург, но для пополнения ресурсов и решения бытовых

задач он «становится» рыбаком, охотником, строителем, водителем лодки, автомобиля, снегохода, а также демонстрирует иные практические ипостаси. Множественные навыки позволяют ему выстраивать связи между разными областями деятельности, поддерживать в пригодном состоянии дом, автомобиль, снегоход, заниматься строительством. «Лабораторией» таких практик, направленных на поддержание, подготовку и производство вещей, которые затем будут использоваться на охоте, рыбалке и пр., является гараж, в котором находится снегоход, автозапчасти, самодельная печь, промысловая одежда, сети, разрубочная колода, патронташ, там же осуществляется работа по металлу, зимой в этом помещении ставят автомобиль. Гараж представляет собой многофункциональное пространство: в нем находятся и используются предметы, относящиеся к разным видам деятельности. Актуализация этих объектов определяется ритмами социальной жизни хозяина гаража, чередованием сезонов охоты, рыбалки, подготовки к ним, сменой климатических сезонов и т. д. (Гончаров 2019: 226).

Локально значимые компетенции распространяются разными путями, в том числе через школьные предметы. Например, когда глава ЖКХ в с. Колымское работал учителем технологии в местной школе, он обучал детей изготавливать хомуты для батарей, которые затем использовались для починки возникающих в трубах дыр, о чем упоминалось выше. В том же населенном пункте бывший оленевод преподает школьникам физкультуру и оленеводство. Помимо ведения уроков, он использует практические методики: отвозит заинтересованных детей в стадо (чаще всего на коральные работы), где школьники могут апробировать полученные знания. В Русском Устье школьников учат чинить порвавшиеся рыболовные сети, чтобы они помогали в этом занятии своим родителям, а также умели содержать в надлежащем состоянии собственный промысловый инвентарь. Самостоятельная починка сети позволяет сэкономить средства на покупке нового сетеполотна. Таким образом, получаемые в школе знания, находят практическое применение в повседневных занятиях и становятся механизмом формирования и поддержания локальных форм деятельности.

Кроме того, местные жители обладают разными коммуникативными стратегиями и возможностями быстрого переключения между ними. Особенно ярко это проявляется во взаимодействиях человека параллельно с людьми и животными. Когда информант из Жиганска общался со мной или другими знакомыми, он был вежлив и добродушен, но мог мгновенно измениться и сурово закричать, если его собака, находившаяся рядом, вела себя неподобающим, с его точки зрения, образом. В местных условиях важным является понимание психологии животных, а также их роли в организации хозяйственных процессов окружающей среды (Гончаров 2018).

Люди, попадающие в регион даже на короткое время, через родственные и иные неформальные связи довольно быстро вовлекаются в решение повседневных бытовых и

хозяйственных задач. В оленеводческих селах северной Якутии распространена практика приезда на кораль тех, кто не работает в оленеводстве, для моральной и хозяйственной поддержки тундровиков; гости привозят с собой подарки, еду, сигареты и пр. В условиях нехватки чум-работниц приезд женщин, хотя и на короткий период, облегчает быт оленеводов, поскольку женщины берут на себя ответственность за приготовление пищи, наведение порядка на стоянке, поддержание комфортного температурного режима в яранге. Стоит отметить, что посещающие кораль женщины имеют работу в селе, которая не связана с оленеводством, но, как сообщила одна информантка, приезд на стоянку тундровиков для нее является приятным и важным событием, поскольку ей необходимо ощущать связь с природной и хозяйственной жизнью села (Рисунок 35–36).

Увеличение количества людей на стоянке оленеводов поднимает шансы успешной корализации, поскольку, чем больше участников будет задействовано в процессе загона животных, тем выше вероятность положительного исхода этой хозяйственной процедуры. В. Н. Давыдов пишет, что даже эмоции людей могут рассматриваться как часть технологий доместикиции, которые делают отношения людей и животных более близкими (Давыдов 2018с: 86). Следовательно, случайные гости (приехавшие родственники, исследователи и пр.) успешно находят временное место в оленеводстве, поскольку своим присутствием, движениями, криками и прочими телесными действиями они способны оказать влияние на мобильность оленей. В повседневных практиках жители региона успешно используют не только специальные навыки и инструменты, но и базовые телесные возможности: зрение, слух, обоняние, осязание, голос, движение и т. д. В этом и заключается еще одно значимое свойство местных практик освоения пространства – они позволяют достигать желаемого эффекта, используя небогатый и не слишком специализированный, однако эффективно связанный набор навыков и ресурсов (Головнёв, Куканов, Перевалов 2018; Davydov 2022). В то же время эта гибкость и кажущаяся непритязательность позволяет осуществлять спонтанное вовлечение в действие дополнительных акторов, оперативно производить их замену, менять конфигурацию связей, быстро перестраивая, например, работу хирурга в практику рыболовства, охоты или оленеводства, интегрируя человека любой специальности и компетенции в процесс корализации. То же актуально и в отношении используемых материалов. Как сказал информант из Русского Устья, раньше (до второй половины XX в. включительно) на промысловых участках строили землянки с наклонными внутрь стенами, напоминающие якутские балаганы. На вопрос о том, из какого материала были эти постройки, информант ответил: «Че найдешь, из того и делали».

Ю. В. Кнорозов писал о том, что материальные единицы, составляющие систему, могут быть однородными, но по мере увеличения организации приобретают различные свойства и

специализируются. Однако чрезмерная специализация единиц, составляющих систему, повышает организацию, но при этом уменьшает устойчивость системы (Кнорозов 2022: 583). Множественная компетентность жителей Арктики (Давыдов, Давыдова, Гончаров 2022) увеличивает степень адаптивности населения к окружающим условиям благодаря «повышению организации» различных материальных единиц без «чрезмерной специализации».

3.4 Практики концентрации и распределения ресурсов в ландшафте

Пространство северной Якутии осваивается через серии концентраций людей, животных и разных объектов, поскольку из-за дефицита ресурсов в местных условиях нельзя достигнуть состояния полного освоения территории – синхронно в каждой точке. В связи с этим местные жители прибегают к созданию временных комплексов, которые формируются для достижения определенных практических целей, и затем распадаются. Благодаря полифункциональности многих вещей отдельные составляющие этих комплексов объединяются в других местах иным образом. Чередование соединений и распадов, во-первых, позволяет оперативно менять конфигурации связей между объектами, сосредотачиваясь на наиболее актуальных задачах; во-вторых, это увеличивает практическое значение мобильности местных жителей, так как в условиях многочисленных дефицитов постоянная циркуляция людей между точками в пространстве является способом поддержания функционирования социально важных объектов и получения необходимых ресурсов.

Подобная модель поведения ритмизирует жизнь. Ритм является первичным по отношению к дихотомии «поселковое/тундровое», поскольку каждый из полюсов которой создается по схожей стратегии. А. В. Головнёв и соавторы подчеркивают значение ритма для снятия возникающих теоретических противоречий, утверждая, что «основной вопрос нomaдизма» о том, что первично: стойбище или кочующий караван, игнорирует их неделимость, объединяемую «ритмом жизни» (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 182). А. Лефевр отметил: «Везде, где есть взаимодействие между местом, временем и расходом энергии, существует ритм» (Lefebvre 2004: 15). Следовательно, социальные ритмы неотделимы от интенсивных концентраций людей и объектов в пространстве. В. Н. Давыдов рассматривает высокую степень «интенсивности» использования различных мест в повседневных практиках эвенков северного Байкала как локальную стратегию освоения пространства (Давыдов 2018b). Однако, важно отметить, что уплотнения связей между людьми и объектами происходят не хаотично, а вплетены в сложный темпоральный рисунок освоения окружающей среды, в соответствии с которым множество связей, концентрируемых местными жителями, имеют ритмизированную и подвижную стратегию существования в пространстве и времени. О типичности «плавающего» положения практик в структуре жизнедеятельности коренного населения В. И. Йохельсон писал следующее: «<...> у нас есть люди, считающие себя

несчастливыми, если не вовремя пообедали, и очень многие чувствуют себя нехорошо, если день не пообедают, а здесь нет понятия об определенных (по времени и качеству пищи) трапезах. <...> Трапезы нередко сокращаются до одной в день или одной в 2-3 дня, а едят вообще что есть, выбора нет, если не считать обычая пить утром и днем чай, когда он есть» (АИВР РАН. Ф. 631. Д. 15. Л. 27–27 об.).

Повседневность жителей северной Якутии характеризуется наличием нескольких сезонных социальных ритмов (Жукова 2023). Информант из Жиганска заметил, что в основном общественная и культурная жизнь села (спортивные соревнования, концерты, танцевальные программы и пр.) концентрируется в зимнее время. Летний сезон предполагает две стратегии действий. Во-первых, в этот период многие люди отправляются в отпуска, санатории, на курорты и т. д. (например, в семье информанта на момент нашей беседы отсутствовало 11 человек: дети, жена, родители, брат и другие родственники). Во-вторых, по его словам, «кто-то должен готовить сани летом», поэтому часть людей остается в Жиганске, чтобы успеть произвести ремонтные работы, приобрести технику, продукты и совершить другие подготовительные к зиме действия (Гончаров 2019: 226).

М. Мосс писал, что для европейского городского пространства характерны зимние ритмы напряженной работы, чередующиеся с летними отрезками отдыха. В сельской местности происходит инверсия, в соответствии с которой наиболее трудозатратным становится летний период, а минимальный уровень труда характерен для холодного времени года (Mauss 2006: 78). Для инуитов, как показал М. Мосс, также были характерны сезонные различия социальной организации: летом сообщество дробилось и распределялось по пространству для занятий промыслом, а в зимний сезон происходило соединение фрагментированных частей, сопровождавшееся крупными праздниками и ритуалами (Mauss 1979: 56). О схожих стратегиях социальной адаптации коренных жителей Арктики к экологическим условиям писал И. И. Крупник (1989: 80).

Примеры северной Якутии показывают, что в настоящее время трудно выделить четкие ритмы, характеризующие стратегии деятельности одновременно всех жителей региона. Даже в пределах одной семьи летом уезжают далеко не все ее члены. Некоторые, по состоянию здоровья, в связи с профессиональными обязанностями или задачами по обустройству быта, остаются в районе. Информантка из Жиганска, наоборот, использует летнее время для ведения своего небольшого бизнеса в селе. Дело в том, что в период навигации по р. Лене из Якутска в Тикси (или на меньшее расстояние) ходят теплоходы с туристами, которые, как говорят информанты, часто являются состоятельными людьми. Одной из остановок в их маршруте является Жиганск. В это время некоторые мастерицы, в числе которых упомянутая выше информантка, приходят к берегу и приносят свои изделия ручной работы (эвенкийские

амулеты, украшения из оленьей кости и пр.) для продажи их туристам в качестве сувениров. В зимний период такая форма экономической активности сходит на нет. Следовательно, жизнь населения Жиганска (как и других населенных пунктов Якутии) не полностью встраивается в определенную ритмическую конфигурацию. Однако отрицать сезонную смену плотности населения и социальных процессов в районе тоже нельзя, следует говорить о доминирующей стратегии действий в определенный временной промежуток, которая не является строго обязательной и поэтому не отменяет иных форм мобильности и деятельности. Это согласуется и с теоретическими положениями М. Мосса, который утверждал, что перемещения людей в пространстве представляют собой форму «симбиотической мобильности» (Bravo 2006: 44): «Движение, оживляющее эскимосское общество, синхронизировано с движением окружающей жизни» (Mauss 1979: 43). Стратегия мобильности не детерминирована ни экологическими, ни социальными условиями, но представляет собой результирующую взаимодействующих факторов (Bravo 2006).

Отсутствие стабильно работающих инфраструктур и труднодоступность региона определяет то, что пространство осваивается в основном «рывками», через возникновение временных интенсивно используемых связей людей и ресурсов, что характерно не только для традиционных видов деятельности, но и для функционирования инфраструктурных объектов, а также для внешних коммерческих и государственных структур, деятельность которых связана с населением региона. Открытие автозимника, доставка пищевых продуктов частным образом или приезд автомобиля с продуктами «Якутоптторга», привоз навигацией и распределение по наследкам товаров, перемещения на самолетах и вертолетах, традиционные хозяйственные промыслы выступают не автономно и бесперебойно функционирующими механизмами поддержания социально-экономической устойчивости населения, а нестабильными процессами, существование которых сопряжено с приложением больших усилий для преодоления экономических и экологических трудностей.

В апреле 2021 г. в с. Колымское приезжала вторая за период действия автозимника фура с продуктами. Машина направляется из Якутска на Чукотку, ее водители договариваются о привозе груза с заинтересованными лицами, проживающими на Севере; приобретают необходимые товары, готовят автомобиль и прицеп, осуществляют погрузку, ждут открытия автозимника; кроме того, конечно, их деятельность подвержена климатическим флуктуациям, связанным с заснеживанием и оттаиванием зимника. По пути они делают остановки в разных населенных пунктах для коммерческой деятельности. Как правило, местные предприниматели заказывают у них доставку определенных товаров для своих магазинов. Помимо выполнения заказа, дальнобойщики везут товары для самостоятельной продажи. Информанты говорят, что цены реализуемой продукции у дальнобойщиков ниже, а качество, напротив, отличается в

лучшую сторону по сравнению с товарами в магазинах. Наиболее популярными позициями выступают колбасы, сало, печенье, конфеты, кока-кола, «свежести» (так местные жители называют свежие овощи и фрукты). Продажа ведется на улице: непосредственно у машины дальнобойщики выставляют ящики с товарами, из которых местные жители берут продукты и занимают очередь. Приезд автомобиля с продуктами является важным событием для жителей села, о чем свидетельствуют связанные с ним обсуждения и большой спрос на предлагаемые товары.

Населенные пункты, с первого взгляда, представляют собой статичные «оседлые» формы освоения пространства. Так, дальнобойщик из Якутска, увидев многоквартирные дома в Андриюшкино, сказал, что здесь не стоит искать особо интересных этнографических сюжетов, поскольку поселковая инфраструктура нивелировала все культурные особенности. За настоящей этнографией, по его мнению, нужно отправляться к кочевникам и в глухие селения, «не затронутые цивилизацией». Однако функциональность статичных построек и их встраивание в социальную жизнь поддерживается точечными событиями: через привоз топлива для котельных и ДЭС, доставку строительных материалов, труб для теплотрассы, приезд дополнительных специалистов и т. д. – все это не поставленный на поток процесс, но результат большого труда, затрат энергии и многочисленных согласований, поэтому статичность материальной среды не свидетельствует о статичности ее освоения (Давыдов 2018b; Davydov 2022).

Следовательно, для анализа региональных стратегий освоения пространства актуальной задачей оказывается исследование временно создаваемых комплексов связей. Данный подход позволяет дистанцироваться от обобщений типа «охотники и собиратели», «скотоводы», «земледельцы» и прочих категорий (Левин, Чебоксаров 1955), предполагающих редукцию локальных практик, связанную с тем, что концепция хозяйственно-культурных типов слабо учитывает фактор темпоральности и локализации деятельности в микролокусах внутри крупных территорий. При описании «уплотнения» компонентов хозяйственных практик происходит детализация и прояснение этих понятий до уровня центров интенсификации практик в пространстве, соотнесенных друг с другом (Davydov 2011: 111). В. А. Тишков утверждает, что центры возникают и существуют в социальной среде как своего рода «метафизические необходимости»: они выступают узлами связей, местами защиты и управления, формируют каркас обживаемой территории, придают ей определенную конфигурацию. В связи с этим трудно вообразить, чтобы заселение и использование пространства шло без процесса «центрирования» (Тишков 2004: 26).

Для того чтобы выявить и проанализировать локальные стратегии структурирования ресурсов и объектов во время хозяйственной деятельности, я обращаюсь к анализу организации

распространенных в регионе практик оленеводства, собирательства и рыболовства. Начну с коральных работ в Халарчинской тундре (с. Колымское) в апреле 2021 года. Стандартно эта хозяйственная процедура проводится два раза в год: весной и осенью с целью подсчета поголовья оленей, отделения самок от самцов для благополучного отела (поскольку самцы могут убить новорожденных оленят – *тугутов*), осуществления необходимых ветеринарных мероприятий и выделения часть животных для забоя⁶⁵. В начале апреля плановые коральные работы у оленеводов общины «Турваургин» были завершены, однако в одном из стад потребовалось провести дополнительные ветеринарные процедуры. Местный производственный кооператив «Турваургин» поставил перед собой задачу получить статус «племенного репродуктора», который юридически позволит разводить племенных животных, соответствующих всем стандартам породы, а также использовать семенной материал для селекции⁶⁶. В связи с этим необходимо, чтобы животные удовлетворяли ряду критериев, одним из которых является документальное подтверждение отсутствия заболеваний. К несчастью оленеводов, у некоторых особей обнаружился бруцеллез⁶⁷, в связи с чем и были организованы дополнительные коральные работы, предполагающие вакцинацию оленей.

Многочисленные попытки загнать стадо в кораль и произвести запланированные ветеринарные процедуры не увенчались успехом. Животные истощились и от усталости падали на снег. Соответственно, увеличивался риск нанесения вреда их здоровью, в связи с чем попытки загнать оленей прекратили. Как объясняли информанты, негативный исход был обусловлен немногочисленностью стада – оно состояло всего из 500 оленей, оставшихся после отделения самок от самцов в ходе основного этапа коральных работ, проходившего ранее. Такое относительно малочисленное стадо менее управляемо, чем группа из 1000 и более голов. В сложившихся условиях вакцинацию решили отложить до следующего раза. После отмены корализации все прибывшие люди стали разъезжаться в другие бригады и обратно в село.

Рассматриваемая практика включает в себя не только оленеводов с их инвентарем, но также приезжих ветеринаров, гостей, главу производственного кооператива, согласовывающего важные административные вопросы, людей, которые остались в селе, но передали тундровикам еду, помогли гостям подыскать необходимую одежду и организовали транспорт. Непосредственно на корале наблюдается уплотнение комплекса объектов с периодически

⁶⁵ Осенняя корализация в Нижнеколымском районе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arktika.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2958758?ysclid=li4y8nvovh137317812> (дата обращения: 26.04.2023)

⁶⁶ Племенное животноводство, или как стать племенным репродуктором [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agrovesti.net/lib/advice/plemennoe-zhivotnovodstvo-ili-kak-stat-plemennym-reproduktorem.html?ysclid=li4y9swslu977235025> (дата обращения: 26.04.2023).

⁶⁷ Бруцеллез – инфекционное заболевание животных и человека, вызываемое бактериями, которые объединены под общим названием *Brucella* (Зубродин и др. 2018: 6).

сменяющимися волнами максимальной концентрации акторов во время загона животных и разрежения, когда олени в очередной раз убегают. В процессе реализации хозяйственной процедуры актуализируется связь в виде речевой (и звуковой) коммуникации между участниками практики. Даже несведущие в оленеводстве люди понимают, как нужно себя вести, поскольку имеют возможность наблюдать за опытными оленеводами. Конфигурация объектов и действий в пространстве, сама логика ситуации позволяет человеку осознать и реализовать свою практическую роль. В ходе формирования комплекса связей происходит постоянная донастройка и корректировка отдельных частей общего процесса, обнаруживающая черты самоорганизации. Оленеводство состоит из различных по своей природе компонентов, практическая эффективность которых достигается в ходе взаимного согласования, во время которого один элемент «притирается» к остальным, становясь частью общего комплекса и увеличивая уровень связности между набором элементов, формирующих практику оленеводства (Гончаров 2022b).

Другой пример организации деятельности представлен практикой собирательства, в процессе которой создается временное пространство, минимально деформирующее окружающую среду, и реализуется процесс выстраивания отношений с людьми, животными, растениями и другими акторами. Попадая на голубичную поляну, испещренную кедровым стлаником, сборщики ягод в Жиганске приступают к созданию ориентиров в пространстве, в качестве которых выступают наброшенные на деревья элементы одежды, повязанная яркая ткань; также используются оставленные ранее визуально выделяющиеся предметы. Для взаимной координации сборщики периодически производят переключку, выкрикивая имена друг друга или иные звуки, позволяющие определить примерное местонахождение напарника. С целью минимизации рисков, связанных с внезапным появлением медведя, собиратели используют собаку, которая в случае опасности должна оповестить хозяев. Присутствие домашнего животного требует особого отношения к съестным припасам людей, взятым с собой, поэтому пакеты с едой привязывают к деревьям на недоступную для собаки высоту. Техника сбора ягоды с применением *куябыла* (биток, эвенкийское приспособление для собирательства ягоды, представляющее собой берестяное ведро, сшитое тальниковыми нитями) предполагает соответствующую микродинамику человека в локальном материальном контексте. Таким образом, на несколько часов в границах голубичной поляны создаются связи между людьми, вещами, деревьями, животными и ягодой, вносящие пространственные дополнения, в рамках которых у человека появляется возможность выполнения поставленной задачи (Гончаров 2021). Через прямые и косвенные контакты между акторами создается временная микроинфраструктура (Давыдова, Давыдов 2021), которая является частичным «овеществлением» отношений в пространстве (Ingold 1993).

Еще один пример временной концентрации ресурсов в процессе деятельности представлен рыболовством, которое объединяет широкий спектр предметов, практик, навыков, социальных связей, нарративов, обрядов (кормление реки, огня (Goncharov 2019)), актуализируемых в процессе промысла (Василевич 1969: 80-86; Гурвич 1977: 44–48). В гараже информанта из Жиганска находится промысловая одежда, используемая во время рыболовства: пуховики, обувь, головные уборы, а также снасти, спальные мешки, снегоход, пешни, моторы для лодок и иные многочисленные атрибуты. Для хранения рыболовецкого снаряжения, а также с целью экономии сил и времени у рыбаков из Жиганска имеются балки, представляющие собой небольшие металлические (или деревянные) кладовые на полозьях, которые с началом рыболовецкого сезона привозят на берег из села. Добытую рыбу хранят в морозильных камерах (ларях) со средним объемом 300 литров, находящихся дома (ср.: Давыдова 2019).

Как и в случае с собирательством, промысел начинается с уплотнения – собираются люди (иногда рыбак действует в одиночку), которые договариваются о времени и месте промысла. Постепенно задействуются «выключенные» ранее из использования элементы материальной культуры: сети, промысловая одежда, пешни, лопаты, балки, палатки, спальные мешки, прицепы и др. Образуется сочетание людей, предметов, животных (многие берут на промысел собак), мыслей, настроений, воспоминаний, стратегий в связи с предстоящим промыслом. После завершения приготовлений рыбаки на снегоходах с инвентарем выдвигаются на водоем. В отличие от собирательства голубики, где природное пространство является относительно неподвижным и не требует учета динамических характеристик, подледный лов предполагает более сложную аналитическую работу. Для формирования места рыбной ловли необходимо учитывать ряд параметров: особенности течения реки, рельеф дна, глубину водоема; немаловажным является (впрочем, как и в собирательстве) фактор удачи (Brandišauskas 2019), поскольку можно угадать (или не угадать) место и время наиболее плотного потока рыбы. После выбора места начинается «распаковка» привезенного инвентаря и, соответственно, знаний, интуиций, по «эластичному, но устойчивому шаблону» (Головнёв, Куканов, Перевалова 2018: 188). Некоторые рыбаки привозят с собой балок, чтобы в нем погреться, выпить чаю, отдохнуть; те, кто уезжает на далекое от села расстояние, ставят палатку для предстоящей ночевки.

Морфологически пространство подледного рыболовства представляет собой временно освоенный локус воды в твердом и жидком состояниях: в период деятельности человека на льду появляются палатка, балок, снегоход, прицеп, сеть, лопата и иные элементы, которые направлены, в первую очередь, на реализацию особого способа взаимодействия с содержимым водного пространства – рыбами, находящимися в водной среде, при помощи перекрывания этой среды сетью (Иохельсон 2005). Использование снасти наполняет пространство воды

дополнительной структурой, которая является нейтральной по отношению к воде, поскольку не деформирует жидкую среду. Орудие лова невесомо пребывает в воде (для придания «весомости» используют грузила), но в то же время оно обладает необходимыми характеристиками: сетчатой структурой, образуемой связью идентичных ячеек, размер которых скоррелирован с определенным видом рыбы. Происходит соотнесение поведения, жизненных ритмов рыбы и встроенного пространства сети, которому человек делегировал (Латур 2004) свои функции по вылову объекта промысла, а если быть более точным, то создал эту функцию, которую бы не смог реализовать сам без помощи инструмента. Непосредственно акт рыболовства, приносящий желаемый улов, представляет собой изъятие вложенного пространства сети.

После завершения хозяйственной деятельности происходит разделение людей, животных, вещей, физической территории, на которой разворачиваются описываемые события. Это переводит интенсивно действующий комплекс в такой режим связей, где составные части не находятся в непосредственном контакте. Поэтому компоненты могут с относительной легкостью входить в другие контексты отношений. Пространства перетекающих практик могут объединяться, взаимопроникать, существовать относительно независимо, но полных разрывов между ними нет в связи с тем, что различные практики концентрируются в рамках одного небольшого сообщества, обладающего ограниченным набором ресурсов. Опираясь на материалы по Анабарскому району Якутии, А. Венцель пишет о «континууме охотников-оленоводов», сложившемся в регионе (Ventsel 2006: 82); Ш. Степанов также утверждает, что «граница между охотниками и скотоводами не закрыта» (Stépanoff et al. 2017: 64), поскольку представители обеих групп для ведения хозяйства пользуются общими навыками и техниками (например, умение определять, где находятся домашние олени в период их свободного выпаса, соответствует навыкам охотника по обнаружению дичи в ходе промысла) (Ibid: 63–64). Информант из Аллаиховского района проводил параллель между поиском мамонтовых бивней и грибов.

Даже при изменении конфигурации связей между объектами после завершения функционирования комплекса вещи и люди сохраняют потенциал повторной интеграции. Следует отметить, что сохранение потенциала является не зафиксированным, а достигаемым состоянием. Объекты, которые могут пригодиться в следующий раз, необходимо постоянно поддерживать в исправном состоянии. Например, в с. Андрюшкино, в промежутке между коральными работами местные жители занимались починкой поврежденного в период проведения предыдущей корализации брезента для загонной конструкции.

Вышеизложенные примеры демонстрируют ритмическую организацию хозяйственной деятельности жителей высоких широт (Головнёв 2018). Такая стратегия функционирования

объектов в пространстве дает возможность создавать и периодически использовать одни и те же объекты в разных сочетаниях, тем самым получая дополнительные ресурсы и формируя более стабильную структуру практик жизнеобеспечения⁶⁸. В. Ю. Кнорозов писал, что материальные единицы, составляющие систему, могут быть соединены друг с другом (интегрированная система) либо разъединены в пространстве (дифференцированная система), причем оба типа систем находятся в генетической связи (Кнорозов 2022: 584–585). Когда в Чокурдах приходит рефрижераторное судно, рыбаки из русскоустынского кооператива съезжаются из различных рыболовецких участков в Чокурдах, где выступают как единая социальная группа в процессе погрузки улова. Помимо этого, русскоустыинцы разных профессий принимают участие в разгрузке привезенных из Якутска продуктов и топлива для сельской котельной.

Сезонные природные и общественные ритмы, охватывающие и трансформирующие повседневную жизнь населения северной Якутии, складываются из микроритмов простейших операций. Оленеводство, рыболовство, собирательство и другие хозяйственные практики формируются и разрежаются ситуативно, происходят в нестабильных центрах «интенсивно используемых мест» (Davydov 2022), которые, в свою очередь, являются частями большего и нестабильного поля отношений. В данном режиме пространственных практик не происходит жестких длительных трансформаций ландшафта, но появляется временный центр как неустойчивая точка кристаллизации и стабилизации свойств взаимодействующих объектов. А. Лефевр утверждал: «если труд, в том числе определенная часть домашнего производства (готовка), требует устойчивых локусов, то ни сон, ни игра не предъявляют таких требований» (Лефевр 2015: 354). Однако, как показывают примеры из этнографии Сибири, трудовая активность может быть реализована в пространстве подвижных и гибких отношений между людьми и окружающей средой (Сирина 2012: 211–249; Головнёв 2017).

Локальное пространство никогда не осваивается полностью. Многие постройки, предметы и возникающие возможности актуальны временно; стационарные строения в виде домов, котельных, дизельных электростанций характеризуются разной степенью интенсивности использования во времени, что также говорит о принципе периодической концентрации усилий на разных видах задач, связанных с различными локусами пространства. Фрагментарность и кратковременность воспроизводимых комплексов компенсируется их разнообразием и увязанностью во времени. Следовательно, темпоральность и ритмизация освоения пространства являются ключевыми характеристиками локальных стратегий практической деятельности, которые позволяют в условиях дефицита людей и ресурсов осуществлять все необходимые

⁶⁸ Ср. с практиками использования вещей у ненцев: «При минимализме материальной культуры кочевников особое значение имеет трансформность вещей, их распределение в пространстве-времени и режим их использования. Один и тот же набор вещей при изменении их раскладки превращает чум в “спальню”, “столовую” и “мастерскую» (Головнёв 2017: 13).

практические операции, эффективно распределяя людей, животных, ресурсы и энергию не только в пространстве, но и во времени. Описываемая стратегия освоения пространства не является полностью детерминированной ни имеющимися постройками, ни временными конструкциями типа коралля или подледной сети, ни региональными или привозными ресурсами. Практики местных жителей происходят в комплексном взаимодействии разнородных компонентов; они представляют собой локальный способ связи этого многообразия. Как пишет С. С. Петряшин, апеллируя к ряду исследователей: «любое действие и практика... обладает феноменологической темпоральностью, которая определяется прагматикой, целью действия, предвосхищаемым будущим состоянием с одной стороны и сложившимися условиями, мотивирующими действие, с другой» (Петряшин 2018: 14; Gell 1992; Munn 1992; Schatzki 2010). Это концептуальное высказывание вполне отражает и стратегию формирования практик освоения пространства в северной Якутии.

Более того, использование объектов не существует отдельно от использования пространства деятельности, но происходит одновременно с этим. Важной чертой локальных практик является то, что они осуществляются не в заранее подготовленном месте со всеми необходимыми условиями, но требуют от человека усилий, направленных на его создание и/или поддержание. Производство локального пространства деятельности становится возможным благодаря объединению вещей, животных, свойств окружающей природной и техногенной среды, навыков, энергии и эмоций людей в единый динамичный комплекс. В свою очередь необходимость столь многогранного прикладывания усилий для производства пространств с актуальными свойствами увеличивает значение ритмической структуры деятельности.

В главе были проанализированы ключевые практики и стратегии освоения пространства северной Якутии на примере поддержания работы инфраструктурных объектов, использования полифункциональных объектов, множественных навыков местных жителей и ритмической структуры практической деятельности. Показано, что в условиях дефицита ресурсов и кадров нормализация работы инфраструктуры достигается во многом благодаря ее интеграции в окружающий социальный, материальный и экологический контекст; продемонстрировано, что инфраструктурные объекты представляют собой совокупности элементов, которые по-разному актуализируют возможности окружающей среды, а исправное функционирование инфраструктур в Заполярье основано на умении местных жителей совмещать специальные и локальные знания и практически осмыслять разномасштабные контексты функционирования инженерных систем. Полифункциональность материальных объектов и ресурсов позволяет минимумом ресурсов добиваться максимального практического результата, что достигается посредством нескольких стратегий, описанных в главе. Множественная компетентность

усиливает степень адаптивности людей к окружающим условиям благодаря повышению потенциала использования различных акторов в практической деятельности и раскрытию ресурсного потенциала локального пространства. Локальная территория осваивается через серии концентраций людей, животных и объектов, поскольку из-за дефицита ресурсов в местных условиях нельзя достигнуть состояния полного освоения – синхронно в каждой точке. Местные жители прибегают к созданию временных комплексов, которые формируются для достижения определенных практических целей, и затем распадаются. Чередование соединений и распадений позволяет оперативно менять конфигурации связей между объектами, сосредотачиваясь на наиболее актуальных задачах.

Глава 4. Масштабы и структура комплексов практической деятельности

В главе проанализированы три аспекта освоения пространства: а) полимасштабность связей, которые актуализируют жители северной Якутии в повседневных практиках; б) вариативность задействуемых акторов; в) виды связей между акторами, которые формируются и используются населением в ходе реализации тех стратегий освоения пространства, которые были рассмотрены в предыдущей главе. Исследование этих трех параметров позволяет более объемно обрисовать структуру материального разнообразия, в контексте которого выкристаллизовывается процесс освоения локальной среды, и выделить ключевые формы организации объектов в условиях региональных рисков и дефицитов; кроме того, он дает возможность сделать акцент на интеграции нематериального контекста в практики использования материальных объектов и исследовать особенности их взаимодействия.

4.1 Многоуровневая адаптация к динамичной окружающей среде

Рассуждая об особенностях кочевых культур Арктики, А. В. Головнёв отмечает, что номадические стратегии проживания в условиях высоких широт «мультимасштабны, и для их понимания необходим охват широкого спектра измерений – от обширного пространства тундры до микроструктуры оленьего волоса. Эти макро- и микротехнологии органично и динамично связаны в кочевой традиции» (Головнёв 2017: 7). Выходя за границы локального сообщества для того, чтобы проанализировать совокупность факторов и сил, определяющих социальные процессы на севере Якутии, следует отметить, что в данном случае также выделяются разномасштабные способы освоения пространства и связанные с ними методы преодоления экологических и экономических рисков. Я остановлюсь на трех масштабах: государственном, региональном и локальном.

Первый, государственный, по преимуществу характеризуется влиянием на локальные процессы через выстраивание межрегиональной инфраструктуры. Он связан с поддержанием благоприятных условий для проживания в высоких широтах, поиском новых форм развития и «государственным» взглядом на локальные процессы (Ssorin-Chaikov 2017; Khlinovskaya-Rockhill, Sidorova 2019). Немалую роль в формировании этой стратегии сыграли академические изыскания. С. И. Боякова утверждает, что первые научно обоснованные программы экономического развития Арктики и севера Якутии, появившиеся в конце XIX – начале XX в., делятся на два типа: а) в первом акцент делался на улучшении качества жизни и условий хозяйственной деятельности местного населения, б) второй предполагал дальнейшую колонизацию путем переселения крупных групп людей из европейской части России в Сибирь (Боякова 2001: 120). Приведу пример стратегии, предложенной Комиссией по определению и устройству опорных и продовольственных пунктов на побережье Ледовитого океана в 1908 г. Исходя из ее программы, ключевым фактором развития арктической Якутии было, во-первых,

переселение людей, знакомых с эффективными приемами добычи и заготовки рыбы и охоты на морского зверя; а во-вторых, отправка местных детей «к местам и лицам наших северных образцовых промысловых обществ» на обучение этим приемам (Соловецкий монастырь, Норвегия, Архангельск, Петербург) (Калинников 1912: 250, цит. по Боякова 2001: 119–120).

В начале XX в. северные округа Якутии изучались экспедицией под руководством сотрудника Министерства юстиции народного советника С. А. Бутурлина. В задачи экспедиции входили доставка пищевых продуктов в Колымский округ, изучение продовольственных проблем и сети коммуникаций региона. По завершении работ С. А. Бутурлин предложил комплекс мер по развитию региона; приведу некоторые из них: а) облегчить бремя податей и повинностей; б) выпускать запасную муку по справочной цене; в) причислить кирпичный чай и черкасский табак к предметам первой необходимости и заготавливать за счет казны для продажи наравне с солью, порохом и свинцом в год 150 мест (900 пудов брутто) чаю и 250 пудов табаку; г) уравнивать разные группы населения (оседлое, кочевое, бродячее) в правах, чтобы льготы, предоставляемые кочевым и бродячим «инородцам» распространялись на всех; д) настоятельно рекомендовать администрации «величайшую осмотрительность в делах воспрещения каких-либо промыслов»; е) предоставить право пятилетнего исключительного пользования тонею лицам, ее расчистившим, если ранее в течение 10 (или 5 лет) ею никто не пользовался; ж) осуществлять более тщательный контроль за претворением в жизнь запрета на ввоз спирта в северные округа; з) объявить Колымский край порто-франко (Бутурлин 1907: 144–147).

Целью предлагавшихся инициатив было решение проблем снабжения населения, проживавшего в труднодоступных районах, необходимыми ресурсами. Большое значение отводилось развитию логистической системы. Яркими примерами деятельности государства в данном направлении в советский период выступает использование Северного морского пути (Белов 1969; Золотухин 2013) и осуществление «северного завоза» (Васильев, Грицевич, Селин 2009; Пиль 2021). Во времена СССР была организована система малой авиации, которая до сих пор играет важнейшую роль в обеспечении мобильности людей и ресурсов арктической Якутии⁶⁹. Как пишут С. М. Баишева и соавторы, в настоящее время решение большинства социального-экономических проблем в регионе зависит от целенаправленной политики государства (Баишева и др. 2012: 341).

Ко второму типу преодоления локальных рисков относятся действия региональных (республиканских) властей. В XIX веке предпринимались хозяйственные эксперименты, в ходе которых с целью развития земледелия из центральной Якутии в Арктику были переселены

⁶⁹ Развитие авиации в Якутии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yakutskhistory.net/развитие-авиации/?ysclid=li4ydazpn0890291566> (дата обращения: 26.04.2023).

ссылынные скопцы. Приверженцы данной инициативы считали, что выдающиеся навыки земледелия, которыми характеризовались представители этой социальной группы, позволят развить сельское хозяйство на Севере, однако эксперимент закончился неудачно (Боякова 2001: 50). Социально-экономические «инновации» проявлялись в навязывании местным сообществам чуждых им форм хозяйственной деятельности. Курьезный случай, подтверждающий неуместность некоторых преобразований, описал А. Г. Чикачев: в 1938 г. всем русскоустыинцам предписывалось заняться оленеводством, с которым в практическом отношении они не были знакомы. Распоряжение вызвало непонимание в среде русских старожилов, а интеграция оленеводства закончилось тем, что, приняв домашних оленей за диких, местные жители перебили их во время переправы через реку (Чикачев 1990: 57–58).

В настоящее время к действиям, направленным на преодоление нестабильности окружающей среды, в региональном масштабе относятся «зеленые рейсы», посредством которых воздушным путем в наиболее удаленные населенные пункты доставляются пищевые продукты⁷⁰, доставка продовольствия водным транспортом, а также подготовка и обслуживание автозимников, по которым в снежное время года перемещаются люди и ресурсы. Во всех населенных пунктах действуют магазины, в которых реализуются основные пищевые продукты по дотированным ценам. Обслуживание таких магазинов выполняется государственным унитарным предприятием «Якутоптторг».

Кроме того, с целью поиска новых направлений экономического развития создаются специализированные организации: в Чокурдахе в 2015 году был открыт «Бизнес-инкубатор» для начинающих предпринимателей, где предоставлялись «социально значимые услуги местному населению»; Аллаиховское управление сельского хозяйства осуществляет информирование местных жителей о проектах, касающихся грантовых программ для развития соответствующих направлений; также его сотрудники помогают населению (особенно пожилым людям) заполнять необходимые документы и вести отчетность по реализуемым программам поддержки (ПМА 2019). В Жиганском районе каждый срок правления главы района посвящен определенному блоку социально-экономических проблем. Период, на который пришелся мой приезд, был связан с развитием частного предпринимательства. Для демонстрации его успешности представители администрации приводили пример с жительницей одного из районных наслегов, которая получила средства на открытие небольшого пошивочного цеха (ПМА 2018).

⁷⁰ В труднодоступные улусы республики с помощью «зеленых» рейсов до конца года будет доставлено более 50 тонн грузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ykt.ru/article/129175?ysclid=li4yfa4h58372763189> (дата обращения: 26.04.2023).

Третий тип компенсации рисков связан с локальным уровнем и проявляется в повседневных практиках населения, направленных на увеличение собственной ресурсной автономности. В ответ на ограниченный набор ресурсов местные жители приобрели навыки эффективного использования имеющихся материальных объектов, что позволяет им своими силами выстраивать многокомпонентную систему жизнеобеспечения. Д. Д. Травин по результатам экспедиции 1927–1929 гг. писал о том, что у русских старожилов и коренных жителей низовьев р. Индигирки были высоко развиты навыки изготовления промыслового инвентаря из местного сырья, а привозные материалы и вещи, как то: сети, огнестрельное оружие и припасы к нему, топоры, гвозди, котлы, мануфактура – в случае необходимости могли бы быть заменены без изменения самой формы хозяйства: волос – тальниковым лыком, огнестрельное оружие – луком со стрелами, железные топоры – каменными, железные гвозди – деревянными, ремнем; котлы – деревянным корытом, мануфактура – оленьими шкурами (СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 172. Л: 146–147).

Важным этническим механизмом перераспределения ресурсов у эвенов и эвенков был *нимат* – обычай дележа промысловой добычи, распространенный среди тунгусоязычного населения Сибири. А. А. Сирина сообщает, что изначально он был связан с охотой на крупнокопытных животных и пронизывал все сферы общества (Сирина 2012: 317). Подобный обычай дележа существовал и у юкагиров: «Принцип равного распределения добычи на всех членов рода преобладает над принципом распределения по труду, правом охотника на продукт своей охоты» (Иохельсон 2005: 184). Некоторые исследователи писали, что у нижнеколымских юкагиров строго соблюдался обычай нимат (Гоголев и др. ... 1975: 76), однако В. И. Шадрин называет этот обычай «хартат» и утверждает, что он является аналогом тунгусо-маньчжурского нимата (Шадрин 2022: 192).

Информанты из Жиганска (как якуты, так и эвенки) неоднократно говорили о том, что у эвенков существует этническая черта, которая проявляется в их готовности поделиться промысловой добычей с родственниками и соседями. Как сказала информантка: «У эвенков был хороший обычай – они ничего не продавали, а все раздавали родственникам и знакомым. Отец мужа [эвенк] себе ничего, кроме как на пропитание, не оставлял. У якутов, наоборот, – оставляли на завтра», «Эвенки никогда скупыми не были, – за счет этого выживали». Другая информантка, эвенкийка, тоже неоднократно акцентировала внимание на обычае представителей своего народа помогать другим людям через раздачу результатов промысла или собирательства. По ее словам, она всегда делится голубикой и другими ресурсами с родственниками и знакомыми. Ее внук говорил, что придерживается таких же правил поведения, обусловленных этнической традицией. На мой вопрос о том, помогает ли он родственникам какими-нибудь ресурсами, он ответил, что периодически снабжает сестер рыбой

и ожидает в будущем помощи с их стороны (например, с ремонтом квартиры). Л. Г. Курилова (юкагирка) из с. Андрюшкино рассказывала в 1987 г. о схожих практиках у юкагигов. В частности, по ее словам, нельзя было есть рыбу, если сосед не обладал данным ресурсом; напротив, обязательно нужно было раздать съестные припасы нуждающимся (АМАЭ РАН Ф. К–I. Оп. 2. Д. 1524. Л. 14), что совпадает с данными, приводимыми В. И. Иохельсоном. Охотник-юкагир сообщал исследователю следующие слова, подчеркивающие важный принцип дележа добытых ресурсов, актуализирующий не только экономические, но и эмоционально-этические отношения: «Как я могу быть спокойным, когда у людей нет пищи... я не могу спать, мое сердце не знает покоя» (Иохельсон 2005: 185). Похожие практики наблюдаются и в среде русских старожилов. Учительница из Русского Устья рассказала, что первое время после переезда в село на работу обнаруживала в сенях своего дома анонимно оставленные рыбу и мясо. Ее попытки выяснить имя благодетелей оканчивались подобными ответами местных жителей: «Так надо, ты ведь здесь одна».

Для жителей арктических районов Якутии характерен постоянный поиск способов преодоления ресурсного дефицита. Транспортное сообщение арктических и северных районов таково, что жителями используется любой факт перемещения между населенными пунктами как дополнительная возможность провезти пассажира или груз. Долгое время в повседневности отдаленных якутских сел транспорт не разделялся на грузовой и пассажирский (Кулаковский, Винокурова 2013: 59). Этот опыт я пережил лично, когда, улетаю из Чокурдаха в Якутск (а годом ранее из Жиганска), принимал многочисленные посылки для родственников местных жителей, находящихся в городе.

Для повышения уровня пищевой автономности населением практикуется частное животноводство (разведение свиней, кроликов, кур) и земледелие (полный вегетационный цикл помидоров, огурцов, перца, лука иногда протекает в квартирах на подоконниках) (Рисунок 38–39). Помимо квартирного овощеводства, реализуется выращивание картофеля на крыше балка и в бочках с землей. В поздний советский период на севере Якутии популярным стало свиноводство. В настоящее время животноводство в рассматриваемых населенных пунктах, за исключением оленеводства, имеет спорадический характер. В 2018 г. в Жиганске всего две семьи держали крупный рогатый скот, в 2019 году в Русском Устье только одна жительница разводила кур. Изредка встречается разведение кроликов и коневодство. Ситуация с животноводством в районе нестабильна и подвержена сильному влиянию региональных экономических факторов, поскольку в значительной степени зависит от поставок ресурсов из Якутска. Следовательно, разведение домашних животных в качестве компенсаторной меры существующих рисков является уязвимой практикой и поэтому отпугивает многих людей. О

трудностях транспортировки животных говорит приведенный ниже отрывок из интервью жительницы Русского Устья:

Ну, щас привезти очень трудно. Я вот последний раз везла; ну, хорошо у меня этот, начальник перевозок в Якутске, подошла к нему, дала заявку за месяц...: сколько мест у меня будет, кто будет сопровождать, кто встречать будет, все... Потом через месяц приехала, позвонила ему, и вот на этот рейс он, в общем поставили их. Привезли как раз, фрукты везли. На праздник не хотели брать, но я говорю: «Я лечу, у меня билет, мне не с кем оставить, так что я или оставляю вам или же этот»... ну, они поставили, привезли... до Чокурдаха самолетом. А с Чокурдаха меня встречали уже на двух лодках, внуки и сын. И мы их привезли. Мне на свинокомплексе сказали, что их можно сутки не кормить вообще. Вот один раз в сутки покормишь, и как раз до дома. Ну, в Чокурдахе вот, в Якутске я забрала, там еще их немножко покормила, попоила, на второе утро увезли, и вот целый день до трех часов ночи я их везла сюда (ПМА 2019).

Представители старшего поколения в свои юные годы, которые пришлось на военный или послевоенный период⁷¹, в условиях дефицита привозных продуктов (например, чая) компенсировали их ресурсами окружающей среды: «Травы заваривали. Вот это, где-то в довоенные-то годы, вот заварки-то совсем не было. И вот брусничные листья. Бруснику точно я помню. Брусника. Ну, нас отправляли (мы дети были) собирать брусничные листья. Потом... от мусора переберем их, так вот. И на сковородку обжаривать, на сухой сковородке. Сухая сковородка, ну, без жира, не жирная. И обжаривали так. И вот, трясли, видимо, и вот, цвет-то менялся заварки. Я безразлична к заваркам. Есть да есть, нет да нет. А старикам-то надо было заварку, как же» (ПМА 2019).

Глава Чокурдаха поделился планами по развитию инфраструктуры, связанной с производством продовольственных ресурсов в поселке:

В следующем году я хочу построить круглогодичную теплицу, завести там 5–10 поросят, уже ищу кадры, одного старика нашел, который раньше держал свиней в колхозе. Он готов. То есть, видите, надо думать сейчас, как все это построить, небольшой сарайчик, чтобы водой развести этот комбикорм, договориться с детскими садами, чтобы пищевые отходы туда сдавали. Вот так, на таком уровне мы сейчас действуем (ПМА 2019).

Количество и состав ресурсов в регионе влияет на дизайн социальных взаимодействий: тех, кто находится в районном центре или Якутске, жители сел часто просят привезти продукты, лекарства, инструменты и пр. Пользуется спросом услуга, позволяющая за определенную плату через жителя Якутска, приобрести бытовую технику, мебель, продукты

⁷¹ Имеется в виду Великая Отечественная война.

длительного хранения и отправить их водным путем на Север. Заказ товаров производится по телефону, через социальные сети или посредством популярного в регионе мессенджера «WhatsApp».

Таким образом, состояние экологической и экономической неустойчивости, характерное для региона, актуализирует множественные стратегии взаимодействия с возникающими трудностями, направленные на стабилизацию жизнедеятельности. В зависимости от субъекта различаются и стратегии действий. Инициативы федеральных и региональных административных субъектов, направленные на решение локальных проблем, вносят неоспоримый вклад в освоение локального пространства, однако ключевую роль в этом процессе играют местные жители. В ходе их повседневных потребностей и практик создаются непрерывные комплексы связей между объектами, которые предполагают использование ресурсов разных масштабов.

Исходя из этого, следует сделать дополнение к предложенному выше разделению акторов, компенсирующих региональные риски. М. Стратерн выделяла два основных и один дополнительный масштаб рассмотрения взаимодействий между объектами. Первый предполагает рассмотрение обособленных и/или перекрещивающихся систем и их связей: например, переход от экономического к политическому способу анализа церемониального обмена. Второй масштаб исследования объектов по смыслу ближе к понятию масштаба в географии и связан с изменением детализации изучаемых явлений: от исследования обменных практик между двумя людьми, до кросс-культурного изучения обмена (Strathern 2004: xiv). Первый тип масштаба открывает важную для этнографии возможность рассмотрения того, как связаны объекты между собой в перспективе той «системы», которую анализирует исследователь. Масштаб первого типа соотносится с концептом Т. Ингольда «перспектива обитателя» (*dwelling perspective*) и «Новой этнографией» А. В. Головнёва, в которых важную роль играет эмический фактор. Такой подход позволяет увидеть, что отношения внешних действующих лиц (в частности, административных и бизнес-структур) с местными жителями не тождественны отношениям местных жителей и внешних структур. Первые для последних являются скорее объектом деятельности, в то время как для местных жителей практики внешних акторов, затрагивающие их повседневность, плотно интегрированы в жизнь и обладают большой субъектностью. Однако М. Стратерн выделяет и третий тип масштаба, который предполагает учет связей между качественно различными явлениями: «это ... способность воспринимать более, чем один масштаб одновременно, продвигаясь от индивидуальных действий к обряду, или от сравнений нескольких ритуалов к выявлению в них общих элементов, или от индивидуальных институтов к конфигурации, которая действительно делает отношения между явлениями “сложными”». Сложность (*complexity*) выступает

культурно определяемым порядком или компоновкой элементов, которые также могут быть восприняты с точки зрения иных порядков (Strathern 2004: xv).

Особенность локального уровня компенсации рисков в настоящее время заключается в том, что он не существует независимо от действующих лиц иных масштабов (Рисунок 37). В связи с этим, на пересечении трех перспектив (которых может быть и больше) возникает еще одна, контекстуализируемая местными жителями и вбирающая в себя связи разных масштабов. В ней выстраивается та конфигурация отношений, которая отражает комплекс практической деятельности локальных сообществ, направленный на преодоление региональных рисков и дефицитов. В этом симбиотическом масштабе переплетается внутреннее и внешнее, формальное и практическое, экономика, политика, экология и другие сферы, которые существуют не в качестве самостоятельных категорий, а в виде взаимодействующих и взаимовлияющих компонентов пространства жизнедеятельности населения северной Якутии.

4.2 Способы формирования связей в практиках

Для того чтобы лучше понять, каким образом объекты окружающей среды входят в процесс освоения пространства, представляется актуальным исследовать детали проявления связей между объектами в процессе выполнения хозяйственных практик, что может быть сделано на примере неводного рыболовства. Неводной лов, вокруг которого сконцентрированы основные мысли и действия рыбаков, распадается на череду индивидуальных задач, последовательно реализуемых и сменяемых. Процесс промысла наполняет практическим смыслом взаимодействия людей и объектов в определенный временной период. Лов рыбы неводом состоит из отрезков разного содержания и интенсивности усилий. На каждой заимке имеется свои особенности промысла. Рассмотрим неводной лов на участке Горлышко. Рыбак, который идет берегом, надевает лямку неводного крыла; два его товарища начинают движение в лодке, медленно отплывая от берега на расстояние примерно 30 м, ведя свою часть невода (Чикачев 1990: 64–65). Лодка и пеший рыбак двигаются параллельно около 20 минут, затем рулевой поворачивает к берегу, обгоняя пешего товарища таким образом, чтобы центральная часть невода⁷², в которую попадает основной объем рыбы, оставалась в воде. После этого рыбаки синхронно выбирают два крыла невода, прогоняя попавшую рыбу в середину. Завершив данный этап, они поднимают мотню и выворачивают находящуюся в ней рыбу на дно лодки. Это действие называется «сбросом» и является единицей измерения улова. Нужно отметить, что если этап продвижения лодки и рыбака вдоль берега зачастую представляет собой довольно монотонное действие, то завершающий отрезок насыщен физическими усилиями и более динамичен. Как сказал местный рыбак, в неводье ему больше всего нравится период, когда невод вынимают из воды, поскольку «уже видишь рыбу, испытываешь чувство азарта» от

⁷² В Русском Устье она называется *мотня* цент, в Жиганске этот элемент имеет название *мамка*.

предвкушения объема вылова. Передвижение вдоль берега представляется ему достаточно однообразным занятием, поэтому он предпочитает слушать музыку (ПМА 2019) (Рисунок 40–42).

Практическая деятельность выступает точкой кристаллизации связей, возникающих здесь и сейчас. Это перекликается с высказыванием В. Г. Богораза о том, что каждая система отношений обладает собственными пространственно-временными параметрами (Богораз 1923). Смысл и логика отношений между явлениями, которые были созданы в разных местах в разное время и принадлежат различным режимам проявления (практическому и ментальному), возникают в процессе деятельности и задают новую конфигурацию отношений. Описанный пример с рыболовством проявляется в физической плоскости, но сопутствующий ему процесс общения между рыбаками находится в сфере вербальной коммуникации. Данные контексты обнаруживают два ключевых способа взаимного бытования. Первый способ предполагает их разделение, а второй представляет собой «уплотнение» разговоров, мыслей и физических действий в контексте практики – существовавшие относительно автономно практические, вербальные и когнитивные феномены переходят в режим интенсивного взаимодействия, приводя рыбаков к желаемому результату.

Приведенное описание показывает, что рыбакам в процессе промысла важно не абстрактное пространство-время. Каждый человек в звене выполняет свою цепочку задач, задействует определенный набор материальных объектов и специфических движений тела. А. В. Головнёв утверждает, что в картине мира кочевника пространство и время неразрывны, «время движется (кочует) по пространству (например, у апреля и июля есть свои пространственные отметки), пространство же не существует вне времени, вернее, меняется по ходу времени. У каждой вещи есть не только размеры и местоположение, но и свое время – изготовления, использования. У нее есть “ритмограмма активности”, показывающая ее востребованность и участие в повседневной жизни...» (Головнёв 2017: 7–8). На мой взгляд, это высказывание является частным случаем объединения пространства и времени в процессе практической деятельности, свойственной не только оленеводам. Примеры кочевых сообществ являются столь яркими иллюстрациями данного тезиса, потому что для кочевников процесс освоения пространства сопряжен в большинстве случаев с воспроизводством временных пространственных структур, в то время как поселковый ландшафт предполагает наличие фиксированных построек (Cribb 1991: 56), снижающих градус интенсивности пространственно-временных корреляций при использовании объектов, но не отменяющих их. Идею о различной степени связи пространства и времени высказывал Г. Башляр. Он заострял внимание на зависимости корреляции пространства и времени от размера объекта: «... чем меньше объект, тем точнее реализуется в нем пространственно-временной комплекс...» (Башляр 1987: 71).

Поддерживаемые и производимые связи пересекаются друг с другом и оказывают взаимное влияние. Каждая из них может рассматриваться отдельно через режим причин и следствий. Например, жители улусов во время отпуска отправляются в Якутск, где занимаются покупкой необходимых материалов для строительства или починки дома. После этого они договариваются с транспортной компанией об отправке груза в поселок, оплачивают услуги, получают накладную. Навигация в Жиганском районе начинается после ледохода, в июне, и длится до октября; в Аллаиховском улусе ее период ограничен концом августа-сентябром. Местные жители ожидают времени доставки, получают приобретенные товары и используют их для ремонта или строительства.

Однако последовательная цепочка действий, ведущая от начальной точки к реализации цели, на всем протяжении пронизана соотношениями с другими цепочками, параллельно возникающими и сосуществующими. Так, во время приезда в Якутск жители северных улусов стараются уделить внимание собственному здоровью и посещают городские медицинские центры; кроме того, они встречаются с родственниками, приобретают технику, инвентарь для охоты и рыболовства или отправляются в курортные регионы России и зарубежья. То же касается времени ожидания доставки груза: интервал между оформлением доставки товара и его получением занят разными формами активности. Разгрузка пришедшего в улус судна связана с погрузкой на него выловленной рыбы и т. д. Таким образом, отношения между людьми, объектами и практиками не изолированы от происходящих вокруг процессов. Нередко эти пересечения становятся факторами, увеличивающими потенциал действия местных жителей.

Примеры эффективного использования спонтанных ситуаций можно обнаружить во многих повседневных сюжетах северной Якутии. В частности, это касается посещения заимок. Так, семья Слепцовых проживает в Чокурдахе и приезжает на заимку для сбора голубики. События, происходившие на участке, подчеркивают значение случайного стечения обстоятельств для местных жителей. Во время спонтанной встречи мне было предложено съездить на промысловый участок. В. Н. Слепцову нужен был человек, который смог бы помочь с обустройством для проживания дома на участке; в первую очередь, это касалось доставки на кухню воды из реки. Таким образом, случайная встреча позволила В. Н. Слепцову получить дополнительные «ресурсы» для обустройства быта на заимке. Приехав на участок, мы встретили сына Слепцовых, который помог донести привезенный груз в дом. Через 40 минут все собравшиеся сидели за столом, обедали и обсуждали сбор ягод. Спустя 30 минут сын информантов покинул заимку, однако за недолгое время общения с приехавшей группой он выполнил свою спонтанную роль – помог перенести вещи в дом, проинформировал

приехавших о наличии ягод, согласовал с родителями дальнейшие планы, связанные с промыслом и другими вопросами.

Количество жителей в северных населенных пунктах относительно невелико, большинство людей знакомы друг с другом лично, многие находятся в родственных отношениях и совместно участвуют в промыслах. Соответственно, высока вероятность, что случайная встреча в локальном пространстве произойдет не со «случайным человеком», а со знакомым. Спонтанная коммуникация зачастую касается общих и важных для собеседников вопросов. В связи с этим подобные встречи нередко увеличивают степень осведомленности людей о происходящих вокруг событиях и способствуют формированию новых отношений, которые связаны с решением текущих и будущих хозяйственно-бытовых задач.

Многие хозяйственные практики в регионе устроены таким образом, что они, во-первых, предполагают возможность увеличения их эффективности путем спонтанного включения новых акторов; а во-вторых, их структура такова, что практики зачастую не распадаются в результате влияния неожиданных условий. Более того, они способны вполне успешно интегрировать непредвиденные встречи, информацию и задачи. Так, рыболовецкое звено Р. П. Чикачева, работающее на участке Горлышко, в период отдыха между тонями⁷³ на заимке принимало в гости общего знакомого, возвращавшегося в Русское Устье с другого участка. Его накормили, далее состоялось обсуждение вопросов промысла, после чего гость уехал, а рыбалка продолжилась. Как сообщали информанты, некоторые родственники жителей Русского Устья, проживающие в Якутске, приезжают на лето в село и устраиваются в кооператив в качестве сезонных рыбаков с целью заработка. Определяющую роль в этой форме экономической интеграции играют родственные связи и знакомства, позволяющие получить одобрение главы кооператива для приема нового члена общины.

Переплетение полимасштабных паттернов мобильности и способов получения ресурсов приводит к тому, что образ жизни современного населения северной Якутии не вписывается в рамки дихотомии «кочевники/оседлые». Возникает конгломерат взаимодействий смешанного содержания, которые включают наложения одного типа мобильности на другой (Васильева 2021: 150–151). Оленеводы связаны с поселковой инфраструктурой, в то время как жители стационарных населенных пунктов зачастую проводят несколько месяцев в году на заимках, ежегодно отправляются на промыслы в горы, тайгу, тундру, на реки и озера. Л. Н. Жукова, на основе анализа мобильности современных юкагигов Верхнеколымского улуса, называет такой образ жизни «полукочевым» (Жукова 2023: 50). Кроме того, следует учитывать миграцию между поселками внутри района, между улусом, Якутском и другими крупными внешними

⁷³ Тоня – место на водоеме, где производится лов рыбы, а также процесс лова рыбы неводом (Шахова 2013: 24).

локациями. У некоторых жителей северных районов, как я уже писал выше, имеются квартиры в Якутске, где они также проводят часть времени. Северные населенные пункты находятся на пересечении городского и природного пространств, поскольку соотнесены с ними через формируемые потоки ресурсов (Konstantinov, Vladimirova 2006: 170).

Охоту и оленеводство в современной Якутии трудно представить без воздействия внешних институций (Рисунок 43). Зависимость арктических оленеводов от крупных экономических центров подчеркивают В. В. Филиппова и соавторы, сообщая о том, что важную роль в стабилизации оленеводства в постсоветский период сыграла государственная система поддержки отрасли в республике. Помимо дотаций на маточное поголовье и субсидий за сохранность поголовья, финансируется программа строительства коралей и производственных баз, компенсируются транспортные расходы. Основной помощью выступает субсидия на производственную деятельность, которую в повседневных разговорах называют заработной платой оленеводов (Филиппова и др. 2020: 203).

Практики пополнения промысловых инструментов связывают удаленные и сравнительно изолированные населенные пункты не только с Якутском, где местные рыбаки покупают необходимое снаряжение, но и со всей страной. По словам информанта из Жиганска, он часто пользуется услугами интернет-магазинов из разных регионов: «... “Рыболов.орг” – магазин, офис в Санкт-Петербурге находится. Вот там... сначала заказал на тыщу пробную, потом на две тыщи, потом на три, а потом вообще... ко мне ... обращались друзья, знакомые шофера; давай заказывать, когда только интернет у нас появился в Жиганске, и... самую крупную сумму: на 40 или 50 тысяч... Историю заказов смотрю, там у меня уже больше 200 тысяч – я с одного магазина купил». По времени «посылка идет – когда как... самое быстрое 10 дней», «Довольно-таки много покупал там чего: спасательные жилеты... до сих пор пользуюсь ими, потом плащ-накидки; отцу костюмы... Ну, и щас ребята тоже уже научились все, где-то кто-то на конторах этих сами себе заказывают» (ПМА 2018).

Таким образом, множественные связи между объектами и людьми, отсутствие строгих границ, разделяющих их практические функции, увеличивают возможности для конструирования новых способов освоения пространства. В насыщенной связями среде увеличивается возможность практического действия. Кроме того, отсутствие стабильной структуры и регламентации повседневности позволяет использовать спонтанные встречи, объекты и ресурсы для достижения желаемых целей. Потенциал действия в данном случае усиливается благодаря разомкнутости и вариативности практической деятельности, о чем сообщает и П. Бурдье, когда теоретически осмысляет практику как феномен и утверждает, что она основана не на сознательных и постоянно действующих правилах, а на практических

схемах, непрозрачных для самих себя, склонных к изменениям в зависимости от логики ситуации (Бурдые 2017: 29).

4.3 Контексты взаимодействия людей и материальных объектов

Недостаток кадров, ресурсов, проблемы транспортной доступности, износ коммуникаций, техники и зданий привели к тому, что одной из важных адаптивных стратегий в регионе стало увеличение связей между объектами материальной среды. В тесном кругу взаимодействий оказались не только объекты природы и «традиционной» культуры, но и некогда чуждые для региона инфраструктурные сооружения, а также современная техника, интернет, открывшиеся после распада СССР экономические каналы, переплетенные с локальными социальными и природными ритмами.

Актеры локальных практик оказываются агентными, то есть способными оказывать влияние на происходящие вокруг процессы, не сами по себе, не только и не столько «в отношении к людям» (Токарев 1970: 3), сколько в переплетении разных агентностей. Следовательно, если термин «агентность» (Gell 1998) описывает устойчивую структуру, характерную скорее для статично рассматриваемых объектов, то их переплетение (то, что К. Барад называет «агентивным реализмом» (agential realism) (Barad 2003)) предполагает динамику агентностей, поскольку формирует подвижную систему взаимодействующих и взаимодополнительных элементов. Б. Латур писал, что «“актер” ... не источник действия, а движущаяся цель обширной совокупности сущностей, роящейся в его направлении» (Латур 2020: 68). В случае северной Якутии акторы возникают, функционируют и корректируются именно в процессе существования с множеством других действующих лиц. Они активны не сами по себе, а при условии включения в общее пространство взаимодействия и функционируют именно потому, что есть иные акторы.

Устойчивое соотношение между трубами котельной и текущей по ним водой обеспечивается мастерами ЖКХ, использующими специальные инструменты. Порой возникают ситуации, когда местных сил недостаточно для выполнения задач коммунального хозяйства. Так, для монтажа новых участков теплосети в 2019 г. из центральной Якутии в Русское Устье приезжала специальная рабочая бригада. В свою очередь, связь материальных объектов (труб и воды), породила формирование теплоизоляционных коробов вокруг труб. До их появления теплосеть прокладывали в распиленных пополам бочках, а для увеличения энергетической эффективности использовали старую одежду, которой утепляли установленные коммуникации. Позже местные жители адаптировали короба для перемещения по ним; детям даже удается использовать их для катания на роликовых коньках. Таким образом, возникают последовательности соотношений между материальными элементами, которые показывают, что

появление и вхождение в практику полезных функций объектов происходит не изолированно (один объект – одна функция), но через комплексы с множеством свойств.

Материальное обеспечение выступает ключевым условием успешности хозяйственных занятий, следовательно, важно поддерживать вещи в исправном и пригодном для эксплуатации состоянии. В арктических поселках Якутии нет специальных сервисных центров, но есть опыт местных жителей, позволяющий решать возникающие технические проблемы. Среди населения выделяются те, кто обладает бóльшим опытом, пониманием и способностями в контексте обращения с определенными вещами. Например, Р. П. Чикачев в Русском Устье известен как один из лучших мастеров по изготовлению нарт. Он делает их для себя, своих сыновей, родственников и знакомых, как безвозмездно, так и за плату. А. Е. Ханчаев из Жиганска более 20 лет трудится сварщиком в селе. Помимо основной деятельности, для дополнительного заработка он занимается изготовлением ножей и сварочными работами. Около дома Артем Еремеевич оборудовал кузницу. Информант сообщал, что если навыками сварки в селе владеют многие, то кузнечное ремесло освоить гораздо сложнее. Только у него во всем Жиганске в 2018 г. был плавильный горн. Спектр сварочных работ мастера характеризуется выполнением ручной, дуговой и электросварки. Фигура Артема Еремеевича, обладающего редкими и актуальными навыками, уникальна в масштабах села. Его деятельность во многом определяется потребностями местных жителей: кому-то нужно починить снегоход, мотоцикл, изготовить прицеп и пр. По телефону, через мессенджеры и социальные сети он консультирует мастеров из других населенных пунктов. Кроме того, А. Е. Ханчаев известен в Жиганске и Якутии как мастер по изготовлению ножей – его изделия неоднократно получали награды на республиканских конкурсах (Гончаров 2019: 225).

Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что в социальной структуре населенных пунктов северной Якутии выделяются люди, обладающие более развитыми навыками обращения с определенными материальными объектами по сравнению с другими жителями. К ним чаще обращаются за советом и помощью, им доверяют и высоко ставят в социальной иерархии, когда дело касается технических вопросов. Рассказ о местных постройках зачастую сопровождается отсылкой на определенного человека, который это строение произвел (например, информанты из Русского Устья сообщали о том, что летний дом им помог построить умелец из Чокурдаха). Следовательно, поликомпетентность неоднородна и имеет неравномерное распределение: несмотря на то, что большинство людей владеет базовыми умениями обращения со стандартными для региона материальными объектами, они обнаруживают мастерство не во всех сферах деятельности.

Создание и использование одного объекта предполагает вовлечение разных людей с их актуальным в местных условиях опытом. Вещь конструируется в результате направленности на

нее множества подходов, взглядов и техник, которые позволяют добывать необходимые ресурсы и применять наиболее оптимальные технологии. Производимые в селе вещи представляют собой отражение совокупности компонентов локального пространства с вкраплениями других локальностей. Как писал Б. Латур, «действительно, то, что обозначается термином “локальные взаимодействия”, – это сборка всех других локальных взаимодействий, распределенных где-то в пространстве и во времени» (Латур 2020: 271). Обращаясь к примерам из Русского Устья, можно обнаружить, что нарты местных жителей сделаны из разных материалов: металл, дерево, пластик, растительное волокно. Металл получен в аэропорту из списанных вертолетных лопастей, веревки куплены в местном магазине или доставлены из районного центра, доски взяты из разобранных строений или сделаны из местного плавника, пластиковые полозья привезены из Якутска (Рисунок 32). Занимаясь созданием или починкой нарты, местный охотник-рыболов обращается к собственным знаниям, просит помочь знакомых, изучает информацию через интернет, использует спонтанные возможности. Таким образом, вещи оказываются порождением актуального для местных жителей пространства; в некотором смысле они «вырастают» из него и конструируются повседневными практиками (Ingold 2013)⁷⁴.

В селах северной Якутии сплетение всех сфер занятости рельефно отражается в практиках получения пищевых ресурсов. Даже если в силу недостатка времени человек не имеет возможности самостоятельно добывать мясо или рыбу, члены его семьи обязательно компенсируют продовольственную лауну и снабдят родственника необходимыми ресурсами. Например, мастер участка ЖКХ в Русском Устье так ответила на вопрос о существовании разделения жителей на «рыбаков и нерыбаков»: «Мы все вместе. У меня сыновья рыбаки. У каждого, конечно, в семье или муж, или сыновья рыбаки... Если она [рыба] есть, то есть, если нету – нету». Это выражение хорошо подчеркивает восприятие села как единого целого: когда река изобилует рыбой, пространство Русского Устья заполняется рыбными ресурсами сравнительно равномерно (соответственно, то же, но со знаком минус, происходит в период скудного улова). Плотная связь компонентов социальной структуры обусловлена потребностями в жизненно важных ресурсах и является одной из стратегий их получения. Информантка из Жиганска определила взаимосвязь людей и ресурсов следующими словами: «У нас тут, как в Евангелии: что у тебя есть, всем делимся».

Локальная система получения и распределения ресурсов оказывается более эффективной для тех, кто уже в ней находится. Приезжему человеку, не вступив в контакт с этой системой,

⁷⁴ А. В. Головнёв отмечает схожие черты в отношении ненецкого чума: «Между тем он [чум – Н. Г.] “соткан” из всего пространства кочевий в точке пересечения трех измерений – ресурсов территории, стада оленей и сообщества людей» (Головнёв 2017: 13).

трудно сохранять ресурсную автономность. Следовательно, для полноценного пребывания в арктических поселках и, тем более, в тундровом пространстве гостям необходимо вступать в неформальные отношения с жителями этих населенных пунктов, преодолевая разделение на «внешнее/внутреннее», «свое/чужое», входя в поле локальных взаимодействий. Корректнее будет сказать, что это не столько противопоставление («внешнее/внутреннее»), сколько иная конфигурация связей: если в городской среде для того, чтобы приобрести пищевые продукты или найти заведение общественного питания, можно ориентироваться по вывескам, витринам, рекламе, интернету и т. д. – в общем, опираться на визуальные образы, то в исследованных районах информация о пищевых ресурсах часто локализована иначе – не визуально, а социально: в разговорах, скрытых от посторонних социальных сетях и знакомствах. Использование этих связей требует определенного социального капитала; если человек им обладает (например, статусом родственника, друга или знакомого), то ему открывается потенциальный доступ к ресурсам (Гончаров 2022с).

Материальные компоненты практической деятельности неотрывны от этических отношений. Использование некоторых вещей и добыча определенных ресурсов порой сталкивается с негативными эмоциями со стороны местных жителей. Например, информант из Жиганска, родившийся в Запорожье и переехавший в село в 1968 г., критически высказывается о коренных охотниках и рыбаках, не разделяя их гордости добытой дичью с помощью огнестрельного оружия: «Геройствовать, что ты убил или поймал – неправильно. Одно дело – ты вырастил и убил, а другое – просто приехал, “пых-пых”, и все. Так всех перебьют». В Андриюшкино местные жители отрицательно оценивают приезд гостей в село на вездеходе, поскольку последний сильно вредит местной почве и растительности, как считают информанты.

Добыча некоторых ресурсов характеризуется неоднозначностью этических оценок. Это прослеживается на примере поиска мамонтового бивня в Аллаиховском и Нижнеколымском районах. И. С. Гурвич писал, что в представлениях северных якутов мамонтовые бивни соотносились с древними гигантскими животными *сэлии*, протоптавшими, реки и ручьи. Чтобы не допустить гибель земли, верховное божество Айбы-тойон уничтожил / отправил в нижний мир сэлии, поэтому находка костей мамонта предвещала перемены к худшему в жизни того, кто их обнаружил. Однако, несмотря на страх, бивни выкапывали, оставляя в качестве компенсации подарки духам местности (Гурвич 1977: 199–200). Похожие представления озвучивали информанты-юкагиры из Нижнеколымского района. В настоящее время некоторые люди выступают решительно против данного занятия, заявляя о том, что оно несовместимо с традиционной этикой коренных жителей и может навлечь беду на того, кто им занимается. В Русском Устье информанты сообщали, что глава производственного кооператива запрещает

рыбакам уходить на поиски бивня. Несмотря на критику со стороны сообщества и административные запреты, многие продолжают добывать бивни, поскольку это позволяет им получить дополнительный доход и выступает компенсацией экономической изолированности. Добывая бивни, некоторые люди совершают обряды, призванные задобрить духов местности и отвести возможное наказание, так, например, информант из Русского Устья сообщил: «Когда бивень найдешь, ветку берешь, круг делаешь, завязываешь – и раза три пропускаешь ветку через бивень. По длине бивня. А потом эту ветку оставляешь, завязываешь на ветку дерева». Полевой опыт показывает, что наибольшей критике данный вид промысла подвергается со стороны людей, занимающих положение этнических лидеров. Именно для них характерно мнение, согласно которому добыча мамонтового бивня и традиционная этика – несовместимые явления. Часто подобные утверждения подкрепляются нарративами о несчастных случаях, последовавших в судьбе тех людей, которые занимались поиском бивней слишком рьяно и заработали на этом большие деньги, переступив через локальные этические нормы коренных народов.

Формирование знаний о локальном пространстве

Жители небольших арктических поселков активно вовлечены в разные слои пространства населенных пунктов. Один человек ответственен за множество сфер жизнеобеспечения, он постоянно вступает в непосредственные отношения с окружающей средой в процессе промысла, приготовления еды, отправления обрядов. Различные практики локализуются в едином социальном поле, участники которого интенсивно взаимодействуют между собой. Это приводит к аккумуляции не только практических навыков, но и информации о процессах в окружающей среде. Общие дискурсивные поля и информация, которая через них передается, выступают своего рода «символической инфраструктурой» деятельности (Pennartz 1992).

Передача информации в небольших населенных пунктах иногда описывается исследователями через метафору «сарафанного радио» (Васильева 2021: 98; Davydov 2017: 27), поскольку основным источником получения знаний о происходящих вокруг событиях становятся устные разговоры. Данный канал связи, наряду с использованием мессенджера «WhatsApp», является важнейшим механизмом формирования в якутских поселках довольно однородной информационной среды, которая создается в результате непосредственного взаимодействия людей друг с другом и с окружающим пространством, а не через специализированные средства массовой информации. Общение дает необходимую информацию о ситуации с промыслом, дорогой, снежным покровом; общая микротопонимика создает локальную матрицу ориентиров в пространстве. Длительное проживание в местных условиях способствует запоминанию розы ветров, ритмов климатических колебаний,

направления течения рек, расположения рыбных мест и пр. Для того чтобы оставаться на связи и быть в курсе происходящих событий, находясь в разных точках пространства, местные жители используют несколько сим-карт. Это обусловлено разными операторами, обслуживающими определенные населенные пункты региона. Наличие двух-трех сим-карт, сменяемых в зависимости от места пребывания человека, становится важным условием поддержания непрерывности коммуникативного пространства.

Локальные знания формируются также через наблюдения за происходящими событиями, посредством участия в хозяйственной жизни населенного пункта. Небольшие размеры поселений приводят к эффекту практически полного визуально-аудиального, а также тактильного охвата поселков⁷⁵. Это позволяет воспринимать их едиными даже на уровне чувств: через зрение, обоняние, осязание, слух, сплетающиеся между собой и создающие объемное и насыщенное знание о месте проживания (Давыдов и др. 2016: 155). Такая форма восприятия пространства не является статичной и привязанной к одной точке, но сопряжена с возможностью постоянного перемещения людей и динамичного взаимодействия органов чувств с окружающей средой (Ingold 2011: 45).

Глубокая погруженность местных жителей в протекающие вокруг процессы приводит к состоянию чуткого восприятия социальных и физических изменений, которые становятся частью общего дискурсивного поля и условием эффективной практической деятельности. Локальная информация характеризуется не только широким распространением, но и тематическим разнообразием (Чикачев 2007). Своеобразным выражением предельной степени связи между людьми и окружающим пространством выступают «примордиальные» нарративы о том, что определенная практика или навык находится у человека или группы людей «в крови». Так, жители Андриюшкино (в основном юкагиры и эвены), объясняя, почему оленеводство в Колымском развито гораздо лучше, чем в Андриюшкино, говорили, что там основную роль в хозяйстве играют чукчи, у которых «олeneводство в крови».

О необходимости физического присутствия человека в местном пространстве для формирования адекватного представления об условиях проживания людей в труднодоступных поселках говорил один из делегатов на съезде чукчей в с. Колымское в 2021 г. В его речи прозвучала мысль о претерпевании физического дискомфорта (в частности, связанного с перемещением по местным дорогам), которое нужно испытать на себе, чтобы разобраться в том, что происходит на местах. Человек должен обладать хорошим здоровьем, чтобы перемещаться по арктическим селам, вникать в то, как там живут люди, и формировать собственное мнение, основанное на фактах из первых рук. В социальной антропологии понятие

⁷⁵ Через осязание, в том числе ногами – посредством возможности относительно быстрого прохождения всей площади села.

«телесное знание» (embodied knowledge) (Ingold 2007: 32; 2010: 136) означает особый вид знания, предполагающий преобразование внешней информации в телесный опыт посредством телесных когнитивных практик (Воробьев 2013).

Свое выступление делегат посвятил проблеме медицинского обслуживания в Нижнеколымском районе. Он сделал вывод о том, что слабое здоровье специалиста, отвечающего за вопросы здравоохранения в районе, не позволяет ему лично посещать труднодоступные населенные пункты, поэтому у него нет понимания того, как в них обстоят дела с качеством медицинских услуг и здоровьем местных жителей. Это, в свою очередь, делает невозможным разработку и реализацию эффективных мер развития медицинского обслуживания в регионе. Похожую критику получил представитель республиканского министерства здравоохранения, который отметил, что, по многим показателям за 2020 год, ситуация в Нижнеколымском районе улучшилась. Местные жители негативно восприняли представленные цифры отчетности и выразили мнение о том, что это «улучшение» имеет формальный характер и обусловлено тем, что 2020-й год был «ковидным»: с минимальным количеством выездов людей из района в Якутск для диагностики и лечения, а также, соответственно, с кардинальным сокращением приезда внешних специалистов в районный центр и, тем более, в труднодоступные села района. Таким образом, население арктического района акцентирует внимание на том, что именно физическое пребывание человека в локальной среде, порой связанное с дискомфортом или даже риском для жизни, является залогом получения правдивой информации о текущем положении дел на местах и позволяет создавать актуальные для жителей района программы развития.

Знание, которое население использует в практической деятельности, часто имеет не абстрактный характер; оно напрямую связано с пространством взаимодействия и вытекает из него. А. Лефевр по этому поводу писал, что существует скрытое противоречие между теориями пространства и пространственной практикой, и призывал выходить за рамки теории к пониманию практики (Лефевр 2015: 8). В северной Якутии чаще всего осмысление пространства происходит не абстрактно, но в рамках определенной практики. Информантка из Жиганска, как и многие другие собеседники, практически никогда не проявляла желания объяснять мне механизм совершения какой-либо деятельности вне контекста ее реализации. Описывая принцип работы куюбылом, она постоянно сопровождала рассказ механическими движениями. Более того, информантка не столько говорила, сколько показывала и действовала.

Физическое пребывание в пространстве способствует выработке телесных стратегий для определения размеров вещей. Так, в Русском Устье единицей измерения длины сети или невода является *мах* (мах равен длине вытянутых в стороны рук). Когда я интересовался у местных рыбаков о размере рыболовецких снастей, выраженной в метрах, некоторые говорили, что

затрудняются ответить, поскольку привыкли измерять сети махами. Знание, которое формируется в результате пребывания тела в пространстве, неотрывно от самого человека, оно является подчеркнуто субъективным. Подобно тому, как аффорданс Дж. Гибсона отражает неразрывную связь между человеком и окружающей средой (Гибсон 1988: 188), практические знания местных жителей неотрывны от присутствия людей в пространстве. Субъективность локально произведенного знания отражает важные для населения практические связи, а не абстрактные категории, утверждаемые вне региона действия и вызванные унификацией представлений о мире.

Освоение пространства является процессом создания взаимосвязей, что ярко проявляется в локальных механизмах получения пищевых ресурсов. Постоянная работа над нахождением эффективных сочетаний различных компонентов окружающей среды очень важна для местных жителей, поскольку позволяет усиливать их потенциал действия, а, значит, увеличивать уровень энергетической и ресурсной автономности. Несмотря на то, что количество акторов, участвующих в жизнеобеспечении населения северной Якутии, относительно невелико, количество используемых объектов, а также разнообразие практик, которые концентрируются одним человеком (или домохозяйством) очень высоко. Локальная материальная среда выступает неотъемлемым условием не только физических действий, но и социальных процессов, этических отношений и паттернов осмысления пространства.

4.4 Отношения людей и животных в процессе освоения пространства

Освоение арктического пространства человеком, начиная с эпохи палеолита, происходило в контексте интенсивных взаимодействий с животными. Эта связь в форме охоты, одомашнивания, симбиоза, вражды и конкуренции за территории и ресурсы тянется с древнейших времен присутствия человека за полярным кругом до настоящего времени (Симченко 1976; Головнёв 1993; Козьмин 2003). Повседневность современных жителей северной Якутии наполнена взаимодействиями с оленями, собаками, рыбами, песцами, соболями, медведями, мамонтами (их костными останками) и иными животными, которые являются неотъемлемыми участниками формирования общего пространства жизнедеятельности на Севере.

Важную роль в хозяйственных практиках населения играет собака: она верный помощник на охоте, где в ее обязанности входит поиск дичи, защита человека от других животных (например, медведя). Она часто выступает напарником охотника в загонных операциях во время промысла дикого оленя; кроме того, собаки используются в процессе выпаса оленьих стад. Достижение хозяйственной эффективности собаки требует большого погружения человека в процесс воспитания животного, изучения его повадок и характера (Klokov, Davydov 2019). На вопросы о том, каким образом можно воспитать собаку с ценными

для охоты навыками, информант отвечал, что данная цель недостижима путем целенаправленного обучения – все дело в «даре», который у собаки либо имеется, либо отсутствует от природы, а выявляется это в процессе охоты. Собак, по словам удачливого жиганского охотника Анатолия, не нужно учить. «Зачем?», – спросил меня Анатолий. Я ответил: «Чтобы понимали команды хозяина», на что собеседник заметил: «...тут человека-то не понимаешь, а это собака...».

Охотничьи качества собаки не всегда скоррелированы с ее внешними данными. Для жиганских лаек (наиболее распространенная здесь порода) характерны поджарость и утонченная конституция. В. Г. Татаринцов говорил, что его собака Болтик, будучи весьма крупной и крепкой физически, проявляла трусость на охоте, пряталась при появлении медведя не в состоянии сообразить, каким образом нужно поступать в конкретной ситуации. В отличие от крупного, но трусливого Болтика, пес Анатолия по кличке Валентин, напротив, обладая не самыми внушительными габаритами, выделяется замечательными охотничьими качествами. Как отметил хозяин собаки, его пес никогда не будет без необходимости уделять внимание незначительным отвлекающим факторам, будь то люди, проходящие по улице, или пробегающие мимо животные. Однако во время промысла Валентин становится яростным и неотступным. Анатолий убежден, что у Валентина есть «дар».

В процессе воспитания собак люди налаживают физическую и символическую связь животного с определенными аспектами окружающей среды, о чем свидетельствуют особенности наречения собак. Информацию об этом мне удалось получить от эвенкийки Е. И. Константиновой (1933 г. р.), которая, будучи ребенком, кочевала с родителями по Жиганскому улусу. По словам информантки, собаке давали кличку на второй неделе после рождения, в зависимости от того, на какого зверя была похожа собака или какими визуальными особенностями отличалась. Если ее экстерьер напоминал определенного зверя, то в таком случае название этого животного служило основой клички собаки. Считалось, что пес станет наиболее эффективным в охоте именно на данного зверя. Так, например, была распространена кличка «Кистиит», происходящая от слов «киис» (якут. – и далее все слова якутские) – соболь и «тиит/дит» - охотник; или «Сыгылдит» - от «сыгыл» - лиса. Кроме того, в обиходе были клички, в основе которых лежали хроматические особенности собаки: «Гоырык» – черный, «Бэлиэ» – отметина (если щенок рождался с ярким пятном на теле). В настоящее время не существует строгих критериев выбора клички. Пес Болтик был назван так, потому что хозяин часто брал щенка с собой в гараж, где занимался хозяйственными делами в окружении многочисленных инструментов и крепежных изделий. Валентин получил такую кличку в связи с тем, что родился 14 февраля (День Святого Валентина) (Гончаров 2018).

Информантка из Жиганска рассказывала, что во времена ее детства для повышения эффективности собак на промысле эвенки воспитывали их вместе с детьми. Выработанное с годами взаимопонимание между животным и человеком позволяло использовать расширенный набор промысловых стратегий, связанных с контролем собаки. Для охоты на определенных животных использовали визуально похожую на них собаку. Так, на гусей и лебедей готовили собаку белого окраса (Там же).

Представители местной фауны дают человеку ресурсы к существованию в виде мяса, рыбы, шкур и т. д.; кроме того, они позволяют более эффективно заниматься хозяйственной деятельностью, перераспределяя обязанности и расширяя спектр практических возможностей человека. Некоторые исследователи проблематизируют понятие «домашнего» и «дикого», пытаясь уточнить место животных в контексте социальных отношений. Они пишут об одомашненности не как о достигнутом результате, но как о непрекращающемся процессе с периодами более/менее интенсивных взаимодействий и разной степенью контроля животных со стороны человека (Давыдов 2017; Hybrid communities... 2019). Такие всплески характерны и для северной Якутии. Ярким примером незатухающего одомашнивания является история о хирурге С. П. Мокровском, приехавшем в Аллаиховский район из Вологды в 1930-х гг. Проживая в Чокурдахе, он сумел приручить волков, о чем до сих пор с восторгом рассказывают сотрудники музея в Чокурдахе.

Угасание симбиоза животных и людей обусловлено как техническим прогрессом, так и социально-экономическими трансформациями. В 2019 г., в Русском Устье местные жители говорили, что уже нельзя найти русскоустыинских лаек, упряжки которых были основным транспортным средством местного населения до второй половины XX в. В. М. Зензинов в начале XX в. писал, что ни одно хозяйство в местных условиях немислимо без собак (Зензинов 1914с: 33). Большое хозяйственное значение этих животных было сопряжено с заботой жителей села о чистоте породы (Чикачев 2004). В настоящее время воспитанием собак практически перестали заниматься, полагаясь на естественный процесс обучения. Русскоустыинские собаки представляют смесь разных пород и лишены исключительной выносливости и смышленности, которыми отличались еще 50 лет назад. Однако местные жители старшего поколения до сих пор делятся историями из своей молодости о том, как передвигались по тундре на собачьих упряжках; они помнят некоторые команды («подыпо» – направо и «кухк» – налево), часто называют собак уменьшительно-ласкательно «собачками». Один из наиболее опытных промысловиков П. А. Черемкин (1940 г. р.)⁷⁶, практически все лето проводящий на рыболовецком участке Елонь, именует собак «скотинками», что также свидетельствует о

⁷⁶ Еще В. Г. Распутин в очерке «Русское Устье» упоминал о том, что в этих местах летовал Павел Черемкин (Распутин 1994: 218–219).

тесной связи человека и животного и подчеркивает особый статус собак в жизни русскоустыинцев⁷⁷.

Нестабильность связей людей и животных отражают процессы, наблюдаемые в оленеводстве. Так, в период с 1985 по 2000 гг. в оленеводческой отрасли Якутии в 15 северных районах поголовье сократилось на 34,6 % (Санникова 2005). Как сообщали информанты, в Аллаиховском районе раньше, чем в других административно-территориальных единицах республики, исчезли домашние олени после реформ 1990-х гг. (ПМА 2019). В советский период местный совхоз отличали высокие хозяйственные показатели. Так, в 1989 г. общая численность стада была около 20 тысяч голов. Оленеводы считали, что если они разобьют стадо по родовым общинам, то увеличат свою прибыль и получают желаемую свободу экономических действий. Однако они не рассчитали всех рисков и к началу 2000-х годов полностью утратили поголовье. Возник разрыв хозяйственных связей и утрата контроля ситуации на республиканском уровне, что привело к прекращению племенной работы, ослаблению ветеринарного обслуживания и разрушению транспортной инфраструктуры (Филиппова 2007; Методика составления технологической карты... 2017: 7; Филиппова и др. 2020: 198–199).

Районная администрация неоднократно предпринимала попытки восстановить стадо, постоянно оканчивавшиеся неудачно. В 2019 г. из Усть-Янского района в Аллаиховский район в очередной раз доставили 48 голов домашних оленей⁷⁸, но и этот опыт не привел к положительному результату. Когда я находился в с. Колымское в 2021 г., там же присутствовал глава с. Чкалов (Аллаиховский улус). Он сообщил, что несколько человек из Чкалова в скором времени отправятся на обучение к оленеводам в Усть-Янский район, однако, по имеющимся данным, оленеводство в очередной раз не было стабилизировано. Основной проблемой, судя по интервью, является неправильная методика повторного одомашнивания животных на новой территории. Дело в том, что оленей приобретают либо в Нижнеколымском, либо в Усть-Янском районе, затем в короткие сроки животных перегоняют на территорию Аллаиховского района (с. Оленегорск или с. Чкалов), откуда они довольно быстро убегают. По словам оленеводов, желание поскорее доставить животных на новое место является главной ошибкой. Вместо того чтобы перегонять их постепенно, давая оленям возможность адаптироваться к иному ландшафту и чужим людям, их решительно ведут в незнакомые места, откуда испуганные животные стремятся вернуться домой. Очередные поиски отколовшегося стада в 2022 г.

⁷⁷ О такой номинации собак русскоустыинцами еще в дореволюционный период писал В. М. Зензинов (1914с: 34), а позже О. И. Чарина и Е. А. Строгова (2011: 359).

⁷⁸ Как оленеводство вновь появилось в Аллаиховском улусе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ysia.ru/kak-olenevodstvo-vnov-poyavilos-v-allaihovskom-uluse> (дата обращения: 26.09.2022).

закончилась трагедией – два человека из родовой общины «Берелех» погибли⁷⁹. Кроме того, иногда причиной исчезновения оленей становится большой процент выкидышей молодняка и иные негативные факторы⁸⁰. Однако попытки восстановить былые сельскохозяйственные показатели продолжаются; в районе много людей, которые имели опыт оленеводства. Они, несмотря на время и неудачи, продолжают ассоциировать себя с этим видом деятельности и видят в нем потенциал развития родных территорий. В 2022 году оленеводством в районе занимались две общины, а численность животных составляла 2550 голов⁸¹.

Угасание оленеводства и его осмысление местными жителями может быть проиллюстрировано на примере Нижнеколымского района, где в первое постсоветское десятилетие количество оленей сократилось на 59,7 %, что в числовом выражении составило сокращение с 32246 голов в 1991 г. до 13000 в 1999 г. (Санникова 2016: 222). Динамика поголовья в 2000-е и 2010-е гг. демонстрирует как негативные, так и позитивные тренды в изменении численности оленей. В 2019 г. в районе было зафиксировано 15167 оленей (Роднина 2022: 146). Внутри района ситуация в сельском хозяйстве далека от однородности. Показателен контраст между соседними селами Андрюшкино и Колымское. Несмотря на то, что население Колымского больше, чем в Андрюшкино всего на 79 человек, поголовье в общине первого значительно превышает размер стада во втором селе: 12000 против 2100 (весной 2021 г.). Учитывая справедливое замечание Я. М. Санниковой о том, что критерием, определяющим благополучие северного оленеводческого хозяйства, является общая численность поголовья оленей (Санникова 2016: 225), нетрудно сделать вывод о том, что социально-экономическая ситуация в Андрюшкино в настоящий момент весьма депрессивная, в отличие от Колымского, где, несмотря на имеющиеся проблемы, экономически и эмоционально оленеводы находятся в более стабильном положении (Рисунок 44).

Информанты из Андрюшкино, рассуждая об ухудшении показателей оленеводства в селе, выделяли следующие факторы, негативно влияющие на состояние отрасли: алкоголизм населения, нежелание молодежи идти в оленеводство, уход опытных оленеводов, слабая поддержка государства и связанные с этим низкие зарплаты, нехватка чум-работниц, увод домашних оленей дикими, негативные экологические условия, волки, задирающие поголовье, а также оводы, изматывающие животных. В то же время о сельскохозяйственных достижениях

⁷⁹ Пропавших оленеводов спасти не удалось. Их тела обнаружены недалеко от берега Хромской губы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kmns.ru/blog/2022/08/12/пропавших-в-якутии-олeneводоv-из-общи/?ysclid=li4yox6ll729473732> (дата обращения: 26.04.2023).

⁸⁰ Петр Каургин: «Основная проблема в общине “Турваургин” – проблема с кадрами и низкая заработная плата оленеводов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yakutiakmns.org/archives/2921?ysclid=li4yupsd85977371931> (дата обращения: 26.04.2023).

⁸¹ Айсен Николаев: Аллайховский район получит поддержку для увеличения поголовья оленей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minsel.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3323008> (дата обращения: 20.05.2023).

соседей из Колымского андрюшкинцы отзывались с уважением. На вопросы о том, почему в Колымском оленеводство находится в более стабильном состоянии, информанты отвечали, что там, в отличие от Андрюшкино, дробление совхозных стад в 90-е годы прошлого века не достигло таких масштабов. Помимо этого, важными условиями развития отрасли были названы: сохранение семейного принципа ведения хозяйства (что определило тренд на концентрацию стад и более ответственное ведение дел), этнический фактор (в основном оленеводы в Колымском – представители чукотского народа; по мнению юкагиров и эвенов из Андрюшкино, чукчи обладают более эффективными навыками оленеводства). В этом же ряду благоприятствующих факторов была названа чукотская порода оленя (*харгин*), в большей степени приспособленная к местным природным условиям⁸². Оленеводы из Колымского кооператива «Турваургин» объясняли позитивные экономические показатели, которыми отличается их община, эффективным руководством и строгим контролем принимаемых решений в 1990-е и 2000-е гг. Например, членам общины было категорически запрещено забивать оленей на мясо вне плана. Кроме того, чукотская порода оленя также интерпретировалась информантами из Колымского как важное условие хозяйственной стабильности. В качестве факторов, негативно влияющих на оленеводство, были названы волки, дикие олени, оводы.

Перечисленные примеры показывают, что, по мнению местных жителей, сохранение и нормальное функционирование оленеводства связано с соединением компонентов хозяйственной деятельности: в первую очередь, людей и оленей; а также с принятием мер, направленных на удержание этой связи, и наличием способствующих этому условий (родственные отношения). Напротив, к упадку оленеводства приводят меры, характеризующиеся разделением комплекса связей. Таким образом, в проанализированных нарративах положительные явления в рассмотренной отрасли воспринимаются как результат объединительных факторов. Позитивные акты связываются с централизацией, соединением, стягиванием; и, наоборот, то, что разделяет акторы, определяется негативно. Эта дихотомия демонстрирует отличие дискурсивного выражения оленеводства от практического поля, для которого обыденными выступают такие события, как увод части оленей дикарями, нападения волков, изнурительные укусы оводов, болезни, неудачные попытки загнать животных в кораль для проведения ветеринарных работ, свободный выпас и т. д. (Stépanoff et al. 2017).

⁸² В Халарчинской тундре преобладает олень чукотской породы «харгин», в отличие от доминирующей в Олёринской тундре эвенской породы, которую местные жители называют «эвен». «Из четырех официально признанных пород северных оленей на территории Якутии разводят три – эвенскую (в 12 улусах горно-таежной, тундровой и лесотундровой зон), эвенкийскую (в 9 улусах таежной и тундровой зон) и чукотскую (харгин) (на территории Нижнеколымского улуса)» (Харзина и др. 2017: 670).

Взаимоотношения людей и животных в контексте освоения пространства отличаются непостоянством, многочисленными флуктуациями, угасанием и, напротив, актуализацией роли различных представителей фауны региона; подвижна и степень одомашненности животных (Hybrid communities... 2019). Многообразие связей, вплетающих фауну в жизнь человека, подчеркивает вариабельность ролей актуальных видов животных в жизнеобеспечении человека. Собака или олень выступают не просто компонентом с четко определенным набором свойств; они отражают системную связь с жизнедеятельностью человека. О ней писал В. А. Козьмин, когда утверждал, что в этнической культуре можно выделить ряд элементов, относящихся к различным сферам жизнеобеспечения, которые через функциональные связи образуют ее субкомпоненты и целостность культуры. «К этой категории субкультурных компонентов, – утверждал исследователь, – относится и оленеводство. Основным образующим его элементом является домашний олень, наличие которого выстраивает межкомпонентные связи в культуре» (Козьмин 2003: 6). Интегративная роль животных в процессе жизнеобеспечения людей особенно рельефно обнаруживается в циркулирующих среди местных жителей дискурсах, которые связаны скорее с символическим освоением пространства, которое, впрочем, неотрывно от материальной среды.

4.5 Нематериальные факторы связи компонентов жизнеобеспечения

Пища и отношения с духами местности

Для представителей коренных народов традиционно были свойственны анимистические представления, в соответствии с которыми окружающая природа одушевлялась (Штернберг 1936; Богораз 1939). Материальные объекты на севере Якутии приобретают особое символическое измерение и могут выступать инструментами коммуникации с духами местности (Vitebsky 2005). Частично подобные воззрения сохраняются и в настоящее время. Базовым способом взаимодействия с духами местности является их кормление (см.: Давыдов и др. 2016: 123). По словам местных жителей, для привлечения удачи на промысле и во время путешествий следует кормить реку, огонь и тундру. Как выразился один из информантов: «Даже когда просто на природу выходишь, нужно оладьи сделать, чай, все равно в костер кидаешь... на природу вышел, всегда покормил Байаная⁸³». Это широко распространенный маркер коренного населения Сибири и Севера, в том числе русских старожилов (Чикачев 2007; Сирина 2012; Willerslev 2007). Подношение пищи духам отражает такой тип выстраивания связей с окружающим пространством, в соответствии с которым то, что человек воспринимает

⁸³ Байанай – дух охотничьих угодий и хозяин тайги коренных народов Якутии (Ушницкий 2017: 111; Попова 2022: 30).

одним образом, духами может быть воспринято иначе. В антропологии данное явление получило название «перспективизм»⁸⁴.

Процесс кормления духов не унифицирован, он зависит от многих параметров, хотя по форме выглядит одинаково – люди берут еду или то, что они считают пригодным для кормления духов, и «передают» адресату. Следует отметить, что время, частота передачи «пищи», дополнительные элементы обряда определяются индивидуально. Многие русскоустыинцы говорят, что они кормят реку один раз в году после ледохода, когда впервые выходят на воду; то же касается и огня – кормление его происходит в момент возвращения рыбака на промысловый участок после зимнего перерыва. Однако и эта стратегия вариативна, существуют отклонения, зависящие от конкретного человека (Рисунок 45–46). Так, некоторые рыбаки совершают обряд кормления огня, оказываясь на разных участках в течение всего года. «Когда речка прошла [завершился период ледохода – Н. Г.], мы делаем подарки – завязываем цветные ленты и в речку... [даем подарки реке]. Приезжаем на участок – там есть специальное место – палочка – на нее завязываем ленточки. Покормим тундру. Папа огонек кормит. Если на другой участок приедет – тоже кормит» (ПМА 2019). Несколько иначе кормление духов происходит у представителей эвенского народа. По словам информанта-эвена, кормить огонь необходимо каждый день до завтрака. Он считает, что эта норма отличает эвенов от якутов, для которых время кормления очага не играет большой роли: «Мы утром кормим... печку, огонь. А якуты хоть днем, хоть ночью кормят. А наши говорят: “если вечером ты кормишь, значит, черта ты кормишь тоже”. Утром должен» (ПМА 2019).

Кормление духов является неотъемлемым компонентом этнически окрашенных праздников и мобильности (что проявляется в подношении «пищи» сакральным деревьям вдоль дороги: чаще всего в качестве таковой выступают сигареты, монеты; кроме того, на деревьях повязывают ленты); оно становится важным действием в случае удачи на промысле или при обнаружении ценного предмета. В 2018 году на берегу Лены в Жиганске был найден бивень мамонта, в результате чего информанты приняли решение о том, что нужно щедро «покормить Байаная» – в огонь бросили несколько пакетиков чая, затем положили в костер бутерброд и выплеснули коньяк. В случае невозможности «кормления» огня его заменителем может стать электрическая печь, около которой также произносятся благодарственные слова, после чего на раскаленную поверхность конфетки выплескивается алкоголь.

⁸⁴ Явление, когда люди считают, что окружающие их существа (духи, животные и пр.) обладают собственной картиной мироздания (Кастру 2017). «Перспектива – это не представление, поскольку представления – это свойства духа, тогда как точка зрения находится в теле... Животные видят точно так же, как и мы, вещи, отличные от тех, что видим мы, поскольку их тела, отличаются от наших» (Там же: 39).

Особого внимания заслуживают нарративы, связанные с представлениями людей о соотношении пищевых ресурсов и животных. Эти сюжеты раскрываются, в частности, на примере мышей и пауков. Рыбак из Русского Устья в процессе одной из бесед заметил: «У нас пауки, получается, как рыбаки. В детстве мне отец говорил... мы в старом доме жили... там сыро... Они [пауки] там ходят. Он говорит: “Никогда не убивай паука... потому что он – рыбак, ставит сети (паутина-то), ловит рыбу. Мы тоже рыбаки – мы тоже сетки ставим, рыбу ловим”. И, получается, он [паук] тоже как сетки ставит, рыбу ловит – пищу себе... Я рыбак, и паук – тоже рыбак. Он ловит... ту же муху поймает – хакает, значит, живой» (ПМА 2019). Повествуя о пауке, информант подчеркивал два параметра. Во-первых, паук – тоже рыбак, он плетет сети и ловит в них добычу. Во-вторых, он съедает добычу, что свидетельствует о том, что он живой. Первый пункт антропоморфизует животное, делает его более понятным и близким посредством привычной человеку деятельности; второй – через привычную человеку потребность в питании также способствует наделению паука субъектностью, близкой информанту в силу параллельности специфики жизнедеятельности пауков и людей.

Другой пример связан с грибами. Известно, что у коренных народов Севера существовало особое отношение к этому царству живой природы. До второй половины XX в. грибы редко становились частью рациона жителей высоких широт (Ацуси 1997). В алиментарной культуре населения северо-восточной Сибири особым статусом обладает мухомор, который, по местным представлениям, имел множество полезных свойств (усиливал интуицию, повышал физические способности человека, служил лекарственным средством и пр.) (Батьянова, Бронштейн 2016: 48–49). Специфическое восприятие грибов было зафиксировано и в Аллаиховском улусе. Так, жительница Чокурдаха, родившаяся в Русском Устье, сообщила, что раньше «грибы не ели, потому что считали, что это мышинный дом. Если раздавишь – дождь пойдет» (ПМА 2019). Подобное отношение бытовало еще во второй половине XX в. В настоящее время, судя по собранным материалам, оно утратило свою прагматику: та же информантка сказала, что она свободно ест подберезовики, маслята, не обращая внимания на представления, которые существовали в детстве (Гончаров 2020).

В обоих случаях причиной запрета употребления в пищу продукта или убийства животного является наделение другого существа схожими с человеком чертами жизнедеятельности; необдуманные поступки людей могут привести к уничтожению этого «антропоморфного» существа, в связи с чем определенные действия человека табуируются. Однако описанные представления о пауках или грибах разделяются не всеми и не всегда. Для анализа множественных стратегий интерпретации местными жителями анимистических взглядов и поведения человека является актуальной гипотеза Р. Виллерслева (Willerslev 2013). Исследователь утверждает, что рассмотрение высказанной информантом точки зрения в

качестве единственной, целиком определяющей поведение и образ мысли говорящего, неверно, поскольку чаще всего человек имеет несколько точек зрения и способен выбирать, как ему действовать в той или иной ситуации. Следовательно, анимистические воззрения далеко не всегда детерминируют мировоззренческие и поведенческие аспекты коренных жителей.

Локальные объяснения отношений между многочисленными акторами пространства способствуют повышению его связности. С одной стороны, еда позволяет устанавливать контакты с нематериальными существами, населяющими (по представлениям местных жителей) локальное пространство (Народы... 2010: 554). С другой стороны, выявив в таком характере отношений «перспективистские» черты, у исследователя появляется возможность уточнить и концептуализировать иные нематериальные способы формирования связей между объектами (в частности, едой) и людьми. Так, местный житель из Чокурдаха, рассуждая о субсидиях, отчисляемых на поддержку и развитие культуры КМНС Аллаиховского улуса, посетовал, что выделенные деньги странным образом исчезают: «До сих пор нет. Куда дел, кто [деньги] кушал?» (ПМА 2019). Следовательно, деньги тоже могут стать «пищей» в определенном контексте связей. Это говорит о том, что перспективистский аргумент, сопряженный с концепцией анимизма (Сивков 2022), актуален не только в контексте взаимодействия людей и «не-людей». Он распространяется и на других членов сообщества и служит одним из способов выражения плотных связей между людьми, объектами и средой. Перспективизм является формой восприятия объектов в их взаимосвязи – комплексным (или реляционным) восприятием, которое изменяется при трансформации фиксируемых взаимодействий.

Родственные связи и память в пространстве

Важнейшим фактором создания связей между объектами является память. П. Нора пишет о том, что появление «мест памяти» связано с ускорением современного общества, из которого память стремительно вымывается историей, и поэтому ради ее сохранения происходит коммеморация: путем создания музеев, памятников, исторических трудов. Интерес к изучению истории и, соответственно, актам коммеморации совпадает с этапом стремительного индустриального развития (Нора 1999: 18). Если история – это форма репрезентации прошлого, а также неполная реконструкция того, чего больше нет, то память являет собой актуальный феномен и переживаемую связь с настоящим (Нора 1999: 20).

В северной Якутии память о локальных событиях, людях и объектах имеет большое значение в процессе освоения пространства. Безусловно, уже давно и активно происходит историзация жизни сообществ через создание музеев, этнографических текстов, тематических уроков, видеофильмов, работу фольклорных коллективов (Фольклор Русского Устья 1986; Чикачев 2002; Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004; Антонов 2014). В каждом населенном пункте,

где проводилось исследование, действуют музеи (в Андрюшкино их три), которые занимаются репрезентацией представлений о прошлом. В то же время актуален и другой режим воспоминаний, при котором окружающее пространство является не объектом коммеморации, а выступает символической и практической частью сообщества.

Особенности культуры и быта русскоустыинцев пользуются большой популярностью у этнографов, историков и журналистов (Русские арктические старожилы Якутии 2019); к местным жителям и их предкам неоднократно приезжали исследовательские группы, поэтому в Русском Устье и Чокурдахе можно услышать цитаты из опубликованных краеведческих работ (в частности, из творчества А. Г. Чикачева) или получить ссылку на местного эксперта-краеведа. Однако в ходе экспедиции не было замечено большого интереса русскоустыинцев к «русскоустыинской культуре», прошедшей этап коммеморации; память там интенсивно включена в практическую деятельность. Это касается родственных отношений, которые дополнительно окрашивают пространство деятельности, создавая в нем акценты, вовлекая эмоциональные переживания, формируя стимулы действий, объединяя окружающую территорию через память и локальную историю, которая имеет характер непосредственного переживания (Ассман 2014). Таким образом, восприятие пространства здесь и сейчас сформировано длительно существующими родственными отношениями и личным опытом, структурирующими локальный ландшафт, влияющими на выбор профессии, представления о позволительном, недопустимом и иные фундаментальные сферы жизни человека.

Некоторые постройки имеют родовое значение: в Русском Устье находится старый амбар, привезенный из семейного родового участка братьями Киселевыми – он не функционален, но по своему происхождению, исторически, эмоционально переплетен с окружающим ландшафтом и населяющими его людьми. Еще один пример связан со зданием старой школы, построенной из разобранной в 1930-е гг. церкви в пос. Ожогино, и со временем оказавшейся на территории современного Русского Устья. Данная постройка является первым учебным заведением на территории села, и поэтому обладает важным символическим статусом для местных жителей (хотя и не особо актуализированным – идею о создании из школы музея мало кто поддерживает, считая это излишним).

Многими информантами родные места воспринимаются и осмысливаются через связь с предками, которые жили и работали на этой земле, реках и озерах. Локальная топонимика часто является одним из способов выражения связи территории с определенными людьми: например, рыболовецкие участки Русско-Устыинского наслега «Федоровское», «Кузьмичево», острова «Ванькин», «Васькин» и другие демонстрируют роль личности в формировании и структурировании местного ландшафта. Изначально на заимках, где концентрировалась основная деятельность до второй половины XX в., жили представители ограниченного списка

фамилий, которые на протяжении длительного времени вступали в браки, прибегали к взаимопомощи, образовывали общий круг социальных взаимодействий (Зензинов 1914с; Вахтин, Головкин, Швайтцер 2004). Семейные связи оказывают влияние на особенности хозяйства и сейчас, отражаясь в родственном принципе организации рыболовецких общин, коллективном строительстве летних домов и заимок, распределении добытых рыбы и мяса, погрузке и разгрузке приходящих в порт Чокурдаха и в Русское Устье судов.

Местное пространство наполняется агентностью, историями, приводящими к тому, что человек воспринимает окружающую его территорию не только благодаря своему индивидуальному опыту, но также через знание семейных преданий, коллективный опыт проживания сообщества в данном месте, который находит яркое выражение в представлениях о реинкарнации (Волдина 2016), распространенных среди коренных народов и русских старожилов и создающих пространство, «населенное» также умершими предками, о чем я подробнее скажу ниже. Как сообщил Р. П. Чикачев, несмотря на солидный опыт работы в охоте, по призванию он считает себя рыбаком, поскольку в Русском Устье жили, рыбачили, радовались промысловым успехам, и «отдавали» свои жизни реке в результате несчастных случаев его родственники (ПМА 2019).

Память о событиях в локальном масштабе иногда принимает мифологические формы. Сохраняются сюжеты, связанные с пропажей девочки и последующим ее обнаружением в компании медведя. Г. М. Василевич полагала, что в подобных мифологемах прослеживается представление о том, что медведь некогда был человеком; связь животного с сотворением человека, по мнению исследовательницы, отражена в многочисленных мифах, где медведь появляется рядом с девушкой (Василевич 1969: 216–217). Подобная история была рассказана информанткой из Жиганска, причем она сообщила, что один из сотрудников администрации района является потомком девочки, пропавшей в конце XIX в. и обнаруженной в компании медведя (Гончаров 2018).

Таким образом, пространство населенных пунктов северной Якутии и их округа имеет локализацию в памяти, чувствах и эмоциях местных жителей; оно – часть личной и групповой истории (Сирина 2012), а не набор геометрических координат, поэтому практические действия, совершаемые в нем, связаны между собой на уровне памяти, межличностных отношений, чувств и эмоций, что является отражением плотной и многокомпонентной коммуникативной среды. Подобно тому, как груды материальных объектов, вышедших из употребления, далеко не всегда являются «мусором» и могут быть снова включены в практическую деятельность, так визуальные и аудиальные сигналы, распространенные в местном пространстве, зачастую являются не просто «шумом», но рассказывают определенную историю, сообщают о социальных трансформациях, перемещениях животных, приближающихся погодных

изменениях. Когда я пришел брать интервью у жителя Русского Устья, он практически сразу задал вопрос о том, откуда сейчас дует ветер, чем поставил меня в тупик, поскольку я не мог представить, что эта информация по какой-то причине может оказаться в данный момент актуальной и, следовательно, не обратил на нее внимания. Однако такая реакция не соответствует поведению местных жителей, чутко следящих за динамикой природных, техногенных и социальных изменений. Это подтверждается наблюдениями В. В. Васильевой из таймыро-якутского приграничья (Васильева 2021: 178).

Перемещение по селу или природной местности в компании информантов зачастую перетекает в «экскурсию», причем во многих нарративах одним из главных действующих лиц выступает сам рассказчик или его родственники. Важной чертой осмысления локального пространства местными жителями является восприятие его через свое в нем нахождение и собственную деятельность. Социальная насыщенность окружающего пространства обусловлена не только минимализмом объектов и малочисленностью людей, но также длительностью проживания в регионе наших современников и их предков, что наполняет пространство особым эмоциональным и онтологическим потенциалом, который отражается в том числе в представлениях местных жителей о переселении душ.

Представления о переселении душ

Важной чертой освоения пространства северной Якутии местными жителями является разноплановое влияние символических аспектов окружающей среды, что можно проиллюстрировать на примере представлений о переселении душ среди жителей региона. Материалы северо-восточной Сибири по данной теме попадали в поле зрения этнографов-классиков, а также с разной интенсивностью они привлекают внимание исследователей в настоящий период. В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз затрагивали эту проблематику в своих хрестоматийных трудах по этнографии юкагиров (Иохельсон 2005) и чукчей (Богораз 1939); рассматриваемой темы касалась Г. М. Василевич (Василевич 1969: 247), более подробный материал по представлениям эвенков и эвенов обобщен А. А. Сириной (2012). Целенаправленно индигенными представлениями о переселении душ на севере Якутии и Чукотке занимались Л. Н. Жукова, Н. Б. Вахтин, Е. П. Прокопьева, Д. А. Опарин, Р. Виллерслев, М. Педерсен, Л. Валликиви и Л. А. Сидорова, которые отразили не только проблематику реинкарнации, но проанализировали широкий пласт «анимистических» представлений населения региона (Вахтин 2001; Прокопьева 2011; Опарин 2015; Жукова 2022; Willerslev 2007; 2013; Pedersen, Willerslev 2012; Vallikivi, Sidorova 2017).

Г. Н. Грачева в 1975 г. писала, что «до настоящего времени не выработался стабильный подход к изучению развития представлений о “душе”» (Грачева 1975: 52). Почти 40 лет спустя М. Педерсен и Р. Виллерслев говорят о «размытости» и «неоднозначности» концепта «soul» и в

качестве решения проблемы предлагают обращаться к реляционной перспективистской модели (Pedersen, Willerslev 2012: 486), однако уже в 2013 году Р. Виллерслев публикует статью, в которой критикует анимистическо-перспективистский подход Вивейруша де Кастру (Willerslev 2013: 42). Вопросы о понятии «души» в этнографии и антропологии до сих пор остаются крайне сложными и неоднозначными (Функ 2005; Сирина 2012: 154–166).

В северной Якутии с многосоставной этнической структурой живут представители народов, у каждого из которых существовали (и частично сохраняются) собственные термины для обозначения этого «феномена»: у тундренных юкагиров - *нунни* или *нунниң*, *эхэрэн*, *ана* (Иохельсон 2005: 231); у чучкей - *uvirit* или *ivekkьrgьп* (Богораз 1939: 42); у эвенков – *оми* (Василевич 1969: 224); у эвенов – *арисау*, *аринкл* (Сирина 2012: 157); у якутов – *кут*, *тын*, *сюр* (Иохельсон 2005: 231); у русскоустыинцев – *айбии*. Исследователи подчеркивают, что, по представлениям перечисленных народов, человек чаще всего обладает несколькими душами, которые соотнесены со специфическими контекстами деятельности и восприятия (Богораз 1939: 42).

В качестве ответа на вопрос «как быть этнографам с таким разнообразием?» предлагаются противоположные стратегии действий. Например, Г. Н. Грачева для достижения более эффективного анализа «раннего пласта мировоззрения» позиционировала отказ от универсального термина «душа», вместо которого следует опираться «исключительно на местную терминологию» (Грачева 1975: 53). А. А. Сирина утверждает, что термины, предложенные взамен термина «душа», не внесли достаточной ясности в понимание духовной стороны жизни коренных сообществ, и приходит к выводу об отсутствии необходимости отказываться от данного понятия (Сирина 2012: 155–156). В моем случае общение с информантами происходило на русском языке, и местные жители, объясняя процессы реинкарнации, использовали именно это слово, в связи с чем представляется обоснованным оперировать им.

По общим представлениям, бытующим в северной Якутии (в том числе у русскоустыинцев), душа умершего предка переселяется в родившегося ребенка. С этого момента взрослым (чаще всего родителям) необходимо узнать, чья именно душа «пришла», поскольку в противном случае ребенок может иметь проблемы со здоровьем, быть непослушным, гиперактивным или демонстрировать иные отклонения от того, что, по мнению родителей, является нормой. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой связь ребенка с переселившейся душой может явно прослеживаться до 5 лет (о пятилетнем возрасте как рубеже анимистической нестабильности писал еще В. Г. Богораз (1939: 177)), однако существуют и иные позиции. Например, информант из Колымского утверждал, что эта связь сохраняется в течение всей жизни (ПМА 2021). Как пишут

исследователи, у гижигинских эвенов «количество перерождений не ограничивается одним, может достигать трех, а по некоторым данным, может длиться бесконечно либо зависит от личного желания человека» (Сирина 2012: 168). Исходя из собранных сведений, в большинстве случаев «генеалогия души» прослеживается не глубже двух поколений: из хронологически наиболее дальних родственников «приходят» бабушки и дедушки.

После того, как родственники узнали, чья душа вернулась, они называют имя пришедшего человека спящему ребенку на левое ухо. На вопрос о том, соблюдается ли принцип этнической преемственности в процессе переселения душ, были получены отрицательные ответы, подкрепленные словами о том, что «у нас же здесь все перемешаны» или: «ну, здесь у нас все родственники друг с другом» (ПМА 2021). Однако некоторые юкагиры отрицают такую «реинкарнационную свободу», утверждая, что явление возвращения души умерших предков свойственно лишь их народу. Информант из Колымского (чукча), напротив, сообщал, что душа может переселиться в человека любой культуры, проживающего на другом континенте: «Я тебе говорю, может, ты родился, который в Африке пигмеем был» (ПМА 2021). Впрочем, данное мнение было высказано лишь «гипотетически»; о подобных случаях, произошедших в районе, информацию фиксировать не приходилось. Все опрошенные сходятся на том, что душа переселяется именно в человека. Представлений, согласно которым она может войти в растение, животное или насекомое (Сирина 2012: 168), встречено не было. В основном озвучивались нарративы об одноэтапных случаях реинкарнации: например, душа Алексея переселилась в родившегося Семена; о дальнейших перемещениях души Алексея более не сообщалось. После смерти Семена, скорее всего, будет перемещаться именно его душа, а не Алексея. Кроме того, реинкарнация описывается как однолинейное движение, предполагающее, что одна душа переходит в одного человека. Однако в качестве исключения информант утверждает, что душа может одновременно переселиться в нескольких человек.

Одним из главных способов определения того, чья душа вернулась, выступает наблюдение. Иногда «неузнанный» ребенок проявляет поведение и привычки умершего родственника, обнаруживает некоторую навязчивость в своих действиях, но после распознавания прекращает вести себя подобным образом: «А младшая дочка... просит и просит сигарету у отца... орет – не может. Что такое, не знаем, откуда все... Потом [мы ее спрашиваем]: “Бабушка Оля, ты?”. Сразу перестала просить. Сразу понятно стало, что это она» (ПМА 2021).

Ребенок может давать намеки о том, кто в нем родился, через актуализацию окружающего пространства. «И вот думают: ааа, это помнишь... Например, мы ехали на

оленях... он [ребенок] скажет: “оой, далеко там че-то такое”⁸⁵. И вот вспоминают случай, взрослые вспоминают: кто там был [в том месте, о котором сказал ребенок], с кем был, кого сейчас не стало, и узнают, кто родился». Узнавание детьми мест и объектов из «прошлой жизни» – характерный маркер вернувшейся души. Информантка из Жиганска (эвенкийка, 1933 г.р.) рассказывала о таком событии, отражающем переплетение разновременных пространств: в пятилетнем возрасте она и ее отец отправились в лес. Место было новое и незнакомое для девочки. Когда отец с ребенком подходили к озеру, дочь неожиданно сказала, что она знает эту территорию. Отец удивился: «Как это ты знаешь, ведь ты тут в первый раз?». Дочь ответила: «Знаю. Там за деревом направо есть небольшая тропинка; налево широкая тропа, рядом с ней растет много голубики». Отец спросил: «Откуда ты это узнала?». Дочь сообщила: «Я здесь была, когда большая [то есть взрослая – Н. Г.] была». Отец информантки, по ее словам, «не верил ни в черта, ни в шамана» и, нервничая, стал говорить «не может такого быть, не была ты никогда взрослая». Потом, когда они вернулись домой, отец рассказал про этот случай жене и даже заболел от волнения. Сама информантка комментирует это так: «Не знаю... Говорят же, что у человека три души. Может, я была эвенкой⁸⁶ взрослой, ходила у этого озера до того, как стала маленькой».

Другой пример узнавания пространства связан с дочерью юкагира из Черского. Когда ей исполнилось два года, она впервые приехала в Андриюшкино, где родился и вырос ее отец. «Остановились как раз около дома, где мы жили, да. Она посмотрела и говорит: “Это мой дом”. Ну, не обратили внимания. Зашли в квартиру, и говорит: “Я раньше здесь была”. Вот так и болтает». О другом случае в качестве примера рассказала информантка из Колымского: «... мы были в центральной Якутии, есть такой поселочек – Павловск, Мегино-Кангаласский [улус]. Мама моя родом оттуда, и там ее брата дети, туда мы ездили. По возможности, всегда заезжаем туда. И вот, Кешка маленький, ему было лет, наверно, пять, что ли... а Кешку назвали в честь маминого брата... [который] утонул молодой... Пришли они, в дом вошли, он стал по двору ходить. Ну, маленький ребенок, пятилетний. Он говорит: “ой, а я здесь был”. И вот все дворовые постройки, все обошел. Там гараж, амбарчик какой-то. Он пришел и сказал: “а я здесь был”. Значит, это вот его душа. Мы так и поняли. Он больше на якута похож, потому что... ну, отец-то у него юкагир, но тоже связано, и чукчи есть в крови, ага... А этот мальчишка, он отличается от всех. Вот якут, потому что мама якутка, а все остальные уже видно, что там

⁸⁵ Ребенок рассказывает что-то о месте, в котором никогда ранее не был и не может иметь этих знаний. В таких случаях местные жители утверждают, что ребенок «заговаривается».

⁸⁶ Информантка называет себя «эвенкой», хотя по этнической принадлежности она, исходя из ее слов, эвенкийка. Однако ей не нравится слово «эвенкийка», поэтому информантка предпочитает использовать этноним «эвенка».

юкагирская или чукотская [кровь], а этот мальчишка, он отличался. Мы поняли, что это наш дядюшка пришел».

Взрослые наблюдают за поведением ребенка, внимательно слушают его речь (особенно пристально вслушиваются, когда он начинает заговариваться), присматриваются к внешности, анализируют отношение с родственниками, предрасположенность к определенным видам деятельности. Связь реинкарнации и физического облика человека имеет несколько вариантов проявления. Информантка из Колымского рассказывала, что один новорожденный был похож на старика (его лицо покрывали старческие морщины). Родственники расстраивались, поскольку думали, что он останется таким на всю жизнь. Тем не менее, по традиции стали подбирать имена для пришедшей души, и после правильно угаданного имени ребенок «на глазах, говорят, разгладил» (ПМА 2021). Но чаще физические особенности связывают ребенка не с абстрактным стариком, а с конкретным предком, который обладал такими же телесными особенностями. Неоднократно информанты говорили о том, что обрядовая сторона узнавания, насыщение ее дополнительными деталями имеет второстепенное значение. Главное – понять, кто пришел, далее все становится на свои места, состояние ребенка нормализуется.

В. И. Шадрин приводит сведения, в соответствии с которыми у верхнеколымских юкагиrow также сохраняются представления о реинкарнации. Он говорит о том, что вера в «айбии» [«душа» на языке лесных юкагиrow; такое же название имеет переселившаяся в ребенка душа в представлениях русскоустыинцев, как они сообщали в поле – Н. Г.] до сих пор широко распространена среди людей старшего возраста. В частности, 70-летняя женщина из Верхнеколымского района уверена, что в одном из школьников живет душа ее покойного мужа. В качестве доказательства она приводит следующие примеры: когда рождался этот ребенок, ей во сне явился умерший муж, который стоял раздетый около печки и пытался отогреться; в этот же момент роженицу с ребенком повезли в районный центр на вертолете, и ребенок посинел от холода; при встрече в детсаду (она работала нянечкой) мальчик неоднократно называл ее «своей старухой», подобно мужу, и проявлял к ней тягу. Однажды летом, на рыбацком участке, он внезапно спросил ее о сапогах, подаренных ей супругом незадолго до смерти, которые она впервые надела именно на этом участке. Приходя с охоты, мальчик до сих пор часть добычи обязательно приносит данной женщине, при этом он не может объяснить причину своих действий (Юкагирские обычаи. URL: http://arctic-megapedia.s-vfu.ru/wiki/Юкагирские_обычаи).

Иногда информация о том, чья душа вернулась, приходит взрослым во сне или от родственников, а также от людей с особыми способностями (ранее за помощью обращались к шаманам). Ребенок может делать намеки или напрямую сказать о том, чья душа в него переселилась:

Инф.: Старшая моя дочка, ей полтора года, она только начала разговаривать, и сказала: «Я Алик».

Инт.: Алик?

Инф.: Ну, Алик, мой отец. «Меня убили, мне больно» [сказала дочь] (ПМА 2021).

Вовсе не обязательно, что новорожденный получит то же имя, которое носил человек, чья душа в него вселилась. Это вполне объяснимо, если учесть, что душа мужчины может переселиться в женщину, и наоборот. Однако Д. А. Опарин на примере эскимосской традиции утверждает, что родившийся ребенок мог получить имя своего предка противоположного пола, поскольку у эскимосов имена не отражали половую принадлежность (Опарин 2015: 39). Следует подчеркнуть отличие представлений о переселении душ среди полиэтничных сообществ Нижнеколымского района по сравнению с эскимосским материалом, приводимым Д. А. Опариним. Исследователь отмечает, что в сообществе эскимосов «имя определяло место человека в социальной структуре, формировало систему родства по реинкарнации, несло за собой многосоставную семейную историю» (Опарин 2015: 40). Информанты, проживающие в Нижнеколымском районе, делали акцент не на ономастических представлениях, а на пришедшей душе; ключевым фактором для них выступает не имя вернувшегося предка, которое может быть интерпретировано в качестве внешней характеристики реинкарнации, а сам предок (или его душа), вернувшийся через ребенка, обнаруживаемый посредством связывания настоящего с прошлым.

Как отмечают исследователи, до XX в. для распознавания вернувшегося предка использовали гадание (Богораз 1939: 177; Иохельсон 2005: 233; Сирина 2012: 170). По рассказам информантов, на Нижней Колыме еще в середине-второй половине прошлого века местные жители прибегали к помощи шамана. Об использовании гадания в современный период никто не сообщал. Впрочем, еще В. И. Иохельсон отмечал, что местные жители вместо гадания следят за поведением ребенка. «Говорят, что ребенок улыбается, когда произносят правильно имя. Когда ребенок начинает говорить, он может рассказать, чья душа вселилась в него, вспомнит некоторые известные события из своей прошлой жизни. Часто некоторые другие обстоятельства, такие, как сходство ребенка с конкретным умершим родственником, наличие каких-нибудь дефектов или особых примет на теле, позволяют определить умершего родственника, который родился вновь» (Иохельсон 2005: 232–233).

Некоторые информанты утверждали, что факт распознавания пришедшей души не влияет на дальнейшие взаимоотношения с ребенком, главным оказывается свершившийся акт узнавания. Однако такой взгляд разделяют не все. Василий рассказывал, что в его дочь переселилась душа его матери, предопределив особые взаимоотношения отца с ребенком. Например, он не мог позволить себе кричать на дочь и наказывать ее, поскольку она обижалась:

«получается, я виноватый же, а я не хочу быть виноватым перед матерью» (ПМА 2021). Следовательно, отцу приходилось исполнять все детские капризы. Положение в структуре родственных отношений того человека, чья душа вернулась, оказывает влияние на то, как ребенок относится к окружающим людям и каким образом социальное окружение его воспринимает. Подобные соображения изложены и В. И. Иохельсоном: «Такой любви к детям, как у юкагиров, я не встречал ни у одного из сибирских народов» (Иохельсон 2005: 162)⁸⁷. С одной стороны, взрослые понимают, что ребенок – это недавно появившийся на свет человек, а, с другой, в нем видят вернувшегося предка, к которому нужно проявлять особое уважение (Сирина 2012: 170–171). То же напрямую отмечал информант Василий. Он говорил, что именно юкагиры характеризуются особой любовью к своим детям, стараются никогда их не наказывать, исполнять все пожелания и пр. (ПМА 2021).

Ребенок провоцирует в сообществе повышенный уровень социальной рефлексии, выраженной в наблюдениях и размышлениях относительно связи между недавно появившимся на свет человеком и уже сложившимися событиями, отношениями, людьми. Это то знание, которое добывается в результате коллективного вспоминания сюжетов, связанных с умершими знакомыми и близкими. Во всех интервью, связанных с реинкарнацией, фигурирует общая деталь: в семье и социальной группе, где на свет появляется ребенок, обязательно присутствуют люди, знавшие человека, чья душа вернулась в новорожденного. Они знали его лично или слышали о нем от родственников и друзей. Следовательно, в социальном коллективе имеется возможность воспроизвести индивидуальное пространство вернувшейся души, определяемое через характерное поведение, привычки и склонности, а также позицию в социальной структуре, телесные признаки, память о вещах, местах и т. д., – которые посредством узнаваемых сочетаний «конструируют» образ возвратившегося предка. А. А. Сирина сообщает, что у эвенков и эвенов вопрос о том, чья душа переселилась в новорожденного, выясняют близкие родственники, пожилые люди, знавшие умершего лично (Сирина 2012: 169).

Распознавание чаще всего происходит не мгновенно, оно предполагает длительную актуализацию социальных связей, пристальное наблюдение за ребенком, находящемся в многослойном пространстве. Это требует времени, памяти и способности увидеть/подметить/вспомнить прошлое в настоящем (Гончаров 2022а). Данное утверждение может выступать дополнением к реляционному подходу, предложенному М. Педерсенем и Р. Виллерслевом, оставившим без внимания аспект постепенного складывания пространства, в котором проявляются и утверждаются анимистические категории (Pedersen, Willerslev 2012). М. Уолш и соавторы утверждают, что представления о реинкарнации, распространенные среди

⁸⁷ О том же пишет В. И. Шадрин (Юкагирские обычаи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arctic-megapedia.s-vfu.ru/wiki/Юкагирские_обычаи (дата обращения: 26.04.2023).

коренного населения циркумполярного региона, являются механизмом укрепления межпоколенческих связей на эмоциональном уровне в нестабильной и экстремальной экологической среде (Walsh et al. 2018). Важно сделать акцент на том, что усиление этих связей происходит не на абстрактном уровне и не только через линию «предок–потомок». Пришедшая душа обуславливает создание в настоящем времени таких связей между людьми, вещами, животными и другими компонентами пространства, которые были созданы в процессе жизни вернувшегося предка. Следовательно, осуществляется комплексная «реконструкция» отношений, которая способствует стабилизации и увеличению связности пространства.

Рассмотренные в параграфе анимистические воззрения отражают процесс восприятия окружающего пространства в контексте изменяющихся материальных и символических условий. Некоторые аспекты, традиционно упоминающиеся в одном ряду с анимизмом (перспективизм), выходят за границы привычных анимистических категорий в виде духов и находят место в межчеловеческой коммуникации. Анимистические воззрения представляют собой способ мыслить мир комплексно, выражать его через взаимосвязанные категории, в которых один элемент влияет/корректируется другим элементом и, следовательно, проявляет реляционные свойства (Кастру 2017: 93). Осваиваемое пространство жителей северной Якутии наполнено знаками, практическая роль которых определяется тем, как они связаны между собой и с материальной средой. Символические отношения постоянно поддерживаются и выстраиваются из поколения в поколение. Проявлением данного тезиса являются проанализированные представления о переселении душ.

Следует отметить, что высокая степень взаимосвязи людей и объектов окружающего пространства, а также вовлеченность местных жителей в многочисленные практики далеко не всегда воспринимается населением положительно. Например, хирург из Жиганска – Владимир, переехавший в Якутск, сообщал в интервью, что в городе работать гораздо проще, поскольку занятость и обязанности строго регламентированы, отсутствуют кадровые проблемы, имеется все необходимое оборудование и препараты. Работа в Жиганске предполагает бóльшую нагрузку и чаще вызывает стрессовые состояния из-за перенапряжения. В селе хирург должен совмещать разные функции, быть постоянно на связи с коллегами и в состоянии незамедлительно явиться на работу, если возникнет потребность, поскольку его нечем заменить. Кроме того, врачебная практика в удаленных населенных пунктах сопряжена с опасными командировками в труднодоступные села. В городской больнице соответствие обязанностей установленному регламенту существенно облегчает жизнь врача, делает ее более структурированной и предсказуемой. Приняв во внимание перечисленные факторы, а также исходя из потребности в более качественном образовании для своих детей, которое можно получить в городе, Владимир с семьей переехал в Якутск.

Следовательно, иногда люди воспринимают тесные связи как проблему. Информантка из Андрюшкино говорила о том, что наиболее востребованной вещью в селе является замок. Свои слова она объяснила тем, что в последнее время в Андрюшкино участилось количество краж личных предметов из стоящих на улицах кладовок. Поскольку в селе все люди знают друг друга, местные жители традиционно не придают большого значения безопасности собственного жилища и хозяйственных сооружений. Однако проблема воровства, усугубившаяся в последние годы, говорит о том, что населению пора изменить отношение к охране собственности. Одной из мер в этом направлении является использование навесных замков для блокировки входа в кладовые помещения. Судя по словам информантки, замки стали настолько актуальными, что едва ли спрос на них не превысил предложение.

Еще один пример преодоления тесных социальных связей местными сообществами обусловлен пандемией коронавирусной инфекции, затронувшей и далекие уголки арктической Якутии. Заболевание повлияло на формальные и неформальные практики местных жителей. Так, хирург из Жиганска рассказывал, что в первые месяцы пандемии в медицинской сфере особенно сильно ощущался бюрократический гнет; многочисленные инструкции предписывали «наиболее эффективные» методы борьбы с возникшей проблемой. В селе под коронавирусных больных был переоборудован тубдиспансер; также там действовал обсерватор, куда направляли людей, контактировавших с больными. Для того чтобы минимизировать риск заболевания местных жителей, было сокращено количество авиарейсов в неделю: с двух до одного. По прилету люди сначала проходили паспортный контроль, а затем медики измеряли им температуру и заполняли эпидемиологических журнал. Кроме того, в 2020 г. автозимник был закрыт раньше, чем обычно, что также было обусловлено пандемией.

Информанты неоднократно подчеркивали особую уязвимость жителей удаленных населенных пунктов Якутии, поскольку тесные социальные контакты способствуют взрывному распространению заболевания. В связи с этим со стороны местных жителей к приезжим было особенно настороженное отношение. Перед отправкой в Нижнеколымский район мне было настоятельно рекомендовано сделать ПЦР-тест; в противном случае, как объясняли люди, знакомые с ситуацией в районах, местные жители не стали бы со мной разговаривать. Впрочем, как оказалось, в марте 2021 года население Нижнеколымского района соблюдало самоизоляцию не слишком исправно, но все же встречались люди, которые относились к мерам предосторожности серьезно. Особенно опасались за свое здоровье пожилые люди, находящиеся в группе риска. Информант из Жиганска рассказывал, что в 2020 г. его семья полностью изолировала в отдельном доме бабушку, больную астмой. Контакты с ней они свели к минимуму: взаимодействие ограничивалось доставкой продуктов к дверям ее дома.

Информационная лавина, сопровождавшая распространение коронавируса, приводила к различным реакциям людей. Так, в Андрюшкино местные жители рассказывали, что в первые месяцы пандемии боялись даже общаться друг с другом по телефону, опасаясь, что могут заболеть таким образом. В Нижнеколымском районе для того, чтобы снизить риск заражения, многие люди стремились преодолеть поселковую скученность и отправлялись семьями на промысловые участки-дачи и даже отказывали гостям, желающим посетить их участок, что, в принципе, не укладывается в традиционную тундровую этику, предполагающую развитые обычаи гостеприимства и взаимопомощи.

В главе были рассмотрены основные практики решения социально-экономических и экологических проблем жизнеобеспечения населения северной Якутии. Множественные взаимодействия между материальными объектами, животными и людьми, отсутствие строгих границ, разделяющих их практические функции, а также низкий уровень формальной регламентации повседневности – увеличивают потенциал практической деятельности. Исторически большой вклад в освоение суровых территорий Якутии внесли животные, поэтому в главе был осуществлен анализ взаимоотношений людей и представителей местной фауны, которые характеризуются многочисленными флуктуациями, этапами угасания и подъема. На основе анализа хозяйственной динамики северной Якутии и нарративов местных жителей была выявлена интегративная роль животных в процессе жизнеобеспечения региональных этнических сообществ. Для более полной картины исследуемой проблематики было уделено внимание символическим аспектам освоения пространства. На основе анализа анимистических связей людей с духами местности был сделан вывод о том, что анимизм является способом восприятия объектов не самих по себе, а во взаимосвязи с другими компонентами пространства. Показано, что значимым фактором создания связей в пространстве является память; помимо этого, стабилизации и увеличению сочетаемости акторов локальной среды способствуют представления местных жителей о переселении душ. Важнейшим условием освоения пространства является высокая степень связности символических и физических компонентов локальной среды, которая позволяет оптимизировать режимы деятельности, конструировать новые объекты и практики, совмещая стратегии мобильности и оседлости, привозные и региональные ресурсы, актуализируя старые вещи и вплетая в «традицию» современные технические достижения. Главным принципом в данном процессе выступает сочетаемость используемых компонентов, направленная на решение практических задач. Однако не всегда интенсивные связи ведут к положительному результату и позитивно воспринимаются населением. В некоторых случаях оптимизация жизнеобеспечения, напротив, требует увеличения изоляции, что, впрочем, не отменяет большой плотности взаимодействий между разномасштабными акторами локального пространства.

Заключение

В диссертации проанализированы способы организации материальных объектов сообществами юкагиров, чукчей, эвенов, эвенков, якутов и русских северной Якутии в контексте освоения нестабильного пространства. Для достижения поставленной цели привлечены исторические и современные этнографические материалы, отражающие исследуемые процессы; для компаративного анализа были задействованы эмпирические данные, полученные исследователями других территорий и локальных групп, а также использовались инновационные и классические научные концепции, расширяющие взгляд на описываемую проблематику. Важнейшим инструментом анализа стало понятие комплекса как практической единицы освоения пространства. Основываясь на трудах предшественников и современников, я постарался развить комплексный подход к проблеме освоения пространства через актуализацию факторов спонтанности, изменчивости и процессуальности, уделив повышенное внимание микродинамике элементов практической деятельности и их многоплановости.

Проведенное исследование показало, что окружающая природная среда выступает не просто условиями, в которых протекает жизнь населения, но является неотъемлемой частью региональных хозяйственно-бытовых комплексов, оказывая значительное влияние на практики жизнеобеспечения локальных сообществ и зачастую выступая субъектом социально-культурных отношений. В историческом контексте ведущая роль природного пространства в жизни коренного населения и зависимость людей от ограниченного набора локальных ресурсов способствовали складыванию системных механизмов адаптации, которые требовали воспроизводства и поддержания связей между множеством практик и материальных объектов силами немногочисленных групп. Это позволяло достигать энергетической автономности в суровых природно-климатических условиях и предполагало глубокую интеграцию человека в окружающее пространство. Однако жизнь населения региона в XVII–XIX вв. не ограничивалась связями с экологической средой. Она протекала в контексте хозяйственных и социальных контактов представителей различных сообществ между собой. Присоединение территории к Российскому государству способствовало интенсификации социально-экономических процессов, в результате которой в регион стали проникать представители иных групп, а также нехарактерные ранее виды материальных объектов и практик; в то же время происходили процессы адаптации к условиям северной Якутии прибывающего якутского и русского населения, которое заимствовало у местных сообществ промысловый инвентарь, транспортные средства, типы жилищ, навыки хозяйственной деятельности и др.

В диссертации было показано, что увеличение количества акторов практической деятельности, которое произошло после присоединения территории к России, не привело к

ликвидации интенсивных связей коренного населения с окружающим пространством, поскольку новые реалии укладывались в уже сформированную структуру комплексного освоения территории. Расширение материальной базы не означало создания устойчивой инфраструктуры, которая бы позволяла стабильно доставлять, производить и использовать в регионе новые материальные объекты. Более того, локальные стратегии освоения пространства становились актуальными и для представителей Российского государства, оказывавшихся в регионе, поскольку позволяли увеличивать степень автономности системы жизнеобеспечения.

Иная ситуация наблюдается в советский период, когда после многочисленных социально-экономических экспериментов, выражавшихся в переводе кочевого населения на оседлость, поселковании, коллективизации, создании интернатов и прочих событиях, во второй половине XX в. была выстроена такая система жизнеобеспечения, которая предполагала уменьшение интенсивности и комплексности вовлечения человека в окружающую среду и, соответственно, приводила к сокращению актуальных для местных сообществ территорий и локальных ресурсов. Происходило смешение этнических групп, практик, вещей, мировоззрений, что способствовало формированию сообществ, в которых были плотно сконцентрированы явления духовной и материальной культуры, до того существовавшие относительно изолированно друг от друга. Однако эта концентрация социально-культурных феноменов была вызвана не внутренними потребностями юкагиров, эвенов, эвенков, чукчей, якутов и русских старожилов, а являлась следствием государственной политики. В период существования СССР трансформировался субъект освоения пространства, которым стало государство и локальные сообщества, интегрированные в государственную структуру. Болезненный период распада сложившейся социально-экономической системы после 1991 г. продемонстрировал степень значимости транслокальных связей для населения региона. В то же время возникали и новые стратегии адаптации, которые во многом были основаны на локальных физических и символических ресурсах, важнейшими из которых стали ресурсы этничности, что нашло выражение в создании родовых общин, проведении этнических съездов, придании национального статуса отдельным административным единицам Якутии и пр. (Глава 1).

Изучение исторических и современных стратегий жизнеобеспечения местных сообществ позволило определить важную черту процесса освоения пространства северной Якутии, которая заключается в том, что данный процесс протекает в нестабильной окружающей среде. Ключевыми факторами нестабильности выступают экологические и экономические обстоятельства, затрудняющие мобильность людей, обуславливающие проблемы снабжения населения ресурсами, приводящие к разрушению инфраструктурных, хозяйственных и жилых строений, заболачиваемости и эрозии почв, сильным паводкам, дефициту качественной

питьевой воды и прочим негативным последствиям (Глава 2). Как показывают результаты исследований последних лет, климатические изменения приводят к существенным трансформациям пространства жизнедеятельности населения и, как следствие, к парадоксальному «дефициту территорий» (Григорьев 2022: 56). В результате происходит разрушение долговременных связей людей с локальными ландшафтами и деформируются режимы получения необходимых для существования ресурсов.

Подавляющая часть местного населения в первой четверти XXI в. работает в бюджетном секторе экономики, хотя параллельно занимается традиционными промыслами. В настоящее время практически все виды хозяйственно-бытовой деятельности находятся в зависимости от привозных ресурсов (топливо, пищевые продукты, транспортные средства, промысловый инвентарь и пр.). Однако в условиях дефицита многих видов товара, труднодоступности территорий, перебоев снабжения, высоких цен, слабо развитой инфраструктуры и экологической нестабильности местным жителям необходимо находить оптимальные стратегии использования привозных и локальных ресурсов. Доставка товаров судами, автолавками, авиатранспортом, динамика численности и маршрутов миграции животных, смена урожайных мест дикоросов и концентрации рыбы – демонстрируют аспект нестабильности практик и актуальной материальной среды во времени и пространстве. В арктической Якутии сами места деятельности зачастую не существуют длительно в определенной точке пространства, в которую можно прийти и получить желаемый ресурс. Они подвержены частым изменениям и поэтому должны быть подготовлены, узнаны, достигнуты, сохранены или перенесены с целью сохранения потенциала практической деятельности. Для исследования адаптации людей к динамичному пространству в диссертации предложен взгляд, в соответствии с которым риски и дефициты, с которыми сталкиваются представители изучаемых групп, не противопоставляются устойчивости и развитию, а выступают в качестве факторов, структурирующих систему жизнеобеспечения (Глава 2).

Нестабильное пространство осваивается благодаря комплексам материальных объектов, основанным на следующих принципах: глубокая интеграция людей и объектов в природную и социальную среду, полифункциональность вещей, поликомпетентность местных жителей (Глава 3), непрерывный творческий подход к способам использования пространства и ресурсов, высокий потенциал спонтанных и ситуативных действий, совмещение людьми многочисленных масштабов отношений между разными ресурсами, локациями и практиками, которое не ограничивается стационарными постройками и инфраструктурами, или, наоборот, традиционным хозяйством (Глава 4). Разнообразие навыков и социальных ролей выступает не просто суммой отдельных элементов в структуре жизнеобеспечения, а является условием реализации динамичных комплексов взаимосвязанных элементов, которые позволяют

населению регулировать уровень собственной энергетической автономности: от практик, вплетенных в поселковые инфраструктурные условия, до максимально независимого существования в тундровой местности, на рыболовецких и охотничьих участках. Характерной чертой пространственно-временной структуры практик освоения нестабильной среды выступает серия ритмически организованных концентраций/распадения людей, животных, ресурсов, участков пространства и пр. Подобная стратегия позволяет в большей степени раскрыть практический потенциал используемых объектов.

Повседневность местных жителей наполнена качественно различными акторами и характеризуется особыми отношениями между ними. Локальные комплексы освоения пространства связаны большим количеством символических измерений, анимистическими аспектами восприятия материальных вещей и представлениями о переселении душ. Разнообразие акторов и специфика их отношений позволила выделить ключевую черту региональных стратегий адаптации, которая заключается в увеличении степени связности компонентов пространства жизнедеятельности. Она определяет повышенную способность различных объектов (материальных и нематериальных) локальной среды объединяться в комплексы для достижения практического результата. Однако сильная связность не равнозначна переплетению всех элементов друг с другом здесь и сейчас. Она проявляется в увеличении потенциала эффективного действия и зачастую достигается благодаря «разрывам», периодичности и ритмичности формируемых комплексов. Для того чтобы достигать поставленных задач, местным жителям требуется не только использовать инструменты, но и ситуативно создавать и выявлять условия деятельности через согласование нюансов отношений между множеством акторов локального пространства. Потенциал освоения территории во многом зависит от того, насколько действия населения и используемые ими средства деятельности соответствуют одновременно и логике ситуации, и более масштабным – долгосрочным стратегиям жизнеобеспечения, направленным на поддержание существования людей в локальном пространстве.

Список источников и литературы

Источники

Полевые материалы автора

1. ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Жиганский район Республики Саха (Якутия): с. Жиганск, 2018 г.;
2. ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Аллаиховский район Республики Саха (Якутия): пгт. Чокурдах, с. Русское Устье, 2019 г.;
3. ПМА 2021 – Полевые материалы автора. Нижнеколымский район Республики Саха (Якутия): сс. Андрюшкино, Колымское, пгт. Черский, 2021 г.
4. ПМА 2023 – Полевые материалы автора. Якутск, 2023 г.

Архивные источники

Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

К–V. Оп. 1. Д. 6 Березкин Н. Н. Материалы по юкагирам.

К. I. Оп. 2. Д. 1524 Материалы Авакьянц Г. С. Колымской экспедиции 1987 г.

Д. 1528 Грачева Г. Н. Отчет о работе Колымской этнографической экспедиции 1987 г.

Д. 1522 Фирсов Б. М. Колымская этнографическая экспедиция 1987 г.

Д. 1020 Каменецкая Р. В. Якутский отряд северной экспедиции Института Этнологии АН СССР.

Д. 1090 Каменецкая Р. В. Отчет о работе Якутского отряда Института этнографии АН СССР в 1972 г.

Д. 1025 Р. В. Каменецкая. О материальной культуре русского населения.

Д. 60 Михель Н. М. «Заметки об ездовом собаководстве на Индигирке». Статья [1931–1932].

Д. 554 Травин Д. Д. Дневник Верхоянской экспедиции Якутской комиссии Академии наук». 1927–1928.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН

Ф. 47. Оп. 2. Д. 171. Д. Д. Травин «Отчет Верхоянского этнографического отряда 1927–1929 гг.». Т. 1.

Д. 172. Д. Д. Травин «Отчет Верхоянского этнографического отряда 1927–1929 гг.». Т. 1.

Ф. 849. Оп. 1. Д. 841. Д. К. Зеленин «“Юкола”, “едома” и другие термины международной культуры на северо-востоке Азии»

Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Ф. 5. Оп. 1. Д. 236. Гурвич И. С. Предварительный отчет об экспедиции в бассейн р. Индигирки 1952 г.

Д. 247 Гурвич И. С. Краткая программа для изучения этнического состава, быта и культуры населения Абыйского и Аллаиховского районов ЯАССР.

Государственный архив Иркутской области

Ф. 25. Оп. 8. Картон 839. Д. 739. Отчет Земского заседателя Колымского округа капитана Попова об Аннойской ярмарке в 1902 г.

Архивный отдел администрации МР «Жиганский НЭР».

Сводка по учету численности детей 6-7 лет на 1.IX.1961 года детей и подростков 7–15 лет, не обучающихся в школах и других учебных заведения на начало 1961/62 учебного года.

Архив Администрации Олёринского наслега.

Прейскурант № 50 оптовых и розничных цен на социально значимые продовольственные товары, доставляемые автомобильным транспортом. Черский филиал.

Договор ответственного хранения № X 72/17.

Муниципальный архив муниципального района «Аллаиховский улус (район)»

Бухгалтерский отчет ПК «РО «Русское Устье» за 1997–1999 гг.

Муниципальный архив муниципального района «Нижнеколымский район»

Ф. 7. Оп. 1. Д. 47. Протоколы сессий сельского совета, решения, принятые советом, документы к ним.

Архив Института восточных рукописей РАН

Ф. 631. Д. 15. Иохельсон В. И. «Путевые заметки». 1895 г.

Интернет-ресурсы

1. Айсен Николаев: Аллаиховский район получит поддержку для увеличения поголовья оленей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://minsel.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3323008> (дата обращения: 20.05.2023).

2. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики. Гернот Бёме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/> (дата обращения: 26.04.2023).
3. Случай людоедства на р. Омолоне. В. Г. Тан (Богораз) «Восточное обозрение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yakutskhistory.net/очерки-и-статьи/случай-людоедства-на-омолоне-тан-богораз/?ysclid=li9bumopr642090767> (дата обращения: 26.04.2023).
4. В арктических районах Якутии продолжается строительство волоконно-оптических линий связи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3298150?ysclid=li4xtmzy7n915874979> (дата обращения: 26.04.2023).
5. В арктическом Аллаиховском улусе выращивают арбузы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.v14.ru/2020/07/09/v-arkticheskom-allaihovskom-uluse-vyrashhivayut-arbuzy/?ysclid=li4xdpp4el331001394> (дата обращения: 26.09.2022).
6. В Нижнеколымском улусе прошел съезд юкагирского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3011009?ysclid=li4vh5fcpz488310592> (дата обращения: 26.09.2022).
7. В старинном селе Русское Устье в Арктике запущена новая дизель-электростанция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.1sn.ru/print.php?id=82507> (дата обращения: 26.04.2021; на момент обращения 29.05.2023 страница не найдена).
8. Второй Севморпуть – оптоволоконный, заинтересует всю Арктику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/article/3168667?ysclid=lic389vmlb391109463> (дата обращения: 25.05.2023).
9. В труднодоступные улусы республики с помощью «зеленых» рейсов до конца года будет доставлено более 50 тонн грузов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.ykt.ru/article/129175?ysclid=li4yfa4h58372763189> (дата обращения: 26.04.2023).
10. В Черском подтопило взлетно-посадочную полосу аэропорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sakhalife.ru/v-cherskom-podtopilo-vzletno-posadochnuyu-polosu-aeroporta/?ysclid=li4xndrmlw602773465> (дата обращения: 26.04.2023).
11. В якутское село сбросили почти тонну картошки с «кукурузника» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211012/kartoshka-1754199110.html?ysclid=li4xk7qimq84088105> (дата обращения: 26.04.2023).
12. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения 4.04.2023).

13. Высокоскоростной интернет пришел в Анабарский район Якутии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ysia.ru/vysokoskorostnoj-internet-prishel-v-anabarskij-rajon-yakutii/?ysclid=li4xsw5cj1973323951> (дата обращения: 26.04.2023).
14. Географическая и историческая справка о наслеге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://halarcha.sakha.gov.ru/geograficheskaja-i-istoricheskaja-spravka-o-naslege> (дата обращения: 26.09.2022).
15. Геологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsegei.ru/ru/public/sprav/geodictionary/geosearch.php?q=едома&s=Поиск> (дата обращения: 26.09.2022).
16. Закон Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2003 года 82-3 № 175-III О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера (новая редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/802023381?ysclid=leyg6o27h772220148> (дата обращения: 26.09.2022).
17. Застрявшие на реке в Якутии суда должны были вызволить баржу с 1 тыс. т нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7038297?ysclid=li4wwertkc660388807> (дата обращения: 26.09.2022).
18. Как оленеводство вновь появилось в Аллаиховском улусе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ysia.ru/kak-olenevodstvo-vnov-poyavilos-v-allaihovskom-uluse> (дата обращения: 26.09.2022).
19. Количество действующих родовых общин на территории Республики Саха (Якутия) по состоянию на 2019 год по данным информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arktika.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2246375?ysclid=lg2nsrldop346412859> (дата обращения 2.01.2023).
20. Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1924-1925 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://guides.rusarchives.ru/node/1215> (дата обращения: 19.01.2023).
21. О качестве питьевой воды в Республике Саха (Якутия) по итогам 1 полугодия 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://14.rosпотребнадзор.ru/content/1237/92392/?ysclid=li4wn7nafc263570311> (дата обращения: 26.09.2022).
22. О пределах пограничной зоны на территории Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/727946606?ysclid=li4w2759e6561549275> (дата обращения: 26.09.2022).

23. Одежда для оленеводов: кухлянку не заменить пуховиком [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1sn.ru/odezda-dlya-olenevodov-kuxlyanku-ne-zamenit-pухovikom?ysclid=li4xmizfh5158926503> (дата обращения: 26.04.2023).
24. Осенняя корализация в Нижнеколымском районе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arktika.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2958758?ysclid=li4y8nvovh137317812> (дата обращения: 26.04.2023).
25. От «просто грязная» до «очень грязная»: Ни одна река в Якутии не является действительно чистой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yakutia.info/article/196159?ysclid=li4wnwed26708214161> (дата обращения: 26.09.2022).
26. Отчет о результатах деятельности администрации МО «Аллаиховский улус (район)» за 2020 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mr-allaihovskij.sakha.gov.ru/files/front/download/id/2453416> (дата обращения: 26.04.2023).
27. Петр Каургин: «Основная проблема в общине “Турваургин” – проблема с кадрами и низкая заработная плата оленеводов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yakutiakmns.org/archives/2921?ysclid=li4yupusd85977371931> (дата обращения: 26.04.2023).
28. ПК РРКО «ДЬУЛУУР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://checko.ru/company/pk-rkko-duluur-1021401776736> (дата обращения 4.04.2023).
29. Племенное животноводство, или как стать племенным репродуктором [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agrovesti.net/lib/advice/plemennoe-zhivotnovodstvo-ili-kak-stat-plemennym-reproduktorom.html?ysclid=li4y9swslu977235025> (дата обращения: 26.04.2023).
30. Про акторов и оленей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goarctic.ru/nauka-i-kultura/pro-aktorov-i-olenej/?ysclid=li4xgmap6s406358090> (дата обращения: 26.04.2023)
31. Пропавших оленеводов спасти не удалось. Их тела обнаружены недалеко от берега Хромской губы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kmns.ru/blog/2022/08/12/пропавших-в-якутии-олenevodov-из-общи/?ysclid=li4yох6ll729473732> (дата обращения: 26.04.2023).
32. Пурга лишила жителей Чокурдаха питьевой воды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yakutia.info/article/176630?ysclid=li4ws1156a111031869> (дата обращения: 26.09.2022).
33. Развитие авиации в Якутии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yakutskhistory.net/развитие-авиации/?ysclid=li4ydazpn0890291566> (дата обращения: 26.04.2023).
34. Размокание взлетно-посадочной полосы и борьба с лужами в филиале «Аэропорт Черский» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aerosever.com/2020/09/razmokanie-vzletno-posadochnoj-polosy-i-borba-s-luzhami-v-filiale-aeroport-cherskij> (дата обращения: 26.04.2023).
35. Ситуация на Индигирке была беспрецедентной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uhhan.ru/news/2013-11-14-8702?ysclid=li4wtpmgyg147211827> (дата обращения: 26.09.2022).

36. Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3204989?ysclid=li7xt7zx2f998436003> (дата обращения 29.05.2023).
37. Таблица 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Ftab-5_VPN-2020.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (Дата обращения 30.04.2023).
38. ТЕРМОКАРСТ // Большая российская энциклопедия. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/geography/text/4189172> (дата обращения: 22.04.2021).
39. Уголок далекого севера (Очерк). «Сибирская Газета», № 7, 12 февраля, 1884 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yakutskhistory.net/якуты/русские-на-индигирке-и-колыме/уголок-далекого-севера/?ysclid=lia5kz2xpf168557359> (дата обращения: 26.04.2021).
40. Чересчур умелые ручки: что такое апсайклинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/green/624a9ce19a7947caed7d6432> (дата обращения: 26.04.2023).
41. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FMZmdFJyI%2Fchisl_%25D0%259C%25D0%259E_Site_01-01-2021.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (Дата обращения 30.04.2023).
42. Юкагирские обычаи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arctic-megapedia.svf.u.ru/wiki/Юкагирские_обычаи (дата обращения: 26.04.2023).
43. Sustainability–What Is It? Definition, Principles and Examples [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youmatter.world/en/definition/definitions-sustainability-definition-examples-principles> (дата обращения: 26.09.2022).

Литература

1. 10 лет Якутской АССР (Материалы к юбилейному отчету правительства ЯАССР). – Якутск: Якут. гос. изд-во, 1932. – 91 с.
2. Агапов, М. А. «На зимнике своя жизнь»: антропология транспортной мультимодальности / М. А. Агапов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – № 24 (1). – С. 168–203.

3. Агафонов, И. И., Зонов, Б. В., Кротов, М. А., Утенко, П. Е. Индигирская экспедиция (предварительный отчет) / И. И. Агафонов, Б. В. Зонов, М. А. Кротов, П. Е. Утенко. – М. – Иркутск: ОГИЗ, 1933. – 135 с.
4. Адаев, В. Н. Болотные маршруты: пути и способы сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв. / В. Н. Адаев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3. – С. 110–119.
5. Алексеев, А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии / А. Н. Алексеев. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 152 с.
6. Ананичева, М. Д., Литвиненко, Т. В., Филиппова, В. В. Изменение климата в Республике Саха (Якутия) и его влияние на население: инструментальные измерения и наблюдения местных жителей / М. Д. Ананичева, Т. В. Литвиненко, В. В. Филиппова // Географическая среда и живые системы. – 2021. – № 3. – С. 6–21.
7. Антонов, Е. П. Самосознание русских старожилов Нижней Колымы в контексте экономической и социокультурной трансформации / Е. П. Антонов // Известия Иркутского государственного университета. – 2014. – Т. 7. – С. 122–128.
8. Аргентов, А. И. Путевые заметки священника - миссионера в приполярной местности / А. И. Аргентов // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. – СПб., 1857. – Кн. 4. – 58 с.
9. Аргунов, И. А. Социальное развитие якутского народа: Историко-социологическое исследование образа жизни / И. А. Аргунов. – Новосибирск: Наука, 1985. – 319 с.
10. Аргунов, И. А. Промышленно-техническое освоение региона и процесс урбанизации в ЯАССР (1945 – 1985 гг.) / И. А. Аргунов // Современные социально-культурные процессы в городах Севера / Отв. ред. Н. Н. Тихонов. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1988. – С. 6–66.
11. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М.: Наука, 1990. – 247 с.
12. Атласов, С. В. История развития скотоводства и коневодства в Якутии (1917-1928 гг.) / С. В. Атласов. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 151 с.
13. Ацуси, Е. Культура питания гыданских ненцев (Интерпретация и социальная адаптация) / Е. Ацуси. – М.: РАН, Институт этнологии и антропологии, 1997. – 252 с.
14. Ачкасова, В. А. Политическая мобилизация в этнических конфликтах / В. А. Ачкасова // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. – 2016. – № 5. – С. 37–49.
15. Баишева, С. М., Донской, Р. И. Константинова, Т. Н., Сосин, П. В., Тобуков, П. З. Томаска, А. Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С. М. Баишева, Р. И. Донской, Т. Н. Константинова, П. В. Сосин, П. З. Тобуков, А. Г. Томаска. – Новосибирск: Наука, 2012. – 363 с.

16. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л.: Наука, 1983. – 191 с.
17. Баранов, Д. А. Образы вещей. (О некоторых принципах семантизации) / Д. А. Баранов // Антропологический форум. 2005. № 2. – С. 212–227.
18. Баранов, Д. А. Об этнографическом измерении материальности / Д. А. Баранов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2018. – № 2 (24). – С. 36–56.
19. Батьянова, Е. П., Бронштейн, М. М. Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера / Е. П. Батьянова, М. М. Бронштейн // *Сибирские исторические исследования*. – 2016. – № 1. – С. 48–49.
20. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
21. Бахрушин, С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. / С. В. Бахрушин. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. – 199 с.
22. Бахрушин, С. В. Агенты русских торговых людей / С. В. Бахрушин // *Научные труды* / Ред. коллегия: А. А. Зимин и др. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 2: Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV-XVII вв. – 380 с.
23. Бахрушин, С. В., Токарев, С. А., Сафронов, Ф. Г. Якутия в XVII в. (очерки) / С. В. Бахрушин, С. А. Токарев, Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. – 439 с.
24. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М.: «Прогресс», 1987. – 375 с.
25. Белов, М. И. Семён Дежнёв / М. И. Белов. – М.: Морской транспорт, 1955. – 155 с.
26. Белов, М. И. Мангазея / М. И. Белов. – Л.: Гидрометеиздат, 1969. – 128 с.
27. Беннет, Дж. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей / Дж. Беннет. – Пермь: HylePress, 2018. – 220 с.
28. Беньямин, В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей / В. Беньямин. – М.: РГГУ, 2012. – 288 с.
29. Березницкий, С. В. Сакральные компоненты промысловых технологий коренных народов амуро-сахалинского региона / С. В. Березницкий // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2021a. – № 2 (53). – С. 110–119.
30. Березницкий, С. В. Этнокультурные проекции сакральных ландшафтов у коренных народов Амура и Сахалина / С. В. Березницкий // *Этнография*. – 2021b. – № 4 (14). – С. 211–231.
31. Березницкий, С. В. Магия и табу в алиментарной культуре тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Дальнего Востока / С. В. Березницкий // *Религиоведение*. – 2022. – № 3. – С. 77–84.
32. Биркенгоф, А. Л. Потомки землепроходцев: воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты р. Индигирки / А. Л. Биркенгоф. – М.: Мысль, 1972. – 222 с.
33. Богораз, В. Г. Русские на реке Колыме / В. Г. Богораз // *Жизнь*. – 1899. – № 6. – 457 с.

34. Богораз, В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1901. – 346 с.
35. Богораз, В. Г. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений / В. Г. Богораз. – М. – Л.: Издательство Л. Д. Френкель, 1923. – 120 с.
36. Богораз, В. Г. Чукчи. Т. Часть 1. Социальная организация / В. Г. Богораз. – Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 191 с.
37. Богораз, В. Г. Чукчи. Часть II. Религия / В. Г. Богораз. – Л.: Издательство Главсевморпути, 1939. – 196 с.
38. Богораз, В. Г. Материальная культура чукчей / В. Г. Богораз. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
39. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: РИПОЛ классик, 2022. – 256 с.
40. Боякова, С. И. Главсевморпуть в освоении и развитии севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.) / С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука: Сиб. Изд. фирма, 1995. – 124 с.
41. Боякова, С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.) / С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 2001. – 155 с.
42. Боякова, С. И. Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт / С. И. Боякова // Арктика и Север. – 2012. – № 9. – С. 73–80.
43. Боякова, С. И. Правовой статус и этническая идентичность русских арктических старожилов Якутии / С. И. Боякова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2016а. – № 4 (10). – С. 145–153.
44. Боякова, С. И. Транспорт Якутии в условиях глобальных климатических изменений: риски, вызовы, возможности адаптации / С. И. Боякова // Академические исследования в Якутии: «территория историка» / Отв. ред. И. И. Юрганова. – Якутск: ИИТС «Алаас», 2016б. – С. 201–212.
45. Боякова, С. И., Винокурова, Л. И., Игнатъева, В. Б., Филиппова, В. В. Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация / С. И. Боякова, Л. И. Винокурова, В. Б. Игнатъева, В. В. Филиппова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2010. – № 1. – С. 22–25.
46. Боякова, С. И., Винокурова, Л. И., Игнатъева, В. Б., Филиппова, В. В. Социальные последствия и адаптация населения РС (Я) к чрезвычайным ситуациям природного характера (по материалам социологических исследований 2009-2010 гг.) / С. И. Боякова, Л. И. Винокурова, В. Б. Игнатъева, В. В. Филиппова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – № 2. – С. 37–40.
47. Бурдье, П. Формы капитала / П. Бурдье // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Ред. В. В. Радаев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 519–536.

48. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.
49. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2017. – 560 с.
50. Бурнашева, Н. И. Роль кооперации в социально-экономическом развитии Якутии (70-е гг. XIX в. – 80-е гг. XX в.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Бурнашева Наталия Ивановна – М., 2011. – 52 с.
51. Бутурлин, С. А. Отчет Уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С. А. Бутурлина / С. А. Бутурлин. – СПб., 1907. – Т. XV. – 190 с.
52. Василевич, Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
53. Васильев, В. В., Грицевич, А. В., Селин, В. С. Исторические тенденции и современные организационно-экономические проблемы «северного завоза» / В. В. Васильева, А. В. Грицевич, В. С. Селин. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2009. – 152 с.
54. Васильева, В. В. Инфраструктура вне государства: «дикие» зимники и вывоз промысловой продукции на Таймыре / В. В. Васильева // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 4. – С. 61–75.
55. Васильева, В. В. Ориентирование в пространстве у долган таймырского побережья Северного Ледовитого океана / В. В. Васильева // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 3 (60). – С. 31–40.
56. Васильева, В. В. Ускользящий Северный морской путь и локальное сообщество Диксона: обещание инфраструктуры / В. В. Васильева // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 76–88
57. Васильева, В. В. Мобильность и структурирование пространства у долган таймыро-якутского приграничья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Васильева Валерия Владиславовна. – СПб., 2021. – 211 с.
58. Васильева, О. В., Федорова, А. Р., Слепцова, А. А. Мамонтовая кость, общество и государство: неформальные практики природопользования на Северо-Востоке России и их социально-экономический эффект / О. В. Васильева, А. Р. Федорова, А. А. Слепцова // Этнографическое обозрение. – 2022. – № 4. – С. 86–108.
59. Васильчук, Ю. К. Едома. Часть 1. История геокриологического изучения в XIX и XX веках / Ю. К. Васильчук // Арктика и Антарктика. – 2022. № 4. – С. 54–114.
60. Вахтин, Н. Б. Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири / Н.Б. Вахтин // Канун. – 2001. – Вып. 6. – С. 216–231.

61. Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В., Швайтцер, П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин, П. Швайтцер. – М.: Новое издательство, 2004. – 292 с.
62. Вдовин, И. С. Очерки истории и этнографии чукчей / И. С. Вдовин. – М. – Л.: Наука, 1965. – 403 с.
63. Вечная мерзлота и культура. Глобальное потепление и Республика Саха (Якутия), Российская Федерация (Учебное пособие для экологического образования) / Под ред. Х. Такакура, Ё. Иилзима, В. Игнатъевой, А. Фёдорова, М. Гото, Т. Танака. – Сендай: Центр исследований Северо-Восточной Азии, Университет Тохоку, 2019. – 72 с.
64. Винокурова, Л. И. Сельская Якутия: восприятие коренным населением изменений в окружающей среде / Л. И. Винокурова // Арктика и Север. – 2011. – № 4. – С. 1–8.
65. Винокурова, Л. И. Трансформация колхозов в совхозы в Якутии в 1960-х гг.: социальные и экономические последствия / Л. И. Винокурова // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 193–202.
66. Винокурова, Л. И. Совхозы арктической Якутии в 1960-1970-е гг.: политика и люди / Л. И. Винокурова // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 12 (92). – С. 103–107.
67. Винокурова, Л. И., Филиппова, В. В., Сулейманов, А. А., Григорьев, С. А. В ожидании ледохода: социальные аспекты разрушительных наводнений в сельской Якутии (кон. XX – нач. XXI вв.) / Л. И. Винокурова, В. В. Филиппова, А. А. Сулейманов, С. А. Григорьев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (35). – С. 28–40.
68. Волдина, Т. В. «Долгой жизни вечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров / Т. В. Волдина. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2016. – Ч. 1. – 206 с.
69. Волковицкий, А. И., Терёхина, А. Н. Современные проблемы ямальского оленеводства: дискуссии и перспективы / А. И. Волковицкий, А. Н. Терёхина // Этнография. – 2020. – № 2 (8). – С. 152–169.
70. Воробьев, Д. Д. Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX века (север Туруханского района Красноярского края) / Д. Д. Воробьев // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. – № 140. – 26 с.
71. Воробьев, Д. О. Субъективность и объективность телесного знания как онтологическая проблема / Д. О. Воробьев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 3 (29): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 37–39.
72. Врангель, Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицией, состоявшею под начальством

- флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля / Ф. П. Врангель. – СПб.: Типография А. Бородина и К°, 1841. – 360 с.
73. Гаген-Торн, Н. И. Судовые флюгера «сорочки» / Н. И. Гаген-Торн // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – Т. XX. – С. 75–83.
74. Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования / под общ. ред. Д. Н. Замятина, Е. Н. Романовой. – М.: Канон +, 2017. – 500 с.
75. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М.: «Прогресс», 1988. – 461 с.
76. Гоголев, З. В., Гурвич, И. С., Золотарева, И. М., Жорницкая, М. Я. Юкагиры (историко-этнографический очерк) / З. В. Гоголев, И. С. Гурвич, И. М. Золотарева, М. Я. Жорницкая / Отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1975. – 241 с.
77. Головнёв, А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири / А. В. Головнёв. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – 204 с.
78. Головнёв, А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496 с.
79. Головнёв, А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) / А. В. Головнёв // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 2–12.
80. Головнёв, А. В. Арктический этнодизайн / А. В. Головнёв // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 2 (55). – С. 6–17.
81. Головнёв, А. В. Кочевники Арктики: искусство движения / А. В. Головнёв // Этнография. – 2018. – № 2. – С. 6–45.
82. Головнёв, А. В. Новая этнография Севера / А. В. Головнёв // Этнография. – 2021. – № 1 (11). – С. 6–24.
83. Головнёв, А. В. Северность России / А. В. Головнёв. – СПб.: МАЭ РАН, 2022. – 450 с.
84. Головнёв, А. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография / А. В. Головнёв, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер. – СПб.: МАЭ РАН, 2021. – 280 с.
85. Головнёв, А. В., Давыдов, В. Н., Перевалова, Е. В., Киссер, Т. С. Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы / А. В. Головнёв, В. Н. Давыдов, Е. В. Перевалова, Т. С. Киссер. – СПб.: МАЭ РАН, 2021. – 284 с.
86. Головнёв, А. В., Киссер, Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы / А. В. Головнёв, Т. С. Киссер // Этнография. – 2022. – № 3 (17). – С. 6–2.
87. Головнёв, А. В., Куканов, Д. А., Перевалова, Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий / А. В. Головнёв, Д. А. Куканов, Е. В. Перевалова. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 350 с.

88. Головнёв, А. В., Перевалова, Е. В., Белоруссова, С. Ю., Киссер, Т. С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) / А. В. Головнёв, Е. В. Перевалова, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53). – С. 142–148.
89. Головнев, В. А. Медиатрансформации в этнографии и рождение этноблогинга (на примере хантов реки Тромъёган) / В. А. Головнев // Этнография. – 2021. – № 4 (14). – С. 186–210.
90. Гончаров, Н. С. Животные в нарративах населения посёлка Жиганск Республики Саха (Якутии) / Н. С. Гончаров // Кунсткамера. – 2018. – № 2. – С. 88–96.
91. Гончаров, Н. С. Элементы деятельности: места, движения, ритмы и ресурсы / Н. С. Гончаров // Кунсткамера. – 2019. – № 3 (5). – С. 220–231.
92. Гончаров, Н. С. Контексты использования пищевых нарративов на р. Индигирке / Н. С. Гончаров // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 195–217.
93. Гончаров, Н. С. «Сгущения» пространства в процессе собирательства, рыболовства и охоты: на примере села Жиганск, Республика Саха (Якутия) / Н. С. Гончаров // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – Том XXIV. – № 2. – С. 181–211.
94. Гончаров, Н. С. Представления о переселении душ у полиэтнического населения Нижнеколымского района Якутии / Н. С. Гончаров // Религиоведение. – 2022а. – № 2. – С. 41–52.
95. Гончаров, Н. С. Связность компонентов окружающего пространства жителей села Русское Устье как адаптивный ресурс / Н. С. Гончаров // Сибирские исторические исследования. – 2022б. – № 4. – С. 221–249.
96. Гончаров, Н. С. Способы производства пищи в арктической Якутии (пример Аллаиховского улуса) / Н. С. Гончаров // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2022с. – Том 14. – № 2. – С. 4–37.
97. Государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Саха (Якутия) в 2020 году / Правительство Республики Саха (Якутия), Министерство экологии, природопользования и лесного хозяйства Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2021. – 679 с.
98. Грачева, Г. Н. К методике изучения ранних представлений о человеке (на нганасанском материале) / Г. Н. Грачева // Советская этнография. – 1975. – № 4. – С. 51–59.
99. Григорьев, В. А., Ноговицын, Р. Р. Проблемы обеспечения населения Республики Саха (Якутия) питьевой водой и пути решения проблемы / В. А. Григорьев, Р. Р. Ноговицын // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 3 (63). – С. 175–178.
100. Григорьев, С. А. Температурные изменения, деградация многолетней мерзлоты и новые вызовы в системе жизнеобеспечения Амгинского улуса РС (Я): результаты полевых наблюдений / С. А. Григорьев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – № 1 (38). – С. 51–62.

101. Григорьева, К. С. Этничность как социальных ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) / К. С. Григорьева // Мир России. – 2017. – Т. 26. – № 1. – С. 81–102.
102. Губогло, М. Н. Языки этнической мобилизации / М. Н. Губогло. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 816 с.
103. Гурвич, И. С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 г. / И. С. Гурвич // Советская этнография. – 1952. – № 3. – С. 200–209.
104. Гурвич, И. С. Этнографическая экспедиция в бассейн реки Индигирки (Предварительный отчет) / И. С. Гурвич // Краткие сообщения Института этнографии. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – Вып. XIX. – С. 28–42.
105. Гурвич, И. С. Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. / И. С. Гурвич // Сибирский этнографический сборник / Отв. ред. Б. О. Долгих. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 5. – С. 71–99.
106. Гурвич, И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири / И. С. Гурвич. – М.: Наука, 1966. – 269 с.
107. Гурвич, И. С. Культура северных якутов-оленоводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа / И. С. Гурвич. – М.: Наука, 1977. – 258 с.
108. Давыдов, В. Н. Практики освоения пространства эвенками Восточной Сибири: прагматическое использование антропогенного ландшафта инфраструктуры / В. Н. Давыдов // Кунсткамера. – 2018а. – № 1. – С. 8–15.
109. Давыдов, В. Н. Стратегии использования пространства и режимы автономности: отношения эвенков и государства на Северной Байкале / В. Н. Давыдов // Этнография. – 2018b. – № 2. – С. 46 – 66.
110. Давыдов, В. Н. Эмоции в отношениях человека, животного и ландшафта: исследование коралльных работ на Таймыре / В. Н. Давыдов // Кунсткамера. – 2018с. – № 2. – С. 81–87.
111. Давыдов, В. Н. Практики освоения пространства эвенками Восточной Сибири: прагматическое использование антропогенного ландшафта и инфраструктур / В. Н. Давыдов // Кунсткамера. – 2019. – № 1. – С. 267–280.
112. Давыдов, В. Н. Контейнеризация Арктики: мобильные модули освоения пространства на Крайнем Севере / В. Н. Давыдов // Кунсткамера. – 2020. – № 3 (9). – С. 121–129.
113. Давыдов, В. Н., Давыдова, Е. А., Гончаров, Н. С. Энергия Арктики: Этнографическое измерение / В. Н. Давыдов, Е. А. Давыдова, Н. С. Гончаров. – СПб.: МАЭ РАН, 2022. – 244 с.
114. Давыдов, В. Н., Симонова, В. В., Сем, Т. Ю., Брандишаускас, Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири / В. Н. Давыдов, В. В. Симонова, Т. Ю. Сем, Д. Брандишаускас. – СПб.: МАЭ РАН, 2016. – 196 с.

115. Давыдова, Е. А. Холодильник, соль и сахар: добыча и технологии обработки пищи на Чукотке / Е. А. Давыдова // Сибирские исторические исследования. – 2019. – №2. – С. 143–161.
116. Давыдова, Е. А., Давыдов, В. Н. Пути пищи: перемещение и распределение продуктов на Чукотке / Е. А. Давыдова, В. Н. Давыдов // Кунсткамера. – 2020. – № 1 (7). – С. 67–73.
117. Давыдова, Е. А., Давыдов, В. Н. Микроинфраструктура подсобного хозяйства на Чукотке: яранги, контейнеры и теплицы / Е. А. Давыдова, В. Н. Давыдов // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 4. – С. 76–93.
118. Данилова, Е. Н. Этнологическая экспертиза в теории и практике современной российской науки: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.4 / Данилова Елена Николаевна. – СПб., 2022. – 262 с.
119. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. – 895 с.
120. Демидова, М. В. «Символический капитал» П. Бурдьё и «капитал» К. Маркса / М. В. Демидова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 11. – С. 27–32.
121. Дескола, Ф. По ту сторону природы и культуры / Ф. Дескола. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 580 с.
122. Дмитриев, В. А. Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Дмитриев Владимир Александрович. – СПб., 2010. – 45 с.
123. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 622 с.
124. Дьяконова, В. П. Жилище народов Сибири / В. П. Дьяконова // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. – СПб.: Наука, 1995. – С. 24–61.
125. Дьяченко, В. И. Результаты работы комиссии по изучению Якутской АССР в Лено-Хатангском регионе / В. И. Дьяченко // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Пятых Сибирских чтений / Отв. ред. Е. Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 2004. – С. 89–92.
126. Дьяченко, В. И. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты / В. И. Дьяченко. – СПб.: Европейский Дом, 2005. – 272 с.
127. Дьяченко, В. И. Пути и особенности колонизации русскими Таймыра / В. И. Дьяченко // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сборник научных статей / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 68–123.
128. Дьяченко, В. И. «Большая русская дорога» – территория этнокультурного взаимодействия на Таймыре / В. И. Дьяченко // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири / Отв. ред. В. Н. Давыдов. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – С. 72–135.
129. Дьячков, Г. Анадырский край: Рукопись жителя села Марково Г. Дьячкова / Г. Дьячков. – Владивосток: тип. Сиб. флот. экипажа, 1893. – Т. 2. – 158 с.

130. Егорова, Т. П., Березовская, Е. Ю. О проблемах малой авиации Якутии / Т. П. Егорова, Е. Ю. Березовская // Наука и техника в Якутии. – 2010. – № 2 (19). – С. 87–91.
131. Жиганск сквозь столетия / Ред. Н. И. Слепцова, Л. Е. Сивцева, В. Н. Сорокин, А. С. Федорова, А. Ф. Матвеев, С. А. Матвеева, А. И. Харбаева. – Жиганск: АУ «Редакция газеты “Новости Жиганска”» РС (Я), 2012. – 300 с.
132. Жирков, А. Н. Развитие земледелия в Советской Якутии 1917-1980 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Жирков Александр Николаевич. – Иркутск, 1987. – 18 с.
133. Жукова, Л. Н. Одежда юкагиров: учебное пособие / Л. Н. Жукова. – Якутск: Якутский край, 1996. – 142 с.
134. Жукова, Л. Н. Очерки по юкагирской культуре: [в 3 ч.] / Л. Н. Жукова. – Якутск: Бичик, 2013. – Ч. 3. – 236 с.
135. Жукова, Л. Н. Злокозненные силы в традиционных верованиях и фольклоре лесных юкагиров / Л. Н. Жукова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 77. – 196–205.
136. Жукова, Л. Н. Древний и современный годовой хозяйственный цикл пеших номадов-собаководов Якутии / Л. Н. Жукова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1 (31). – С.44–53.
137. Жуковская, Н. Л. Пространство и время в мировоззрении монголов / Н. Л. Жуковская // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии / Отв. ред. Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 1986. – С. 118–134.
138. Забродин, В. А., Лайшев, К. А., Гулюкин, М. И., Гулюкин, А. М., Искандаров, М. И., Слепцов, Е. С., Винокуров, Н. В., Федоров, В. И., Бочкарев, И. И., Захарова, О. И. Бруцеллез оленей и некоторых диких животных на Енисейском Севере / В. А. Забродин, К. А. Лайшев, М. И. Гулюкин, А. М. Гулюкин, М. И. Искандаров, Е. С. Слепцов, Н. В. Винокуров, В. И. Федоров, И. И. Бочкарев, О. И. Захарова. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2018. – 290 с.
139. Замятина, Н. Ю. Арктическая урбанизация как фронтир / Н. Ю. Замятина // Научный вестник ЯНАО. – 2016. – № 3 (92). – С. 114–120.
140. Здравомыслов, А. Г., Цуциев, А. А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм / А. Г. Здравомыслов, А. А. Цуциев // Социологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 20–50.
141. Зензинов, В. М. В гостях у юкагиров / В. М. Зензинов // Этнографическое обозрение. 1914а. – Кн. 50. – № 1. – С. 106–126.
142. Зензинов, В. М. Марковцы и русскоустыинцы: Этнографические параллели и сравнения / В. М. Зензинов // Этнографическое обозрение. – 1914б. – Кн. CI–CII. – № 1–2. – С. 155–162.

143. Зензинов, В. М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа / В. М. Зензинов. – М.: Типография П.П. Рябушинского, Страстной бульвар, соб. домъ, 1914с. – 133 с.
144. Золотухин, И. Н. Северный морской путь как трансокеаническая магистраль. Проблемы освоения в аспекте интересов держав Северной Пацифики: взгляд из России / И. Н. Золотухин // Ойкумена. – 2013. – № 2. – С. 16–29.
145. Зуев, А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / А. С. Зуев. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2002. – 330 с.
146. Зуев, А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). / А. С. Зуев. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2009. – 441 с.
147. Иванов, В. Ф. Социально-экономические отношения в Якутии в конце XVII – начале XIX в. / В. Ф. Иванов. – Новосибирск: Наука, 1992. – 228 с.
148. Иванов, Г. И. Рыбные ресурсы северо-востока Якутской АССР и их освоение / Г. И. Иванов. – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 130 с.
149. Игнатъева, В. Б. Сельские сообщества Якутии в условиях изменения мирового климата / В. Б. Игнатъева // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Отв. ред. В. В. Степанов, В. А. Тишков – М.: ИЭА РАН, 2014. – С. 311–315.
150. Игнатъева, В. Б., Романова, Е. Н. Антропология вечной мерзлоты: природный ландшафт и «территория этничности» / В. Б. Игнатъева, Е. Н. Романова // Природа и культура. Материалы международной научной конференции: в 2-х частях Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова / Отв. ред. Н. С. Павлова. – 2012. – Том. 1. – С. 61–75
151. Игошева, М. А. Ресурсный потенциал этнической идентичности в условиях глобальных трансформаций современного мира / М. А. Игошева // Гуманитарий Юга России. – 2019. – Т. 8. – № 3. – С. 133–140.
152. Ионова, О. В. Из истории якутского народа (Первая половина XVII века) / О. В. Ионова. – Якутск: Гос. изд. ЯАССР, 1945. – 112 с.
153. Иохельсон, В. И. Олекминские скопцы: историко-бытовой очерк / В. И. Иохельсон. – СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1894. – 36 с.
154. Иохельсон, В. И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении / В. И. Иохельсон. – СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1895. – 37 с.
155. Иохельсон, В. И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе / В. И. Иохельсон. – СПб.: Изд. на средства А. И. Громовой, 1898. – 167 с.

156. Иохельсон, В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов / В.И. Иохельсон // Живая старина. – 1900. – Вып. 1–2. – С. 151–193.
157. Иохельсон, В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон / Отв. ред. Н. А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2005. – 666 с.
158. Истомин, К. В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снегоходная революция и рыночная реставрация / К. В. Истомин // Уральский исторический вестник. – 2015. – Т. 2. – №. 47. – С. 17–25.
159. Истомин, К. В. «Только трусливый плурует»: страх, беспокойство и ориентация в пространстве у оленеводов – ненцев и коми / К. В. Истомин // Этнография. – 2018. – №. 2. – С. 67–83.
160. Истомин, К. В., Вахтин, Н. Б. Фактор неопределенности в современных сообществах Крайнего Севера РФ: методологические подходы к изучению / К. В. Истомин, Н. Б. Вахтин // Проблемы Арктики и Антарктики – 2022. – № 68 (4). – С. 420–436.
161. Историко-этнографический атлас Сибири / Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. – М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 498 с.
162. История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки / Ред. А. И. Крушанов. – Л.: Наука, 1987. – 288 с.
163. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. А. Тураев. – СПб.: Наука, 1997. – 183 с.
164. История открытия и освоения Северного морского пути. – М.: Морской транспорт, 1956. Том. 1. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. Я. Я. Гаккеля, А. П. Окладникова, М. Б. Черненко. – 592 с.
165. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Ред. Н. Н. Диков. – М.: Мысль, 1989. – 530 с.
166. История Якутии: в 3 т. / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова – Новосибирск: Наука, 2020. – Т. I – 536 с.
167. История Якутии: в 3 т. / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. А. А. Борисов, А. И. Макарова. – Новосибирск: Наука, 2021. – Т. II – 216 с.
- 168.
169. История Якутии: в 3 т. / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021. – Т. III – 592 с.
170. История Якутской АССР / Ред. С. А. Токарев и др. – М.: АН СССР, 1957. – Том. 2: Якутия от 1630-х годов до 1917 г. – 427 с.
171. Казначеев, В. П. Современные аспекты адаптации / В. П. Казначеев. – Новосибирск: Наука, 1980. – 192 с.

172. Калинин, Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток / Н. Ф. Калинин. – СПб.: Типография Морского министерства, 1912. – 246 с.
173. Калуцков, В. Н. Ландшафт в культурной географии / В. Н. Калуцков. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
174. Каменецкая, Р. В. Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травин / Р. В. Каменецкая // Сборник МАЭ СССР. Т. XXXVIII. – Л.: Наука, 1982. – С. 94–103.
175. Кантор, Е. Д. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере: Справочник для работников Севера / Е. Д. Кантор. – М.: Власть советов, 1934. – 212 с.
176. Капустина, Е. Л. Интернет-коммуникация и транслокальная миграция: случай Дагестана / Е. Л. Капустина // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2020. – № 12 (3). – С. 26–51.
177. Карасева, А. И. Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа / А. И. Карасева // *Антропологический форум*. – 2018. – № 38. – С. 122–146.
178. Карих, Е. В. Аноийская ярмарка во второй половине XIX – начале XX в. / Е. В. Карих // *Вестник Томского университета*. – 2008. – № 316. – С. 101–104.
179. Карих, Е. В. Значение Аноийской ярмарки в межэтнической интеграции русских и чукчей / Е. В. Карих // *Вестник Томского государственного университета*. – 2010. – № 1 (9). – С. 124–129.
180. Карлов, В. В. Эвенки в XVII – начале XX в. Хозяйство и социальная структура / В. В. Карлов. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 160 с.
181. Карлов, В. В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации / В. В. Карлов // *Сибирские исторические исследования*. – 2016. – № 4. – С. 131–153.
182. Кастру, Э. В. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии / Э. В. Кастру. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 199 с.
183. Кеннан, Г. Кочевая жизнь в Сибири (Tentlife). Приключения среди коряков и других инородцев / Г. Кеннан. – СПб.: И. И. Иванов, 1896. – 383 с.
184. Киссер, Т. С. Киберскорость на Таймыре / Т. С. Киссер // *Этнография*. – 2021. – № 4 (14). – С. 158–185.
185. Клоков, К. Б. Традиционное природопользования народов Севера: концепция сохранения и развития. Этногеографические и этноэкологические исследования / К. Б. Клоков. – СПб.: НИИГ СПбГУ, 1997. – Вып. 5. – 92 с.
186. Клоков, К. Б. Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах / К. Б. Клоков // *Этнография*. – 2020. – № 1 (7). – С. 142–165.
187. Кнорозов, Ю. В. Избранные труды. Издание II / Ю. В. Кнорозов / Ред. М. Ф. Альбедиль. – СПб.: МАЭ РАН, 2022. – 658 с.

188. Козлов, В. И. Этнос и территория / В. И. Козлов // Советская этнография. – 1971. – № 6. – С. 89–100.
189. Козьмин, В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири / В. А. Козьмин. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. – 236 с.
190. Косарев, М. Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда / М. Ф. Косарев. – М.: Наука, 1991. – 302 с.
191. Коч, А. А. Административная политика М. М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. / А. А. Коч // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 1990. – № 5. – С. 40–49.
192. Крадин, Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество / Н. П. Крадин. – М.: Искусство, 1988. – 190 с.
193. Крейнович, Е. А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX и XX вв. / Е. А. Крейнович // Страны и народы Востока. Выпуск XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Книга 2. / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. – М.: Наука, 1972. – С. 56–92.
194. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937 гг.) / Отв. ред. Н. Я. Гущин. – Новосибирск, Наука, 1983. – 389 с.
195. Кривошапкин, А. В. Эвены / А. В. Кривошапкин. – СПб.: Просвещение, 1997. – 77 с.
196. Криоэкосистемы бассейна реки Алазеи / Отв. ред. А. П. Исаев, И. В. Климовский. – Новосибирск: Гео, 2018. – 208 с.
197. Кротов, М. А. В просторах Индигирки / М. В. Кротов. – Якутск: Якутское государственное издательство, 1934. – 80 с.
198. Крупник, И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / И. И. Крупник. – М.: Наука, 1989. – 270 с.
199. Кулаковский, Г. П., Винокурова, Л. И. Транспорт и снабжение населения арктических районов Якутии: повседневность, проблемы, перспективы / Г. П. Кулаковский, Л. И. Винокурова // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 7. – С. 57–62.
200. Курбанов, А. Х., Курбанов, Т. Х., Плотников, В. А. Феномен социалистического соревнования как инструмент управления ростом производительности труда в период советской индустриализации / А. Х. Курбанов, Т. Х. Курбанов, В. А. Плотников // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 1 (55). – С. 73–90.
201. Куропятник, М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе / М. С. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. V. – № 1. – С. 161–173.

202. Курчатова, Т. Т. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Якутской области: Историко-демографический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Курчатова Тамара Тимофеевна. – Якутск, 2002. – 21 с.
203. Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 211–242.
204. Латур, Б. Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 2 (34). – С. 5–19.
205. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
206. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М.: Академический проект, 2015. – 429 с.
207. Левин, М. Н., Чебоксаров, Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области / М. Н. Левин, Н. Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1955. – № 4. С. 3-17.
208. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
209. Линч, К. Образ города / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
210. Лоу, С. М. Пласа: политика общественного пространства и культуры / С. М. Лоу. – М.: Strelka Press. – 352 с.
211. Мазин, А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.) / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
212. Майдель, Г. Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя / Г. Л. Майдель. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1894. – Т. I. – 826 с.
213. Майдель, Г. Л. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской области / Г. Л. Майдель // Сб. трудов исследовательского общества «Saqa Keskuie». – Якутск, 1925. – Вып. 1. – С 20–34.
214. Максимова О. Н. Политическая субъектность этноса или этничность в публичной сфере / О. Н. Максимова // Электронный научный журнал «Современное общество и власть». – 2015. – № 3 (5). – С. 77–82.
215. Маркарян, Э. С., Арутюнов, С. А., Барсегян, И. А., Енгибарян, С. Е., Мелконян, Э. Л., Мкртумян, Ю. И., Сарингулян, К. С. Культура жизнеобеспечения и этнос / Э. С. Маркарян, С. А. Арутюнов, И. А. Барсегян, С. Е. Енгибарян, Э. Л. Мелконян, Ю. И. Мкртумян, К. С. Сарингулян. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1983. – 320 с.

216. Мартынова, Е. П., Пивнева, Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья: (По материалам Ханты-Мансийского автономного округа) / Е. П. Мартынова, Е. А. Пивнева. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. – 152 с.
217. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – М.: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с.
218. Методика составления технологической карты, расчета нормативных затрат по стадному содержанию оленей в Республике Саха (Якутия). Методическое пособие / Под ред. А. В. Киселева, А. И. Степанова. – Якутск: Государственный комитет Республики Саха (Якутия) по делам Арктики, Федеральное агентство научных организаций, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени М.Г. Сафронова, 2017. – 206 с.
219. Мечников, Л. И. Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников. – М.: Прогресс: Пангея, 1995. – 464 с.
220. Мизин, И. А. Современные проблемы удаления ТБО из труднодоступных районов российской Арктики / И. А. Мизин // Справочник эколога. – 2014. – № 8 (20). – С. 85-96.
221. Мищенко, Д. Ф. Пища в индивидуальной и культурной памяти / Д. Ф. Мищенко // Шаги. – 2016. – № 2 (4). – С. 162–172.
222. Мордвинов, А. Орочоны, или оленные тунгусы / А. Мордвинов // Современник. Литературный журнал. – 1851. – Т. XXVII. – С. 126–135.
223. Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Глафиры Макарьевны Василевич, (24-25 сентября 2020 г., г. Якутск) / Редакционная коллегия: А. Н. Варламов, Н. И. Данилова, Е. Г. Маклашова [и др.]; ответственный за выпуск М. П. Дьяконова. – Якутск: Электронное издательство НБ РС (Я), 2020. – 171 с.
224. Народы Северо-Востока Сибири: айны, алеуты, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нивхи, чуванцы, чукчи, эскимосы, юкагиры / Отв. ред. Е. П. Батьянова, В. А. Тураев. – М.: Наука, 2010. – 772 с.
225. Народы Сибири // Народы Мира / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 1083 с.
226. Национальный атлас России. – М.: ГОСГИСЦЕНТР, 2004. – Т. 2. Природа и экология. – 495 с.
227. Нейман, К. К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области / К. К. Нейман // Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. – Иркутск, 1872. – Т. 3. – № 1. – С. 32–42; № 2. – С. 57–69.
228. Неустроева, А. Б., Самсонова, И. В., Малышева, М. С., Семенова, Л. А. Современное положение традиционных хозяйств коренных малочисленных северных народов в Республике

- Саха (Якутия) / А. Бю Неутроева, И. В. Самсонова, М. С. Малышева, Л. А. Семенова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 220–245.
229. Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор / Отв. ред. Е. П. Антонов. – Якутск: Бичик, 2003. – 295 с.
230. Никитина, С. Е. Русские старожилы Республики Саха (Якутия): проблемы сохранения уникальной культуры / С. Е. Никитина // Русские арктические старожилы Якутии: сборник научных статей / Отв. ред. С. Е. Никитина. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. – С. 16–33.
231. Николаев, С. И. Основные этапы этнической истории виллойских якутов / С. И. Николаев // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – 1957. – Вып. 27. – С. 90–98.
232. Новикова, Н. И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии / Н. И. Новикова. – М.: Наука, 2014. – 407 с.
233. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. СПб.: Издательство СПб. унта, 1999. – С. 17–50.
234. Окладников, А. П., Гоголев, З. В., Ащепков, Е. А. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город / А. П. Окладников, З. В. Гоголев, Е. А. Ащепков. – М.: Наука, 1977. – 209 с.
235. Окладников, А. П., Гурвич, И. С. Древние поселения в дельте р. Индигирки / А. П. Окладников, И. С. Гурвич // КСИЭ. – 1957. – Вып. 27. – 42–51.
236. Олсуфьев, А. В. Общий очерк Анадырской округи ее экономического состояния и быта населения / А. В. Олсуфьев. – СПб.: Тип. Императ. АН, 1896. – 223 с.
237. Опарин, Д. А. Современные ономастические представления азиатских эскимосов / Д. А. Опарин // Сибирские исторические исследования. – 2015. – № 4. – С. 30–46.
238. Орлова, Н. С. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сборник документов / Н. С. Орлова. – М.: Географгиз, 1951. – 620 с.
239. Освоение Арктики 2.0: продолжение советских исследований / Под ред. А. Н. Пилясова. – М.: КРАСАНД, 2022. – 432 с.
240. Охотники-оленоводы Хатанги и Анабара. Коллекция П. В. Слепцова в собрании МАЭ РАН / В. А. Беляева-Сачук, С. В. Березницкий, В. В. Боброва, Н. С. Гончаров, В. Н. Давыдов, В. И. Дьяченко, Н. П. Копанева, Н. Н. Слепцова, О. Б. Степанова, Е. Г. Фёдорова, отв. ред. В. Н. Давыдов, Н. П. Копанева. – СПб.: МАЭ РАН, 2020. – 256 с.
241. Очерки по истории Якутии советского периода / Ред. Ю. А. Поляков, З. В. Гоголев. – Якутск: Кн. изд-во, 1957 – 399 с.
242. Павлинская, Л. Р. Реки Сибири / Л. Р. Павлинская // Реки и народы Сибири / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. – СПб.: Наука, 2007. – С. 18–55.

243. Павлинская, Л. Р. Особенности традиционной мифопоэтической картины мира якутов в свете этнокультурных процессов на территории Евразии / Л. Р. Павлинская // История Якутии / Общ. ред. А. Н. Алексеева. – Новосибирск: Наука, 2020. – Т. I. – С.132–165.
244. Перевалова, Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть / Е. В. Перевалова. – СПб.: МАЭ РАН, 2019. – 350 с.
245. Перевалова, Е. В., Киссер, Т. С. Таймыр: этнопроекты и лидеры / Е. В. Перевалова, Т. С. Киссер // Этнография. – 2021. – № 2 (12). – С. 194–221.
246. Перевалова, Е. В., Киссер, Т. С., Конькова, Ю. С. Сувенир и этничность (опыт Ямала и Таймыра) / Е. В. Перевалова, Т. С. Киссер, Ю. С. Конькова // Кунсткамера. – 2021. – № 4 (14). – С. 249–261.
247. Перевалова, Е. В., Куканов, Д. А. Мобильное жилище чукчей-оленьеводов: традиции и новации / Е. В. Перевалова, Д. А. Куканов // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 3. – С. 40–49.
248. Петряшин, С. С. Орнаментальный декор в антропологии искусства Альфреда Гелла / С. С. Петряшин // Орнаментика в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. – С. 159–165.
249. Петряшин, С. С. Практики ориентации во времени суток по небесным светилам в русской сельской культуре (кон. XIX – XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Петряшин Станислав Сергеевич. – СПб., 2019. – 186 с.
250. Пехтерев, С. В., Макаренко, С. И., Ковальский, А. А. Описательная модель системы спутниковой связи Starlink / С. В. Пехтерев, С. И. Макаренко, А. А. Ковальский // Системы управления, связи и безопасности. – 2022. – № 4. – С. 190–251.
251. Пивнева, Е. А. Динамика традиции в арктическом измерении / Е. А. Пивнева // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 98–107.
252. Пиль, Э. А. Анализ северного завоза и варианты его реализации / Э. А. Пиль // Цифровая наука. – 2021. № 3. – С. 42–58.
253. Пирс, Ч. Что такое знак? / Ч. Пирс // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 88–95.
254. Полевые исследования В. И. Иохельсона / Отв. ред.: Э. Кастен, А. Сирина. – Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022. – 271 с.
255. Полное собрание законов российской империи. Собрание 1-е. – СПб.: Типография и Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. XXXVIII. – 1355 с.
256. Попова, Г. С. Духовное основание охотничьей культуры: традиционное и современное у коренных народов Якутии / Г. С. Попова // Образовательный вестник «Сознание». – 2022. – № 5 (24). – С. 26–37.

257. Попова, У. Г. Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917-1977 гг. / У. Г. Попова. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
258. Постановление об утверждении инвестиционного паспорта муниципального района «Нижнеколымского района». – Черский, 2017. – 20 с.
259. Проблемы экологии Якутии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 159 с.
260. Прокопьева, П. Е. Узнавание души новорожденного в культурной традиции лесных юкагиров / П. Е. Прокопьева // Праздники и обряды как феномен этнической культуры: Материалы X Санкт-Петербургских этнографических чтений. – 2011. – Вып. X. – С. 219–222.
261. Пути великих свершений. Книга третья. Т. 6. Из глубин древности. Вклад исследовательских отрядов КЯР в изучение истории, быта, социума и культурных основ якутского народа и коренных народов Севера, обогативший мировую этнографическую науку / Сост. А. П. Яковец; науч. ред. С. И. Боякова, Е. Н. Романова. – Владивосток: Изд-во «Русские Острова», 2016. – 126 с.
262. Распутин, В. Г. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3: Сибирь, Сибирь... Очерки. Публицистика / В. Г. Распутин. – М.: Мол. гвардия, 1994. – 496 с.
263. Ратцель, Ф. Народоведение / Ф. Ратцель. – СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1900. – Т. 1. – 764 с.
264. «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы / Отв. ред. Д. А. Функ. – М.: ООО «Типография “Демос”», 2019. – 312 с.
265. Роббек, В. А. Устойчивое развитие народов Севера России: фундаментальные и прикладные исследования / В. А. Роббек / Отв. ред. А. А. Петров. – Новосибирск: Наука, 2011. – 662 с.
266. Роднина, Н. В. Арктическое оленеводство Якутии в условиях промышленного освоения территории: конфликт интересов или перспективы для сотрудничества / Н. В. Роднина // Арктика: экология и экономика. – 2022. – № 1 (12). – С. 140–151.
267. Романова, Е. Н. Традиционные представления и религиозные верования / Е. Н. Романова // Народ саха от века к веку: очерки истории / Отв. ред. В. Н. Иванов. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 2003. – С. 73–90.
268. Романова, Е. Н. Коневодство в Арктике: традиции степной культуры / Е. Н. Романова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2014. – № 2 (9). – С. 5–8.
269. Романова, Е. Н., Добжанская, О. Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) / Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 255–263.

270. Романова, Е. Н., Игнатъева, В. Б., Алексеева, Е. К. Модус многодорожья в жизненной стратегии малочисленных народов Севера Якутии / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатъева, Е. К. Алексеева // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 2 (71). – С. 118–126.
271. Русские арктические старожилы Якутии: сборник научных статей / Отв. ред. С. Е. Никитина. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2019. – 288 с.
272. Русский Север: этническая история и народная культура. XII – XX вв. / Отв. ред. И. В. Власова – М.: Наука, 2001. – 848 с.
273. Савва, М. В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена) / М. В. Савва. – Краснодар: Издательство КубГУ, 1997. – 172 с.
274. Саввинов, А. И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начала XX в. / А. И. Саввинов. – Новосибирск: Наука, 2001. – 171 с.
275. Савинов, Д. Г., Длужневская, Г. В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири / Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская. – СПб.: Изд-во ИПП «Ладога», 2008. – 170 с.
276. Савинов, М. А. Будни ясачного зимовья – русские и юкагиры на Алазее в 1670-х гг. / М. А. Савинов // Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее / Полярные чтения на ледоколе «Красин» / Отв. ред. П. А. Филин. – М.: Издательство «Паулсен», 2020. – С. 38–57.
277. Санникова, Я. М. Коллективизация сельского хозяйства Якутии (1929-1940): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Санникова Яна Михайловна. – Якутск, 1999. – 23 с.
278. Санникова, Я. М. Традиционное хозяйство Арктики: трансформации в новейший период (на примере РЯ (Я)). Научный отчет (на правах рукописи) в ИГИ АН РС (Я) / Я. М. Санникова. – Якутск, 2005. – 122 с.
279. Санникова, Я. М. Традиционное хозяйство Севера Якутии в условиях трансформаций XX века: оленеводство на Колыме через призму времени / Я. М. Санникова // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 215–219.
280. Сафронов, Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.) / Ф. Г. Сафронов. – Якутск: Книжное издательство, 1961. – 494 с.
281. Сафронов, Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. / Ф. Г. Сафронов. – М.: Наука, 1978. – 258 с.
282. Сафронов, Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв. / Ф. Г. Сафронов. – М.: Наука, 1980. – 145 с.
283. Сем, Т. Ю. Верховные пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: типология и семантика образов / Т. Ю. Сем. – Южно-Сахалинск: Сахалинский Краеведческий музей, 2013. – 240 с.

284. Сем, Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон: семантика образов и этнокультурные связи / Т. Ю. Сем. – СПб.: СПбГУ, 2015. – 640 с.
285. Сем, Т. Ю. Шаманизм эвенков по материалам Российского этнографического музея / Т. Ю. Сем. – СПб.: Центр Гуманитарная Академия, 2017. – 302 с.
286. Семейные основы оленеводческо-промыслового хозяйства. Состояние и управление популяциями дикого северного оленя/карибу / Под ред. Б. Ульвевадет и К. Клокова. – СПб.: «Моби Дик», 2004. – 168 с.
287. Сергеев, Д. А., Арутюнов, С. А. Стабильность и лабильность в эволюции орудий гарпунной охоты у древних эскимосов/ Д. А. Сергеев, С. А. Арутюнов // Доклады советской делегации IX Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – М.: Наука. – 17 с.
288. Серошевский, В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.
289. Симченко, Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии / Ю. Б. Симченко. – М.: Издательство «Наука», 1976. – 310 с.
290. Сирина, А. А. Родовые общины в республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению / А. А. Сирина // Исследования по прикладной и неотложной этнологии МАЭ РАН. – М., 1999. Документ № 126. – 24 с.
291. Сирина, А. А. Катангские эвенки в XX в.: расселение, организация окружающей среды жизнедеятельности / А. А. Сирина. – М. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. – 286 с.
292. Сирина, А. А. От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века / А. А. Сирина. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2010. – 184 с.
293. Сирина, А. А. Эвенки и эвены в современном мире: Самосознание, природопользование, мировоззрение / А. А. Сирина. – М.: Вост. лит. 2012. – 604 с.
294. Сирина, А. А. Энергия огня: лесные пожары в Сибири и управление огнем у эвенков / А. А. Сирина // Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / Отв. ред. В. Н. Давыдов. – М.: Изд-во вост. лит., 2020. – С. 143–162.
295. Сирина, А. А. Эвенкийское оленье седло: некоторые принципы таежной мобильности / А. А. Сирина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49. – № 1. – С. 116–125.
296. Слепцов, А. Н. Государственная этнологическая экспертиза Республики Саха (Якутия) / А. Н. Слепцов // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (4). – С. 15–23.
297. Слободин, С. Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В. И. Иохельсона) / С. Б. Слободин // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 5. – С. 96–115.
298. Соколов, Ю. И. Арктика: к проблеме накопленного ущерба / Ю. И. Соколов // Арктика, экология и экономика. – 2013. – № 2 (10). – С. 8–27.

299. Соколова, З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии) / З. П. Соколова. – М.: ИПА «Три Л», 1998. – 284 с.
300. Сосин, П. В. Социально-экономическое состояние эвенкийского села Кутана Алданского улуса / П. В. Сосин // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения / Отв. ред. И. И. Поисеев. – Якутск, 2001. – С. 65–67.
301. Сосин, П. В. Социальная инфраструктура мест компактного проживания малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия) / П. В. Сосин. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 2005. – 204 с.
302. Сосин, П. В., Тобуков, П. З. Развитие социальной инфраструктуры в населенных пунктах проживания коренных малочисленных народов Севера / П. В. Сосин, П. З. Тобуков // Вестник Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова. – 2009. – Том 6. – № 2. – С. 123–126.
303. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Ред. Л. М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.
304. Спиридонов, Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа / Н. И. Спиридонов. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.
305. Старцев, А. Ф. Традиционная культура и питание дальневосточных эвенков в прошлом и настоящем / А. Ф. Старцев // Россия и АТР. – 2010. – № 1. – С. 60–69.
306. Степанова, О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе / О. Б. Степанова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – 304 с.
307. Степанова, О. Б. Классификация состояний огня и режимы его использования в системе жизнеобеспечения северных селькупов / О. Б. Степанова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2022. – № 4. – С. 50–59.
308. Стратегия социально-экономического развития муниципального района «Жиганский национальный эвенкийский район» на 2019-2030 годы. – Жиганск, 2018. – 49 с.
309. Строгова, Е. А. Русское население Якутии в XVIII в.: Историко-демографическое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Строгова Екатерина Алексеевна. – Якутск, 2004. – 25 с.
310. Стукалин, Г. Д. «Это очень большой *табаррук*»: ритуальные предметы и чувство общности в контексте североиндийского культура мусульманских святых / Г. Д. Стукалин // Антропологический форум. – 2022. – № 53. – С. 73–99.
311. Сулейманов, А. А. Историко-этнографические исследования комплексной юкагирской экспедиции 1959 г. / А. А. Сулейманов // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 334–337.

312. Сулейманов, А. А. «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность / А. А. Сулейманов // Научный диалог. – 2018а. – № 2. – С. 263–274.
313. Сулейманов, А. А. Русское старожильческое население сельских районов Якутии: механизмы адаптации хозяйства к условиям зимнего времени / А. А. Сулейманов // Современная научная мысль. – 2018b. – № 2. – С. 35–42.
314. Сулейманов, А. А. Антропология холода: использование естественных низких температур в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (эволюция традиционных практик и вызовы современности) / А. А. Сулейманов // Кунсткамера. – 2020. – № 1 (7). – С. 9–17.
315. Телятников, М. Ю., Троева, Е. И., Пристяжнюк, С. А., Гоголева, П. А., Черосов, М. М., Пестрякова, Л. А. Растительность низовий р. Индигирки (равнинные и горные тундры) / М. Ю. Телятников, Е. И. Троева, С. А. Пристяжнюк, П. А. Гоголева, М. М. Черосов, Л. А. Пестрякова // Turczaninowia. – 2015. – № 4 (18). – С. 128–168.
316. Терёхина, А. Н., Волковицкий, А. И. «В тундре это не терпит»: заметки о презентации «своей» культуры ненцами Ямала / А. Н. Терёхина, А. И. Волковицкий // Кунсткамера. – 2018. – № 2. – С. 193–200.
317. Тихомиров, Б. А. Вопросы использования дикорастущих пищевых растений на Крайнем Севере / Б. А. Тихомиров // Проблемы Севера / Гл. ред. Д. И. Щербаков. – М.: Наука, 1962. – С. 189–194.
318. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
319. Тишков, В. А. Культурный смысл пространства / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 14 – 31.
320. Токарев, С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры / С. А. Токарев // Советская этнография. – 1970. № 4. – С. 3–17.
321. Толстов, С. П. Очерки первоначального ислама / С. П. Толстов // «Советская этнография». – 1932. – № 2. – С. 24–82.
322. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Т. В. Цивьян. – М.: Наука. – С. 227–284.
323. Травин, Д. Д. Собаководство на реке Индигирке / Д. Д. Травин // Советский Север. – 1930. – № 7–8. – С. 72–77.
324. Туголуков, В. А. Следопыты верхом на оленях / В. А. Туголуков. – М.: Наука, 1969. – 215 с.
325. Туголуков, В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. – М.: Наука, 1985. – 284 с.
326. Тураев, В. А. Этническая история дальневосточных эвенков (XVII – XIX вв.) / В. А. Тураев // Вестник ДВО РАН. – 2009. – № 5. – С. 90–102.

327. Туров, М. Г. Эвенки: экологическое сознание этноса в традициях охотничье-оленоводческого хозяйства / М. Г. Туров // Народы Сибири: права и возможности / Отв. ред. А. П. Деревянко. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 129–147.
328. Туров, М. Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории / М. Г. Туров. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2008. – 228 с.
329. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри. – М.: Праксис, 2012а. – 576 с.
330. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012b. – 336 с.
331. Ушницкий, В. В. Религиозные верования якутов: шаманизм, политеизм и монотеизм / В. В. Ушницкий // Народы и религии Евразии. – 2017. – Вып. 1–2. – С. 107–114.
332. Федорова, Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси / Е. Г. Федорова. – СПб.: МАЭ РАН, 1994. – 284 с.
333. Федорова, Е. Г. Погребальный культ северных манси в этноисторическом аспекте / Е. Г. Федорова // От бытия кинобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки / Отв. ред. Ю. Е. Березкин, Л. Р. Павлинская. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С.209–238.
334. Федорова, Е. Г. Жертвоприношения у северных манси: о роли жреца, шамана, «знающего» / Е. Г. Федорова // Теория и методология архаики: Жертвоприношения в архаике: атрибуция, назначение, цель / Под ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинова. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С.129–142.
335. Филиппова, В. В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. / В. В. Филиппова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 176 с.
336. Филиппова, В. В., Сулейманов, А. А., Шадрин, В. И., Астахова, И. С., Григорьев, С. А. Пространство жизнедеятельности «исчезающего» этноса: юкагиры Якутии в XX-XXI вв. / В. В. Филиппова, А. А. Сулейманов, В. И. Шадрин, И. С. Астахова, С. А. Григорьев. – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 324 с.
337. Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С. И. Лебедев, И. А. Мещерский. – Л.: Наука, 1986. – 382 с.
338. Функ, Д. А. Миры шаманов и сказителей. Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. / Д. А. Функ. – М.: Наука, 2005. – 398 с.
339. Харзина, В. Р., Доцев, А. В., Соловьева, А. Д., Федоров, В. И., Охлопков, И. М., Виммерс, К., Рейер, Х., Брем, Г., Зиновьева, Н. А. Популяционно-генетическая характеристика домашнего северного оленя в Республике Саха Якутия на основании полногеномного SNP анализа / В. Р.

- Харзина, А. В. Доцев, А. Д. Соловьева, В. И. Федоров, И. М. Охлопков, К. Виммерс, Х. Рейер, Г. Брем, Н. А. Зиновьева // *Сельскохозяйственная биология*. – 2017. – № 4 (52). – С. 669–678.
340. Харючи, С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства / С. Н. Харючи. – Томск: ТГУ, 2004. – 360 с.
341. Хомич, Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки / Л. В. Хомич. – М. – Л.: «Наука», 1966. – 339 с.
342. Цзин, А. Л. Гриб на краю света / А. Л. Цзин. – М.: Ad Marginem пресс, 2017. – 376 с.
343. Чарина, О. И., Строгова, Е. А. Русские в устье Индигирки и Колымы // *Сокровища культуры Якутии* / О. И. Чарина, Е. А. Строгова / Гл. ред. А. М. Тарунов. – М.: Научно-информационный центр «Памятники Отечества», 2011. – С. 356–361.
344. Чебоксаров, Н. Н., Чебоксарова, И. А. Народы, расы, культуры / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – М., 1985 – 273 с.
345. Чеснов, Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов / Я. В. Чеснов // *Советская этнография*. – 1970. – № 6. – С. 15–25.
346. Чеснов, Я. В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие / Я. В. Чеснов. – М.: Гардарики, 1998. – 400 с.
347. Чеснов, Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход / Я. В. Чеснов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 496 с.
348. Чикачев, А. Г. Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк / А. Г. Чикачев. – Новосибирск: Наука, 1990. – 189 с.
349. Чикачев, А. Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки / А. Г. Чикачев. – Новосибирск: Наука, 2007. – 307 с.
350. Чикачев, А. Г. Ездовое собаководство Якутии / А. Г. Чикачев. – Якутск: Изд-во СО РАН., 2004. – 67 с.
351. Шадрин, В. И. Коренные народы в условиях изменения климата (на примере народов Севера Якутии) / В. И. Шадрин // *Вопросы истории и культуры северных стран и территорий*. – 2009. – № 2 (6). – С. 95–101.
352. Шадрин, В. И. Юагиры в прошлом и настоящем / В. И. Шадрин // *Полевые исследования В. И. Иохельсона* / Сост. и отв. ред.: Э. Кастен, А. Сирина. – Fürstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022. – С. 185–209.
353. Шадрин, В. И., Винокурова, Л. И. Лесные юагиры Якутии: Состояние этнической культуры / В. И. Шадрин, Л. И. Винокурова // *Межэтнические взаимодействия и социально-культурная адаптация народов Севера России*. – М.: Стратегия, 2006. – С. 75–96.
354. Шахова, В. И. Родовая община «Русское Устье» / В. И. Шахова. – Якутск: Бичик, 2013. – 240 с.

355. Шемякин, А. С., Датъев, И. О. Связь в северных регионах Российской Федерации / А. С. Шемякин, И. О. Датъев // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты: Кольский научный центр Российской академии наук, 2014. – С. 27–40.
356. Широкогоров, С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С. М. Широкогоров / Сост. и отв. ред. А. А. Сирина, В. Н. Давыдов. М.: Наука – Вост. лит., 2017. – 710 с.
357. Шматко, Н. А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё / Н. А. Шматко // Бурдьё, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 554–576.
358. Штернберг, Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Л. Я. Штернберг. – Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – 572 с.
359. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.
360. Экологическая безопасность реки Лены: мониторинг, природные и техногенные катаклизмы / Отв. ред. Д. Д. Саввинов. – Якутск: Ин-т прикладной экологии Севера АН РС (Я), 2001. – 136 с.
361. Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / Отв. ред. В. Н. Давыдов. – М.: Издательство восточной литературы, 2020. – 311 с.
362. Эхо Арктической Одиссеи: к 100-летию Ильи Самуиловича Гурвича / Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия); руководитель проекта Е. Н. Романова; составители: Е. Н. Романова, Л. Б. Степанова, В. А. Неутроева; отв. за вып. С. В. Максимова, Н. И. Попова. – Якутск: Алаас, 2019. – 178 с.
363. Яковлев, А. И. Пригородное село Хатас и проблемы сезонной агломерации Якутска и Нижнего Бестяха / А. И. Яковлев // «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве / Отв. ред. А. С. Бреславский. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2019. – С. 98–101.
364. Якуты (Саха) / Отв. ред. А. Н. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – М.: Наука, 2012. – 299 с.
365. Ярзуткина, А. А. Формы и характер торговли американских предпринимателей с коренными жителями Чукотки в конце XIX – начале XX века / А. А. Ярзуткина // Всероссийский журнал научных публикаций. – М.: Эстет, 2011. – № 10. – С. 34–49.
366. Ярзуткина, А. А. Вещный мир торговли: экономико-этнографический ракурс (к вопросу о взаимоотношениях коренных жителей Чукотки с американскими и русскими торговцами в

- конце XIX – первой четверти XX в.) / А. А. Ярзуткина // Россия и АТР. – 2013. – № 3. – С. 53–62.
367. Ярзуткина, А. А. Сделка как процесс: торговля на Чукотке в конце XIX – начале XX в. / А. А. Ярзуткин // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 1. – С. 57–69.
368. Anand, N. Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai / N. Anand // Cultural Anthropology. – 2011. – Vol. 27. – Issue 4. – P. 542–564.
369. Arctic Resilience Report / M. Carson, G. Peterson (eds.). – Stockholm: Stockholm Environment Institute and Stockholm Resilience Centre, 2016. – 218 P.
370. Argunova-Low, T. Roads and Roadlessness: Driving Trucks in Siberia / T. Argunova-Low // Journal of Ethnology and Folkloristics. – 2012. – Vol. 6. № 1. – P. 71–88.
371. Argunova-Low, T. Biography of a Road: Past and Present of the Siberian Doroga Lena / T. Argunova-Low // Development and Change. – 2016. – № 2 (47). – P. 367–387
372. Argunova-Low, T. Heterotopia of the road: driving and drifting in Siberia / T. Argunova-Low // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 2021. – № 1 (27). – P. 49–69
373. Barad, K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter / K. Barad // Signs. – 2003. – Vol. 28. – № 3. – P. 801–831.
374. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. – L.: Sage, 1992. – 260 p.
375. Berezniysky, S. V. Fine-Tuning Own World / S. V. Berezniysky // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – Vol. 15. – № 2. – P. 220–233.
376. Böhme, G. Atmosphere as the Fundamental Concept of a New Aesthetics / G. Böhme // Thesis Eleven. – 1993. – Vol. 36. – P. 113–126.
377. Bourdieu, P. The Logic of Practice / P. Bourdieu. – Stanford: Stanford University Press, 1990. – 333 p.
378. Brandišauskas, D. Living Footprints in the Taiga. Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters / D. Brandišauskas. – N. Y.: Berghahn, 2019. – 305 p.
379. Bravo, M. Against Determinism: A Reassessment of Marcel Mauss's Essay on Seasonal Variations / M. Bravo // Études inuit. Inuit studies. – 2006. – № 30 (2). – P. 33–49.
380. Brighenti, A. M. On Territorology: Towards a General Science of Territory / A. M. Brighenti // Theory, Culture and Society. – 2010. – № 1(27). – P. 52-72.
381. Brighenti, A. M., Kärholm M. Animated Lands: Studies in Territorology / A. M. Brighenti, M. Kärholm. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2020. – 233 p.
382. Chambers, R. Health, Agriculture and Rural Poverty: Why Seasons Matter / R. Chambers // Journal of Development Studies. – 1982. – № 18 (2). – P. 217–238.

383. Chemero, A. What We Perceive When We Perceive Affordances: Commentary on Michaels (2000) «Information, Perception, and Action» / A. Chemero // *Ecological Psychology*. – 2001. – Vol. 13. – No. 2. – P. 111–116.
384. Chemero, A., Klein, C., Cordeiro, W. Events as Changes in the Layout of Affordances / A. Chemero, C. Klein, W. Cordeiro // *Ecological Psychology*. – 2003. – Vol. 15. – No. 1. – P. 19–28.
385. Costall, A. Canonical Affordances in Context / A. Costall // *Avant: Trends in Interdisciplinary Studies*. – 2012. – Vol. 3. – No. 2. – P. 85–93.
386. Crate, S. A. Climate and Culture: Anthropology in the Era of Contemporary Climate Change / S. A. Crate // *Annual Review of Anthropology*. – 2011. – № 40. – P. 175–194.
387. Crate, S. A. Climate Change and ice Dependent Communities: Perspectives from Siberia and Labrador / S. A. Crate // *The Polar Journal*. – 2012. – № 2 (1). – P. 61–75.
388. Crate, S. A. Sakha and *Alaas*: Place Attachment and Cultural Identity in a Time of Climate Change / S. A. Crate // *Anthropology and Humanism*. – 2021. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 20–38.
389. Crate, S. A., Ulrich, M., Habeck, J. O., Desyatkin, A. R., Desyatkin R. V., Fedorov, A. N., Hiyama, T., Tijima, Y., Ksenofontov, S., Mészárosj, C., Takakura, H. Permafrost livelihoods: A Transdisciplinary Review and Analysis of Thermokarst-based Systems of Indigenous Land Use / S. A. Crate, M. Ulrich, J. O. Habeck, A. R. Desyatkin, R. V. Desyatkin, A. N. Fedorov, T. Hiyama, Y. Tijima, S. Ksenofontov, C. Mészárosj, H. Takakura // *Anthropocene*. – 2017. – № 18. – P. 89–104.
390. Cresswell, T. Towards a Politics of Mobility / T. Cresswell // *Environment and planning D: Society and Space*. – 2010. – Vol. 28. – № 1. – P. 17–31.
391. Cribb, R. *Nomads in Archaeology* / R. Cribb. – Cambridge: Cambridge University Press. – 253 p.
392. Davydov, V. *People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen: Doctoral Thesis* / V. Davydov. – University of Aberdeen, 2011. – 296 p.
393. Davydov, V. N. Fishery in «Free Spaces»: Non-Compliance with Fishery Regulations in a Northern Baikal Evenki Village / V. N. Davydov // *Polar Record*. – 2014. – № 4 (50). – P. 379–390.
394. Davydov, V. Temporality of Movements in the North. Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenkis and Dolgans / V. Davydov // *Sibirica*. – 2017. – Vol. 16. – № 3. – P. 14–34.
395. Davydov, V. N. *People on the Move: The Use of Space by Northern Baikal Evenkis in the Context of Socio-Economic Changes* / V. N. Davydov. – St. Petersburg: MAE RAN. – 2022. – 316 p.
396. De Boeck, F., Plissart, M. F. *Kinshasa. Tales of the Invisible City* / F. De Boeck, M. F. Plissart. – Tervuren: Royal Museum for Central Africa and Ludion: Vlaams Architectuurinstituut Vai, 2004. – 285 p.
397. DeLanda, M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity* / M. DeLanda. – L. – N. Y.: Continuum. 2006. – 160 p.

398. Deleuze, G, Guattari, F. *Nomadology: The war machine* / G. Deleuze, F. Guattari. – N. Y.: Semiotext(e), 1986. – 160 p.
399. *Detachment: Essays on the Limits of Relational Thinking* / M. Candea, J. Cook, C. Trundle, T. Yarrow (eds.). – Manchester: University Press, 2015. – 288 p
400. Fedorov, A. N., Ivanova, R. N., Park, H., Hiyama, T., Iijima, Y. Recent Air Temperature Changes in the Permafrost Landscapes of Northeastern Eurasia / A. N. Fedorov, R. N. Ivanova, H. Park, T. Hiyama, Y. Iijima // *Polar Science*. – 2014. – Vol. 8 (2). – P. 114–128.
401. Fondahl, G., Filippova, V., Savvinova, A., Ivanova, A., Stammer, F., Gjørsv, G. H. Niches of Agency: Managing State-Region Relations through Law in Russia / G. Fondahl, V. Filippova, A. Savvinova, A. Ivanova, F. Stammer, G. H. Gjørsv // *Space and Polity*. – 2019. – № 1 (23). – P. 49–66.
402. Foucault, M. *Of Other Spaces* / M. Foucault // *Diacritics*. – 1986. – № 16 (1). – P. 22–27.
403. Gell, A. *The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images* / A. Gell. – Oxford: Berg, 1992. – 341 p.
404. Gell, A. *Art and Agency: An Anthropological Theory* / A. Gell. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 271 p.
405. Goncharov, N. S. Resources and Exchange in the Northern Part of the Republic of Sakha (Yakutia) / N. S. Goncharov // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2019. – № 12 (8) – P. 1425–1441.
406. Goncharov, N. S. Arctic «Laboratory» of Food Resources in the Allaikhovskii District of the Republic of Sakha (Yakutia) / N. S. Goncharov // *Sibirica*. – 2022. – Vol. 21. – Issue 2. – P. 3–29.
407. Graebner, F. *Method of Ethnology* / F. Graebner. – Heidelberg: Carl Winter, 1911. – 192 s.
408. Gray, P. *The Predicament of Chukotka's Indigenous Movement: Post-Soviet Activism in the Russian Far North* / P. Gray. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 304 p.
409. Greiner, C. *Patterns of Translocality: Migration, Livelihoods and Identity in Northwest Namibia* / C. Greiner // *Sociologus*. – 2010. – № 60 (2). – P. 131–161.
410. Greiner, C., Sakdapolrak, P. *Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives* / C. Greiner, P. Sakdapolrak // *Geography Compass*. – 2013. – № 7 (5). – P. 373–384.
411. Habeck, J. O. Experience, Movement and Mobility: Komi Reindeer Herders' Perception of the Environment / J. O. Habeck // *Nomadic Peoples*. – 2006. – Vol. 10. – № 2. – P. 123–141.
412. Harvey, P., Knox, H. *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise* / P. Harvey, H. Knox. – Ithaca – L.: Cornell University Press, 2015. – 264 p.
413. Harvey, P., Knox, H. *The Enchantments of Infrastructure* / P. Harvey, H. Knox // *Mobilities*. – 2012. – Vol. 7. – № 4. – P. 521–536.
414. Hastrup, K. *A Place Apart: An Anthropological Study of the Icelandic World* / K. Hastrup. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 227 p.

415. Hastrup, K. The Nomadic Landscape: People in a Changing Arctic Environment / K. Hastrup // *Geografisk Tidsskrift – Danish Journal of Geography*. – 2009. – Vol. 109. – № 2. – P. 181–189.
416. Hastrup, K. Water and the Configuration of Social Worlds: An Anthropological Perspective / K. Hastrup // *Journal of Water Resource and Protection*. – 2013. – № 5. – P. 59–66.
417. *Waterworlds: Anthropology in Fluid Environments* / K. Hastrup, F. Hastrup (eds.). – N. Y.: Berghahn Books, 2016. – 308 p.
418. Hastrup, K., Rubow, S. *Living with Environmental Change: Waterworlds* / K. Hastrup, S. Rubow. – L.: Routledge, 2014. – 320 p.
419. Heft, H. Affordances, dynamic experience, and the challenge of reification / H. Heft // *Ecological Psychology*. – 2003. – Vol. 15. – No. 2. – P. 149–180.
420. Helmreich, S. Nature/Culture/Seawater / S. Helmreich // *American Anthropologist*. – 2011. – Vol. 113. – № 1. – P. 132–144.
421. Holbraad, M., Pedersen, M. A. *The Ontological Turn: An Anthropological Exposition (New Departures in Anthropology)* / M. Holbraad, M. A. Pedersen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 352 p.
422. Humphrey, C. Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination / C. Humphrey // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2005. – Vol. 11. – № 1. P. 39–58.
423. *Hybrid communities. Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-Species Relationships* / C. Stépanoff, J-D. Vigne J-D. (eds.). – L.: Routledge, 2019. – 324 p.
424. Ingold, T. The Temporality of the Landscape / T. Ingold // *World Archaeology*. – 1993. – Vol. 25. – № 2. – P. 152–174.
425. Ingold, T. *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. / T. Ingold. – London: Routledge, 2000. – 460 p.
426. Ingold, T. Materials against Materiality / T. Ingold // *Archaeological Dialogues*. – 2007. – № 14. – P. 1–16.
427. Ingold, T. Footprints through the Weather-World: Walking, Breathing, Knowing / T. Ingold // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 2010. – Vol. 16 – P. 121–139.
428. Ingold, T. *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description* / T. Ingold. – L.: Routledge, 2011. – 270 p.
429. Ingold, T. The Atmosphere / T. Ingold // *Chiasmi International*. – 2012. – Vol. 14. – P. 75–87.
430. Ingold, T. *Making: Anthropology, Archaeology, Art and Architecture* / T. Ingold. – L. – N. Y.: Routledge, 2013. – 176 p.
431. Ingold, T. *The Life of Lines* / T. Ingold. – L.: Routledge, 2015. – 184 p.
432. Ingold, T., Simonetti, C. Ice and Concrete: Solid Fluids of Environmental Change / T. Ingold, C. Simonetti // *Journal of Contemporary Archaeology*. – 2018. – Vol. 5. – № 1. – P. 19–31.

433. Istomin, K. V., Habeck, J. O. Permafrost and Indigenous Land Use in the Northern Urals: Komi and Nenets Reindeer Husbandry / K. V. Istomin, J. O. Habeck // *Polar Science*. – 2016. – № 10 (3). – P. 278–287.
434. Jensen, C. B. *Amphibious Worlds: Environments, Infrastructures, Ontologies* / C. B. Jensen // *Engaging Science, Technology, and Society*. – 2017. – № 3. – P. 224–234.
435. *Key Thinkers on Space and Place* / P. Hubbard, R. Kithin (eds.). – Los Angeles: Sage, 2010. – 528 p.
436. Khlinovskaya-Rockhill, E., Sidorova, L. On the Continued Involvement of the State in the Socio-Economic Viability of the Post-Soviet Kolyma, Russian Far North. Part 2 / E. Khlinovskaya-Rockhill, L. Sidorova // *Сибирские исторические исследования*. – 2019. – № 1. – С. 11–27.
437. Klovov, K., Davydov, V. Human-dog-reindeer Communities in the Siberian Arctic and Subarctic / K. Klovov, V. Davydov // *Hybrid communities. Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-Species Relationships* / Stépanoff C., Vigne J-D. (eds.). – L.: Routledge, 2019. – P. 261–274.
438. Konstantinov, Y. Roadlessness and the Person: Modes of Travel in the Reindeer Herding Part of the Kola Peninsula / Y. Konstantinov // *A Nordic Journal of Circumpolar Societies*. – 2009. – Vol. 26. – № 1. – P. 27–49.
439. Konstantinov, Y., Vladimirova, V. The Performative Machine: Transfer of Ownership in a Northwest Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula) / Y. Konstantinov, V. Vladimirova // *Nomadic Peoples*. – 2006. – Vol. 10. – Issue 2. – P. 166–186.
440. Kopytoff, I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process / I. Kopytoff // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* / A. Appadurai (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 64–92.
441. Krause, F. Seasons as Rhythms on the Kemi River in Finnish Lapland / F. Krause // *Ethnos*. – 2013. – № 78 (1). – P. 23–46.
442. Krause, F. Rhythms of Wet and Dry: Temporalising the Land-Water Nexus / F. Krause // *Geoforum*. – 2017. – P. 1–8.
443. Krause, F. Hydro-Perspectivism: Terrestrial Life From a Watery Angle / F. Krause // *Anthropological Notebooks*. – 2019. – № 25 (2). – P. 93–101.
444. Ksenofontov, S., Backhaus, N., Shaepman-Strub, G. «To Fish or Not to Fish?»: Fishing communities of Arctic Yakutia in the Face of Environmental Change and Political Transformations / S. Ksenofontov, N. Backhaus, G. Shaepman-Strub // *Polar Records*. – 2017. – № 3 (53). – P. 289–303.
445. Larkin, B. The Politics and Poetics of Infrastructure / B. Larkin // *Annual Review of Anthropology*. – 2013. – Vol. 42. – № 1. – P. 327–343.
446. Latour, B. Where Are the Missing Masses? The Sociology of a few mundane artifacts / B. Latour // *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change* / W. Bijker, J. Law (eds.). – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1992. – P. 225–259.

447. Latour, B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory* / B. Latour. – Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 2005. – 312 p.
448. Lavrillier, A. *Climate Change among Nomadic and Settled Tungus of Siberia: Continuity and Changes in Economic and Ritual Relationships with the Natural Environment* / A. Lavrillier // *Polar Record*. – 2013. – № 49 (3). – P. 260–271.
449. Leed, E. J. *The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism* / E. J. Leed. – N. Y.: Basic Books, 1991. – 328 p.
450. Lefebvre, H. *Critique of Everyday Life. Volume I. Introduction* / H. Lefebvre. – L. – N. Y.: Verso, 1991. – 283 p.
451. Lefebvre, H. *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life* / H. Lefebvre. – L.: Continuum, 2004. – 112 p.
452. Lyons, K. *Decomposition as Life Politics: Soils, Selva, and Small Farmers under the Gun of the U.S. – Colombian War on Drugs* / K. Lyons // *Cultural Anthropology*. – 2016. – Vol. 31. – № 1. – P. 56–81.
453. Lytkin, V., Suleymanov, A., Vinokurova, L., Grigorev, S., Golomareva, V., Fedorov, S., Kuzmina, A., Syromyatnikov, I. *Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities* / V. Lytkin, A. Suleymanov, L. Vinokurova, S. Grigorev, V. Golomareva, S. Fedorov, A. Kuzmina, I. Syromyatnikov // *Land*. – 2021. – Vol. 10 (2). – P. 1–22.
454. Maclean, N. *Freedom or Autonomy: A Modern Melanesian Dilemma* / N. Maclean // *Man, New Series*. – 1994. – Vol. 29. – № 3. – P. 667–688.
455. Malmberg, T. *Water, Rhythm and Territoriality* / T. Malmberg // *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*. – 1984. – Vol. 66. № 2. – P. 73–89.
456. Mauss, M. *Seasonal Variations of the Eskimo. A Study in Social Morphology* // M. Mauss. – L.: Routledge, 1979. – 179 p.
457. Mol, A., Law, J. *Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology* / A. Mol, J. Law // *Social Studies of Science*. – 1994. – Vol. 24. – № 4. – P. 641–671.
458. Munn, N. *The Cultural Anthropology of Time: a Critical Essay* / N. Munn // *Annual Reviews of Anthropology*. – 1992. – Vol. 21. – P. 93–123.
459. Oehler, A. *Beyond Wild and Tame: Soiot Encounters in a Sentient Landscape* / A. Oehler. – N. Y.: Berghahn Press, 2020. – 214 p.
460. Pedersen, M. A., Willerslev, R. «The Soul of the Soul Is the Body»: Rethinking the Concept of Soul through North Asian Ethnography / M. A. Pedersen, R. Willerslev // *Common Knowledge*. – 2012. – № 18 (3). – P. 464–486.
461. Pelto, P. J. *The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic* / P. J. Pelto. – Menlo Park: Cummings, 1973. – 225 p.

462. Pennartz, P. J. J. The Symbolic Infrastructure of an Environmental Art Project / P. J. J. Pennartz // *Environment & Planning B: Planning & Design*. – 1992. – Vol. 19. – Issue 2. – P. 205–220.
463. Resilience Engineering: Concepts and Precepts / E. Hollnagel, D. D. Woods, N. C. Leveson (eds.). – Ashgate: Aldershot, 2006. – 410 P.
464. Sahlins, M. What Kinship Is – and Is Not / M. Sahlins. – Chicago: University Press, 2013. – 120 p.
465. Salazar, N. B., Smart, A. Anthropological Takes on (Im) Mobility / N. B. Salazar, B. Smart // *Identities*. – 2011. – Vol. 18. – №. 6. – P. i–ix.
466. Sanders, J. Merleau-Ponty, Gibson, and the Materiality of Meaning / J. Sanders // *Man and World*. – 1993. – Vol. 26. – No. 3. – P. 287–302.
467. Schatzki, T. The Timespace of Human Activity: On Performance, Society, and History as Indeterminate Teleological Events / T. Schatzki. – Lanham, MD: Lexington Books, 2010. – 278 p.
468. Seasonal Landscapes. Landscapes Series / H. Palang, H. Sooväli, A. Printsman (eds.). – Dordrecht: Springer, 2007. – 257 p.
469. Ssorin-Chaikov, N. Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia / N. Ssorin-Chaikov // *Social Research: An International Quarterly*. – 2016. – Vol. 83. – №. 3. – P. 689–721.
470. Ssorin-Chaikov, N. Two Lenins: a Brief Anthropology of Time / N. Ssorin-Chaikov. – Chicago: Hau Books, 2017. – 168 p.
471. Stammler, F. M. Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change among Russian Reindeer Nomads / F. M. Stammler // *Folklore*. – 2009. – Vol. 41. – P. 47–78.
472. Stammler, F. Narratives of Adaptation and Innovation: Ways of Being Mobile and Mobile Technologies among Reindeer Nomads / F. Stammler // *Nomadic and Indigenous Spaces: Productions and Cognitions* / J. Miggelbrink, J. O. Habeck, N. Mazzullo, P. Koch (eds.). – Surrey: Ashgate, 2013. – P. 221–245.
473. Stépanoff, C., Marchina, C., Fossier, C., Bureau, N. Animal Autonomy and Intermittent Coexistences / C. Stépanoff, C. Marchina, C. Fossier, N. Bureau // *Current Anthropology*. – 2017. – № 58. – P. 57–81.
474. Strathern, M. After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century / M. Strathern. – Cambridge: University Press, 1992. – 260 p.
475. Strathern, M. Partial Connections / M. Strathern. – Oxford: AltaMira Press, 2004. – 149 p.
476. Strathern, M. Relations / M. Strathern // *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology* / F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez, R. Stasch (eds.). – 2018. – P. 1–13.
477. Takakura, H. Limits of Pastoral Adaptation to Permafrost Regions Caused by Climate Change among the Sakha People in the Middle Basin of Lena River / H. Takakura // *Polar Science*. – 2016. – № 10 (3). – P. 395–403.

478. Takakura, H., Fujioka, Y., Ignateva, V., Vinokurova, N., Grogorev, S., Boyakova, S., Tanaka, T. Differences in Local Perceptions about Climate and Environmental Changes among Residents in a Small Community in Eastern Siberia / H. Takakura, Y. Fujioka, V. Ignateva, N. Vinokurova, S. Grogorev, S. Boyakova, T. Tanaka // *Polar Science*. – 2021. – № 27 (4). – P. 1–14.
479. Tarasova, Z., Khlinovskaya-Rockhill, E. Urbanisation and the Shifting of Boundaries: Contemporary Transformations in Kinship and Child Circulation amongst the Sakha / Z. Tarasova, E. Khlinovskaya-Rockhill // *Europe-Asia Studies*. – 2017. – № 69 (7). – P. 1106–1125.
480. *The Promise of Infrastructure* / N. Anand, A. Gupta, H. Appel H. (eds.). – Durham: Duke University Press, 2018. – 264 p.
481. Tilman, D., Downing, J. A. Biodiversity and Stability in Grasslands / D. Tilman, J. A. Downing // *Nature*. – 1994. – № 367. – P. 363–365.
482. Tuan, Y-F. *Topophilia. A Study of Environmental Perceptions, Attitudes and Values.* / Y-F. Tuan. – N. Y.: Columbia University Press Morningside Edition, 1990. – 260 p.
483. Vakhtin, N. B. Mobility and Infrastructure in the Russian Arctic: Das Sein bestimmt das Bewusstsein? / N. B. Vakhtin // *Sibirica*. – 2017. – Vol. 16. – № 3. – P. 1–13.
484. Vallikivi, L., Sidorova, L. 2017. The Rebirth of a People: Reincarnation Cosmology among the Tundra Yukaghir of the Lower Kolyma, Northeast Siberia / L. Vallikivi, L. Sidorova // *Arctic Anthropology*. – 2017. – № 54 (2). – P. 24–39.
485. Vasil'chuk, Yu. K., Vasil'chuk, A. C. Syngenetic Ice Wedges and Age of Slope Yedoma Deposits in the Foothills of the Kular Ridge / Yu. K. Vasil'chuk, A. C. Vasil'chuk // *Earth's Cryosphere*. – 2020. – № 2 (24). – P. 3–13.
486. Ventsel, A. Hunter-Herder Continuum in Anabarski District, NW Sakha, Siberia, Russian Federation / A. Ventsel // *Nomadic Peoples*. – 2006. – Vol. 10. – № 2. – P. 68–86.
487. Vitebsky, P. *Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia* / P. Vitebsky. – L.: Harper perennial, 2005. – 464 p.
488. Walsh, M. J., O'Neill, S., Riede, F., Willerslev, R. A Soul by Any Other Name: The Name-Soul Concept in Circumpolar Perspective / M. J. Walsh, S. O'Neill, F. Riede, R. A. Willerslev // *Cross-Cultural Research*. – Vol. 53. – Issue 3. – P. 312–349.
489. Willerslev, R. *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs* / R. Willerslev. – Berkeley: University of California Press, 2007. – 229 p.
490. Willerslev, R. Taking Animism Seriously but Perhaps Not Too Seriously / R. Willerslev // *Religion and Society: Advances in Research*. – 2013. – № 4 (1). – P. 41–57.
491. Wissler, C. *The American Indian. An Introduction to the Anthropology of the New World* / C. Wissler. – N. Y.: Douglas C. McMurtrie, 1917. – 435 p.

Список сокращений

АИВР РАН – Архив Института восточных рукописей Российской академии наук

АМАЭ РАН – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

АМАЭ РАН – Научный Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

АО – акционерное общество

АТС – автоматическая телефонная станция

ГЭС – гидроэлектростанция

ДЭС – дизельная электростанция

ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство

ИГИиПМНС СО РАН – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

Инт. – интервьюер

Инф. – информант

КМНС – Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации

МО – муниципальное образование

Обком – областной комитет

ПК – производственный кооператив

ПМА – полевые материалы автора

ПЦР – полимеразная цепная реакция

РНФ – Российский научный фонд

РО – родовая община

РС (Я) – Республика Саха (Якутия)

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

Севера Сибирского отделения Российской академии наук

ФГУП – федеральное государственное унитарное предприятие

ХКТ – хозяйственно-культурный тип

COVID-19 – COronaVirus Disease 2019

IT – informational technologies

URL – Uniform Resource Locator

Приложение

Иллюстративные материалы

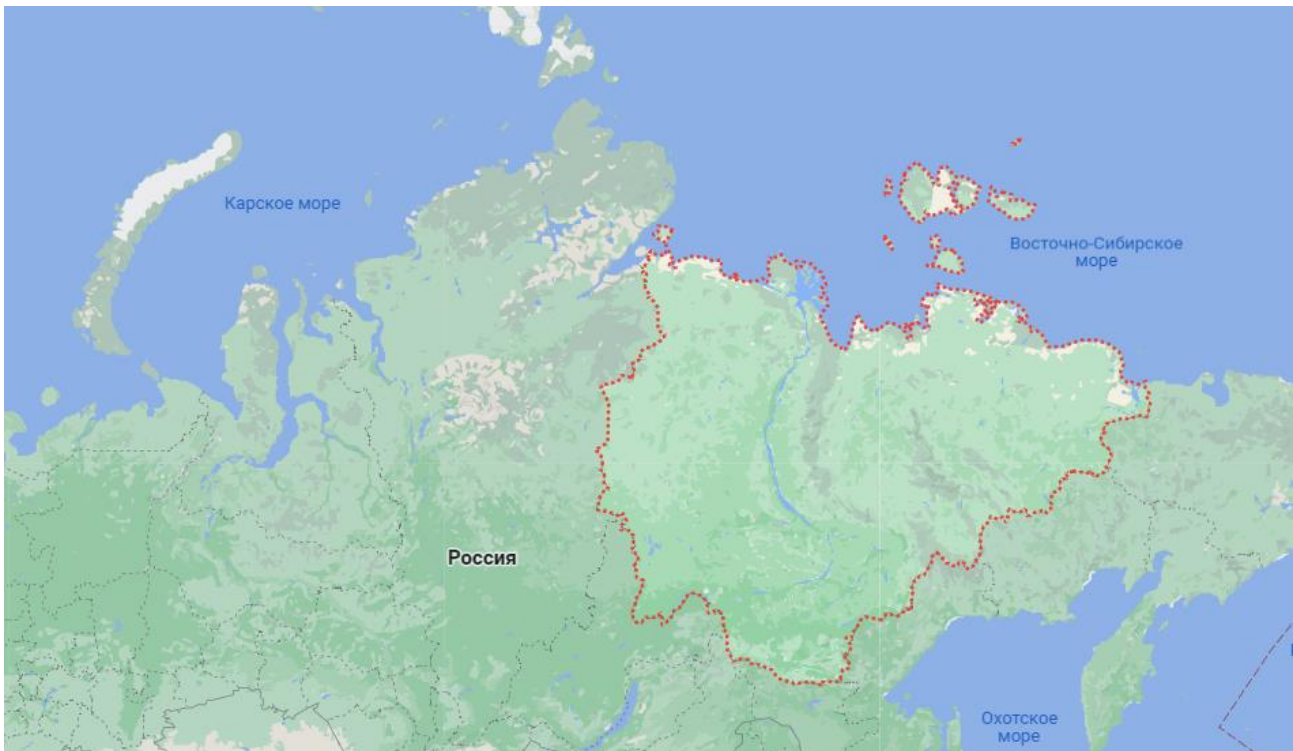

Рисунок 1. Границы Республики Саха (Якутия)

Рисунок 2. Места полевых исследований автора

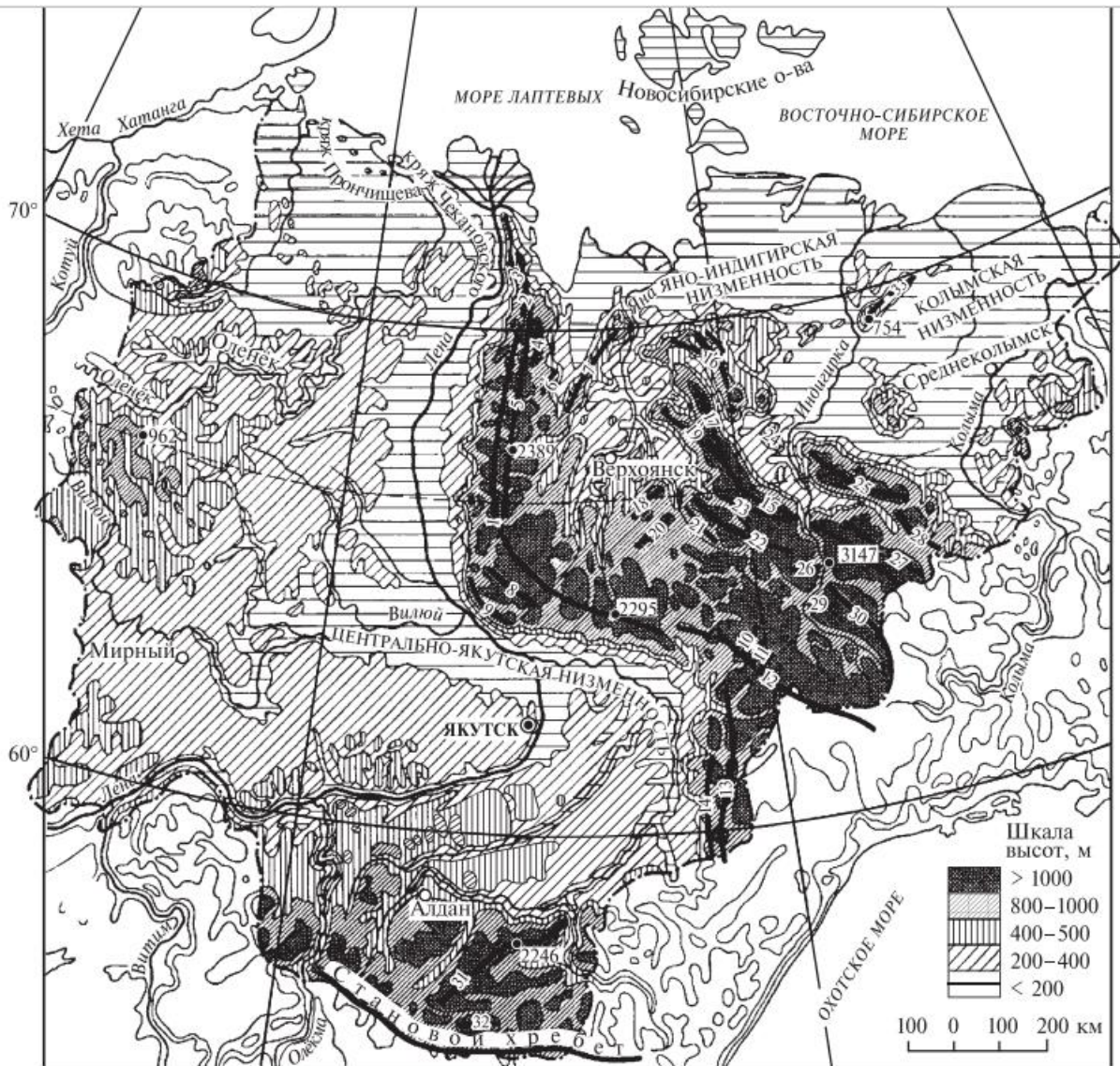

Рис. 1.3. Орографическая схема Республики Саха (Якутия) [Коржуев, 1965].

1–33 — горные цепи и хребты: 1 — Верхоянская; 2 — Хараулах; 3 — Туора-Сис; 4 — Огоннер-Тас; 5 — Орулган; 6 — Систинджинский; 7 — Кулар; 8 — Тагындинский; 9 — Кутургунский; 10 — Брюнгдайинский; 11 — Оганьинский; 12 — Сунтар-Хаята; 13 — Сэттэ-Дабан; 14 — Горностахский; 15 — хребет Черского; 16 — Селенняхский; 17 — Хадаранья; 18 — Тирехтяхский; 19 — Тас-Хаяхта; 20 — Нельгинский; 21 — Неньделгинский; 22 — Боронг; 23 — Чибагалахский; 24 — Андрей-Тас; 25 — Момский (Илинь-Тас); 26 — Порожный; 27 — Уланах-Чистай; 28 — Гармычан; 29 — Силянский; 30 — хребет Сарычева (Нельканская цепь, Тас-Кыстабыт); 31 — Алдано-Учурский; 32 — Сутами-Гонамский; 33 — Улахан-Сис.

Рисунок 3. Орографическая схема Республики Саха (Якутия). Источник: История Якутии. 2020.

Т. 2.

Рисунок 4. Река Лена. Жиганск, 2018 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 5. Река Индигирка. Аллаиховский район, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

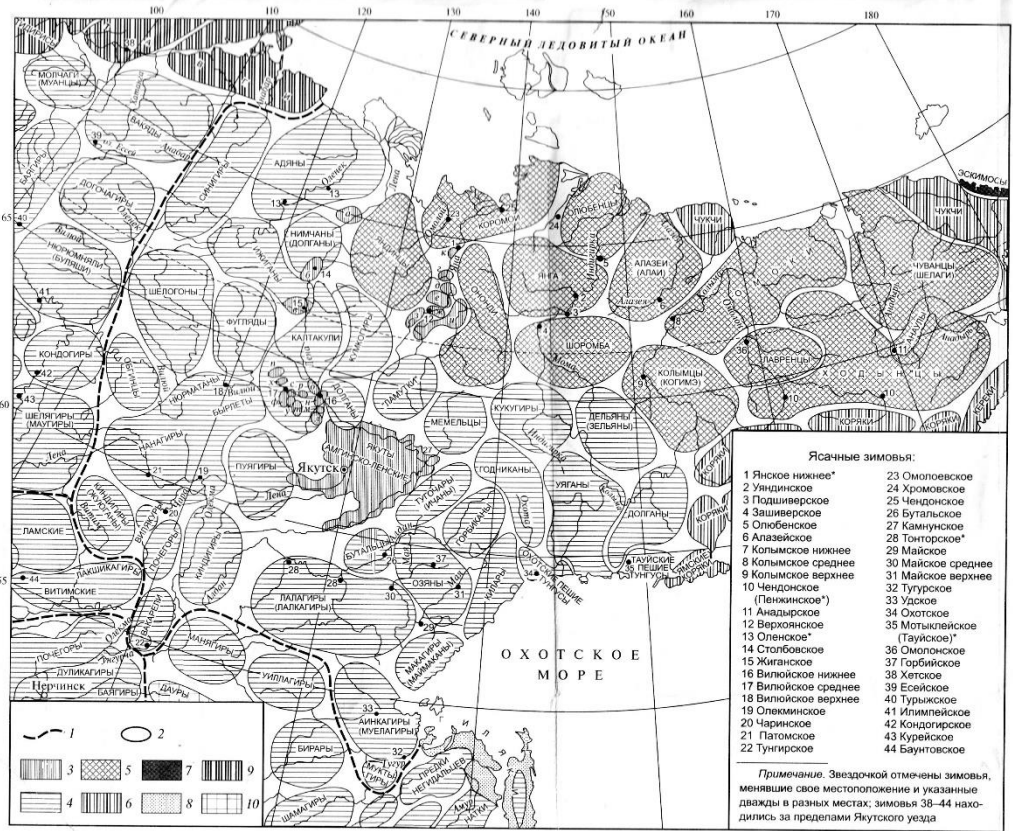

Рисунок 6. Нижнеколымский район. Вид из иллюминатора самолета, 2021 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 7. Флора и фауна Жиганского района, 2018 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Карта расселения народов Якутии и якутских племен в XVII в. (сост. Б.О. Долгих). (История Якутской АССР. — М: Изд-во АН СССР, 1957. — Т. 2: Якутия от 1630-х годов до 1917 г. — 420 с.

1 — границы Якутского и других уездов; 2 — территории племен и отдельных родов; 3-10 — территории, населенные якутами (3), тунгусами (4), юкагирами (5), чукчами и коряками (6), эскимосами (7), гяляками (8), самоедами (9), лагурами (10).

Группировки жиганских якутов: а — устье Молоды — Сиктах; б — устье Мунны — Столбы — Красное; в — Жиганск — оз. Коноур.

Родовые группы верхоянских якутов: г — туматы; д — элины; е — элгаты (оргуты, эргиты); ж — коричны; з — косялыны; и — байдуины; к — (?).

Родовые группы вилюйских якутов: л — чачи; м — «розные волости» на оз. Токсома; н — кокуты, тамтарбаны и «гяляны»; о — осекун; п — кыргыды; р — онтулы; с — кирики; т — дуринцы; у — оргуты (оргуты, эргиты); ф — тагусы; х — олесы.

Рисунок 8. «Карта расселения народов Якутии и якутских племен в XVII в.». Сост. Б. О. Долгих. Источник: Гурвич 1966.

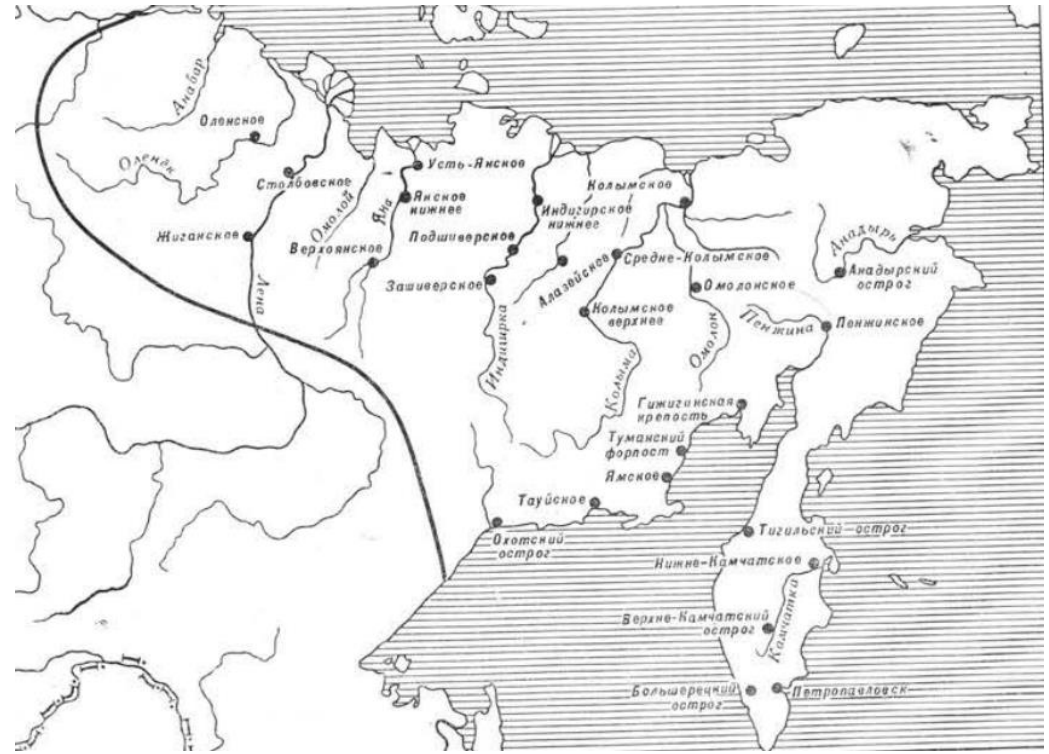
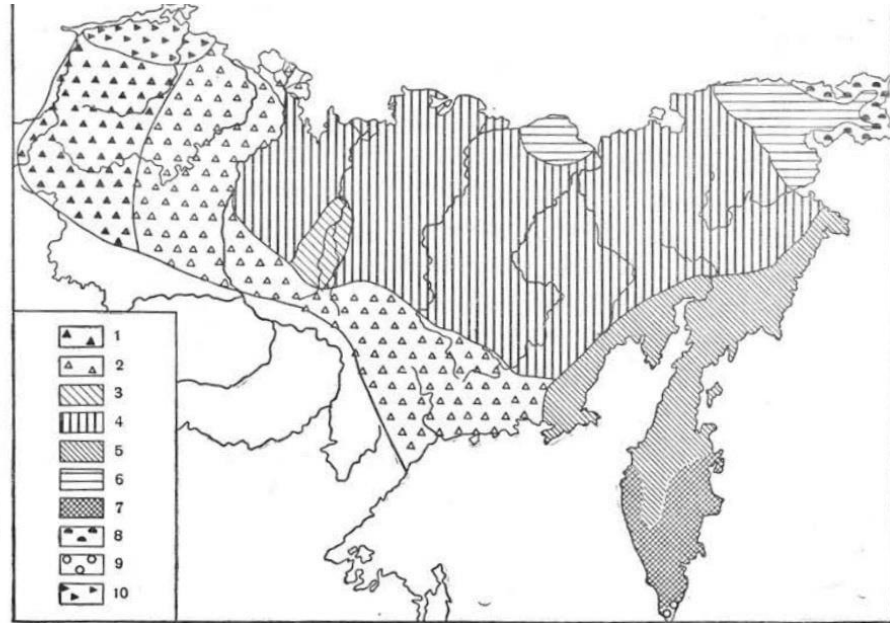

Рисунок 9. Зимовья и остроги северо-востока Сибири. Источник: Гурвич 1966.

Рисунок 10. Освоение Сибири. Источник: История Якутии. 2021. Т. 2.

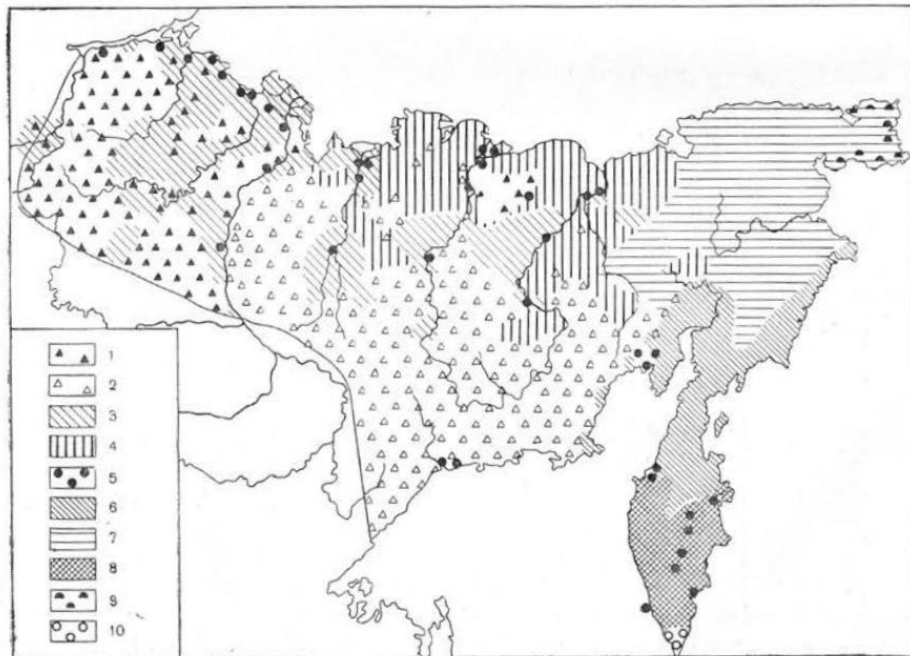

Расселение народов северо-востока Сибири в середине XVII в. (по Б. О. Долгих)*:
 1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — коряки; 6 — чукчи;
 7 — ительмены (камчадалы); 8 — эскимосы; 9 — айны; 10 — тавгийцы

* При пользовании картами следует учитывать, что в районах смешанного проживания контуры расселения народов перекрываются.

Рисунок 11. Расселение народов северо-востока Сибири в середине XVII в. (по Б. О. Долгих).

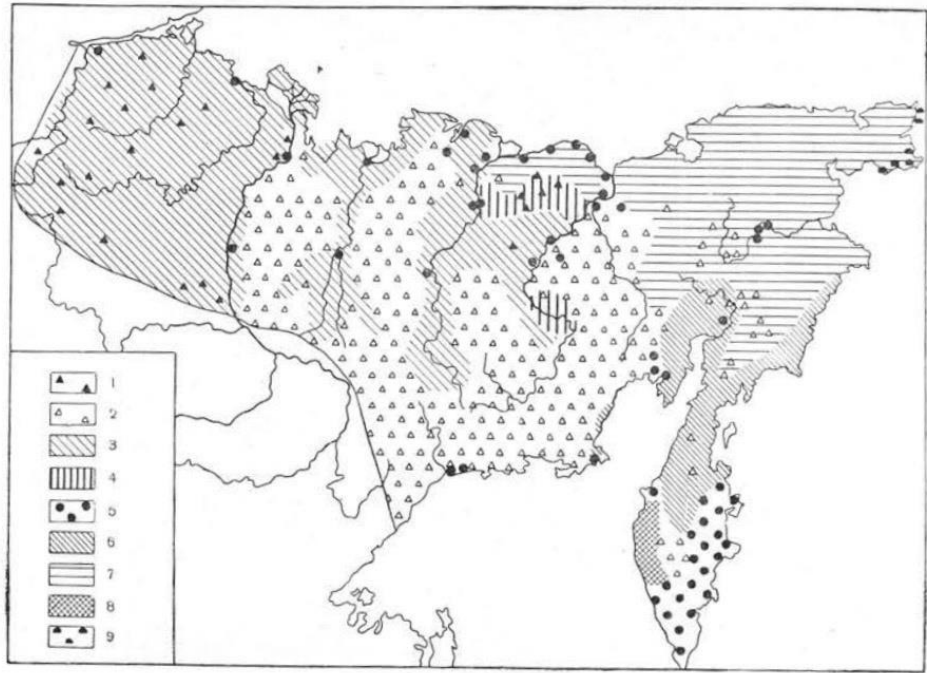
Источник: Гурвич 1966.

Расселение народов северо-востока Сибири в конце XVIII в. (по архивным данным):
 1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — русские; 6 — коряки;
 7 — чукчи; 8 — ительмены (камчадалы); 9 — эскимосы; 10 — айны

268

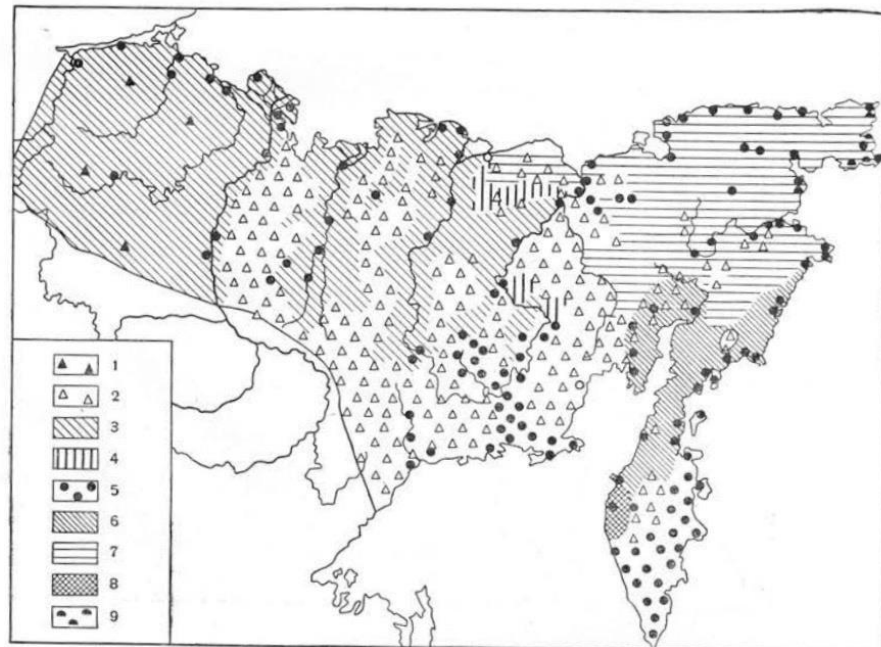
Рисунок 12. Расселение народов северо-востока Сибири в конце XVIII в. (по архивным данным). Источник: Гурвич 1966.

Расселение народов северо-востока Сибири в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.):

1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — русские; 6 — коряки;
7 — чукчи; 8 — ительмены; 9 — эскимосы

Рисунок 13. Расселение народов северо-востока Сибири в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.). Источник: Гурвич 1966.

Расселение народов северо-востока Сибири по данным переписи 1959 г.

1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — русские; 6 — коряки;
7 — чукчи; 8 — ительмены (камчадалы); 9 — эскимосы

Рисунок 14. Расселение народов северо-востока Сибири по данным переписи 1959 г. Источник: Гурвич 1966.

Рисунок 15. Новый Ойотунг, Аллиховский район, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

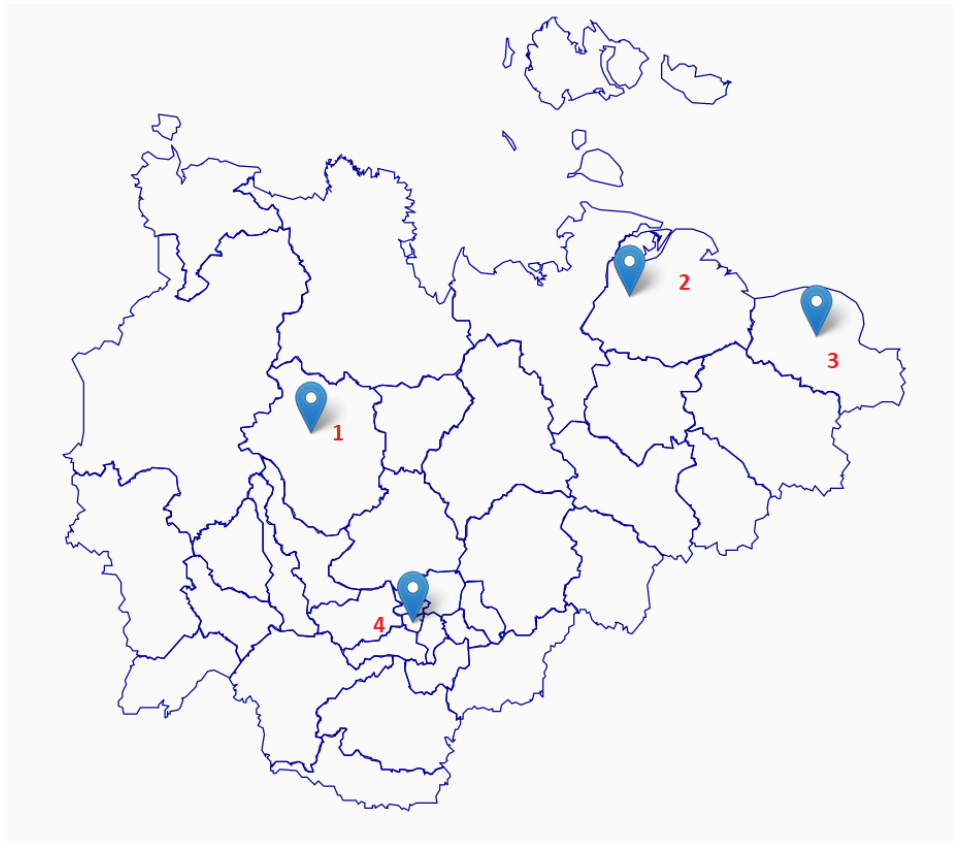

Рисунок 16. Расположение исследуемых районов: 1 – Жиганский район; 2 – Аллиховский район; 3 – Нижнеколымский район. 4 – Якутск.

Рисунок 17. Жиганск, 2018 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 18. Чокурдах, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 19. Русское Устье, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 20. Черский, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 21. Андрюшкино, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 22. Колымское, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 23. Рыболовецкий участок Елонь, 2019 г. Аллаиховский район. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рис. 24. Эрозия береговой линии. Старое Русское Устье, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 25. Заготовка льда на р. Алазее. С. Андрюшкино, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 26. Самодельный фильтр для очистки воды. С. Андрюшкино, 2021 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 27. Рыбаки у лодки. Сзади – Русское Устье, расположенное на *едоме*, 2019 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 28. Рыболовецкий участок Островок. На шесте установлен флюгер, 2019 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 29. Апрель, р. Колыма рядом с пгт. Черский. Работа автозимника постепенно завершается, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 30. Русское Устье, забор рядом с новой ДЭС, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 31. Русское Устье. Перемещение насоса в связи с изменением уровня воды в Индигирке, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 32. Русское Устье. Изготовление полоза для нарты из лопасти вертолета, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 33. Чокурдах. Кладовка из распиленной цистерны, 2019 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 34. Починка снегохода неподалеку от с. Андрюшкино, 2021 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 35. Корральные работы в Олеринской тундре, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 36. Корральные работы в Олеринской тундре, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 37. Нижнеколымский район. Разные формы мобильности, 2021 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 38. Русское Устье, выращивание огурцов в домашних условиях, 2019 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 39. Андрюшкино. Разведение кроликов в квартире, 2021 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 40. Русское Устье. Неводной лов рыбы, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 41. Русское Устье. Неводной лов рыбы, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 42. Русское Устье. Улов, 2019 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 43. Колымское. Охота на куропаток, 2021 г. Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 44. Халарчинская тундра. Олени снова убежали из кораля, 2021 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 45. Новый Ойотунг. Подношение духам местности, 2019 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров

Рисунок 46. Новый Ойотунг. Подношение духам местности, 2019 г.

Автор снимка: Н. С. Гончаров